НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Издается с декабря 2007 года
Выходит два раза в год

№ 1 (5)
июнь 2010 г.

Главный редактор – А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор,
ректор НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия»

Редакционный совет:
В. О. Бернацкий – доктор философских наук, профессор;
А. А. Головин – доктор медицинских наук, профессор;
В. А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
Г. В. Косяков – доктор филологических наук, профессор;
О. Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
Н. К. Поздняков – доктор философских наук, профессор;
Д. М. Радичка – кандидат экономических наук, профессор;
О. В. Попова – кандидат филологических наук, доцент;
Э. Б. Хвецкович – кандидат технических наук, доцент

Редактор Г. А. Диль
Компьютерная верстка и техническое оформление Г. А. Диль

За достоверность фактического материала и научную ценность статей ответственность несут авторы и рецензенты.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 12-1766 от 25.12.2007.

Адрес редакции: Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.
Тел./факс 28-47-37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, http://journal.omga.su

Подписано в печать . .10. Формат 84x108/8. Уч.-изд. л. 31,14. Печ. л. 35,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ
Полиграфический центр издательства НОУ ВПО «ОмГА».
Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

© НОУ ВПО «ОмГА», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ 4

ЕРШОВА А. В. Оценка развития паевого инвестиционного фонда в Республике Казахстан…… 4

ЗОЛОТЫХ М. В. Виртуализация политики и перспективы развития прямого народовластия…… 11

КОРОЛЕВА Л. А., КОРОЛЕВ А. А., ГАРЬКИН И. Н. Государственно-конфессиональная политика в отношении ислама в СССР. 1940–1980 гг. (по материалам Среднего Поволжья)……. 14

ФАРКОВ А. М. Теоретические аспекты гармонизации общественно-политической системы…… 23

ШКУДУНОВА Ю. В. Публично-общественная сфера и политическое пространство…….. 28

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА, КАДРЫ, ПЕРСОНАЛ 35

БЕКЛЕМЕШЕВ В. П. Своеобразие регионального регулирования рынка труда как элемент комплексных отношений…… 35

БОЛЬШЕДВОРОВА С. А. Роль банков второго уровня в развитии и повышении конкурентоспособности региона (на примере Северо-Казахстанской области)……. 44

ГАКЕЛЬБЕРГ Т. Б. Теоретические аспекты рейтинговой оценки кредитной надежности предприятий-заемщиков…… 53

ДЕМИДЕНКО О. В. Анкетное обследование трудовых и учебных передвижений…….. 62

ЗАСЛОНКИНА О. В. К вопросу об управлении развитием профессиональной культуры государственных служащих……. 67

КРУТЕНЬ И. М. Маркетинговое исследование в сфере спорта (на примере бойцовских клубов г. Омска)…….. 72

МИХАЙЛОВА О. Н. Анализ диверсифицированного портфеля на примере АО «Казкоммерцбанк»…… 79

МИХАЛКО Е. Р. Методические аспекты оценки риска возможных неблагоприятных эффектов ГМО для здоровья человека и их влияние на продовольственную безопасность государства……. 89

САЙКО В. М. Совершенствование надзора за деятельностью банков второго уровня и ее регулирование в Республике Казахстан…… 96

ХУДАЙБЕРДИЕВ З. Р. Актуальные вопросы рынка труда Узбекистана……. 102

ЦАПОВА Н. Ю. Зарубежный опыт регулирования занятости…….. 105

ЦАПОВА О. А. Осуществление надзора национальным банком Республики Казахстан за платежными системами …….. 112

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА 121

ГЛОТОВА Ж. В. Технологический подход к формированию компетенций в условиях перехода на образовательные стандарты нового поколения…….. 121

ГОЛОВИН А. А., ЗАПАРИЙ С. П., ЖАКУПОВА Б. Г., САЛИКОВА С. И. Социальная реабилитация взрослых инвалидов вследствие болезни органов зрения в Омской области…… 124

ДАШИЕВА С. Б. Толерантность как феномен культуры…….. 127

ДУГАНОВА Ю. К. Жизнестойкость людей с разной психологической безопасностью……. 130

ЕРМОЛИНА Н. И. Особенности развития некоторых высших психических функций у детей раннего возраста в современных условиях…… 134

ЖУРЕНКО Н. А. Отечественная историография Великой Отечественной войны и проблемы современного массового сознания…… 140

МАЗУР Е. Ю. К анализу психологических подходов в исследовании идентичности…….. 146

МАЙОРКИНА И. В. Влияние занятий спортивным ориентированием на психическое развитие младших школьников с ЗПР…….. 152

ОВРУЦКИЙ А. В. Социология потребления: основные направления исследований…… 160

ПОЛЮШКЕВИЧ О. А. Трансформация социальной сплоченности российского общества: анализ социальных представлений…….. 167

СТАРШОВА И. Г. Роль интеллигенции в период перестройки 1987–1991 годов: историко-социологический анализ…… 173

СТЕБЛЯК Е. А. Психосемиотика тела в совокупной деятельности слепоглухого ребенка……. 181

СТЕБЛЯК Е. А., ГОРБАТЕНКО М. В. Кризис современной психологии глазами Л. С. Выготского…… 187

ТУРАКУЛОВА И. Х., АБДУЛЛАЕВ Х. Б. Формирование основ духовно-иммунологического воспитания у будущих учителей начальных классов……... 192

ЩЕРБАКОВ Е. П. По поводу инстинкта любви родителей к детям……. 196

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 203

БОЛТУНОВ В. С. Дихотомия культуры как конфликт ценностей…… 203

ЖАРОВА О. С. Знаки семиосферы при оценке «плохого» и «хорошего» в ментальном пространстве

самосознания…….. 209

РАЗДЕЛ 5. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА 214
ЕВДОКИМОВ В. А. Инфотейнмент в масс-медиа: панацея от скуки и эрзац дискуссии……. 214
ЕРМАКОВА О. Л. Тема бороды в русском фольклоре…….. 220
ПАЛИЙ О. В. Средства связи компонентов системы сложных синтаксических целых с целевыми отношениями…….. 225
РАЗДЕЛ 6. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 230
ДЕНИСОВ Д. П., КАСЫМОВА О. К. Проектирование нейронной сети в табличном процессоре MS EXCEL…… 230
ДЮКИН С. Г. Блогосфера и имидж региона: Пермский край через призму «Живого журнала»…… 234
КЛЫКОВ А. И., ФРОЛОВА Н. А. Моделирование участка микроциркуляторного русла в 3d-редакторе BLENDER 2.49B…… 237
РАЗДЕЛ 7. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 241
БАСЫРОВА Д. Р. Наука и искусство: основания интеграции……. 241
ЮДИНА В. И. Диалог как методология современного музыкознания…… 246
РЕЦЕНЗИИ 253
ЕРЕМЕЕВ А. Э. Изучение флорентийского феномена: отечественная литературоведческая традиция и современные подходы
Рецензия на книгу М. П. Гребневой «Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности» (Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – 182 с.)…….. 253
SUMMARY…… 256
Требования к оформлению научных статей……. 262

РАЗДЕЛ 1
ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ

УДК 336.027

А. В. Ершова
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ПАЕВОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ФОНДА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Статья посвящена оценке развития рынка ПИФов, который стимулирует рост финансовых рынков в стране за счет аккумуляции и инвестирования значительных объемов финансовых ресурсов. По мере развития рынка коллективных инвестиций конкурентная борьба между его участниками будет расти, соответственно улучшится качество предоставляемых услуг и изменится доступность данных финансовых инструментов.

Ключевые слова: финансовый рынок, паевой инвестиционный фонд (ПИФ), инвестор.

В Законе Республики Казахстан «О рынке ценных бумаг» дается следующее определение: «фондовая биржа – юридическое лицо, созданное в организационно-правовой форме акционерного общества, осуществляющее организационное и техническое обеспечение торгов путем их непосредственного проведения с использованием торговых систем данного организатора торгов». Фондовая биржа возникла как единство места, времени и правил торговли ценными бумагами, экономическим результатом чего явилось наличие единой цены на одну и ту же ценную бумагу в одно и то же время. Именно поэтому фондовая биржа сделалась центром торговли главными (массовыми) ценными бумагами, прежде всего акциями.

Органы регулирования устанавливают правила работы на рынке ценных бумаг и контролируют их соблюдение. Существует разделение на государственные органы регулирования и на органы саморегулирования рынка ценных бумаг. К последним относятся добровольные объединения профессиональных участников рынка по родственным группам. Уполномоченным государственным органом регулирования рынка ценных бумаг является Агентство Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций (АФН).

Паевой инвестиционный фонд (ПИФ) – это объединенные средства инвесторов, переданные в доверительное управление управляющей компании.

Сам паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом – это так называемый «имущественный комплекс», а по сути, инвестиционный портфель. Вкладывая денежные средства в паевой инвестиционный фонд, инвестор фактически заключает с управляющей компанией договор доверительного управления и становится владельцем инвестиционных паев. Паи выдает управляющая компания, осуществляющая доверительное управление этим паевым инвестиционным фондом. Имущество, передаваемое в паевой фонд пайщиками, остается собственностью пайщиков, а управляющая компания осуществляет доверительное управление паевым инвестиционным фондом, совершая сделки с этим имуществом. Управляющая компания вправе передать свои права и обязанности по управлению паевым фондом другой управляющей компании.

Паевые инвестиционные фонды бывают трех типов: открытыми, интервальными и закрытыми.

В открытом фонде инвестор имеет возможность купить или продать свой пай в любой рабочий день. В интервальном фонде инвестор имеет возможность купить или продать свой пай только в определенные сроки – так называемые «периоды открытия интервала». Интервал открывается не реже одного раза в год (обычно это 2–4 раза в год) на срок, равный двум неделям. Даты открытия и закрытия интервала фиксированные, они прописаны в правилах доверительного управления фондом.

Закрытые ПИФы создаются под какой-то проект, и продать свои паи можно только после завершения этого проекта. Закрытый фонд организуется для прямых инвестиций, на срок 1–15 лет. При этом такие фонды не обязаны выкупать свои паи, пайщики получают деньги только после прекращения деятельности фонда. Это удобно для среднесрочных инвестиций, поскольку позволяет покупать значительные пакеты акций или недвижимость, не заботясь об их ликвидности и не опасаясь внезапного оттока средств пайщиков. В зависимости от объектов инвестирования паевой фонд может быть: фондом денежного рынка; фондом облигаций; фондом акций; фондом смешанных инвестиций; фондом фондов; фондом недвижимости (за исключением открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов); индексным фондом; фондом особо рисковых (венчурных) инвестиций (за исключением открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов). Сейчас наиболее распространены и привлекательны для частных инвесторов открытые и интервальные паевые фонды акций, облигаций и смешанных инвестиций. Именно эти фонды давно работают на фондовом рынке.

Закрытые паевые фонды появились в 2003 г. и не так доступны широкому кругу частных инвесторов, как открытые и интервальные фонды. В 2003 г. также появились первые фонды недвижимости, индексный фонд и фонд денежного рынка.

Инвестиционный пай является именной ценной бумагой. Пай удостоверяет право его владельца на долю имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд. Инвестиционный пай не имеет номинальной стоимости, а количество инвестиционных паев, принадлежащих одному владельцу, может выражаться дробным числом, что зависит от суммы, вложенной пайщиком в паевой фонд.

Инвестиционный пай является бездокументарной ценной бумагой – учет прав на инвестиционные паи осуществляется на лицевых счетах в реестре владельцев инвестиционных паев. Владельцы инвестиционных паев несут риск убытков, связанных с изменением рыночной стоимости имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд.

В зависимости от того, к какому типу (открытый, интервальный, закрытый) и к какому виду (акций, облигаций, смешанных инвестиций и пр.) относится фонд, соответственно изменяется состав и структура активов. Для каждого типа и вида фонда определено, в какие активы могут быть вложены средства пайщиков и в каких долях, а в какие активы запрещено инвестировать.

Доход пайщика складывается из прироста стоимости его паев. Стоимость паев со временем может как увеличиваться, так и уменьшаться, поскольку изменяется рыночная стоимость ценных бумаг в составе имущества фонда. Именно поэтому, как отмечено выше, владельцы инвестиционных паев несут риск убытков, связанных с изменением стоимости паев. Доходность фонда не гарантируется ни государством, ни управляющей компанией. Управляющая компания также не вправе предоставлять какие-либо гарантии, обещания и предположения о будущей эффективности и доходности ее инвестиционной деятельности.

Владельцам паев никакие доходы в виде процентов или дивидендов не начисляются и не выплачиваются. Пайщик получает доход только при обратной продаже своих паев управляющей компании (конечно, если стоимость паев выросла и покрыла все расходы пайщика).

Расчетная стоимость пая открытого паевого фонда определяется и публикуется управляющей компанией ежедневно. Расчетная стоимость пая интервального паевого фонда определяется управляющей компанией ежемесячно.

Стоимость пая определяется исходя из текущей стоимости чистых активов (СЧА) фонда путем деления СЧА на количество выданных паев. Стоимость чистых активов – это разница между активами и пассивами фонда.

Активы фонда – это имущество (ценные бумаги, депозиты, денежные средства, дебиторская задолженность и пр.), а пассивы – кредиторская задолженность и резервы предстоящих расходов и платежей. Если рыночная стоимость ценных бумаг в составе активов фонда растет, то растет и стоимость пая, и наоборот, если рыночная стоимость ценных бумаг в составе активов фонда падает, то падает и стоимость пая. Стоимость чистых активов фонда изменяется и за счет покупки или продажи паев пайщиками, однако это не влияет на цену пая, так как изменяется количество паев фонда.

Наблюдается тенденция увеличения действующих выпусков паев, количество которых по состоянию на 01.01.2009 г. достигло 205. При этом за 2008 г. зарегистрировано 45 выпусков паев и утверждено 189 отчетов об итогах выпуска и размещения (табл. 1.)

Таблица 1

Данные о зарегистрированных выпусках паев

Показатель	01.01.2008 г.	01.01.2009 г.
Зарегистрировано выпусков	102	45
Утверждено отчетов об итогах выпуска и размещения	122	189
Закрыто (погашено) выпусков паев	5	23
Действующие выпуски паев	183	205

По состоянию на 01.01.2009 г. на рынке ценных бумаг действовало 205 ПИФов, из которых 157 – закрытых (активы – 150,7 млрд тенге), 23 – открытых (активы – 1,4 млрд тенге) и 25 – интервальных (активы – 2,3 млрд тенге), а также 54 акционерных инвестиционных фондов рискового инвестирования (активы – 165,6 млрд. тенге).

В 2008 г. наблюдалось снижение активов ПИФов на 22,6%, тогда как активы акционерных инвестиционных фондов увеличились на 46%. Совокупные активы ПИФов и акционерных инвестиционных фондов по состоянию на 01.01.2009 г. составили 154,4 млрд тенге и 165,6 млрд тенге соответственно.

Закрытые инвестиционные фонды по-прежнему занимают наибольшую долю в совокупных активах ПИФов – 97,6%, оставшиеся 2,4% приходятся на долю открытых и интервальных инвестиционных фондов.

В 2008 г. продолжался рост количества инвестиционных фондов. Рост числа инвестиционных фондов является абсолютным показателем развития коллективного инвестирования, что, в свою очередь, свидетельствует о росте вовлеченности населения в развитие рынка

ценных бумаг. За 2008 г. количество ПИФов увеличилось на 12% (или 22 фонда), акционерных инвестиционных фондов – на 35% (или 14 фондов).

В совокупном инвестиционном портфеле ПИФов по состоянию на 01.01.2009 г. основную долю занимали инвестиции в капитал юридических лиц, не являющихся АО, на долю которых приходилось 92 321 млн тенге, или 59,8%, а в портфеле акционерных инвестиционных фондов преобладали вклады в БВУ и инвестиции в капитал юридических лиц, не являющихся АО, – 62 199 млн тенге, или 37,5%, и 33 833 млн тенге, или 20,4% соответственно.

Негосударственные ценные бумаги эмитентов Республики Казахстан занимали в инвестиционном портфеле ПИФ 12,1%, в портфеле акционерных инвестиционных фондов – 1,1%. Доля негосударственных ценных бумаг иностранных эмитентов незначительна в совокупном портфеле ПИФ – 1% и портфеле акционерных инвестиционных фондов –0,6%. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика изменения активов по видам инвестиционных фондов, млрд тенге

Фонды	01.01.2008 г.	01.04.2008 г.	01.07.2008 г.	01.10.2008 г.	01.01.2009 г.
ПИФ:	199,5	230,7	176,6	156,6	154,4
закрытые	194,5	225,9	171,6	152,3	150,7
открытые	1,6	1,4	2,4	1,7	1,4
интервальные	3,4	3,4	2,6	2,6	2,3
Акционерные инвестиционные фонды	113,4	116,5	139,7	128,1	165,6

Суммарный инвестиционный портфель БВУ на 01.01.2009 г. составил 827,5 млрд тенге, увеличившись за 2008 г. на 7,4%. Значительную долю портфеля составляли государственные ценные бумаги Республики Казахстан – 47,3%, или 391,5 млрд тенге. На долю негосударственных ценных бумаг эмитентов Республики Казахстан приходилось 22,7%, тогда как на негосударственные ценные бумаги эмитентов – нерезидентов Республики Казахстан – 8%. Ценные бумаги международных финансовых организаций составляли 4,3% совокупного портфеля, государственные ценные бумаги иностранных эмитентов – 17,7%.

Казахстан – страна с динамично развивающейся экономикой. Данное обстоятельство получает свое отражение как на уровне доходов населения, так и в способах распределения населением данных доходов. Так, постепенно каждый казахстанец начинает более уверенно выстраивать планы на будущее, а не пытаться выжить в сегодняшних условиях. Именно такое экономическое развитие меняет структуру распределения доходов между сегодняшним потреблением и сбережениями в сторону увеличения последних. При этом, выбирая способ инвестирования, многие начинают обращать внимание на фондовые биржи и способы вложения денежных средств в акции, облигации и прочие финансовые инструменты, ожидая более высокой отдачи в отличие от отдачи от стандартных банковских депозитов. Именно поэтому большинство инвесторов открывает для себя аббревиатуру «ПИФ».

ПИФ – паевой инвестиционный фонд – способ коллективного инвестирования как в инструменты фондового рынка, так и в другие финансовые инструменты (паи ТОО, недвижимость и многое другое). При этом ПИФы, в отличие от депозита, не ограничиваются фиксированной ставкой инвестирования и весьма отличаются друг от друга инвестиционными стратегиями. Основными аргументами инвестирования в паевые фонды являются: потенциально более высокая доходность в отличие от депозитов; выбор инвестиционной стратегии, отражающей отношение к риску частного инвестора; отсутствие необходимости формирования собственного инвестиционного портфеля (за инвестора этим занимается профессиональная команда, ответственная за достижение максимально возможных результатов); инвестиции не только на внутреннем, но и на внешних рынках.

Таким образом, стандартный ПИФ в Казахстане является смешанным фондом инвестирования в различные финансовые инструменты. При этом именно такая структура защитила паевые фонды от убытков после резкой коррекции фондового рынка на 33,6% в течение полутора месяцев. Таким образом, инвесторы смогли почувствовать как резкий подъем рынка, так и его падение, оценив риски подобного рода вложений. Каждый инвестор должен первым делом идентифицировать для себя риски и выработать собственное отношение к рыночным рискам.

Продолжая анализировать структуру рынка ПИФов, можно выделить следующие типы клиентов паевых инвестиционных фондов:

1) инвесторов;

2) спекулянтов.

Первые в отличие от вторых реально оценивают ситуацию и понимают, что инвестиции на фондовом рынке должны носить долгосрочный характер, тогда они будут максимально эффективными.

Спекулянты, напротив, увидев значительный рост в прошлом, надеются получить высокие доходы в ближайшем будущем, при этом они недооценивают высокую волатильность (ценовое изменение) отечественного рынка, когда краткосрочная инвестиция может показать как положительный, так и отрицательный характер. Спекулянты и инвесторы, наполненные страхом, начинают покидать рынок. При этом вторые допускают серьезную ошибку. Дело в том, что желательный минимальный срок инвестирования в ПИФы должен составлять один год, тогда обеспечивается более адекватная рыночная доходность; максимальная же эффективность может быть достигнута в 5–10-летнем и более периодах. В данном случае отдача пая может превысить отдачу рынка недвижимости, и тем более депозита. В настоящее время казахстанский рынок не позволяет привести доказательства о превосходстве долгосрочной инвестиционной стратегии, но зарубежный опыт показывает преимущество фондового рынка. Так, если бы инвестор купил акции крупных компаний (входящих в индекс S&P 500), то один вложенный доллар в 1925 г. с учетом реинвестирования к 1998 г. составил бы 2350,89 долл. Таким образом, второй задачей для частного инвестора является определение временного горизонта инвестирования своих активов. При этом инвестор должен учитывать, что чем больше его инвестиционный горизонт, тем больше может быть его потенциальный доход. Мы считаем, что если инвестор будет иметь более четкое понимание риска, то он сможет получить высокие доходы на отечественном рынке. Тем более что растет не только сам рынок в количественном и качественном выражении, но и профессионализм специалистов, управляющих инвестиционными портфелями.

Говоря о развитии рынка ПИФов в ближайшем будущем, хочется отметить, что основным событием ожидается дифференциация фондов по признаку предмета инвестирования (фонды акций, фонды облигаций, смешанные фонды и прочие), что позволит инвесторам дополнительно разграничить свои риски. Еще одно событие: в ближайшие годы ожидается более уверенный выход отечественных управляющих компаний на внешние рынки. В настоящее время лишь отдельные фонды начинают предпринимать достаточно успешные попытки выхода на зарубежные рынки. Резюмируя сказанное, можно сделать вывод: ПИФы постепенно вызывают все больше доверия среди населения, выступая принципиально новым инструментом сбережения. При этом среднему инвестору необходимо помнить, что каждый инвестиционный фонд отражает собственные риски, которые инвестор должен быть готов взять на себя. И мы считаем, что в будущем ПИФы докажут свою эффективность наиболее терпеливым и разумным инвесторам.

Экономические преобразования в Казахстане обусловили постепенный рост благосостояния населения, что, в свою очередь, привело к трансформации инвестиционного поведения жителей страны.

Подобная благоприятная конъюнктура приводит к тому, что казахстанцы начинают подругому относиться к собственным доходам. Если раньше (у многих еще с советских вре-

мен) доминирующей моделью обращения с деньгами было: «дожить до зарплаты» или «перебиться до завтрашнего дня», то сейчас ситуация кардинально меняется. Большинство населения начинает мыслить в основном категориями сбережений на перспективу.

В целом инвестиционные стратегии населения могут быть разделены на три основных типа. Первая стратегия – это потребление, когда все расходы направляются на нужды и ничего не остается для сохранения. Есть часть населения, которая по разным причинам выбирает подобное поведение: либо из-за небольших доходов, либо из-за привычки к преимущественно потребительской психологии («один раз живем»).

Вторая стратегия – копить сбережения, обеспечивая своеобразную страховку на будущее. Этот метод знаком еще с советских времен, когда большая часть населения имела вклады либо в Сбербанке СССР, либо в страховых полисах. У части населения, несмотря ни на что, осталось доверие к накопительной системе.

Третья стратегия – преумножение, желание, чтобы средства не просто лежали в «копилке», а способствовали наращиванию капитала. Данная стратегия не всем доступна, но она постепенно становится доминирующей (по крайней мере, в намерениях), так как вся логика развития ситуации приводит к необходимости инвестирования средств, несмотря на то, что подобного опыта у жителей Казахстана фактически не было.

Существует высокий потенциальный интерес к вложению средств. Но появление на финансовом рынке новых инструментов инвестирования, таких как паевые инвестиционные фонды (ПИФы), сопровождается определенным недоверием, вызванным прежде всего негативным опытом населения, особенно старшего возраста, у которого свежо воспоминание о явлениях, в свое время подорвавших доверие к финансовой системе. Речь идет о девальвации тенге, о приватизационных инвестиционных купонах (ПИКах), о финансовых «пирамидах». К тому же не сформирована культура инвестирования, которая в течение долгого времени складывалась на Западе. Низкий уровень осведомленности о ценных бумагах, паевых инвестиционных фондах, доверительном управлении и т. д. приводит к тому, что сегодня это наименее используемые инвестиционные инструменты.

Информация о новом способе сохранения и приумножения денежных средств интересует в большей степени респондентов, которые планируют семейный бюджет, имеют определенные сбережения. Четверть из тех, кто интересуются ПИФами, потенциально готовы воспринимать информацию о новом инвестиционном инструменте именно в контексте интереса по поводу вложения собственных средств.

Вопрос о том, что такое паевые инвестиционные фонды, вызвал различные трактовки. Зачастую респонденты составляли мнение, отталкиваясь от слова «пай». Хотя уже есть и определенное понимание о том, что формируется «портфель» инвестиций, в который входят акции различных предприятий.

Даже при условии, что у участников фокус-групп было довольно приближенное понимание того, что из себя представляют ПИФы, фактически все согласились с мнением, что появление подобных фондов довольно своевременно. Это аргументировалось необходимостью новых инструментов для инвестирования средств.

Ассоциативный ряд, который возник у участников фокус-групп в связи с ПИФами, отражает понимание, что это связано прежде всего с вложениями, дивидендами, с осознанным риском и определенным доверием по отношению к тому, кому ты эти деньги отдаешь под управление.

По мнению участников фокус-групп, возникает ощущение, что в скором будущем ПИФы составят серьезную конкуренцию банковским депозитам, так как условия паевых инвестиционных фондов не только удобны для пайщиков, но и предполагают возможность получить более солидную прибыль. Участниками фокус-групп было высказано мнение, что вложения ПИФом средств вкладчиков должны быть в наиболее перспективные и приносящие невысокий, но гарантированный доход направления. В качестве таких направлений респон-

дентами были названы инновационные технологии, производство, дороги и коммунальное хозяйство.

На казахстанский рынок паевых инвестиционных фондов (ПИФ) практически не сказались негативные явления, произошедшие на международных финансовых рынках. «У нас такого резкого колебания не произошло, во-первых, потому, что ПИФы существуют у нас в основном в закрытой форме и вкладываются в понятные отрасли, опять же в основном внутри страны. Что касается открытых и интервальных ПИФов, то они вкладывались в бумаги отечественных эмитентов и совсем незначительно – в иностранные». Вместе с тем, «некоторое "охлаждение" (рынка ПИФов. – "ИФ-К") все же произошло». Тем не менее, в дальнейшем казахстанский рынок паевых инвестиционных фондов продолжит рост. Инвесторы будут приходить в паевые инвестфонды, и очень многое будет зависеть от профессионализма самих управляющих фондами.

В настоящее время вкладчиками ПИФов является около 4 тыс. человек. Реализуется программа повышения финансовой грамотности населения, увеличивается покупательская способность, намечается тенденция к накопительству и сбережениям, повышается информированность населения о ПИФах. Кроме того, будут сняты ограничения на участие госслужащих в деятельности ПИФов. В настоящее время решается вопрос о внесении соответствующего проекта поправок в законодательство. Это позволит привлечь к деятельности ПИФов дополнительно 100 тыс. человек, считают в РФЦА. Госорганами в настоящее время принимаются меры для создания условий, стимулирующих население к участию в деятельности фондового рынка.

В частности, в текущем году планируется внести изменения в листинговые правила, рассматривается вопрос внесения поправок в законодательство о деривативах. Вот что даст всплеск для инвестирования в те же паевые фонды. Между тем представители АО «Сентрас Секьюритиз», управляющего рядом ПИФов, в целом положительно оценив развитие данного сектора, высказали опасения по поводу возможности отмены налоговых льгот для указанных финансовых организаций. На сегодня поднимается вопрос необходимости отмены налоговых льгот по паям, инвестиционным фондам. ПИФы находятся не на такой стадии развития, чтобы это делать. Количественный рост пока не означает качественного фактора, то есть того, что население готово активно вкладывать деньги.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о развитии рынка ПИФов, который стимулирует рост финансовых рынков в стране за счет аккумуляции и инвестирования значительных объемов финансовых ресурсов.

По мере развития рынка коллективных инвестиций конкурентная борьба между его участниками будет ужесточаться, соответственно возрастет качество предоставляемых услуг и облегчится доступность данных финансовых инструментов.

Существуют колоссальные резервы для увеличения объемов поступлений инвестиций на финансовый рынок, в том числе на рынок ПИФов. В то же время очевидно, что для этого нужно создать условия, которые в первую очередь обеспечат сохранность средств, равные и не меняющиеся для инвесторов правила игры.

Большая часть населения по-прежнему не имеет полного представления о возможностях инвестирования средств на финансовом рынке.

Безусловно, потенциал привлечения для управляющих компаний огромен, так как анализ показывает, что на покупку валюты население тратит гораздо больше средств, чем на вложения в ПИФы.

В Казахстане ощущается серьезная нехватка инструментов для инвестирования розничного капитала, доступных широким массам, и соответствующей информационной базы. Это представляется особенно актуальным, учитывая низкий уровень финансовой грамотности граждан и огромный потенциал привлечения розничного капитала в отрасль.

Именно в этом направлении государству, управляющим компаниям, НПФ и другим заинтересованным участникам рынка коллективных инвестиций предстоит огромная работа, т. к. от ее итогов будут зависеть перспективы всей отрасли.

Библиографический список

1. Об инвестиционных фондах : Закон РК от 07.07.2004 г № 576-11 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.02.2009 г.).

2. Абулгазин, Д. Регулирование инвестиционной деятельности в экономике Казахстана. Транзитная экономика / Д. Абулгазин. – 2007. – 35 с.

3. Баймуратов, У. Иностранные инвестиции в Республике Казахстан: особенности и проблемы. Евразийское сообщество / У. Баймуратов. – Алматы, 2007. – С. 152–160.

4. Каналина, А. С. Управление банковской системой Республики Казахстан. Банки Казахстана / А. С. Каналина. – Алматы, 2005. – С. 15–36.

5. Сейткасимов, Г. С. Ценные бумаги и фондовый рынок. Экономика / Г. С. Сейткасимов, Л. А. Ильясов, 2005. – С. 50–75.

© Ершова А. В., 2010

Автор статьи – **Анна Викторовна Ершова**, старший преподаватель СКГУ им. М. Козыбаева, магистр экономики.
Рецензент – В. П. Кадочникова, кандидат экономических наук, доцент СКГУ им. Козыбаева.

УДК 323.2

М. В. Золотых
Военный авиационный инженерный университет (г. Воронеж)

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЯМОГО НАРОДОВЛАСТИЯ

В статье рассматриваются проблемы реализации коммуникативной функции политики под влиянием процессов демократизации с учетом фактора информатизации общества и власти.

Ключевые слова: коммуникация, Интернет, демократизация, виртуализация политики.

В последние десятилетия на процессы демократизации оказывают влияние процессы информационного развития, что обусловливает формирование новой информационно-коммуникативной среды в политической сфере.

В современном информационном обществе произошла трансформация системы представительства гражданских интересов, результатом которой стало превращение коммуникации в системообразующий элемент демократии, в инструмент ее формирования и самопрезентации. Это, в свою очередь, влечет за собой дальнейшую виртуализацию политического пространства, перенос политики и осуществляемых им функций из сферы реальной жизни в область «сетевого мира» Интернета.

Реалии текущей политической жизни в большинстве стран мира, с одной стороны, обусловливают бурное развитие системы сетевой (или компьютерно-опосредованной) коммуни-

кации, а с другой – сами являются детерминированными процессами данного развития. Сверхсовременная сетевая коммуникация имеет уникальное атрибутивное свойство – это система коммуникации опирается на возможность быстрой и эффективной обратной связи.

Российский исследователь А. В. Бузгалин отмечает такие черты современной сетевой коммуникации:

– неиерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальное и (или) функциональное взаимодействие участников;

– гибкость, подвижность, сменяемость форм и конфигураций; легкость и скорость создания и распада структур;

– открытость сети для «входа» и «выхода»; общая доступность ресурсов сети (прежде всего – информационных);

– равноправие участников сети независимо от их роли, масштаба, ресурсов;

– уникальность создаваемых сетей [1].

Следовательно, демократизация в целом получает новое качество под влиянием действия новейших технологий.

Разные исследователи относят феномен виртуализации политики к воздействию абсолютно противоположных факторов. Например, директор российского Института проблем глобализации М. Делягин усматривает технологическую сущность в процессе глобализации и виртуализации политики [3].

По мнению группы западных исследователей (Я. Бадж, А. Кескинен, Д. Гелд и др.), феномен виртуализации политики непосредственно связан с процессами демократизации, которые происходят как в странах устоявшейся демократии, так и в обществах переходного типа. По убеждению этих аналитиков, дальнейшее развитие системы сетевой коммуникации как функционального измерения политики приведет к расширению возможностей граждан участвовать в непосредственном управлении государством, то есть к росту форм прямой демократии [4].

Я. Бадж разрабатывает концепцию «электронной республики», в которой верховенство народа будет осуществляться через виртуальное народное собрание, деятельность последнего должна регламентироваться законом. Эффективное функционирование таких виртуальных собраний обеспечивается благодаря координирующей работе медиаторов. Виртуальная прямая демократия будет отмечаться широкими возможностями выхода на межгосударственный уровень, поскольку киберпространство не ограничивается конкретными территориями и государственными границами. В перспективе возможно даже создание «всемирного правительства». Итак, виртуализация политики и ее коммуникативной функции может привести к тому, что политика выйдет окончательно за пределы какого-то отдельного государства, охватывая мировое пространство в целом. В этих условиях открывается новое направление исследований функций политики – выяснение перспектив развития надгосударственной деятельности в области политики.

По убеждению Я. Бадж, виртуальные народное собрание должно преодолеть не только пространственные, но и временные препятствия и ограничения, стать постоянно действующим органом власти, расширить функциональное измерение политической коммуникации, превращая ее в перманентный, постоянно действующий процесс. Еще одним преимуществом виртуальной прямой демократии является возможность мгновенной связи представителей народного собрания друг с другом в режиме реального времени для обеспечения непрерывности процесса принятия публично-властных решений. Граждане не просто участвуют в голосовании, но и формируют «повестку дня»[6].

Итак, концепция прямой виртуальной демократии Я. Бадж представляет собой модель своеобразного возрождения афинской агоры. Исследователь предлагает рассматривать политику как сферу непосредственного привлечения граждан к осуществлению властных полномочий. При таких условиях должно измениться функциональное наполнение политики в це-

лом и демократии в частности. Впрочем, данная модель представляет собой довольно оптимистичный взгляд на развитие демократии в ближайшем будущем.

Более умеренную позицию относительно перспектив демократизации в современном мире отстаивает известный американский аналитик Д. Гелд. По мнению ученого, сегодня судьба демократии поставлена под большое сомнение, поэтому насущной задачей политической науки является переосмысление значения и места демократической политики для того, чтобы избежать противоречий демократии и демократических транзитов. «Если переосмысление демократии с точки зрения взаимосвязанности государств и обществ будет удачным, демократическая теория и практика приобретут новый смысл» – утверждает Д. Гелд [2].

Выработка нового содержания демократии должна идти через анализ влияния глобального устройства на содержание демократических объединений, через рассмотрение взаимного проникновения национального и межнационального. Д. Гелд предлагает определять смысл демократии «в контексте меняющейся смеси локального, национального, регионального и глобального».

Наиболее развитые государства сегодня стоят перед необходимостью решения задачи системной модификации всех структур и институтов государственного механизма, который фактически представляет собой сердцевину политики на уровне функционирования конкретного общества. Понятно, что указанные проблемы являются достаточно сложными, выдвигают перед представителями национальных политических элит новые требования и формируют перед государствами, находящимися на стадии демократического транзита, вызовы политического, социального, экономического, культурного, общецивилизационного характера. Поэтому не все политические режимы могут противостоять подобным вызовам и адекватно на них ответить.

Сложность и изменчивость проблем, вокруг которых разворачиваются процессы демократизации, обусловливают разнообразие целей и постоянный пересмотр границ и функциональных проявлений политического лингвистического общества. Одновременно все большую остроту приобретает вопрос о том, что именно должно побудить политических актеров к добровольному отказу от своих властных позиций в случае, если они не в состоянии справиться с новыми вызовами. Но как это ни парадоксально, обусловить подобную готовность может сама открытость современной политической игры.

В. В. Смирнов пишет: «В последние годы появляется все больше свидетельств того, что разрыв между странами Запада и остальным миром увеличивается не только в социально-культурной и экономико-технологической сферах, но и в области демократии. В западных странах стремительно развиваются институты «электронной» демократии, открывающие перспективы для зарождения новых форм как прямой демократии, так и демократического управления. Там возникают сетевые горизонтальные связи между государственно-правовыми и неправительственными институтами, нормами и процедурами, между публичными и частными акторами, а инновационные процессы охватывают не только технологическую, но и политико-управленческую область» [5].

С другой стороны, отмечает исследователь, при этом налицо и контрпроцессы: разбухание бюрократизированного «сверхгосударства» – Евросоюза, ограничение некоторых прав и свобод граждан (прежде всего личных и информационных) в связи с обострением антитеррористической борьбы после 11 сентября 2001 г.

Естественно, данные тенденции также будут оказывать влияние на процесс демократизации в России. «Электронное правительство» – словосочетание, ставшее символом модернизационной риторики Д. А. Медведева. В качестве одного из главных приоритетов своего президентства глава государства выбрал нацеленность на построение «электронного» общества. Однако государственная программа с одноименным названием реализуется в РФ с определенными сложностями. Выступая сторонником интернетизации российской власти, размещая сетевые обращения, которые преподносятся как новость даже на федеральных теле-

каналах, нынешний президент поддерживает имидж современного человека, открытого для общения и близкого к реалиям жизни молодого поколения россиян.

В качестве вывода следует подчеркнуть, что в период демократического транзита в России развитие прямого народовластия приобретает особое значение. Сегодня российский народ не имеет возможности реализовать принадлежащее ему по Конституции право на осуществление непосредственного народовластия. Обращение к опыту виртуальной демократии должно подкрепить представительное народовластие институтами осуществления непосредственной демократии.

Библиографический список

1. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М. : Весь мир, 2007. – 298 с.

2. Гелд, Д. Демократия и глобальное устройство : пер. с англ. / Д. Гелд. – М. : Port-Royal, 2008. –134 с.

3. Зеленко, Б. И. Демократический транзит в России. Социально-политические аспекты. / Б. И. Зеленко. – М. : Институт социологии РАН, 2009 – 115 с.

4. Руденко, В. Н. Новые Афины, или Электронная республика (о перспективах развития прямой демократии в современном обществе) / В. Н. Руденко // Полис. – 2006. – № 4. – С. 7–16.

5. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия. – 2-е изд., доп. / под общ. ред. А. В. Иванченко. – М. : Новое издательство, 2009. – 368 с.

6. Budge, I. Isuue dimensions and agenda change in postwar democracies : Long-term trends in party election programmes and newspaper reports in twenty-three democracies [Электронный ресурс] / I. Budge. – Режим доступа: http://www.democ.uci.edu/education/courses/budge1.htm. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

© Золотых М. В., 2010

Автор статьи – **Марина Валерьевна Золотых**, преподаватель Военного авиационного инженерного университета (г. Воронеж), соискатель. E-mail: marinazolotykh@yandex.ru.

Рецензент – А. Р. Полянин, к.п.н., доцент, профессор.

УДК 94(470.4)

Л. А. Королева, А. А. Королев, И. Н. Гарькин
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА В СССР. 1940–1980 гг. (по материалам Среднего Поволжья)

В статье анализируются основные направления советской государственно-церковной политики в отношении ислама на региональном уровне – в Среднем Поволжье в 1940–1980 гг. (атеистическая работа, закрытие и открытие молитвенных зданий, финансовый контроль и т. д.).

Ключевые слова: конфессиональная политика, ислам, религиозный культ, атеистическая работа.

На всем протяжении советской истории государственно-исламские отношения имели, по сути, репрессивный со стороны властей характер. На местах государственно-конфессиональная политика проводилась в первую очередь через уполномоченных Совета по делам религиозных культов (религий). Уполномоченный Совета по Пензенской области докладывал в центр, что контроль за выполнением и соблюдением советского законодательства о религиозных культах осуществлялся главным образом «через председателей и секретарей райисполкомов; через беседы с посетителями – верующими, служителями культов, приходящими по различным вопросам культов, и путем бесед с представителями советских органов и отдельными верующими во время выездов на места» [1]. Несмотря на провозглашенный принцип отделения церкви от государства, власть активно вмешивалась в религиозную практику. На местах, в частности в Среднем Поволжье, по замечанию одного из уполномоченных Совета по делам религиозных культов: «райгорисполкомы используют свое право и разрешают… вопросы, связанные с выдачей разрешений по проведению собраний учредителей общин, на отвод неугодных нам лиц из состава исполнительных органов и ревизионных комиссий и другие» [2].

Часто отношения между уполномоченными Совета и местными партийными и советскими органами в Среднем Поволжье складывались весьма неоднозначно. Ведь, в первую очередь, именно от позиции самого уполномоченного Совета по делам религиозных культов, его понимания своих задач зависело положение верующих и священнослужителей на местах. Порою здравый смысл, порядочность уполномоченных оборачивались для них плачевными последствиями. Так, в 1949 г. «за притупление большевистской бдительности» был снят с работы с объявлением и занесением в учетную карточку выговора уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Татарской АССР Х. С. Багаев [3]. «Вина» уполномоченного Х. С. Багаева состояла в том, что он стремился не допускать конфронтации и противостояния в отношениях с представителями исламского культа: не всегда препятствовал деятельности незарегистрированных мулл, допускал несанкционированные богослужения и т. п., поскольку, по его замечанию, все это могло «вызвать серьезное недовольство со стороны верующих» [4]. Вердикт вышестоящих инстанций был категоричен: «Тов. Багаев исчерпал себя как уполномоченный по делам религиозных культов, в ряде случаев стал способствовать муллам… распространять свое влияние на трудящихся. В силу этого он в дальнейшем не сможет осуществить политику нашей большевистской партии в отношении религии и должен быть смещен с занимаемого им поста» [5]. Затем в связи с изменением вектора государственно-конфессиональной политики в 1950-х гг. местные органы вынуждены были усилить свое участие в антирелигиозной работе.

Один из самых сложных вопросов в отношениях между советским государством и мусульманами касался культовых зданий ислама – мечетей. Несмотря на либерализацию советской конфессиональной политики в СССР после войны, в целом на конец 1940-х – начало 1950-х гг. приходится «всплеск» закрытия мечетей в Среднем Поволжье. Недовольство верующих было столь велико, что в различные инстанции хлынул буквально поток прошений об открытии мечетей и жалоб на волюнтаристские действия местных властей. Как следствие, в 1955 г. властями было принято постановление Совета Министров СССР № 259 (17.02.1955), по которому решения по ходатайствам верующих об открытии молитвенных зданий принимают Советы Министров союзных республик по согласованию с Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Совету также предоставлялось право зарегистрировать фактически действующие, но незарегистрированные религиозные общества, имеющие молитвенные здания. К середине 1960-х гг. динамика закрытия мечетей снизилась. В соответствии с указаниями Совета были отменены «как необоснованные преждевременно начавшие осуществляться мероприятия по закрытию мечети в с. Нижняя Елюзань Городищенского района Пен-

зенской области. Недействовавшие и пустовавшие мечети использовались, как правило, для хозяйственных нужд. Так, на 01.01.1970 г. из 297 закрытых культовых зданий на территории Татарской АССР под школы было задействовано 47, детские сады – 3, библиотеки – 8, клубы – 51, склады – 17, лесопилку – 1, мастерские – 2 и т. п.» [6].

Верующие не были согласны с волюнтаристскими решениями властей по поводу закрытия мечетей и зачастую самостоятельно пытались восстановить на местах справедливость в их понимании. Так, в середине 1950-х гг. в с. Кикино Каменского района мусульмане «посредине села самочинно стали строить мечеть, возвели сруб и подготовили его для покрытия». Лишь вмешательством райисполкома строительство было прекращено [7]. Даже после завершения использования мечетей по назначению коренного переоборудования зачастую в них не происходило, как будто верующие мусульмане надеялись на недолговечность «действий, неугодных Аллаху». Например, в с. Тат-Канадей Кузнецкого района Пензенской области одно из зданий мечети более десяти лет использовалось под школу. Первоначально в нем размещалась начальная школа, затем – филиал средней школы с. Большой Труев. Несмотря на длительный срок использования мечети в качестве школьного помещения, оно продолжало сохранять «церковный» вид – над зданием возвышался минарет (шпилевая башня с полумесяцем). Здание больше напоминало не советскую школу, а, скорее, духовное медресе. Хотя это не требовало никаких особых материальных затрат, минарет так и не разбирали [8]. В пензенских селах Тат-Канадей, Тан-Пенделка, Бестянка Кузнецкого района пустующие здания мечетей также сохраняли «церковный» вид. Ни капитального переоборудования, ни разборки зданий так и не было проведено; шпили минаретов по-прежнему возвышались над мечетями. Обобщая и анализируя свой опыт по закрытию мечетей, уполномоченный Совета по Пензенской области делал разумные выводы: «Осуществление этих мероприятий, безусловно, должно проводиться продуманно, без какой-либо поспешности и административного нажима и должно повлечь за собой не просто формальное закрытие молитвенного здания, а фактическую ликвидацию религиозной общины и полное прекращение ее деятельности» [9].

С середины 1950-х гг. советские власти стали предпринимать меры для снижения уровня религиозности мусульман – «создавать и вовлекать все большее количество молодежи в культурно-просветительские кружки, беседы с нарушителями трудовой дисциплины в дни религиозных праздников» и т. д. Уполномоченными Совета по делам религиозных культов в регионах Среднего Поволжья председателям райисполкомов, в районах которых имелось татарское население, были разосланы закрытые письма, в которых предлагалось «провести в жизнь ряд практических мероприятий, направленных на усиление культурно-просветительной работы среди населения и на отвлечение от соблюдения религиозных праздников и ослабление деятельности актива верующих и духовенства» [10]. По мнению властей, действенность атеистического воспитания зависела от творческого применения марксистских методологических принципов критики ислама, от глубокого понимания конфессиональной особенности этой религии, от всестороннего социологического анализа состояния религиозности населения... от форм, средств и методов атеистического воспитания» [11].

С начала 1960-х гг. в связи с активизацией антицерковной политики советские органы власти на местах, в частности в Татарской АССР, вынуждены были «больше уделять внимание контролю за деятельностью духовенства и религиозных объединений, своевременно принимать меры по предупреждению фактов нарушения духовенством законодательства о культах; исполкомами и должностными лицами – советского законодательства, фактов грубого администрирования и оскорбления чувства верующих» [12]. Уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области также «начал поддерживать тесный контакт с партийно-советскими организациями области» и усиленно информировать их о деятельности мусульманских и не только религиозных общин региона (информационные записки «О деятельности религиозных общин в Кузнецком районе» (03.06.1960), «О закрытии действующей мечети в с. Тат-Никольское Пачелмского района» (12.07.1960), «О деятельности религиоз-

ных общин в Городищенском районе» (26.07.1960) и т. д.). Вопрос о выполнении законодательства о культах становится для местных властей одним из обязательных в повестке заседаний различного рода и уровня. Так, 11 сентября 1961 г. в Пензе состоялось специальное областное совещание ответственных лиц райисполкомов, на котором рассматривался вопрос «О мерах по усилению контроля за выполнением законодательства о культах». Данный вопрос 19 октября 1961 г. обсуждался на областном совещании работников сельских и поселковых Советов Пензенской области. Вопросам улучшения антирелигиозной работы и усиления контроля за выполнением законодательства о культах были посвящены совещания секретарей РК и ГК КПСС 28 марта, 29 июня и 16 сентября 1961 г.; совещание секретарей парткомов и бюро парторганизаций Пензы 22 мая 1961 г. и т. д. [13].

В Среднем Поволжье в 1950–1980-х гг. сложилась постоянная практика выступлений уполномоченных Совета по делам религий в регионах перед партийно-советским активом на областных совещаниях ответственных партийных и советских работников «с целью разъяснения… законов и постановлений советского правительства о деятельности религиозных объединений» [14]. Например, на постоянно действовавших курсах по переподготовке руководящих кадров при областном комитете КПСС Татарской АССР обязательно предусматривалось выступление уполномоченного по делам религий. В соответствии с указаниями Совета по делам религий о работе с духовенством в Казани регулярно проводились собеседования с духовенством и активом мусульманских объединений Татарской АССР, на которых читались лекции о внутренней и внешней политике СССР, разъяснялись законодательные нормы в отношении религиозных организаций и верующих и т. д. Изложенные материалы рекомендовалось использовать в проповеднической деятельности [15]. В 1980-х гг. постоянный характер приняли встречи Председателя Президиума Верховного Совета Татарской АССР А. Б. Багаутдинова и председателя ДУМЕС муфтия Т. С. Тазиева. Уполномоченный Совета по Татарской АССР И. Ш. Авхадиев докладывал в столице: «Нет сомнения в том, что такие встречи способствуют воспитанию духовенства в духе патриотизма, повышают чувство ответственности у него за строгое соблюдение законности в своей деятельности» [16].

Идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», которые стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Планировалось к 1980 г. полностью искоренить из сознания людей религиозные предрассудки. Однако на местах, в частности в Среднем Поволжье, атеистическая работа, одним из направлений которой являлась массово-разъяснительная и пропагандистская работа, оставляла желать лучшего. Так, несмотря на многократные замечания уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. С. Попова, помещение клуба в с. Малый Труев Кузнецкого района «выглядит неуютно, содержится грязно; на полу мусор, шелуха от семечек, часть мебели поломана» [17]. Здание клуба в с. Большой Труев Кузнецкого района было признано аварийным и угрожало обвалом. И это в то время, когда здания действующих мечетей были отремонтированы и содержались в идеальной чистоте. Лекций проводилось мало. В клубе с. Тат-Канадей за полгода 1962 г. было проведено лишь две на низком уровне. В 1973 г. по инициативе уполномоченного Совета по Ульяновской области райком КПСС вынужден был обсуждать на бюро вопрос о «повышении роли партийной организации колхоза «Победа» в атеистическом воспитании населения», поскольку «вследствие примиренческих позиций, занятых партийной организацией и сельским Советом по отношению к религиозному активу», в течение всего года не было проведено ни одного атеистического мероприятия в с. Старая Тюгельбуга Новомалыклинского района [18].

Местные власти и уполномоченные Совета отдавали себе отчет: атеистическая работа наиболее убедительна и эффективна в том случае, если ею занимаются местные жители коренной татарской национальности. Однако хотя местные активисты и соглашались участвовать в «разоблачении и развенчании пережитков» ислама в силу необходимости (из-за партийной принадлежности, например), то, как правило, делали это формально, опасаясь вы-

звать осуждение со стороны сельчан, и особенно родственников. Поэтому одна из основных проблем, с которой сталкивались советские власти Среднего Поволжья при проведении атеистической работы среди татарского населения, – «нехватка лекторов, способных читать атеистические лекции по мусульманству, особенно владеющих национальным языком» [19].

Ключевым моментом научно-атеистической пропаганды была признана работа по замене религиозных обычаев и традиций новыми советскими праздниками и ритуалами. В 1962 г. бюро ЦК КПСС своим постановлением одобрило и разослало для исполнения на места в партийные органы записку председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР «О некоторых мерах по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов», где верно отмечалось, что «исполнение населением ряда областей РСФСР, в особенности молодежью, религиозных обрядов: «венчаний», «крещений» – происходит в ряде случаев не в силу религиозности людей, совершающих эти обряды, а в результате того, что органы ЗАГСа проводят регистрацию браков и рождения детей буднично, без надлежащей торжественности» [20]. Бюро ЦК КПСС по РСФСР 18 февраля 1964 г. было принято решение № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Соответствующие рекомендации были утверждены и в отношении мусульманского культа. Принимаются аналогичные решения и на региональном уровне. На местах образуются комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам, по проведению безрелигиозных гражданских обрядов, создаются общественные советы по внедрению в жизнь новых гражданских обрядов, появляются методические разработки по проведению того или иного праздника. Так, еще в 1963 г. в промышленные и сельские обкомы КПСС и облисполкомы Пензенской области была представлена докладная записка «О некоторых мерах по внедрению в быт советских людей безрелигиозных обрядов» [21]. Большое значение придавалось проведению светских праздников: Дня животновода, Дня механизатора, Праздника урожая, Праздника песни и молодежи, Праздника серпа и молота и т. д. Однако проблемы оставались. И в исполкоме пензенского областного Совета депутатов трудящихся на заседании 26 июня 1968 г. был заслушан отчет Башмаковского райисполкома и принято решение, обязывавшее все райисполкомы осуществить конкретные меры по повседневному улучшению работы по проведению новых гражданских обрядов и праздников [22]. С конца 1960-х гг. в регионах, например в ряде татарских сел Пензенской области, начали активно проводиться гражданские торжественные регистрации новобрачных, и это не встречало заметного осуждения со стороны пожилых мусульман, а, напротив, наблюдался все более возраставший интерес. Проведение подобных торжественных церемоний в условиях региона десять лет назад едва ли было возможным [23]. Ульяновским облисполкомом в начале 1970-х гг. были приняты специальные решения (№ 433-15-с от 07.07.1972; № 648 от 29.09.1973), призванные активизировать работу в данном направлении. Во исполнение их в Заволжском районе области в 1973 г. был создан Совет по разработке и внедрению в быт советских людей новых гражданских обрядов [24]. В 1974–1978 гг. в городах Ульяновской области в торжественной обстановке уже было зарегистрировано 58% новорожденных, заключено 87% браков; но в сельской области данные показатели были значительно ниже – не превышали 45%, в отдельных районах – не превышали 10%, а в некоторых селах (Старая Тюгальбуга, Очкаюн, Елховый Куст, Абдреево), «несмотря на проводимую разъяснительную работу», данные мероприятия вообще не проводились» [25]. Уполномоченный Совета по Ульяновской области С. М. Агафонов следующим образом объяснял столь низкие показатели: «Райисполком, сельские, поселковые Советы неудовлетворительно осуществляют контроль на местах за выполнением законодательства о культах и плохо организуют работу по внедрению в быт новых обрядов. Райисполком не принимает необходимых мер по выполнению решения облисполкома от 15 октября 1974 г. «О мерах по усилению контроля за выполнением законов о культах в свете постановления Совета Министров РСФСР от 12 августа 1974 г. «О работе исполкомов местных Советов Оренбургской области по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах» [26]. Далеко не все священнослужители воспринимали новую практику. Так, мулла чистопольской мече-

ти (Татарская АССР) в праздничной проповеди на Курбан-байрам (1977) «обрушился с критикой на тех, кто устраивал «красные» свадьбы» [27].

Ислам, в первую очередь, воздействует на людей через сферу быта, традиции и обычаи. Вполне понятно, что в атеистической пропаганде борьба за новый быт, против освященных исламом привычек, обрядов, обычаев и традиций приобретает первостепенное значение. Однако практика складывалась таким образом, что система новых традиций социалистической обрядности зачастую не вытесняла религиозные обряды и ритуалы, а выступала красивым зрелищным дополнением. Так, в 1969 г. «в целях отвлечения населения от религиозных празднеств» во время Курбан-байрама в Ульяновской области, в селах (с. Тат. Урайкино, Тат. Калмаюр и др.), проводились мероприятия «культурного и общественно-политического характера» – «праздники культуры села, во время которых организовывались спортивные соревнования молодежи, в сельском клубе был поставлен концерт силами художественной самодеятельности,.. проводились общие собрания трудящихся» и т. д. В свою очередь, верующие, приняв участие в «светских делах», отправлялись на религиозные семейные «церемонии» – угощения, молитвы и т. п. [28].

В начале 1960-х в контексте Постановления Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» (16.03.1961), призывавшего усилить надзор, контроль за деятельностью религиозных организаций, по инициативе властей создается очередная «антицерковная» общественная структура – специальные комиссии (группы) содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах (без опубликования в печати). Комиссии создавались при районных, поселковых, сельских местных органах власти и обладали достаточно большими полномочиями даже для вмешательства во внутрицерковную жизнь. Местным органам власти рекомендовалось «для изучения проповеднической деятельности духовенства, состава верующих и других вопросов… включить в состав комиссий несколько грамотных, идейно устойчивых пенсионеров, которые, располагая свободным временем, могли бы для этой цели посещать мечеть… и изучать интересующие нас вопросы…». Комиссии были «низовыми» органами в цепочке, осуществлявшей религиозную политику государства. Они подчинялись исполкому местных Советов народных депутатов» [29]. Уже 31 марта 1961 г. бюро пензенского обкома КПСС обсудило вопрос «О мерах улучшения антирелигиозной работы среди трудящихся Пензенской области», в результате чего при райгорисполкомах были образованы комиссии содействия выполнению законодательства о культах. При всех районных исполкомах области (28) начали функционировать комиссии содействия выполнению законов о культах. В июне 1961 г. состоялся семинар секретарей, заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов КПСС Татарской АССР, на котором присутствующим было дано указание по созданию комиссий (групп) содействия выполнению законодательства о культах и их руководству. Такие же решения были приняты советским руководством Ульяновской и Куйбышевской областей. В июле 1961 г. отдел пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС совместно с Татарским отделением Общества по распространению политических и научных знаний провел кустовые семинары лекторов-атеистов с привлечением членов групп содействия «по наблюдению и контролю за деятельностью духовенства и религиозных объединений» [30]. Поскольку с 1962 г. советские власти установили в православных церквах контроль за венчаниями, крещениями и отпеваниями, все участники в обязательном порядке регистрировались в специальных журналах, и затем информация поступала «по инстанциям» с дальнейшими последствиями. На областном совещании-семинаре председателей районных и городских комиссий по контролю за выполнением законов о культах Пензенской области (05.10.1966) звучало: «В последние годы в православных церквах был введен квитанционный учет совершающихся обрядов… Исполнительным органам мусульманских мечетей также рекомендовано вести учет граждан, совершающих эти обряды», и с этого времени одной из задач комиссий по контролю за выполнением законов о культах объявлялись «проверка документации и учет денежных и жертвенных приношений верующих, квартальных и годовых кассовых отчетов мечетей и т. д.» [31].

Ситуация по учету обрядности верующих Среднего Поволжья осложнялась тем, что религиозные обряды совершались не только жителями собственно Татарстана и самих областей, но и приезжавшими специального для этого из других регионов. Исходя из данного положения, «были приняты меры по налаживанию регулярного взаимного межрайонного и межобластного обмена сведениями о гражданах, совершающих упомянутые религиозные обряды. Такими сведениями систематически стали обмениваться уполномоченные Совета Среднего Поволжья, Саратовской, Тамбовской областей, Мордовской АССР и т. д.» [32].

Еще одним из направлений деятельности уполномоченного было выявление верующих и соответствующая индивидуальная работа с ними, особенно с комсомольцами и коммунистами. В Информационном отчете председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедову уполномоченный по Пензенской области сообщал: «Хуже того, среди граждан, совершивших религиозных обряды, иногда оказываются такие представители интеллигенции, которые в силу своих должностных обязанностей занимаются воспитанием населения, в их числе: учителя, культпросветработники, воспитатели детских садов, медицинские работники» [33]. В 1978 г. уполномоченным Совета и членами комиссии по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах Новомалыклинского района Ульяновской области было проведено 10 личных бесед с верующими [34]. В случае если сами верующие, несмотря на усилия уполномоченных, продолжали свою деятельность, то подключали их родственников для оказания воздействия на них. Так, в 1979 г. в Зеленодольске Татарской АССР образовалась группа верующих, направлявших ходатайства о строительстве мечети. Органами власти «с целью оказания влияния членов семей на своих престарелых родителей и с тем, чтобы отговорить их от намерений и действий, направленных на регистрацию общины и строительство мечети, проведены беседы, например, с сыном и дочерью главного инициатора К. М. Мухутдинова, которые являются членами КПСС, с Б. М. Миннибаевой – депутатом горсовета, членом КПСС, свекор которой также является активистом» [35]. Но, как отмечал уполномоченный Совета по Ульяновской области, индивидуальная работа с верующими являлась одним из проблемных участков работы и находилась «в запущенном состоянии» [36], поскольку действовать приходилось очень деликатно, тонко, пытаясь без оскорбления чувств верующих исправить ситуацию.

На протяжении 1950–1970-х гг. для уполномоченных Совета в Среднем Поволжье актуальным продолжало оставаться направление работы, связанное с паломничеством к святым местам. Основное количество святых мест в мусульманском культе Среднего Поволжья было сосредоточено в Татарской АССР. На территории республики было зафиксировано 16 святых мест (святая могила, ключ, святой камень и т. д.) в 16 населенных пунктах. В Куйбышеве развалины мечети также являлись для верующих святым местом, куда направлялись паломники. На территории Пензенского региона было известно об одном мусульманском святом месте – могильнике в Головинщенском районе, где был похоронен мулла – ишан. Здесь систематически собирались верующие не только из соседних селений, но и других городов, читали молитвы, совершали жертвоприношения. В Ульяновской области святым местом считалось захоронение святого Ишана Хансевярова Хабибуллы (с. Новые Зимницы Старокулаткинского района) [37]. В 1959 г. мухтасиб Я. С. Юсупов после беседы с уполномоченным по Пензенской области, в ходе которой «он был предупрежден о необходимости принятия мер с его стороны против обманной деятельности всякого рода кликуш и организаторов паломничества», выступил перед верующими, говоря о недопустимости паломничества в другие области СССР [38]. В конце 1959 г. председатель Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири муфтий Ш. Ш. Хиялетдинов разослал на места документ «Воззвание и «фатва» по поводу паломничества: «Уважаемые мусульмане! Сохранилось среди Вас такое поверье, что будто бы некоторые умершие ишаны и святые люди (аулеи) в состоянии помочь вам освободиться от какого-либо несчастья на земле. Повинуясь такому поверью, некоторые люди совершают над могилами таких, считающихся святыми людей молебны, поклонения и т. п. … Подобные поступки в принципе являются противными

шариату ислама…» [39]. Особо подчеркивалось, что «гибадат» (молебствие) по Корану должно совершаться только в отношении Аллаха. Служителям Аллаха на местах предлагалось, «основываясь на Коране и Хадисе, используя всю научную эрудицию, разъяснять в народе всю неправильность и вредность таких суеверий, противных шариату, и представлений о загробной жизни» [40]. Выступая с данным воззванием перед верующими, Я. С. Юсупов пояснял, что «покойники, бездыханные тела, лежащие в могилах, кем бы они ни были, отнюдь не в состоянии оказать человеку какую бы то ни было помощь… Посещать кладбища и осматривать могилы святых людей… категорически воспрещается шариатом ислама…» [41]. В регионах Среднего Поволжья в 1970-е гг. местными органами власти были проведены совещания по вопросу «О прекращении паломничества к так называемым «святым местам», на совещаниях присутствовали, как правило, работники РК КПСС, представители управлений культуры, облоно и других организаций, обозначившие комплекс профилактических мероприятий. С того времени вопрос о предотвращении паломничества к так называемым «святым местам» больше не являлся актуальным для местных советских властей Среднего Поволжья.

Деятельность религиозных конфессий, в том числе мусульманской, находилась под пристальным вниманием советского государства на всем протяжении его существования. Атеистическая работа отличалась масштабностью и системностью. Для формирования атеистического мировоззрения применялись самые различные формы. Государство стремилось максимально использовать в данном направлении возможности прессы, телевидения, радио, литературы, театра и т. п. В противовес веками сложившейся религиозности населения советское руководство предлагало мероприятия, «направленные на ослабление религиозности среди населения, проведенные партийно-комсомольскими организациями, – доклады и лекции на естественно-научные темы, демонстрации кинофильмов, доклады о международном положении, беседы и лекции на сельскохозяйственные темы, постановки в клубах, домах культуры спектаклей, концертов и др.» [42]. Качество содержания и уровень подготовки данных «контрмер» не выдерживали зачастую никакой критики. Для успешного решения задач усиления эффективности атеистической пропаганды особое внимание советскими органами власти уделялось системе подготовки и переподготовки кадров, ведущих атеистическую работу на местах. В сельской местности в Среднем Поволжье сказывался дефицит современных тому времени методических разработок вечеров, диспутов и т. п.

Однако существенным недостатком атеистического воспитания в советских условиях являлся отрыв его от практической жизни. Принципом антирелигиозной работы была не профилактика, а главным образом карательные, репрессивные действия. Явная формализованность, подмена количеством качества не способствовали увеличению эффективности данного направления работы государства. Кроме того, очень точно выразился один из председателей комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах Ульяновской области: «В числе недостатков атеистической работы следует отметить то, что на проводимых мероприятиях представительство верующих ничтожно, эти мероприятия в основном посещаются молодежью и неверующими» [43].

В русле борьбы за «социалистическую обрядность», ликвидируя прежние атрибуты религии и внедряя красные уголки и клубы, укореняя новые праздники, власти стремились укреплять в сознании людей новые чувства. Но по большому счету верующие воспринимали светские мероприятия как дополнительное современное времяпрепровождение, но никак не замену религиозным праздникам.

По мере складывания определенной стабильной позиции советского государства по отношению к религии, отхода от ужесточения и «атак», нарушения законодательства о культах усилия все более перемещались на места – в регионы, чему способствовали, по мнению уполномоченного Совета по Пензенской области С. С. Попова, следующие факторы: «низкий уровень образования членов церковных советов; незнание законодательства о культах государственными чиновниками; бессистемность, формализованность атеистической рабо-

ты» [44]. Несмотря на значительные усилия со стороны Совета и партийного руководства в целом, религиозная практика продолжала существовать, принимая различные формы.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 389.
2. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 113.
3. Гасырлар авазы. 1996. ½.
4. Там же.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 24, 56.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 39 ; ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 46 ; НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 5-8; ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
7. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 224.
8. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 389–390.
9. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 390.
10. ГАПО. Ф. 148. Оп. 15. Д. 71. Л. 8–12 ; Пензенская правда. 1982. 1 янв.
11. Вагабов М. В. Ислам и вопросы атеистического воспитания. М., 1984. С. 3.
12. НА РТ. Ф Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
13. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 417 ; Д. 28. Л. 37.
14. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 66. Л. 174.
15. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 86 ; Д. 121. Л. 42–42об.
16. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 121. Л. 61.
17. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 389.
18. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 144. Л. 30–32.
19. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 37. Л. 253.
20. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 37. Л. 252.
21. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 91-а. Л. 198.
22. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4681. Л. 34.
23. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4681. Л. 44.
24. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 144. Л. 93.
25. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 133. Л. 69 ; Д. 144. Л. 7, 30.
26. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 144. Л. 6.
27. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 77. Л. 187.
28. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 63.
29. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 42 ; Фасихова М. Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60–80-е гг. XX в.). Историко-политический анализ : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 22.
30. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 44 ; НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
31. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 329 ; ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 133. Л. 68, 73.
32. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 94.
33. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 110.
34. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 89. Л. 79.
35. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 83.
36. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 39. Л. 14.
37. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 39. Л. 14 ; ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 28. Л. 48 ; ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 164. Л. 72.
38. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.
39. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 57.
40. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.
41. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 47. Л. 9 ; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.
42. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 41.

43. ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 41.
44. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 109. Л. 10.

© Королева Л. А., Королев А. А., Гарькин И. Н., 2010

Авторы статьи: **Лариса Александровна Королева**, завкафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, доктор исторических наук, профессор. E-mail: sansan@pnz.ru;
Алексей Александрович Королев, заместитель завкафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, доктор исторических наук, доцент. E-mail: sansan@pnz.ru;
И. Н. Гарькин, студент группы ПГС-31 Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

Рецензент – С. Д. Морозов, доктор исторических наук, профессор, заместитель завкафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

УДК 32.019.5

А. М. Фарков
Омская гуманитарная академия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются актуальные проблемы достижения общественного согласия, всесторонней гармонизации социальных взаимосвязей. Автор использует сравнительный метод анализа для объяснения социально-филосовских проблем развития современной России.

Ключевые слова: согласие, гармонизация социальных взаимосвязей, китайский путь.

Противоречия российского социума обнаруживают потребность в сопоставлении с рядом прогрессивно развивающихся стран, если не по аналогии, то, во всяком случае, в близких историко-социальных координатах. Пример первый – динамика развития современного Китая, который обусловливает «контуры» и «меры» общецивилизационного развития. Неслучайно отечественная социально-флософская мысль обращает пристальное внимание на качественные особенности формирования структур китайского общества [1].

Прежде всего вызывают интерес тенденции гармонизации социального движения столь близкого по историческому опыту восточного соседа. Как известно, общефилософский смысл гармонии в том, что достигается связанность и соразмерность частей (фрагментов) развивающегося целого. Данная категория ориентирует на осмысление общественного миросоздания с позиций полагания их глубинной внутренней упорядоченности [2].

Стремительное возвышение Китая, на глазах превратившее его во вторую экономическую и политическую силу мира, – главное событие конца XX – начала XXI в. Наблюдаемый в последние годы заметный рост и экономической мощи, и геополитического влияния этой страны справедливо привлекает постоянное внимание мировой общественности. Глубокие поступательные изменения, которыми уже скоро три десятилетия живет великий дальнево-

сточный сосед России, порождают закономерные вопросы о природе и цене его достижений, дальнейших путях развития. Ответы на эти вопросы имеют не только познавательное, научное, но и прямое практическое значение для международных интересов современной России. Так, успехи КНР в сферах экономического и социально-культурного развития приобретают феноменальный характер и превращаются в важнейший фактор мировой политики и международных отношений. Так, перестройка М. С. Горбачева разворачивалась на основе схемы «революция сознания – политическая реформа – экономические преобразования». Сегодня делаются неожиданные выводы из неуспешности перестройки и, добавим, первоначально объявленного, а сегодня забытого ускорения: «…в начале "горбачевского этапа" перестройки объективное соотношение сил в обществе позволяло приступить к глубоким экономическим преобразованиям, не затрагивая политическую сферу… концентрация сил на хозяйственном фронте была не только возможна, но и необходима… на оселке экономических преобразований можно было проверить на дееспособность в новых условиях политическую систему советского общества, наметить перспективные пути ее трансформации… по возможности их надо было осуществлять до политической реформы, чтобы не создавать гремучую смесь массового недовольства и организованного протеста… порожденные реформой новые хозяйственные объекты раньше или позже потребуют политического представительства своих интересов; отныне они – факторы не только экономического, но и политического процесса. И это будут не адепты "социалистического выбора"» [3].

Мог ли у нас состояться китайский путь? Одни считают, что да и что это сделало бы российскую реформу успешной. Реформа подобного типа в том виде, в каком ее описывает сегодня В. Б. Кувалдин, могла бы произойти. Более того, если бы на XIX партийной конференции советский лидер призвал коммунистов реформировать социализм или даже строить капитализм, они приняли бы это приглашение: так велика была лояльность коммунистов, власти, партии, что «китайский вариант» был возможен. Неисключено, что партия раскололась бы, но, без сомнения, из нее выделился бы большой отряд сторонников М. С. Горбачева. Смешанная экономика на тот период оказалась бы компромиссным решением, способным реформировать советскую систему. Однако многие из тех, кто считает так, сомневаются в том, что это оказалось бы для России более успешным. Вопрос «Был ли китайский путь способен избавить Россию от сегодняшних проблем капитализма?» имеет, скорее, отрицательный ответ.

Исторические предпосылки и идеологические основы модернизации Китая хорошо известны, многократно описаны и в целом также имеют признаки универсальности. Лозунг «иностранное – на службу Китаю» первых реформаторов, концепция «нового народа» Лян Цичао, народничество или промышленный план Сунь Ятсена – все это имеет те или иные аналоги. Не особенно специфичен и китайский социализм. Движущие силы китайской модернизации, препятствия на ее пути, реформы и революции напоминают многое из истории других стран.

Не очень-то специфичны даже две эпохи в модернизации КНР после 1949 г., которые почти надвое разделены декабрьским пленумом ЦК КПК 1978 г. В эпохах Мао и Дэна видны сквозные (преемственные) линии, общие черты и, конечно, отличия. К важной линии преемственности стоит отнести «опору на собственные силы» (позднее – «гочаньхуа»), которая в современной лексике формулируется как «сравнительно целостная система современных производительных сил». К такой же сквозной линии можно отнести ясную политическую очерченность модернизации в КНР. Выражения «политика – командная сила» или «политика – концентрированная экономика» по-прежнему актуальны. Опять-таки видна неспецифичность Китая в этом смысле (особенно если иметь в виду страны Восточной Азии).

В широком смысле модернизация в КНР основывается на социализме в инструментальном (а потому и более устойчивом) качестве (в СССР хрущевско-сусловского периода он имел явную идеологическую доминанту, не дававшую меняться содержанию). В более узком смысле политэкономия модернизации в Китае (как и других странах) может быть описана

через кондратьевские понятия экономической статики и динамики, выведенные несколько раньше, чем хорошо известный инвестиционный мультипликатор Дж. Кейнса.

Исследователь творчества Н. Д. Кондратьева – Ю. Б. Кочеврин – отмечал, в частности: «Кондратьев не считает возможным рассматривать проблему средней прибыли в той же системе идеальных (абстрактных) представлений, что и проблему накопления. Для него как ученого эти две проблемы – средней прибыли и накопления – принадлежат к разным разделам экономической теории: статике и динамике. Поэтому, взятые в одной системе понятий, они логически несовместимы. Там, где есть накопление, не может действовать закон средней прибыли» [4].

В практическом же плане для успешной модернизации чрезвычайно существенны своевременные ликвидации диспропорций в хозяйстве. Очень важна мысль В. Я. Портякова о том, что весь начальный период реформ в КНР был «временем урегулирования». Иными словами, не следует сразу бросаться в «ускорения», «форсированные программы» и т. п. По мере продвижения реформ и политики открытости, сближения с Западом и проведения де-факто курса на конвергенцию социальной системы, возникла и стала усиливаться тенденция вестернизации и либерализации всех сфер культуры и общественной жизни. Конфуцианские ценности уважения традиций, почитания родителей, законопослушания и сохранения иерархической системы внутригосударственных, внутрисемейных и межличностных отношений утрачивают свое прежнее значение, замещаются либеральными идеями приоритета прав личности и индивида перед правами общества, коллектива, семьи.

В конце XX – начале XXI в. сформировалась официальная идеология, выраженная многоступенчатой формулой: «марксизм – идеи Мао Цзэдуна – теория Дэн Сяопина – концепция «трех представительств». Другими словами, речь идет о концепции «построения гармоничного общества на основе новой теории развития». Идеологическая линия нынешнего руководства и проводимая им политика свидетельствуют о том, что нынешние лидеры страны продолжают генеральный курс Дэн Сяопина с поправками, внесенными в него Цзян Цзэминем, а затем Ху Цзиньтао. Иллюстрацией решимости китайского руководства неуклонно преодолевать возникающие трудности и последовательно продвигаться по пути развития реформ явились итоги прошедшего в октябре 2007 г. XVII съезда КПК [5]. В документах съезда отдельное звучание получили вопросы о сочетании современной культуры и лучших достижений китайской традиционной культуры, об изучении подлинных зарубежных культурных ценностей. В связи с этим серьезно и глубоко поставлена проблема «китаизации», которая имеет внутреннюю и международную направленность. Вновь выдвинуты задачи углубления китаизации марксизма, широкой пропаганды и изучения всеми членами КПК «продуктов китаизации». Речь идет не только о концепции «социализма с китайской спецификой» и построении «среднезажиточного общества», но и о новейших идеях – тезисах о «гармоничном обществе инновационного типа», о «научной концепции развития» и «великой инженерии партстроительства» КПК. Данная группа важных теоретических постулатов заслуживает самого пристального рассмотрения.

«Китаизация марксизма». Эту задачу, как известно, выдвинул Мао Цзэдун еще в 1938 г. В докладе «Место КПК в национальной войне» он говорил: «У нашего народа многотысячелетняя история, у него есть свои особенности, он создал множество ценностей. В овладении всем этим мы пока еще являемся не более как учениками начальной школы. Современный Китай есть продукт всего прошлого развития Китая. Мы – сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие. Это будет большим подспорьем для руководства нынешним великим движением. Коммунисты являются сторонниками интернационального учения – марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму». Китаизация и тогда, и сегодня рассматривается как сочетание всеобщих принципов марксизма-ленинизма с китайской действительностью,

овладение богатым национальным наследием и использование его для развития страны и решения новых задач. Неслучайно с трибуны съезда Ху Цзиньтао призвал усиленно вооружать всю партию «новейшими достижениями китаизированного марксизма» [6].

Следует заметить, что руководство КПК в течение ряда лет внимательнейшим образом изучало причины и уроки развала СССР и КПСС. Решения последних съездов и пленумов КПК, и особенно документы XVII съезда партии, наглядно свидетельствуют о том, сколь серьезно подошло руководство Китая к осмыслению драматических уроков развала СССР и КПСС. Прежде всего это проявилось в том, что китаизация марксизма, учет специфики развития страны, создание концепции «социализма с китайской спецификой» рассматриваются в качестве главного условия укоренения идеологии КПК в обществе и базовой предпосылки обеспечения легитимности руководящей роли самой КПК. Закономерно, что данный подход получил соответствующее отражение в тексте Конституции КНР.

В социально-фолософском смысле китаизация означает увязывание современной идеологической теории строительства справедливого гуманного общества, называемого по традиции заимствованным термином «социализм», с национальной традицией. Неслучайно, социализм в его начальной стадии отождествляется со «среднезажиточным обществом», называемым самобытным термином «сяокан».

Идея гармонии – Хэ – также сочетается с тезисом Мо Ди «о всеобщей любви и взаимной выгоде», принципом Конфуция о «гармонии многообразного и несходного» (хэ эр бутун). Теоретической основой всех этих новаций является традиционная даосская диалектика «раздвоения единого и сочетания двух противоположностей в едином» (и фэн вэй эр, хэ эр эр и). Кроме того, преемственность сочетается с инновацией, учетом реальных особенностей Китая и заимствованных передовых достижений, как общественной мысли из-за рубежа, так и исследований китайских обществоведов.

Выдвинут после XVI съезда КПК новейший продукт китаизированного марксизма, автором которого является генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао. Основной идейный постулат *«человек как основа основ»* – императив всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Официально объявлено построение в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества, «социализма с китайской спецификой» [7]. Именно гармония и мир являются важными идеями по упорядочению государства и его политики. Появление теории *социалистического гармоничного общества* можно объяснить следующими причинами:

1) выдвижение новой теории соответствует ситуации, сложившейся в китайском обществе. Это различия между городом и деревней, региональные различия, непрерывное увеличение различий в доходах, обострение противоречий между человеком и природой, внутренним развитием и политикой реформ и открытости;

2) обоснование новой теории соответствует тенденциям современного мирового развития. Идея строительства социалистического гармоничного общества главным образом преследует цель – разрешить вопрос об урегулировании отношений между эффективностью и справедливостью, свободой и порядком;

3) акцентация новой теории является современным проявлением великой жизненной силы китайской традиционной культуры. Теория социалистического гармоничного общества опирается на национальные особенности Китая, на глубокие размышления о противоречиях современного развития, ее цель – эффективно двинуть вперед поступательное развитие общества. Делается упор на единении Неба (космоса) и человека, уважаются житейские отношения между людьми, существует стремление к внутреннему самосовершенствованию человека и совершенствованию его нравственных качеств, принцип «золотой середины» и мира «мира», теория против крайностей и насилия;

4) новая теория является теоретическим обобщением опыта и уроков развития китайского общества. В течение длительного времени после образования Китайской Народной Республики культивировалось противостояние буржуазии, торгово-денежным отношениям, так называемым «классовым врагам». Главное внимание в работе компартии обращалось не на развитие экономики, не на рост производительных сил и не на удовлетворение коренных потребностей людей, а на упорядочение производственных отношений и на изменения в идеях и представлениях людей. Сейчас в Китае признается, что мышление борьбы имело серьезные отрицательные последствия, за исторические ошибки была заплачена бесчеловечная цена, но только в силу этого смогло появиться сегодняшнее мышление;

5) наконец, новая теория – важное свидетельство инновационных поисков китайской компартии. Политика реформ и открытости продолжается в Китае почти тридцать лет, в течение которых наблюдается быстрый экономический рост, всеобщее повышение жизненного уровня, а также явно возрастает роль Китая в международной политике. Все эти достижения, как показывает опыт, не являются результатом следования конкретным высказываниям классиков марксизма. Напротив, они свидетельствуют о том, что коммунистическая партия Китая постоянно исходит из национальных особенностей и реальной действительности своей страны. Происходит поворот от курса «как осуществить развитие» к курсу «как осуществлять научное развитие», от политики «делать упор на рост экономики» к политике «делать упор на развитие, упорядочивающее отношение между всеми членами общества» [8].

Вместе с тем, следует заметить, что новая концепция фактически означает «бархатный» отход от ранее выдвигавшихся идей и уточнение некоторых идей. Прежде всего, «научная концепция развития» и вытекающее из нее указание на всестороннее гармоничное и устойчивое развитие означают преодоление ряда односторонних акцентов в экономической политике. Например, ныне уже не делается упор на рост экономических показателей в ущерб вниманию к социальным проблемам. Взамен тезиса об обогащении отдельных районов и отдельных лиц, акцент делается на построение среднезажиточного общества, рост благополучия и преодоление серьезной имущественной дифференциации. Речь, в частности, также идет о том, что курс на ускоренное развитие специальных экономических зон, приморской части, Шанхая, Шэнчжэня, не должен означать недостаточного внимания к развитию внутренних районов страны и игнорирования проблем старой индустриальной базы на Северо-Востоке Китая, невнимания к нуждам села, одностороннего акцента на индустриализацию за счет деревни, чрезмерного внимания к положению элиты и невнимания к проблемам крестьян и рабочих. Иными словами, «научная концепция развития» ставит задачу преодоления пяти разрывов, образовавшихся как результат стремительного подъема экономики в ходе политики реформ и открытости, направлена на снижение чрезмерной экологической и социальной цены за продолжение этой политики столь быстрыми темпами. Вместе с тем, надо особо подчеркнуть: изменение ряда акцентов в политике отнюдь не означает отхода от общей стратегии реформ и открытости.

Внимание к человеку – это, с одной стороны, своеобразный ответ на возрастание человеческого фактора в экономическом строительстве страны, с другой – ответ на обвинения в нарушении прав человека, раздающиеся извне [9]. Таким образом, тезис о «научной концепции развития» – это комплексный, системный взгляд на возникшие в процессе проведения политики реформ и открытости проблемы. Это новый этап китаизации марксизма. Это продуманная реакция ЦК КПК на те острые вопросы, которые являются предметом обсуждения среди китайских интеллектуалов. Здесь проявлен присущий нынешнему поколению китайской элиты *прагматизм и одновременно внимание к роли теории.*

На основе вышесказанного можно заключить: идеи социальной гармонии соотносятся не с фрагментацией негомогенного объекта, а с соединением деталей единой конструкции

(прошлой, текущей, перспективной). Это предполагает признанное обозначение «согласия», «договора», «терпимости», но в рамках соединительной ткани государства и гражданской общности.

Библиографический список

1. Буров, В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика / В. Г. Буров, В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2007. – С. 5.

2. Моисейко, М. А. Гармония / М. А. Моисейко // Всемирная энциклопедия. Философия – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2001. – С. 201.

3. Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ / сост. В. Б. Кувалдин ; отв. ред. А. Б. Вебер. – М., 2005. – С. 38.

4. Макроэкономические модели переходного периода: мировой опыт и российская специфика. – М. : Панинтер, 1996. – С. 10.

5. Титаренко. Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке [Электронный ресурс] / Титаренко // ПДВ. – 2009. – № 5. – Режим доступа: http://www.ifes-ru/index.php?option=com_content&task=view&id=122&Itemid=49.

6. Линь Янь Мыэ. О теории социалистического гармоничного общества / Линь Янь Мыэ // Социс. – 2007. – № 5.

© Фарков А. М., 2010

Автор статьи – **Андрей Михайлович Фарков**, аспирант кафедры управления, политики и права НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия».

Рецензент – Н. К. Поздняков, доктор философских наук, профессор НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 329

Ю. В. Шкудунова
Омская гуманитарная академия

ПУБЛИЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ СФЕРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Статья посвящена проблеме объединения низов и верхушек общества и его представление в политическом пространстве.

Ключевые слова: публичность, приватность, политика.

Человеческая жизнь, по мере проникновения в деятельное бытие, движется в мире вещей и людей, от которого она никогда не уходит и который она ни в чем не трансцендирует. Любая человеческая деятельность в окружении вещей и людей становится локализованной. Внутри этого объемлющего мира происходят действия по организации политических связей в человеческих сообществах. Каждая человеческая жизнь прямо или опосредованно свидетельствует о присутствии других людей. Все виды человеческой деятельности обусловлены тем обстоятельством, что люди живут совместно, однако действие невозможно представить вне человеческого общества. Эта особая связь, привязывающая действие к человеческой со-

вместности, оправдывается аристотелевским определением человека как политического живого существа, воссоздается в латинском через animal sociale. Считается, человек политический, общественный по природе. Ханна Арендт замечает абсолютно иную суть данного определения, считая, что становление общественного на место политического яснее всяких теорий выдает, насколько утрачено греческое восприятие того, что такое собственно политика [1]. Слово «социальный» существует только в латинском и не имеет соответствия в греческом языке или в греческой мысли. Слово societas исходно имело в латинском отчетливый, хотя и ограниченный политический смысл; оно означало союз, в который люди вступают друг с другом ради определенной цели, например чтобы достичь господства над другими. Позднее, когда начали говорить о societas generis humani, об «обществе рода человеческого», стали считать, что к природе человека принадлежит «социальность», жизнь в обществе. Отличие от греческой мысли Ханна Арендт видит в следующем: Платон и Аристотель, зная о невозможности бытия человека вне человеческого общества, считали это не специфической человеческой особенностью, а, наоборот, чем-то общим в жизни человека и животных, что поэтому ни при каких обстоятельствах нельзя было относить к особым коренным условиям человечности. Естественная общественная совместная жизнь человеческого рода принималась за ограничение, наложенное надобностями его биологической жизнедеятельности. Согласно греческой мысли человеческую способность к политической организации надо не только отделять от природного общежития, в центре которого стоят домохозяйство и семья, но даже подчеркнуто противополагать ему. В соответствии с греческим пониманием политики, в результате становления полиса, человек, помимо своей частной жизни, получил вторую жизнь – жизнь политическую. Жизнь каждого гражданина характерным образом разделилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим. Человек оказался подчинен двум порядкам существования.

Из родов деятельности, которые можно встретить во всех формах человеческого общежития, только два считались собственно политическими, а именно действие и речь. Всякое политическое действие, когда оно не пользуется средствами насилия, осуществляется через речь. Именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие. Далее действие и говорение все больше разлучаются, пока не образуют две совершенно отдельные друг от друга деятельности. Акцент переместился с действия на говорение, причем речь считается уже не столько отличительным способом, сколько расценивается по сути как средство уговорить и убедить.

Принуждать других силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось как бы до-политическим способом межчеловеческого обхождения, привычным в жизни вне полиса, скажем в обращении с домочадцами, в семейственности у греков, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи [2]. Аристотелевское определение человека как политического живого существа опиралось, таким образом, на опыт, который складывался как раз вне натуральной сферы человеческого общежития и стоял к ней в заявленной противоположности.

Политическое начало стали приравнивать к социальному с момента перевода греческих понятий в латинские и их приспособления к латино-христианской мысли. Глубокое непонимание, дающее о себе знать в латинском переводе слова «политический» через «социальный», всего отчетливее обнаруживается при сравнивании управления домашним хозяйством с властью в общественной политической сфере.

В Новое время с его новоевропейским понятием общества понимание усложнилось. Простое различение между приватным и публичным соответствует сфере домохозяйства, с одной стороны, пространству политического – с другой, а эти области существовали как различные, строго отделяемые друг от друга единицы по меньшей мере с начала античного города-

государства. Новым стало то, что возникновение социального пространства, совпавшее с зарождением Нового времени, нашло свою политическую форму в национальном государстве.

Довольно сложно понять эти решающие разделения и различия между публичным и частным, между пространством полиса и сферой домохозяйства и семьи, наконец, между видами деятельности, служащими поддержанию жизни, и теми, которые направлены на общий всем мир.

Возможно исторически возникновение города-государства и публичной сферы происходило за счет власти и значимости частной сферы, семьи и домашнего хозяйства. Тем не менее, прадревняя святость домашнего очага даже в Греции, которая в разрушении семейных связей в пользу политического союза пошла намного дальше Римской республики, всегда оберегалась. И не столько уважение к частной собственности в нашем смысле мешало полису сокрушить частную сферу своих граждан, сколько ощущение, что без обеспеченной собственности никто не мог участвовать в делах общественного мира, потому что без места, которое человек действительно мог бы называть своим собственным, он как бы не поддавался в этом мире локализации.

Частная сфера – сфера домашнего хозяйства имела отличительную черту – совместная жизнь в ней диктовалась преимущественно человеческими потребностями и жизненной необходимостью. В свою очередь, политическое пространство было и областью свободы. Естественным образом предполагалось, что удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе. Поэтому политика не понималась как что-то необходимое для благополучия общества – шла ли речь о сообществе верующих, как в Средневековье, или об обществе собственников, как у Локка, или об обществе приобретателей, как у Гоббса, или об обществе производителей, как у Маркса, или об обществе обладателей рабочих мест, как в современном обществе западных стран, или об обществе рабочих, как в социалистических или коммунистических странах. Во всех этих случаях именно свобода общества требует и оправдывает ограничение полноты политической власти. Свобода располагается в сфере общественного, тогда как принуждение и насилие локализуются в политическом и становятся таким образом монополией государства.

Пространство общественности возникло, когда недра домашнего хозяйствования с присущими ему родами деятельности, заботами и организационными формами выступили из хранительного мрака домашних стен в полную просвеченность публичной политической сферы. Этим была стерта разграничительная линия между приватным и публичным. Смысл этих понятий и их значение, какое каждая из двух этих сфер имела для жизни индивида как частного человека и как гражданина сообщества, кардинально изменились.

Для античности решающим было то, что человек в приватном живет в состоянии лишения, а именно лишен своих высших возможностей и человечнейших способностей.

Слово «приватный» уже не означает состояние лишенности. Новоевропейский индивидуализм принес с собою обогащение частной сферы. Существенно для нашего понимания приватности то, что она теперь отличается не только, как в античности, от публичного, но и прежде всего от социального, античности неведомого и помещавшегося ею по своему содержанию в сферу приватного. Решающим в понимании приватного в Новое время стало то, что для его важнейшей функции, обеспечения интимности, оно было открыто как противоположность не только политическому, но и социальному, с которым оно поэтому и состоит в более тесной и сущностной связи.

В сравнении с открытым политическим пространством отмечается, что социальная сфера всегда отягчена чем-то неуловимым. Поэтому частное, подобно социальному, предстает чем-то субъективным, и Жан-Жак Руссо считает их как бы формами человеческой экзистенции [4]. Высшее цветение поэзии и музыки от середины восемнадцатого до последней трети девятнадцатого столетия, ошеломляющее развитие романа до самостоятельной художественной формы, собственное содержание которой образует социальная реальность, одно-

временно с этим явственный упадок публичных художественных форм, особенно архитектуры – все это показывает, каким тесным родством связаны приватное и социальное.

Возникает понятие обезличенного господства или правления в обществе. Однако это обезличенное, а именно гипотетическое единство экономических общественных интересов, как и гипотетическое единодушие расхожих мнений в салонах хорошего общества, правит не менее деспотично оттого, что не привязано ни к какому конкретному лицу. Феномен господства этого обезличенного известен по «социальнейшему» из всех государственных формирований, бюрократии, которая неслучайно на последней стадии национально-государственного развития приходит к господству. Господство обезличенного способно оказаться одной из самых мрачных и тиранических форм правления.

Решающим для этих феноменов является то, что общество на всех своих стадиях развития точно так же, как прежде сфера домохозяйства и семьи, исключает действие в смысле свободного поступка. Его место занимает поведение, которое в различных по обстоятельствам формах общества ожидается от всех его членов и для которого оно предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому, чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социабельными и воспрепятствовать спонтанному действию.

Для Руссо речь идет пока еще о салонах хорошего общества, чьи условности отождествляют индивида с положением, которое он занимает в социальной иерархии [4]. Для этого отождествления личности и общественного положения относительно безразлично, осуществляется ли оно в рамках полуфеодального общества, где социальное положение совпадает со ступенью иерархии, или в классовом обществе девятнадцатого столетия, где задавали тон звания, или, наконец, в современном массовом обществе, в котором речь идет уже только о функциях внутрисоциального процесса. В массовом обществе изменилось то, что теперь отдельные социальные группы, возникшие из распада семьи, разделяют участь общественной группы, так как социум некогда проглотил семью. Так массовое общество в конечном счете вобрало в себя и нивелировало социальные классы и группировки. В массовом обществе социальное в ходе векового развития достигло точки, когда все члены того или иного коллектива одинаково связаны и с равной силой контролируются. Массовое общество демонстрирует победу социальности вообще. Оно являет собой ту стадию, когда стоящих вне общества групп просто уже нет. Нивелировка же свойственна обществу при любых обстоятельствах, и победа равенства в современном мире есть лишь политическое и юридическое признание того факта, что социум овладел сферой публичной открытости, причем автоматически всякая отличительность становится частной принадлежностью отдельных индивидов.

Эта современная эгалитарность, которая опирается на присущий всякому обществу конформизм, возможна, поскольку поведение в иерархии человеческих связей заступило на место поступка и во всех аспектах отличается от равенства, каким мы его знаем из античности и прежде всего через греческие города-государства. Принадлежать к числу, всегда малому, «равных» значило тогда, что человек может проводить свою жизнь среди равных по достоинству, что само по себе уже считалось привилегией. Но полис, а стало быть само публичное пространство, было местом сильнейшего и ожесточеннейшего спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от всех других, выдающимся деянием, словом и достижением доказав, что он именно живет как один из «лучших». Другими словами, личное пространство было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности. Это было единственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он является на деле в своей незаменимости. Ради этого шанса достичь необычайного и видеть подобные достижения, из любви к политическому самостоянию граждане полиса более или менее с охотой брали на себя свою часть судопроизводства, защиты, управления государством — груз и тяготу не социальной рутины, а государственных дел.

К. Маркс, принимая факт противоборства интересов, как и его предшественники, сделал вывод о том, что «обобществление человека» автоматически приведет к гармонизации интересов [3]. На пути функционирования социума стояли помехой еще некоторые тради-

ции, а именно позиция «отсталых» классов. С точки зрения социальности смысл в интерферирующих факторах, сковывающих развитие «общественных сил», которые были еще дальше от действительности, чем гипотетическая научная «фикция» коллективного интереса общества в целом.

С самого рождения социума, с тех пор как частное хозяйство и требующееся в нем хозяйствование стали делом государства, эта область отличается от более давних сфер частного и публично-открытого тенденцией к экспансии, постоянным ростом, который с самого начала являлся угрозой заглушить старейшие сферы политического и приватного. Основанием этого феномена нарастания является то, что через социальность сам процесс жизни в его разнообразнейших формах был введен в пространство публичного.

Социум в действительности есть форма, в какой сам по себе процесс жизни публично институировал и организовал себя. Это та форма совместной жизни, где зависимость человека от ему подобных ради самой жизни достигает публичной значимости и где вследствие этого виды деятельности, служащие единственно поддержанию жизни, не только выступают на открытой публичной сцене, но и смеют определять собою лицо публичного пространства.

Далеко не все равно, осуществляется ли та или иная деятельность приватно или публично. Характер публичного пространства явно меняется в зависимости от того, какой деятельностью оно заполнено, но и сама деятельность тоже изменяет свое существо, в зависимости от того, занимаются ли ею приватно или публично. Противостоять разрастанию социального пространства и социальности приватное, с одной стороны, и политическое – с другой, оказались неспособны.

Публичное означает нечто являющееся перед всеобщностью, что для всякого видно и гласно, его сопровождает максимальная открытость. Наша внутренняя жизнь деприватизируется и де-индивидуализируется и, преображаясь, находит адекватную для публичной явленности форму (индивидуальнейшие переживания, происходящие в творениях искусства). Однако это происходит не только в искусстве. Как только мы начинаем говорить о вещах, опыт которых развертывается в приватном, мы уже выдвигаем их в сферу, где они обретают действительность, которой прежде, с какой бы интенсивностью они нас ни задевали, никогда не достигали.

Но, с другой стороны, существует большое число вещей, которые не выдерживают постоянного присутствия других людей, публичного пространства. Понятие публичного означает также и мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам приватно принадлежит, то есть от сферы, которую мы называем нашей частной собственностью.

Публичное пространство, подобно общему нам миру, собирает людей. Это делает взаимоотношения в массовом обществе труднопереносимыми для всех участников. Действительность публичного пространства возникает из одновременного присутствия бесчисленных аспектов и перспектив, в которых предстает общее. Хотя общий мир предоставляет общее для всех место собрания, однако все сходящиеся в нем каждый раз занимают тут разные позиции и местоположение одного так же не может совпасть с местоположением другого. Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции. Это как раз и есть смысл публичного сосуществования. Субъективность приватного может стать настолько сильной, что даст себя почувствовать и в публичном. Там, где вещи, не утрачивают своей идентичности, видятся многими в некоей множественности перспектив, так что собравшиеся вокруг них знают, что одно и то же предстает им в предельном различии. Но, невзирая на все различия позиций и вытекающую отсюда множественность аспектов, очевидно, что все заняты одним и тем же делом. Если это тождество дела распадается и становится уже неощутимо, то никакая одинаковость «человеческой природы» и уж подавно никакой искусственный конформизм массового общества не помешают распаду общего мира на осколки. Такой распад известен из истории насильственной власти, которая радикально изолирует подданных друг от друга, так, что никто уже не может сойтись и договориться с другим.

Однако подобное происходит также и в массовых обществах и в ситуации массовых истерий, когда все вдруг начинают вести себя так, словно они члены громадной единодушной внутри себя семьи, и где истерия возникает из-за того, что какой-то один аспект гигантски раздувается. Здесь имеет место феномен приватизации, то есть состояние, в котором никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным другим. Каждый загнан в свою субъективность, как в изолятор, и эта субъективность не становится менее субъективной, а полученный в ней опыт – менее уникальным оттого, что кажется размноженным до бесконечности. Общий мир исчезает, когда его видят уже только в одном аспекте, когда он существует только в многообразии своих перспектив.

Значение публичного пространства многосложно и неотделимо от понятия приватного. Человек ведет исключительно приватную жизнь, когда лишен определенных сущностно-человеческих вещей, а именно действительности, возникающей оттого, что тебя видят и слышат, предметного отношения к другим, которое может сложиться только там, где люди через опосредование общего вещественного мира отделены от других и, вместе с тем, связаны с ними. В данном случае выводится понятие приватное приватного [1]. Приватный характер приватного лежит в отсутствии других. В современном мире эта лишенность действительности и присущая ей утрата реальности привели к покинутости, которая мало-помалу стала массовым феноменом, демонстрирующим ущербность человеческих взаимоотношений в ее предельной форме. Причина, возможно, заключается в том, что массовое общество разрушает не только публичное пространство, но и приватную сферу, т. е. не только лишает людей их места в мире, но и отнимает у них также защиту их собственных четырех стен, в которых они некогда чувствовали себя укрытыми от мира. Вместе с тем, приватная сфера предлагает достаточно места для видов деятельности, которые склонны ценить выше чем политические, например, занятия искусством и наукой.

Таким образом, приватная сфера прошла свое развитие от семейной жизни у домашнего очага до особого внутреннего пространства со своим самостоятельным правом и самостоятельными законами, и произошло это благодаря возникновению сферы политической и пониманию того, что эти две области в своем существовании зависят друг от друга.

К. Маркс опосредованно заметил тот факт, что публичное пространство отмирает или может быть вытеснено в узкую сферу государственного аппарата [3]. Это нашло свое подтверждение в последующем управлении, которое все больше понималось как распространившееся на всю страну хозяйствование. Так, на сегодняшний день государственный аппарат растворяется в ограниченном и совершенно безличном административном аппарате. В самой сути отношений между приватным и публичным заложено, что отмирание публичности в ее конечных стадиях сопровождается радикальной угрозой приватному. Тем более, если придавать значение приватному как частной собственности. Приватный характер не обязательно служит антонимом к публичности, если выступает в связи с собственностью, именно как частная собственность. Собственность обладает свойствами, которые и приватной природы, но, тем не менее, существенны для политического. Сокровенное пространство приватного образовывает как бы другую сторону публичного. Так, благосостояние стало условием участия в публичной жизни. Приватное владение означает, что человек потенциально свободен, а именно свободен трансцендировать собственную жизнь и вступить в мир для всех общий.

Отсутствующая собственность не может лишить человека гражданских прав и принадлежности к политическому организму.

Так что политическое значение имеет не собственность. А внешний образ публичности – это то, что должно быть учреждено вовне для сбережения частного. В свете публичного приватное выступает как ограниченное и огражденное, и обязанность публичной, общей сферы в том, чтобы сохранить эти ограды и границы, обеспечить обособленность.

Таким образом, противоречие разрешается интересом общества как целого, которое заявляет о себе тогда, когда социуму удается поглотить как все приватное, так и все публичное, притом, что это поглощение происходит в форме процесса в равной мере и охватившего

всю предметность общего мира, и вторгающегося в пространственную ограниченность приватной сферы.

Библиографический список

1. Арендт Ханна. VITA ACTIVA, или О деятельной жизни / Арендт Ханна. – СПб., 2000.

2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Пер. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с.

3. Маркс, К. Избранные произведения : В 3 т. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1983.

4. Руссо, Ж. Ж. Трактаты. – Пер. с фр. / Ж. Ж. Руссо. – М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 1998. – 416 с.

© Шкудунова Ю. В., 2010

Автор статьи – **Юлия Владимировна Шкудунова**, кандидат философских наук, доцент кафедры управления и права НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия».

Рецензент – К. А. Бузанов, кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВПО «Омская академия МВД России».

РАЗДЕЛ 2
ЭКОНОМИКА, КАДРЫ, ПЕРСОНАЛ

УДК 331.5

В. П. Беклемешев
Иркутский государственный университет

СВОЕОБРАЗИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА КАК ЭЛЕМЕНТ КОМПЛЕКСНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Быстрые темпы и незавершенность трансформационных процессов, экономический кризис, криминогенные процессы породили и порождают серьезные проблемы, требующие быстрых и грамотных решений. При всех положительных аспектах предлагаемых направлений автор упускает из вида сам факт адаптации рынка труда, сводя совокупность всех программ лишь к максимальной степени задействования интеграционных ресурсов, формируя объектно-ориентированный подход к изучению экономической эффективности. Переход на инновационную модель предполагает создание новой среды обитания, в том числе и возможность формирования модели адаптационного механизма рынка труда, его институциональных компонентов. «Институциональные ловушки» при этом формируют различные подходы в определении адаптационных механизмов использования рабочей силы. Практика реального отражения в условиях регионального изменения потребления рабочей силы создает различные механизмы и модели проектирования потоков занятости, минимизацию упущенных выгод, проектирование с учетом принципов эволюционной модернизации возможного развития переходной экономики, формирования на основе этого новой теории «ценности» рабочей силы.

Ключевые слова: рынок труда, трудовые ресурсы, управление.

Трансформационные изменения общественного развития отразились на состоянии новых подходов в использовании трудовых ресурсов, систем, методов обоснования их эффек-

тивного применения. Введение концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г. еще существеннее отобразит факт значимости изменения статуса как составляющих трудовые ресурсы, так и механизма адаптационного регулирования на рынке труда посредством формирования общего информационного пространства, общегосударственных ресурсов, обеспечения уровня квалификации работников, что является одним из путей усиления интеллектуальных возможностей человека. Управление сложными системами различной природы обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и целей при требовании создания и функционирования адекватных друг другу по сложности управляемых и управляющих систем. При управлении сложными экономическими системами важное практическое значение имеют задачи выбора альтернатив и поиска эффективных решений в условиях риска и неопределенности. К такого рода системам относятся социально-экономические, финансово-банковские, инвестиционные, кредитные, производственно-хозяйственные, образовательные и прочие сложные системы, функционирование которых требует обеспечения высоких уровней эффективности, качества, надежности, безопасности, прогноза изменения их состояния и выработки оптимальных решений и в первую очередь качества трудовых ресурсов, обеспечение которых возможно при формировании адаптационного механизма и условий управления, что определяется интеграцией сфер деятельности, в том числе и советующих систем принятия решений.

Идея системного регулирования адаптационного механизма рынка труда выдвигается впервые. В связи с этим обоснование конкурентоспособности принципов системности берется за основу рассмотрения. Ряд авторов в этой проблеме берут за основу методологию системно-эволюционного исследования. Однако давно назрела необходимость и в теории, и в практике использовать методологию теории «обмена».

Реализация данного методологического приема предполагает выявление исходного экономического отношения, которое, с одной стороны, в концентрированном виде несет в себе экономические формы, а с другой стороны, обусловливает взаимосвязь всех элементов самой системы рынка труда, качественным элементом которого выступает найм рабочей силы и ее регулирование. Особую значимость многие авторы видят здесь в отношении к рынку труда и трудовым ресурсам, в частности в определении макротехнологической динамики (С. Глазьев, С. Маевский и другие), они видят смену технико-технологических укладов в технологических революциях и не берут во внимание демографическую революцию (С. Капица), эмоциональную революцию, о чем достаточно веско говорится в материалах, публикуемых в журнале «Управление персоналом».

Анализ представленных аспектов на рынке труда позволяет констатировать, что эти проблемы разрешимы в рамках преобразований качества труда, исследования нового понимания «умственного труда», не только заключенного творческими, интеллектуальными, инновационными, организационными ограничениями, но и определенного совокупностями отношений и правил регулирования информационного генотипа с особыми качествами приложения возможностей. Это способствует по-новому отражать экономическую систему найма как специфический обмен на рынке труда, аспект мобильности способностей как различных уровней управления механизмами формирования, распределения, обмена и использования способностей к труду, объяснения новых начал конкурентоспособности не только регионов, но и конкурентоспособности трудовых ресурсов, согласно:

– подтверждению способности организации достичь своих целей;
– планированию исследований и разработок;
– аккумулирование исходной информации для составления программ по реорганизации;
– постановке целей обучающих программ;
– оценке стоимости предприятия;
– расширению границ корпоративной памяти;
– определению стоимости найма;

– анализу затрат на адаптацию;

– анализу затрат на миграцию и ее предотвращение.

Аспекты реформирования управления предполагают искоренение бедности и «троекратное уменьшение» числа бедных там, где учитываются реальности: растущая инфляция, добавление денег из госказны, деятельность людей на неэффективно работающих предприятиях, перераспределение доходов и выделение дифференцированного подоходного налога. Современные изменения данных направлений для каждого государства и региона разнообразны, а следовательно, подходы для их исследований также разнообразны. Так, конкурентоспособность России на сегодня низка, чтобы ее поднять, необходимо: укрепить рубль, изменить положение в инфраструктуре, изменить взаимоотношения в сфере бизнеса. Это возможно через изменение прожиточного минимума, и к 2010 г. количество бедных уменьшится до 10,5% от всего населения. Основные факторы бедности устанавливают:

1) низкий уровень заработной платы;
2) долги по заработной плате;
3) безработицу;
4) низкое пенсионное обеспечение;
5) снижение ставки социального налога;
6) недостаточную помощь социальным бедным.

На сегодня, по мнению Дж. Равенна, потеряла свое значение вера в экономику как способ организованной деятельности. Роль денег фактически сведена на нет. Важно поддерживать ответственность людей, занятых общественно значимой деятельностью, и для этого нужны иные, чем прежде, средства, новые механизмы должны прийти на смену. Сегодня регионы сосредоточены не на выгодах в разнообразии рынков труда, а на затратах по обеспечению разнообразия. Региональные рынки труда упускают из виду необходимость тщательно анализировать общественную политику среди населения, состоящего из людей с совершенно различными ценностями, способностями и видами компетентности. В связи с этим правомерно убеждение, что существующее в обществе неравенство справедливо и требуются социальные новаторы, способные разработать и внедрить новые системы управления и методы их анализа. В этой области отмечаются исследования Макклеланда, Дэйли, Равенна, Шнейдера, Клемпа, Кастендика, Прайса и других, что способствует определению качества адаптации. Так, Кертон обнаружил, что адаптивные люди, адапторы, стремятся к творческим решениям, но делают это в рамках доминирующих в их организации установок и способов, а решения, которые предлагают «новаторы», напротив, бросают вызов этим способам. По этой причине «адапторы» воспринимают «новаторов» как ненадежных, раздражающих и бесцеремонных людей, подрывающих устои организации. Установленная концепция иерархии рабочих мест и продвижения по службе как единственной формы вознаграждения на сегодня затрудняет качественную оценку, повышение квалификации кадров и препятствует применению эффективных стратегий привлечения людей к управлению. Отмечено, что большинство рабочих мест в современных организациях требует высокого уровня инициативности и свободы действий, условий, способствующих инновациям.

По мнению Дж. Равенна, люди мало заинтересованы в нововведениях и в более эффективной работе, о чем говорят исследования качества трудовой деятельности. По качеству трудовой деятельности предполагается выделять в аспектах рынка труда:

1. Факторы «гигиены» – гарантированное сохранение рабочего места.
2. Предпочитаемый вид работ.
3. Организационный климат.

Концепция организационного климата все больше рассматривается на рынке труда как зарубежными исследователями (Великобритания), так и отечественными (специалисты журнала «Управление персоналом»). Основными параметрами организационного климата могут быть:

1. Ассортимент производственных задач.

2. Качество эффективного поведения.
3. Стандарты качества работы.
4. Обратная связь работодателя и наемного работника.
5. Возможности роста.
6. Организационная ясность.
7. Поощрение новаторства.
8. Заинтересованность.

Указанные компоненты доказывают значимость организационно-экономических взаимоотношений в региональных комплексах и являются феноменальным аспектом эффективности управления рынком труда, проявлений, вызванных информатизацией, универсальной коннективностью и глобализацией, где управление знаниями основано на сочетании гуманитарного, информационного и технологического управления. Своеобразный аспект значимости региональных особенностей регулирования рынка труда с учетом маркетинга выделяет Е. Котырло. Маркетинговый подход к регулированию рынка труда состоит в реализации маркетинга труда через услуги посредников, базирующиеся на информации о рынке, воздействии на спрос. Отмечается, что некомпактность проживания населения, затрудненность территориальных трудовых перемещений, жесткая зависимость локальных рынков труда от одного предприятия, находящегося нередко в состоянии или на грани банкротства, препятствуют развитию саморегулируемого рынка, усиливают роль государственных посредников. Это во многом отражается на демографической ситуации, «социальных пожарах» реформирования, формирует модели маркетинга труда, выбор сегментов и предоставление услуг, комплектацию маркетинга услуг, создание системы управления качеством. Однако не следует забывать, что развитие теории институциональных изменений представляется условием прогресса социальных наук в целом в работах Дж. Гэйлбрейта, институционально-социологических традициях Ф. Перру, Г. Мюрдаля, «неоинституциональных» проявлениях Р. Коуза и Д. Норта. Неоинституционализм не только добавляет новый класс ограничений, в рамках которых производится выбор, но и предлагает более реалистическое описание самого процесса принятия решений. Здесь О. Уильямсон вводит понятие «оппортунистическое поведение», которое определяется как «преследование собственного интереса». В социальных институтах нуждаются ограниченно разумные существа небезупречной нравственности. При отсутствии проблем ограниченной рациональности и оппортунистического поведения потребность во многих институтах попросту отпала бы. О. Уильямсон предлагает различные классификационные группы институциональных подходов: технологические, организационно-контрактные перспективы, институциональную среду, общественный выбор, публичную сферу, организационную структуру, агентские отношения, трансакционные подходы, «контролирующие структуры». Развернутую характеристику отношений современных институционалистов дает У. Самуэльс, Дж. Ходжсон, Э. Скрепанти. Среди наиболее оригинальных выделяются «чувствительные сигналы» М. Спенса на улучшение работы рынка труда. Институты представляют структуру, которую люди накладывают на свои взаимоотношения, определяя таким образом стимулы, наряду с другими ограничениями. Институты включают в себя как формальные правила и неформальные ограничения, так и определенные характеристики принуждения к выполнению тех и других. Механизм институциональных изменений путем объединений внешних изменений и внутреннего накопления знаний будет создавать возможность построения новых моделей взаимодействия, а с учетом современного состояния институционально-эволюционной теории ставит под сомнение выводы и теории развития.

Исследователь В. Тамбовцев считает, что институциональная динамика в переходной теории значительно менее продвинута и требует реконструкции институциональной структуры, где выделяются основные хозяйственные устройства и институциональные сделки, а также конкуренция экономических институтов. В качестве типов обменов выделяются конфигурации процедур перераспределения правомочий собственности. Каждый из типов обме-

на характеризуется своей особой технологией. Здесь любой рынок может быть реализован через институциональную динамику перехода, его основные параметры.

В. Попов полагает, что выделять сильные институты важнее реформ, при этом эффективность институтов нелегко оценить, т. к. упрощаются все переходные экономики, которые подразделяются на хорошие, плохие, промежуточные, благоприятные.

Л. Евстигнеев, Р. Евстигнеев видят проблему институтов в синтезе теорий между общей экономической теорией и институционально-эволюционной теорией. Создается впечатление, что институциональное системное видение рассматривается как сфера взаимодействия индивидов, формирующих институты, а институты, в свою очередь, вступая во взаимодействие между собой, создают макроэкономику. Классическая экономика изучала рациональные, материализованные отношения, институциональная экономика осуществляла обратный процесс через единство «объективного и субъективного». В связи с этим выделяют формы координации действий, поскольку в процессе замещения могут использоваться различные трансакционные издержки, а также результаты обменов.

Попытка применения методологии НИЭ к анализу переходной экономики выявляет некоторую ограниченность данного подхода и ее требований. Требования к институциональной теории могут быть следующими:

1) выразить влияние неэкономических факторов и объяснить динамику этих факторов;

2) проанализировать рынок как один из базовых институтов.

Новые французские институционалисты пытаются снять противоречия как у особого института, обеспечивающего координацию индивидов. Согласно Л. Тевено и Л. Болтянски, под рынком понимается особая форма социальных связей между отделенными друг от друга индивидами. Обращение к нормам обусловлено необходимостью взаимной интерпретации действий. Рынок как особый институт, обеспечивающий координацию действий агентов, предполагает существование норм и правил поведения. Отсюда интерес к анализу нерыночных институтов, а также к анализу их взаимодействия. Выделяется семь институциональных подсистем, «семь миров». Новый французский институционализм исходит из иной посылки в анализе взаимоотношений между институциональными подсистемами. Основой динамики институциональной системы, согласно этому подходу, являются поиск и достижение компромисса между принципами и нормами, лежащими в основе каждого из «миров». Социально-экономическая система в результате «рассыпается» на фрагменты и лишается ценности. Еще одним последствием «фрагментации» институциональной системы является рост психологического дискомфорта людей.

Нам представляется, что масштаб изменений и присоединения новых сфер анализа свидетельствует об огромных способностях к адаптации. Так, О. Фаворо выделяет внутренние и внешние институты. Анализируя данный подход, О. Фаворо определяет институциональную типологию рынков, где рассматриваются: организация рынка, рынок организаций, альтернативные организации. Тем самым:

1) сводя рынок труда к бирже ценных бумаг, затрудняет понимание механизмов, действующих на данном рынке;

2) конкуренция приобретает форму арбитража.

О. Фаворо обобщенно представляет модель экономики как популяцию организаций: как совокупность рынков; как совокупность рынков и организаций; множество пересечений организаций и рынков. В связи с этим А. Шоститко вводит дискретные институциональные альтернативы, альтернативные механизмы координации: феномен субаддитивности издержек; внешние эффекты; проблемы коллективного действия; асимметричное распределение информации при условиях: отсутствия ранка; отсутствия равновесия на рынке; несовершенства рынка; побочных результатов. Согласно институциональным изменениям различие альтернатив может компенсироваться через устранение «провалов рынка» и классификации благ. Институты как устойчивые постоянно воспроизводящиеся социальные, правовые, экономические и другие отношения формируют институциональный порядок, структуру институтов базовых

социальных взаимодействий в рамках единого социума. Здесь институтами могут выступать совокупности базовых экономических, политических, идеологических институтов – институциональных матриц. Данные матрицы формируют скелет общества, его структуру. Выделяются два типа матриц – X и Y-матрицы. В соответствии с ними устанавливают два свойства материально-технологической среды, которые формируют тип институциональной матрицы. Она может быть либо коммунальной, либо некоммунальной. Первая характеризуется внутренней неразвитостью (ЖКХ, транспорт, ЕЭС). Вторая характеризуется автономностью (обособление товаропроизводителей, федеративные политические структуры).

Многообразие подходов к институтам и анализ результатов проявления изменений сформировало в теории познания использование «институциональных ловушек». В. Полтерович определяет их как устойчивые нормы неэффективного института – бартер, неплатежи, уклонение от налогов, коррупция, ожидание, результат внешнеторговой политики, культурная инерция и институциональные конфликты, коррупционная ловушка. Однако «институциональные ловушки» возникли и возникают не только из-за неадекватности формальных институтов и механизмов принуждения к исполнению их предписаний, но и в результате ограничений, накладываемых неформальными институтами. Учет неформальных ограничений определяет важность реформ. А. Олейник выделяет «институциональные ловушки», связанные с последствиями приватизации, Е. Балацкий определяет их через ценовые механизмы, М. Дерябина через аспекты постсоциалистического переходного периода, Л. Тимофеев – теневую экономику и налоговые потери, Л. Тутов – экономический подход к проблемам организации знаний о человеке, А. Ляско – трансакционные издержки франчайзинговых и лицензионных контрактов, исследование работой.

Развитие новых формализованных и неформализованных институтов есть результат расширения кооперации между людьми. А. Нестеренко видит этот процесс в «модернизационном скачке» – это создание современной социально-экономической системы, предполагающей индивидуализацию трудовых усилий, повышение роли творческого начала в производственной деятельности, формирование институтов роста, что проявляется в институциональных программах модернизации, теориях развития и становления, моделях и методах маркетинга, различных проявлениях взаимодействий на рынке труда.

Воспроизводство адаптационных практик говорит о способности рационального встраивания наборов адаптационных ресурсов в социально-экономическую систему, влиянии на процессы социально-экономической адаптации населения. Именно социально-экономическая адаптация становится макросоциальным процессом, определяющим тенденции дальнейшего развития как регионов, так и России в целом. В связи с этим ряд авторов считает, что институты можно перестраивать ускоренными темпами, при этом новые институты зависят от длительности времени и специальных усилий (упрощения, компромиссы или легализация бизнеса, администрирование новых правил, мониторинг процесса, информационная поддержка, обучение новым навыкам). Специфичность институтов до сих пор находит отражение в анализе теорий социальной сферы ряда стран, анализе межрегиональной дифференциации и построении рейтингов субъектов Российской Федерации.

Современные аспекты институализации выделяют устойчивые параметры экономического выбора: структуры внешние по отношению к акторам (институты, сети, контракты, агломерации), а также экономическая культура, которая существует в виде конструкций (знания и ценности) и соглашений (язык общения, общее знание, ограничивающее возможности вступления в сделку «институт – сеть – контракт»). Какой бы тип сети ни рассматривался, центральным будет структура отношений. Для каждого набора участников можно анализировать разные отношения, поэтому и сети будут разными, а следовательно, возникает проблема анализа «правильных институтов». В связи с этим Е. Попов рассматривает мини-экономические институты в качестве основных характеристик экзогенности или эндогенности формирования, а также влияния данных институтов на деятельность отдельных работников или предпринимателей в целом.

В практике указывается на причины: неравное распределение выигрыша от функционирования эффективных рынков; несовершенство рынков; на глобальном уровне режима торговли, миграции и охраны прав интеллектуальной собственности, власть богатых. В. Полтерович, В. Попов считают, что основу здесь представляют барьеры движения миграции, т. к. современный мир менее глобализирован, стимулы миграции возросли, о чем высказывается А. Скоробогатов в работе «Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неоинституционально-посткейнсианский анализ». Институты рассматриваются как механизмы, обеспечивающие координацию и стимулирование. Специфика в новых условиях будет заключаться в идентификации институтов и выделении координирующих и стимулирующих функций. Координирующее значение правил усматривается в ограничении правил поведения людей, выборе «конвенциональных ожиданий», форвардных контрактов. Конвенциональные ожидания – часть неформальных правил выбора эффективных решений относительно выбора активов. Это облегчается благодаря институтам. Конвенциональные ожидания как разновидность информационных неформальных правил определены как правила рациональности и являются институтами, они заменяют знание будущих перспектив. Данный институт может рассматриваться как фактор, либо вызывающий цикл, либо увеличивающий его амплитуду, а следовательно, выделяющий институты-правила – порождает «эффект парадокса Мински» (антициклическая политика), уменьшает амплитуду делового цикла и обеспечивает больший порядок, создает предпосылки для увеличении амплитуды цикла в будущем, повышает допустимый уровень риска. Это применительно и к другим институтам-правилам, к которым применим «парадокс рабочей силы», ее организационных форм использования, к анализу «групп и их интересов». Критерием эффективности института в этом случае может служить степень его приспособления к данным условиям. Однако в силу того, что институциональные формы переплетены между собой и дополняют друг друга, неэффективный институт может обеспечивать функционирование остальных и тогда институты могут быть элементом общественных связей, общественной координации. «Институциональные ловушки», как звенья, изжившие себя, но существующие, могут предполагать отсутствие интересов, способных разрушать, а также наличие высоких издержек разрушения. В этом случае создается институциональное равновесие – ситуация, в которой выгодно тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений и возможность подводить к использованию различных видов «ловушек». В целом использование «институциональных ловушек» предполагает возможные комбинации борьбы с инфляцией, где, по мнению С.Фишера, Р.Дорнбуша, Р.Шмалензи, возникают процессы институциональной адаптации и институциональное реформирование «мерами исправления недостатков».

Современные аспекты значимости институционального проявления, как в целом отдельных институтов, так и отдельных видов «ловушек», указывают на использование в последнее время элементов наноэкономики – институтов на уровне индивидуального человека, имеющего конкретные физиологические, интеллектуальные и духовные параметры своего развития, определяют практическую пользу: реализации людей как индивидов; средств связи личности; обеспечения безопасности. Институциональные предпосылки и преобразования наиболее ярко представлены в работах Н. А. Волгина и В. К. Егорова. Отсутствие институциональных условий в развитии отдельных элементов и их согласованность, отставание в решении назревших социальных проблем, неэффективное использование местных ресурсов, нарастание экологической напряженности обусловливают необходимость коррекции и адаптации. Институциональный подход к исследованию проблем позволяет по-новому оценить преобразования, теоретические технологии хозяйствования на уровне муниципальных сообществ. Здесь институты образуют базисную структуру, «создаваемые людьми рамки, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия», что определяется теорией «экономики соглашений», а следовательно, через институциональную среду реализуются формы координации, адаптации, разрешаются корпоративные подходы к управлению взаимосвязанных групп целей (экономических, социальных, политических).

Спрос на институты со стороны наиболее влиятельных агентов предполагает рост устойчивости прежде всего институтов защиты прав собственности; регулирование, способствующее развитию бизнеса; экономические стимулы и возможности развития институтов. Проявляемое неравенство будет способствовать манипулированию институтов, устойчивому долгосрочному равновесию при слабой защите прав собственности («институциональным ловушкам»). В практике существуют альтернативные высказывания выбора эффективных институтов институциональных установок, связанных и порождаемых социальными организациями и аспектами влияния институтов на поведение. Поэтому введение в институциональный анализ неравенства, принудительный характер сделок по обмену правами, власть, издержки трансформации поведения будут приводить и приближать к реальной институциональной организации рынка труда. Типичная иллюстрация этому – феномен «запаздывания», когда нарушение экономического равновесия уровня цен и заработной платы не сразу реагирует на изменение совокупного спроса. Эффект «запаздывания» указывает на асинхронность значительного числа социальных процессов, которые протекают внутри экономической системы, развиваются согласно своей логике, часто противоречащей логике рыночного порядка (контрактные отношения между наемными работниками и работодателем), порождает явные или латентные тенденции профессиональной дискриминации и сегрегации. При этом в разных социально-экономических системах доминируют различные критерии дискриминации. Факты дискриминации на рынке труда могут быть разнообразны и затрагивать аспекты поведения рыночных агентов, связанные с так называемыми законодательными ловушками, когда программы содействия добровольного переселения граждан не соответствуют действительности (например, притеснения на национальной почве) [1].

Однако согласно высказываниям ряда авторов Pro et Contra в «фокусе внимания авторов находятся не сами теории политических институтов, а отношение россиян к этим институтам, равно как и к другим явлениям политической и общественной деятельности». Этот процесс можно наблюдать во внутрисистемной разбалансированности, когда в крупных городах, привлекательных для бизнеса, превышен порог допустимой численности населения, перекрыты предельно допустимые нормы по количеству рабочих мест и объему жилищного фонда. Отсюда ухудшение среды проживания, рост социальных агрессий людей и, как следствие, появление поселенцев, окруженцев и прочих, т. е., по мнению А. А. Богданова, «определяются, регулируются и контролируются приемлемые способы достижения целей институцианализированными нормами», а следовательно, явно выделяются различия подходов к изменениям бизнеса:

– подхода, основанного на идеологии реинжиниринга;

– институционального подхода, основанного на идеологии трансакционных издержек.

Своеобразный вид «институциональных ловушек» проявляется во взаимосвязях «ловушки безработицы» и «ловушки бедности». Современные социологические исследования на Западе показывают, что в развитой рыночной экономике, чем выше уровень образования людей, тем больше шансов иметь работу и, наоборот, наиболее высокий уровень безработицы наблюдается среди лиц с низким образовательным потенциалом [2]. Повышение образовательного уровня в странах с развитой рыночной экономикой рассматривается на микроуровне как гарантия для каждой личности от риска безработицы, а на макроуровне расширение занятости в сфере образования, финансируемого за счет государственных средств, особенно в период спада производства, представляет собой высокий амортизатор циклической безработицы. К тому же неизбежное сужение возможностей воспроизводства экономического потенциала повлечет за собой резкое сжатие массового выбытия устаревших основных фондов во внутренне ориентированном секторе и социальной сфере. В результате российская экономика попадает в сырьевую ловушку и окончательно опустится на периферию мирового хозяйства. Это означает стагнацию уровня жизни большинства населения, 2/3 которого будут лишены перспективы самореализации и получения высоких доходов. Вырваться из сырьевой ловушки сложнее из-за возрастающей глобальной конкуренции, а имеющиеся возможности сужаются по мере формирования нового технологического уклада мировой эко-

номики и соответствующей ему страновой специализации [3]. К тому же динамика гендерной сегрегации все больше дает о себе знать, что предопределяет возможность изменения конкурентной среды, развивает альтернативные концепции институционального рынка как механизма институциональных изменений. Внедрение институциональных инноваций здесь осуществляется через «рынок институтов», где могут использоваться варианты их развития (эволюционный, революционный), принципы проектирования и определения институциональной эффективности (аллокативной, адаптивной) на основе издержек институциональной трансформации. Следовательно, по мнению Й. Фогеля, могут анализироваться различные модели взаимодействия человека и рыночной экономики, социального обеспечения и рынка труда, складываться соответствующий тип социального неравенства [4]. Согласно утверждениям авторов ключевой институт «северной модели» будет составлять не социальная политика как таковая, а принцип емкого рынка труда с высокими квотами участия в нем различных слоев населения, а следовательно, различные подходы к обоснованию институтов и борьбы с «институциональными ловушками», формированию экономической социологии рынка труда, анализа моделей посреднического поведения [5]. Тем самым трансформируется сам институт социальных льгот, усиливается территориальная асимметрия регионов, появление атрибутов «экономики нового поведения», т. е. выделение институционального каркаса экономических действий, которые обладают определенной спецификой и отражаются в различных моделях посреднического поведения по институциональным ступеням развития, что рассматривается в социоэкономической сущности трудового конфликта как основы трудовых отношений, влияние ресурсного изобилия на институты и формирование качества институтов на основе диалектики позитивного и нормативного в теории «второго лучшего» и в теории «институциональных ловушек», преобразования институциональной структуры и информационной состоятельности любого рынка труда, новой его парадигмы, концептуального изменения основ управления с учетом стандарта справедливости и «ловушек уникальности» [6]. Неоднозначность проявления анализа институтов говорит о многообразных подходах в определении предмета и метода регулирования отношений на рынке труда, по-новому представляет региональные особенности различий в специфической системе отношений по поводу рабочей силы [7].

Библиографический список

1. Управление персоналом. – 2000. – № 12.

2. Полунин, А. Рожаем реже, умираем чаще / А. Полунин // Труд. – 2005. – 18 янв. – № 6.

3. Социальный пожар потушат деньгами // Известия. – 2005. – 18 янв.

4. Хачатуров, А. К. Основы менеджмента качества : учеб. пособие / А. К. Хачатуров, Ю. А. Куликов. – М. : Дело и Сервис, 2003.

5. Нестеренко, А. Современное состояние институционально-эволюционной теории / А. Нестеренко // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–7.

6. Нуреев, Р. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века / Р. Нуреев // Вопросы экономики. – 2007. – № 7. – С. 73.

7. Тамбовцев, В. Институциональная динамика в переходной экономике / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 1998. – № 5. – С. 29–40.

© Беклемешев В. П., 2010

Автор статьи – **Валерий Петрович Беклемешев**, кандидат экономических наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики ИСН ИГУ (г. Иркутск), лауреат ФОРО.

Рецензент – В. П. Чебунин, кандидат экономических наук, доцент ИСН ИГУ.

УДК 336.71

С. А. Большедворова
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

РОЛЬ БАНКОВ ВТОРОГО УРОВНЯ В РАЗВИТИИ И ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье подробно описана роль банков второго уровня в развитии экономики региона, раскрываются сущность, функции, указываются особенности деятельности банков второго уровня. Автор исследует социально-экономическое развитие Северо-Казахстанской области, далее проводит анализ конкурентоспособности области. Достаточно грамотно проведен анализ влияния показателей деятельности банков РК на социально-экономические показатели области

Ключевые слова: конкурентоспособность, банк второго уровня, экономическое развитие.

В современных условиях банки, через которые проходят почти все денежные потоки страны, играют определяющую роль в развитии экономики, они создают тенденции в экономике. Зная то, как улучшить финансовое состояние банков, и определив, какие существуют зависимости между банковскими и социально-экономическими показателями, можно в дальнейшем разработать новую, более прочную банковскую модель, что позволит быть конкурентоспособными. Все вышеизложенное определяет **актуальность** темы данного исследования.

Цель написания данного исследования – определение путей совершенствования роли банков в развитии и повышении конкурентоспособности экономики Северо-Казахстанской области.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что разработаны новые теоретические обоснования роли банков второго уровняв развитии региональной экономики и повышении конкурентоспособности региона. Тем самым выполненная разработка расширяет существующее в экономической литературе направление изучения конкурентных отношений в условиях развития, дополняет его теоретический аппарат, создает возможность дальнейшего углубленного исследования современных тенденций развития банков второго уровня и их роли в региональной экономике.

Информационную базу работы составили статистические материалы Северо-Казахстанского областного филиала Государственного учреждения «Национальный Банк Республики Казахстан» (СКОФ ГУ НБ РК), Агентства по регулированию и надзору за финансовыми рынками и финансовыми организациями Республики Казахстан (АФН), Агентства Республики Казахстан по статистике.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам развития, становления, управления конкурентоспособностью региона и роли банков второго уровня, а также нормативные акты законодательных и исполнительных органов Республики Казахстан. Автором использовались труды следующих отечественных и зарубежных ученых: Г. С. Сейткасымова, Э. М. Коротковой, В. П. Астахова, И. Т. Балабанова, О. И. Лаврушина, И. А. Бланк, Г. Т. Калиевой, А. Б. Крутик, М. М. Хайкина, З. А. Уткина и других.

Преодоление кризиса в любой сфере жизни региона напрямую связано с уровнем экономической активности. Социальное развитие хотя и обладает относительной самостоятель-

ностью, в значительной мере определяется ресурсными возможностями, которые, в свою очередь, зависят от степени экономического развития. Поэтому, только развивая экономическую активность, можно осуществить те или иные прорывы в жизни местного сообщества и поднять уровень благосостояния населения, который в конечном счете всегда определяет успех той или иной социально-экономической политики.

Все возможные методы воздействия региональной администрации на ход экономического развития можно сформулировать так:

1) создание в регионе благоприятных общих условий для развития деловой активности;
2) регулирование деловой активности;
3) прямая кооперация администрации региона и бизнеса.

Изучение и *анализ* состояния проблемы оценки финансово-экономической стабильности функционирования коммерческого банка позволили сделать следующие выводы:

– *экономика* Казахстана специфична, что предполагает наличие адекватных методических подходов к оценке финансово-экономической стабильности функционирования коммерческого банка;

– основной причиной финансово-экономической нестабильности функционирования коммерческого банка является отсутствие методических подходов ее оценки с учетом стадий жизненного цикла и соответствующего механизма принятия управленческих *решений.*

Развитие конкурентоспособности региона, как и страны в целом, осуществляется в соответствии со следующими четырьмя стадиями (уровнями): конкуренция на основе факторов производства – конкуренция на основе инвестиций – конкуренция на основе нововведений – конкуренция на основе богатства. Первые три стадии обеспечивают экономический рост, последняя обусловливает застой и спад.

Таблица 1

Формирование конкурентного преимущества региона на разных стадиях экономического развития

Стадия	Детерминанты			
	Факторы	Стратегии	Условия спроса	Родственная отрасль
Факторов производства	Используется частично	Не используется	Не используется	Не используется
Инвестиций	Используется частично	Используется полностью	Используется полностью	Не используется
Инноваций	Используется полностью	Используется полностью	Используется полностью	Используется полностью
Богатства	Используется частично	Используется частично	Используется частично	Используется частично

Конкурентное преимущество региона (табл. 1) обеспечивается:

– на первой стадии – благодаря факторам производства: природным ресурсам, благоприятным условиям для производства товаров, квалифицированной рабочей силе (обеспечивается одним детерминантом);

– на второй стадии – на основе агрессивного инвестирования (в основном национальных фирм) в образование, технологии, лицензии (обеспечивается тремя детерминантами);

– на третей стадии – за счет создания новых видов продукции, производственных процессов, организационных решений и других инноваций путем действия всех составляющих «ромба»;

– на четвертой стадии – за счет уже созданного богатства и опирается на все детерми-

нанты, которые используются не полностью.

Для формирования конкурентоспособности региона можно использовать программно-целевой подход (ПЦП). При решении проблемы создания и повышения конкурентоспособности региона ПЦП может быть представлен следующим образом. Вначале осуществляется структуризация проблемы формирования конкурентоспособности региона и разрабатывается «дерево целей» для двух уровней (в укрупненном виде представлено на рис. 1).

Проведем анализ конкурентоспособности Северо-Казахстанской области.

Северо-Казахстанская область образована в 1936 г. и расположена на крайнем юге Западно-Сибирской низменности, в пределах черноземной полосы, что и определяет ее специализацию в сельскохозяйственном производстве. Область имеет выгодное экономико-географическое положение относительно развитых регионов России (Урала, Западной Сибири), являющихся основными потребителями продукции важнейших отраслей специализации. Протяженность границ с Россией составляет 1160 км. Область граничит с тремя областями Республики Казахстан (Акмолинской, Костанайской, Павлодарской) и тремя Российской Федерации (Омской, Тюменской и Курганской).

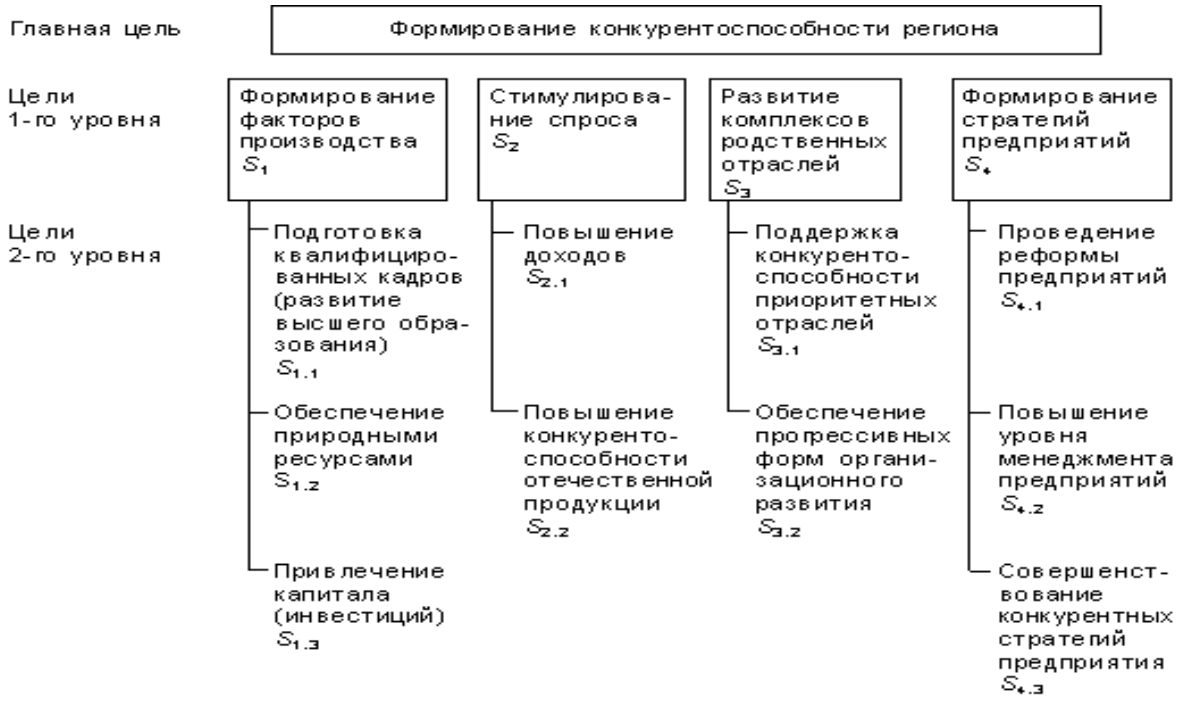


Рис. 1. Модель формирования конкурентоспособности региона («дерево целей»)

Большое значение для развития области имеет ее транзитное положение на важнейших сухопутных транспортных магистралях, связывающих европейские государства, Россию, Китай и другие азиатские страны.

Площадь области составляет 97,99 тыс. км^2, удельный вес в территории республики составляет 3,6%. Численность населения области на 1 января 2007 г. составила 661,4 тыс. чел., в т. ч. городское население – 34,8% . Плотность населения области составляет 6,8 чел./км^2 (в целом по республике 5,6 чел./км^2). Среди областей Республики Казахстан область занимает по территории 14-е место, по населению 10-е место, по плотности населения 4-е место.

Система населенных мест области включает пять городов (Петропавловск, Булаево, Тайынша, Мамлютка, Сергеевка), 727 аулов и сел. За 2004–2008 гг. численность населенных пунктов сократилась на 26 единиц за счет ликвидации неперспективных сельских населен-

ных пунктов. Административный центр области – город Петропавловск. Город выполняет функции железнодорожного узла. В городе расположены предприятия таких отраслей промышленности, как машиностроение и металлообработка, пищевая, легкая промышленность. Работает ряд высших учебных заведений. Расстояние от Петропавловска до Астаны – 491 км.

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели Северо-Казахстанской области

Показатель	Январь–декабрь 2008 г.	Декабрь 2008 г.	В % к соответствующему периоду 2007 г.		Декабрь 2008 г. в % к ноябрю 2008 г.
			январь–декабрь	декабрь	
Объем промышленной продукции (работ, услуг) в действующих оптовых ценах предприятий, млн тенге	66537,4	6115,1	104,5	107,2	107,0
Инвестиции в основной капитал, млн тенге	39867,6	5803,1	99,6	60,4	126,5
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. $м^2$	216,5	19,7	В 1,5 раза	43,0	43,1
Объем валовой продукции сельского хозяйства (в ценах отчетного года), млн тенге	193826,4	3033,7	95,1	113,7	107,3
Перевозки (отправления) грузов всеми категориями перевозчиков, тыс. т	37085,8	3840,3	99,5	95,3	98,6
Грузооборот, млн ткм	2563,5	243,7	96,1	91,8	95,9
Пассажирооборот, млн пкм	2053,4	197,7	99,2	99,0	98,6
Розничный товарооборот по всем каналам реализации, млн тенге	51308,2	7026,8	100,1	111,5	100,1
Индекс потребительских цен	109,1	х	116,9	109,1	100,1
Индекс цен производителей на промышленную продукцию	119,1	х	125,4	119,1	100,0
Начисленная среднемесячная заработная плата одного работника, всего, тенге	39291	40019	116,3	115,5	96,4
В том числе по крупным и средним предприятиям	41035	42031	116,6	115,5	95,8
Численность безработных, официально зарегистрированных в службе занятости на конец отчетного периода, чел.	х	3326	х	87,6	97,2
Численность постоянного населения, тыс. чел.	х	649,0	х	99,2	99,9
Естественный прирост, убыль (–) населения, чел.	497	х	х	х	х

Область располагает практически неограниченными запасами многих видов полезных ископаемых: каолинами, доломитами, известняками, строительным и облицовочным камнем, беложгущимися, огнеупорными, кирпичными, керамзитовыми глинами, строительными, стекольными, фосфорит-глауконитовыми песками, щебнем. Пока в эксплуатации на-

ходятся лишь некоторые месторождения строительного камня и песка. Ведется разведка поваренной соли на месторождениях озер Калибек, Жаксытуз .

На территории Северо-Казахстанской области функционируют 17 объектов туризма и отдыха. Наиболее развита туристская инфраструктура в акваториях озер Шалкар и Имантау (территория Государственного национального природного парка «Кокшетау»), где находятся 8 туристских объектов: санаторий круглогодичного действия и 7 кемпингов сезонного типа.

В течение 2007–2009 гг. банковские и небанковские структуры работали динамично и обеспечивали на финансовых рынках области позитивные условия для деловой активности хозяйствующих субъектов.

Таблица 3

Количество филиалов банков, функционирующих в Северо-Казахстанской области

№ п/п	Филиал банка	Филиалы		Количество РКО	В том числе	
		Городские	Районные		В областном центре	В сельских районах
1	АО «Народный Банк»	2	9	24	13	11
2	АО «Банк ТуранАлем»	1		9	4	5
3	АО «Темирбанк»	1				
4	АО «Казкоммерцбанк»	1		2	1	1
5	АО «Нурбанк»	1		2	2	
6	АО «Банк Центркредит»	1		5	3	2
7	АО «Альянс Банк»	1		1	1	
8	АО «Банк Каспийский»	1		7	2	5
9	АО «Цесна Банк»	1		3	2	1
10	АО «Жилстройсбербанк»	1				
11	АО «Банк Евразийский»	1		2	2	
12	АО «АТФ Банк»	1		3	3	
13	АО «МетрокомБанк»	1				
14	АО «Эксимбанк»	1				
	ИТОГО	15	9	58	33	25

На территории области по состоянию на конец 2009 г. функционировало 14 областных филиалов банков второго уровня (далее – БВУ), 9 филиалов Народного Банка в районах, 1 городской филиал, 58 структурных подразделений (далее – СП), из них 33 СП находятся в областном центре, 25 – в сельских районах.

За декабрь 2009 г. в кассы банков второго уровня поступило 20,5 млрд тенге, за декабрь 2008 г. – 21,5 млрд тенге, а за декабрь 2007 г. – 18,6 млрд тенге. Израсходовано из касс банков 25,7 млрд тенге в 2009 г., 24,6 млрд тенге в 2008 г. и 20,7 млрд тенге в 2007 г.

В 2007 г. было выпущено в обращение области 46751 млн тенге, в 2008 г. уже 47563 млн тенге, а в 2009 г. 51794 млн тенге. Изъято из экономики денежных средств в 2007 г. 31318 млн тенге, в 2008 г. 30546 млн тенге, а в 2009 г. 34418 млн тенге.

В связи с этим эмиссия денежных средств в области имеет тенденцию к увеличению. Так, в 2007 г. она составила 15433 млн тенге, в 2008 г. увеличилась на 10,2%, составив 17016 млн тенге. В 2009 г. темп роста составил 2,1%, достигнув значения в 17375 млн тенге.

Объем выданных кредитов банков в экономике за 2008 г. снизился на 30,3% (по сравнению с аналогичным периодом 2007 г.) и составил 58,6 млрд тенге, уровень кредитных вложений снизился на 6,2%, до 66,2 млрд тенге.

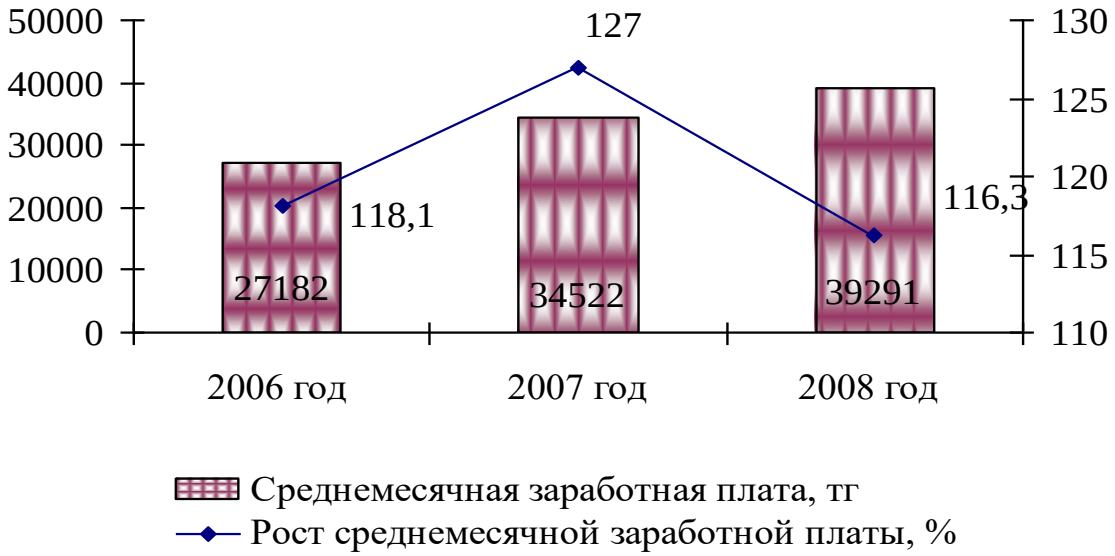


Рис. 2. Динамика среднемесячной заработной платы СКО за 2006–2008 гг.

Объем выданных кредитов банков в экономике за 2009 г. составил 30,8 млрд тенге в сравнении со снижением на 30,3% (58,6 млрд тенге) в 2008 г. по сравнению с 2007 г., когда объем выданных кредитов составил 84,2 млрд тенге. Общий объем кредитных вложений банков экономике за январь – декабрь 2009 г. составил 61,6 млрд тенге. Доля нашей области в структуре кредитных вложений по РК составила 0,8%.

Несмотря на то, что основными заемщиками на кредитном рынке остаются корпоративные клиенты, удельный вес кредитов предприятиям (в том числе субъектам малого бизнеса) в общем объеме кредитов в 2009 г.остался на уровне 2008 г. – 83,2%. Удельный вес кредитов физическим лицам также не изменился и остался на уровне 16,8%.

Филиалами БВУ в 2009 г. 974 субъектам малого бизнеса (далее – СМБ) была оказана кредитная поддержка в сумме 11,0 млрд тенге, что ниже показателя предыдущего года на 66,5%. В 2008 г. 3003 субъектам малого бизнеса была оказана кредитная поддержка в сумме 41,0 млрд тенге, что выше показателя предыдущего года на 9,6%.

В течение января – декабря т. г. сохранилась позитивная тенденция в структуре кредитов по срокам, рост долгосрочных кредитов носил опережающий характер по сравнению с краткосрочными. Удельный вес долгосрочных кредитов (по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.) увеличился с 84,4% до 86,6%.

Объем просроченной задолженности клиентов банкам в декабре т. г. снизился по сравнению с уровнем ноября месяца и составил 6691 млн тенге, на конец 2008 г. сумма просроченной задолженности составляла 2043 млн тенге, а в 2007 г. 594 млн тенге.

Средневзвешенные ставки по кредитам в тенге (в сравнении: декабрь 2008 г. с декабрем 2009 г.) повысились с 15,0 до 15,8%, по иностранной валюте снизились с 16,9 до 14,8%.

В банковском кредитовании значительную роль играет кредитование населения.

За 2009 г. филиалами БВУ было выдано 1725,6 млн тенге ипотечных кредитов (5,6% в общей выдаче кредитов), в 2008 г. 3022,6 млн тенге, а в 2007 г. 6747,3 млн тенге. Долгосрочные ипотечные кредиты получили 611 заемщиков в 2009 г., 1135 заемщиков в 2008 г. и 2234 заемщиков в 2007 г. По государственной жилищной программе за 2009 г. выдано 28 кредитов на сумму 116,7 млн тенге.

В отчетном периоде филиалами БВУ выдано 3179,9 млн тенге потребительских кредитов, что составляет 10,3% в общем объеме выдачи. В 2008 г. было выдано 6839,2 млн тенге потребительских кредитов, что составляет 11,7% от общего объема выдачи, а в 2007 г. 25,2 млрд тенге потребительских кредитов, 29,9% в общем объеме выдачи. О снижении объемов потребительского кредитования в январе – декабре 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года свидетельствует факт снижения числа заемщиков в 1,7 раза и объемов выданных кредитов в 2,2 раза. Филиалы БВУ в Северо-Казахстанской области активно кредитуют малый бизнес региона.

Поскольку Северо-Казахстанская область является аграрным регионом, кредитование данной отрасли наиболее важный аспект в развитии. Филиалами БВУ СКО было прокредитовано сельхозтоваропроизводителей на сумму 3060,7 млн тенге. Портфель кредитов сельхозтоваропроизводителей в основном представлен краткосрочными кредитами в национальной валюте.

На 01.01.2010 г. объем денежных средств населения и юридических лиц, привлеченных филиалами БВУ во вклады, составил 25,5 млрд тенге. На 01.01.2009 г. данный показатель составлял 22,6 млрд тенге, а на 01.0.2008 г. – 19,5 млрд тенге. Объем депозитов юридических лиц по сравнению с аналогичным периодом прошлого года уменьшился в 2 раза и составил 0,5 млрд тенге, по физическим лицам увеличился в 1,2 раза и составил 25,0 млрд тенге.

В структуре депозитного рынка в декабре 2009 г. наблюдается увеличение доли срочных депозитов, используемых филиалами БВУ области в качестве ресурсов для кредитования, что составляет 25319 млн тенге. На 1 января 2010 г. удельный вес срочных вкладов составляет 99,1%. В структуре срочных депозитов удельный вес сроком от 1 года до 5 лет составляет 86,5%.

Анализируя депозитный рынок области, отметим, что наибольший удельный вес в портфеле занимают депозиты юридических лиц. За период с 2007 г. по 2009 г. наблюдается планомерный рост депозитов физических лиц с 15249 млн тенге в 2007 г. до 25004 млн тенге в 2009 г. Характеризуя депозиты юридических лиц отметим резкое их сокращение в 2009 г. с 1067 млн тенге до 533 млн тенге.

За 2008 г. обменными пунктами БВУ и УО в области произведена чистая продажа 123,4 млн долл. США (в 2007 г. – 153,3 млн долл.), 18,5 млн евро (в 2007 г. – 56,5 млн евро), 220,3 млн росс. руб. (в 2007 г. – 347,0 млн росс. руб.). Объемы чистой продажи долларов США по сравнению с показателями 2007 г. уменьшились в 1,2 раза. Объем чистой продажи евро ниже показателя прошлого года в 3,1 раза. По российским рублям показатель чистой продажи ниже показателя 2007 г. в 1,6 раза.

На 1 января 2009 г. в СКО функционирует 185 банкоматов, из которых 160 расположены в областном центре, а 25 – в сельских районах. Количество POS-терминалов по области составляет 600 штук.

Таким образом, коммерческие банки СКО принимают активное участие в развитии социально-экономической сферы области, выдавая кредиты, принимая депозиты. Одним из крупнейших банков страны, активно кредитующих промышленный сектор региона, является АО «Народный Банк Казахстана». Рассмотрим деятельность Петропавловского филиала АО «Народный Банк Казахстана» на финансовом рынке СКО.

Проанализируем взаимосвязь банковских показателей с социально-экономическими показателями по Северо-Казахстанской области, а также зависимость социально-экономических показателей Казахстана от показателей того же плана по СКО. Экономика Северо-Казахстанской области взята в качестве составляющей экономики страны. Найдя степень влияния банков в Северо-Казахстанской области, можно будет судить о влиянии банков на всю экономику страны, а также о важности их присутствия. Для нахождения тесноты связи будем использовать линейные коэффициенты парной корреляции, которые рассчитываются по формуле, и коэффициенты множественной корреляции, найденные с помощью сервиса анализа данных программы Excel.

$$r_{xy} = \frac{\frac{1}{n}\sum_i (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sigma_x \sigma_y} = \frac{\mathrm{cov}(x, y)}{\sigma_x \sigma_y} = \frac{\overline{yx} - \bar{y} \cdot \bar{x}}{\sigma_x \sigma_y}$$

Значение коэффициента корреляции может лежать в пределах от –1 до 4–1. Знаки «+» или «–» показывают прямую или обратную связь соответственно. Чем ближе найденный коэффициент расположен к границам интервала, тем сильнее теснота связи.

В качестве наблюдаемых периодов времени возьмем 2004–2008 гг. Чтобы понять, какое влияние оказывает весь банковский сектор РК на социально-экономические показатели Северо-Казахстанской области, найдем линейные коэффициенты парной корреляции, используя данные табл. 4 и 5.

Таблица 4

Показатели банковского сектора по Республике Казахстан за 2004–2008 гг., млн тенге

Показатель	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Депозиты	1270843	1613510	3076729	3890142	1500005
Юр. лиц	829667	1020154	2057025	2457544	3936384
Физ. лиц	441176	593355	1019704	1432598	1472975
Кредиты	1502418	2592090	4690998	7258369	7460281

Таблица 5

Социально-экономические показатели СКО за 2004–2008 гг.

Показатель	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью), тенге	19166	23011	27182	34522	39790
Объем промышленной продукции (работ, услуг) в действующих оптовых ценах предприятий, млн тенге	34174,8	37339,3	43597,6	50031,7	66537,4
Объем валовой продукции сельского хозяйства (в ценах отчетного года), млн тенге	85135,6	93979	108947,4	147471,5	174932,2
Инвестиции в основной капитал, млн тенге	18185,8	37228,7	34328,3	37287	39867,6
Ввод основных фондов, млн тенге	9066,4	11720,1	38832,6	31904,4	20491,9
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. $м^2$	64,6	120,4	150,7	143,4	216,5
Розничный товарооборот по всем каналам реализации, млрд тенге	32,2	36,4	39,1	43	48

Полученные линейные коэффициенты парной корреляции занесены в табл. 6. Полученные данные свидетельствуют о том, что наибольшее влияние на социально-экономические показатели СКО оказывают депозиты в БВУ и кредиты, предоставленные коммерческими банками РК. В соответствии с теорией статистики эти связи следует отнести к основным. Оценку их суммарного влияния на социально-экономические показатели области можно

осуществить с помощью нахождения множественного коэффициента корреляции. По депозитам и кредитам он получился равным 1.

Таблица 6

Взаимосвязь показателей банков второго уровня РК и социально-экономических показателей СКО на основе линейных коэффициентов парной корреляции при наблюдениях за 2004–2007 гг.

Социально-экономические показатели СКО	Показатель банков второго уровня РК			
	Депозиты, тенге	Юр. лиц	Физ. лиц	Кредиты, тенге
Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью), тенге	0,29121	0,71363	0,26595	2,51861
Объем промышленной продукции (работ, услуг) в действующих оптовых ценах предприятий, млн тенге	2,12283	0,93528	0,29391	2,08237
Объем валовой продукции сельского хозяйства (в ценах отчетного года), млн тенге	2,03176	0,81022	0,34059	2,03176
Инвестиции в основной капитал, млн.тенге	3,93929	-1,39192	-1,42209	4,00727
Ввод основных фондов, млн тенге	0,71542	-0,18660	-0,05738	1,48554
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. $м^2$	0,07169	0,92557	0,54410	1,09890
Розничный товарооборот по всем каналам реализации, млрд тенге	0,08208	0,67245	0,43059	0,82846

Таким образом, можно сделать вывод, что кредиты и депозиты в 2004–2008 гг., предоставляемые банками второго уровня РК, оказывали существенное влияние на социально-экономические показатели Северо-Казахстанской области. Граждане и юридические лица обладали высокой степенью доверия к банкам, делая вложения БВУ. Банки могли формировать ссудный капитал, поддерживая при этом достаточный уровень ликвидности.

Необходимо обратить особое внимание на привлечение долгосрочных депозитов от населения Северо-Казахстанской области, что будет способствовать увеличению ресурсной базы коммерческих банков области, а также повышению их ликвидности.

Библиографический список

1. О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 31 авг. 1995 г. № 2444, с изм. и доп.

2. План совместных действий Правительства Республики Казахстан, Национального Банка Республики Казахстан и Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций по стабилизации экономики и финансовой системы на 2009–2010 гг.

3. Банковское дело : учебник / под ред. Г. С. Сейткасимова. – Алматы : Каржыкаражат, 1998. – 576 с.

© Большедворова С. А., 2010

Автор статьи – **Светлана Александровна Большедворова**, старший преподаватель Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, магистр экономики. E-mail: Svetlana.krutiko@mail.ru

Рецензент – О. А. Цапова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» СКГУ им. М. Козыбаева.

УДК 336.71

Т.Б. Гакельберг
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ КРЕДИТНОЙ НАДЕЖНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ-ЗАЕМЩИКОВ

В данной статье представлена попытка автора раскрыть понятие и сущность рейтинга кредитной надежности, а также рассмотреть основные методы определения рейтинга и дать им оценку. Автор анализирует методики, используемые в настоящее время инвесторами, в том числе и зарубежными, и дает им характеристику с позиции приемлемости к условиям отечественной экономики.

Ключевые слова: кредитоспособность, кредитный рейтинг, рейтинговое агентство.

Во всем мире понятия «рейтинг», «рейтинговая оценка» подразумевают мощнейший индикатор экономической эффективности корпоративного бизнеса, общепризнанный и востребованный инструмент обеспечения подлинно рыночного характера национальных экономик и международного рынка капиталов.

Слово rating переводится с английского как «оценка, определение стоимости, отнесение к классу, разряду, категории». В американском варианте это – «отметка, оценка; положение; класс, разряд». Таким образом, этимологически рейтинг предполагает вынесение суждения, возможность отнесения к тому или иному классу, разряду, категории объекта рейтинга на основании предварительных расчетов. В современном мире рейтинг широко используется для оценки популярности, авторитета какого-либо лица, группы, организации, их деятельности, программ, планов и выводится на основе итогов голосования, социологических опросов.

В финансовую сферу понятие «рейтинг» пришло благодаря рейтинговому бизнесу, зародившемуся в XIX в. в США. Современный финансовый мир не мыслит себя без понятия credit rating («кредитный рейтинг»), которое дословно переводится как «оценка доверия» и в рамках финансовой терминологии означает «оценка кредитоспособности».

Первоначально смысл рейтинга заключался в оценке кредитоспособности заемщика, а предметом анализа служила вероятность невыполнения различного рода обязательств по ценным бумагам – краткосрочным и долгосрочным.

Сегодня кредитный рейтинг – это стандартизированная субъективная оценка вероятности полного и своевременного выполнения должником обязательств по выплате процентов и погашению основной части долга по долговым обязательствам и других, связанных с этим обязательств перед держателем долговой ценной бумаги.

Данный вид рейтинга представляет собой независимое экспертное мнение (рейтингового агентства) об общей кредитоспособности эмитента долговых обязательств.

Главный плюс рейтинга – его комплексность. В нем нет основного показателя, по которому будут ранжироваться компании. Рейтинговое агентство присваивает рейтинг только при наличии достоверной и полной информации о деятельности компании.

Во-первых, кредитный рейтинг используется как инструмент для поддержания взаимоотношений с инвесторами и кредиторами. Рейтинги формируют благоприятную репутацию предприятия в инвестиционном и банковском сообществе, способствуют созданию его кре-

дитной истории. Вследствие этого вероятность того, что инвестор остановит свой выбор на предприятии, имеющем рейтинг, увеличивается.

Во-вторых, наличие кредитного рейтинга свидетельствует об открытости менеджмента и информационной прозрачности компании, что в конечном счете обусловливает рост внимания инвесторов к долговым бумагам.

В-третьих, рейтинг – средство снижения стоимости заемного капитала. Высокий кредитный рейтинг позволяет минимизировать издержки размещения и обслуживания облигационных займов, а также способствует улучшению условий предоставления кредитов.

В-четвертых, кредитные рейтинги являются эффективным инструментом PR. В связи с тем, что рейтинги и краткие отчеты публикуются в различных аналитических источниках, они становятся доступны всем потребителям финансовой информации, в том числе и потенциальным клиентам компании.

В-пятых, наличие рейтинга упростит доступ к банковским кредитам. Для анализа финансового положения заемщика ЦБ рекомендует перечень источников информации, среди которых и средства массовой информации. Здесь важно то, что опубликованные рейтинги являются прямым источником информации о кредитоспособности заемщика.

В зависимости от степени открытости рейтинга и качества используемой информации, учета международного контекста, валюты обязательств, временного фактора и рассматриваемого объекта кредитные рейтинги подразделяются на категории:

1. По степени открытости рейтинга и качеству используемой информации:

– полноценный рейтинг присваивается только тем ценным бумагам, которые свободно обращаются на рынке. Подразумевает не только наличие собственно самого рейтинга и его публикацию, но и постоянный мониторинг положения заемщика и другой важной информации, относящейся к кредитному риску;

– предварительный рейтинг присваивается ценным бумагам до выхода их на свободный рынок. Действует только на момент публикации. Публикация такого рейтинга производится только по просьбе заемщика;

– рейтинг для сделок с ограниченным размещением (private placee ment rating) – то же, что и предварительный рейтинг, но облигации предлагаются на ограниченном рынке. Мониторинг проводится только по просьбе заемщика. Рейтинг действует только на момент объявления;

– мнение о кредитоспособности (credit opinion) – выдается тем заемщикам, которые хотят иметь представление о своей кредитоспособности без публикации оценки кредитоспособности. Это не рейтинг, так как основан на ограниченной информации. Формулируется в словесной форме; облигации получают оценки «высоко инвестиционные», «инвестиционные», «на границе инвестиционных и неинвестиционных» и «неинвестиционные»;

– рейтинг, основанный на публичной информации (public informaa tion rating), для его выставления использовалась только или преимущественно публичная информация. Он обычно ниже полноценного рейтинга, так как включает в себя больший кредитный риск.

2. По учету международного контекста:

– международный кредитный рейтинг (crossborder rating) – мнение о кредитоспособности заемщика или его способности выполнять конкретные долговые обязательства в международном контексте с учетом влияния суверенных правительств и ситуации в стране заемщика. Чем ниже международный кредитный рейтинг страны (больше страновой и суверенный риски), тем уже спектр для международных сравнений в отношении всех заемщиков, находящихся в пределах страны;

– национальный кредитный рейтинг (domestic rating) – мнение о сравнительном кредитном риске национальных заемщиков и их долговых обязательств в контексте данной страны, без учета влияния международных аспектов суверенного и странового риска. Важность внутренних кредитных рейтингов по национальной шкале возрастает, когда страновой

риск настолько значителен, что не позволяет проводить четкие различия между группами кредитного риска различных национальных заемщиков или их долговых обязательств, когда на национальном финансовом рынке преобладают местные инвесторы и заемщики, а также когда внутренний кредитный рейтинг требуется для выпуска долговых обязательств определенных категорий.

3. В зависимости от временного фактора:

– краткосрочные кредитные рейтинги применяются для долговых обязательств с исходным сроком погашения менее одного года и для оценки способности заемщика выполнять свои долговые обязательства на срок менее одного года;

– долгосрочные кредитные рейтинги применяются для долговых обязательств с исходным сроком погашения один год и более и для оценки способности заемщика выполнять свои долговые обязательства на срок один год и более.

4. В зависимости от объекта оценки:

– кредитный рейтинг заемщика отражает мнение о способности и желании заемщика своевременно и полностью выполнять все свои финансовые обязательства без учета их приоритетности, структуры, вида обеспечения, гарантий и др. (примерами рейтинга заемщика являются рейтинг страны (sovereign rating), который служит «потолком» (sovereign ceiling) для рейтинга любого заемщика из этой страны, рейтинг партнеров по сделке, рейтинг финансовой стабильности страховщика);

– кредитный рейтинг долговых обязательств отражает мнение о вероятности погашения данного обязательства с учетом приоритетности, структуры, вида обеспечения, гарантий и др. Кредитный рейтинг присваивается следующим категориям ценных бумаг: государственным облигациям и облигациям муниципальных образований, облигациям корпораций, обязательствам финансовых институтов, производным инструментам, облигациям страховых компаний, международным долговым финансовым инструментам и т. п.

На основании рассмотренных категорий кредитных рейтингов и составляются такие типы кредитных рейтингов, как, например, кредитный рейтинг правительства по обязательствам, номинированным в местной/иностранной валюте, внутренний рейтинг выпуска долговых обязательств, номинированного в местной валюте, внутренний рейтинг заемщика.

Итак, понятие «рейтинг инвестиционной надежности» можно охарактеризовать следующим образом: это оценка будущей способности заемщика произвести выплаты основного долга и процентов по долговым обязательствам полностью и в срок».

С позиции инвестора рейтинг является профессиональной оценкой независимого эксперта и позволяет инвестору принимать решения исходя из соотношения «риск – доходность».

Таким образом, анализ понятийного аппарата показал наличие тесной взаимосвязи между понятиями: «риск», «риск невозврата инвестиций» и «рейтинг инвестиционной надежности предприятия-заемщика».

Современные методы оценки рейтинга инвестиционной надежности можно разделить на три типа: статистические, стохастические и комплексные.

В основе первого метода лежат статистические и математические исследования взаимосвязи отдельных финансовых показателей компании с вероятностью возникновения дефолта. Весомый вклад в развите скорингового направления внесли А. Винакор, Р. Смит, проанализировавшие 183 компании, которые испытывали финансовое затруднение в период с 1921 по 1931 г. В последующем еще многие видные ученые занимались развитием методики расчета вероятности банкротств на основе анализа финансовых показателей компаний. Это такие исследователи, как Ч. Л. Мервин, В. Б. Хикман, Э. И. Алтман, В. Бивера, Либби, Мойер, Таффлер, Завгерн и др. Наиболее известной и получившей большое распространение является методика и техника прогнозирования банкротства, представленная в работах Эдварда Альтмана, опубликованная в 1968 г. В общем виде это была первая скоринговая модель, которая опиралась на подход, основанный на определении «расстояния до дефолта», известный

в иностранной литературе как «distance to default approach». Индекс инвестиционной надежности построен с помощью аппарата мультипликативного дискриминантного анализа (Multiple-discriminant analysis – MDA) и позволяет в первом приближении разделить хозяйствующие субъекты на потенциальных банкротов и небанкротов. При построении индекса Альтман обследовал 66 предприятий, половина которых обанкротилась в период между 1946 и 1965 гг., а половина работала успешно, и исследовал 22 финансово-аналитических коэффициента, которые могли быть полезны для прогнозирования возможного банкротства. Стоит отметить, что первая модель Альтмана основывалась на коэффициентах, включающих в себя рыночную капитализацию компании, что ставило инвесторов в затруднительное положение при оценке инвестиционной надежности компаний, не имеющих публичного обращения акций. С течением времени скоринговая модель подверглась доработкам, и ее последняя версия не имеет привязки к публичной капитализации компаний.

Нельзя не отметить ряд недостатков модели Альтмана: в первую очередь, отличие казахстанской экономики от западных аналогов говорит о возможном наличии иных взаимосвязей финансовых коэффициентов и вероятности возникновения дефолта; во-вторых – меняющаяся мировая экономика, последняя разработка Альтмана датирована 1983 г., что, на наш взгляд, говорит о ее устарелости.

Отличительной особенностью современных разработок является подход, основанный не на определении расстояния до дефолта (Distance to Default), а на нахождении вероятности дефолта (Probability of Default). Различия данных подходов заключаются лишь в том, что в первом случае в модели отсутствуют максимальные значения коэффициентов, на основе которых во втором случае и рассчитывается вероятность.

На сегодняшний день наиболее авторитетными международными рейтинговыми агентствами являются Standard&Poor’s (S&P), Moody’s Investors Service (Moody’s), Fitch Ratings (Fitch), рейтингующие широкий круг различных экономических субъектов и выпусков ценных бумаг, включая правительства разных стран, муниципалитеты, промышленные предприятия, финансовые институты, страховые компании, структурированные финансы, долговые обязательства, привилегированные акции, банковские ссуды и партнеров по сделке, а также требования по оплате к страховым компаниям и финансовым гарантам.

Рейтинговые индексы, составляемые «признанными» агентствами, считаются наиболее надежными и используются в качестве эталонного стандарта в национальной и международной практике. В 1909 г. на американском рынке долговых ценных бумаг впервые была представлена рейтинговая система и опубликованы первые кредитные рейтинги в «Руководстве по ценным бумагам железнодорожных компаний» Джона Муди. Для обозначения уровней рейтинга Джон Муди использовал литерную систему (буквы алфавита от А до С), оказавшуюся наиболее легкой и простой в использовании для сравнения качества выпускаемых облигаций. С тех пор эта система стала мировым стандартом, а рейтинговые агентства, оценивающие финансовое положение эмитентов и надежность ценных бумаг, – неотъемлемой частью финансовых рынков.

Рассмотрим широко применяемые модели рейтинговых агентств Standard and Poor’s и Moody’s.

Standard and Poor’s разработало скоринговую модель «Credit Risk Tracker» (CRT) для оценки общей платежеспособности частных компаний на основе ряда финансовых и нефинансовых характеристик. Данная модель разработана на базе данных страховой компании Atradius, включает оценку вероятности просрочки долговых обязательств. Факторы, объясняющие вероятность просрочки задолженности, включают финансовые показатели (оборот, собственный капитал и активы, финансовые коэффициенты), нефинансовые показатели (возраст компании, численность персонала, организационно-правовая форма, географическое расположение) и историческую информацию о торговых кредитах (случаи задержки платежей, информация о неплатежах). Далее оцениваются три модели: логит-модель, квадратичная логит-модель и модель максимальной ожидаемой полезности. На заключительном этапе

используется технология анализа с использованием нейронных сетей, математических моделей, базирующихся на биологических процессах человеческого мозга и позволяющих анализировать очень сложные наборы переменных. Основной особенностью модели является нейронная сеть, на базе которой сравниваются результаты, полученные по перечисленным трем моделям, вносятся коррективы и выбирается модель, наиболее точно описывающая реальные данные. Данная разработка ориентирована на сегмент средних и крупных по размеру компаний и отличается огромной расчетной базой данных.

Модель рейтингового агентства Moody's «Moody's RiskCalc» предсказывает вероятность дефолта по долговым обязательствам для частных компаний на основе данных финансовой отчетности, собранных в разных странах, таких, как Австралия, Великобритания, Германия, Индонезия, Испания, Италия, Канада и Франция. Методика Moody's указывает на существование нелинейной зависимости между вероятностью дефолта и финансовыми показателями для определенной компании, а также «ненормальный» вид распределения вероятности дефолта. В связи с этим вероятность дефолта определяется с помощью определенного непараметрического преобразования нормального распределения. Модель разработана для средних и крупных по размеру компаний.

Подробная структура формул PD (вероятности дефолтов), лежащих в основе моделей рейтинговых агентств, не раскрывается. Однако, как видно из приведенных примеров, принципы их получения базируются на выявлении статистических закономерностей между частотами банкротств и финансовыми показателями компаний. Причем параметры таких зависимостей явно привязываются к той стране, в которой располагается анализируемая компания.

Для всех перечисленных выше моделей можно выделить основные общие недостатки. Во-первых, данные модели слабо применимы к отечественному рынку ввиду молодости отечественного рынка долговых обязательств и отсутствия широкой базы по дефолтам компаний-заемщиков. Второе, на что стоит обратить внимание, – это непринятие скоринговыми моделями качественных факторов, от которых может сильно измениться конечный результат анализа.

Следующий метод оценки рейтинга инвестиционной надежности предприятия-заемщика базируется на стохастических, или, как их принято называть в настоящее время, структурных процессах. В рамках данного подхода выделяют модель Мертона и модели качественных спрэдов доходности.

1. Модель Мертона применяется для оценки инвестиционной надежности крупного и среднего корпоративного бизнеса, обладающего ликвидным рынком ценных бумаг. Модель базируется на теории ценообразования опционов Блэка-Шоулза. В ее основе лежит предположение, что кредиторская задолженность и капитал рассматриваются как требования, которые могут быть обращены на стоимость фирмы. Под точкой дефолта подразумевается стоимость активов, равная суммарной кредиторской задолженности. На практике вероятность дефолта анализируемой компании зависит от того, насколько велика ее капитализация и низка волатильность, т. е. чем выше рыночная стоимость акций и стабильнее их цены, тем ниже риск невозврата инвестиций.

2. Модель качественных спрэдов доходности. Данный метод базируется на сравнении доходности облигаций компании со спот-доходностью группы безрисковых облигаций, в качестве которых обычно признают облигации госзайма США (USA Treasures). Разница в доходности (спрэд) в идеальном варианте объясняется наличием дополнительного риска, связанного с возможностью банкротства компании-заемщика. Концепция, лежащая в основе подхода, основана на тезисе, что вся доступная информация о возможном развитии компании уже учтена участниками рынка в текущих ценах ее финансовых инструментов и их доходностях.

Недостатком вышеперечисленных стохастических методов является привязка к публичному рынку акционерного капитала и рынку долговых обязательств.

Последним методом оценки инвестиционного рейтинга предприятия заемщика выступает комплексный подход. Данный метод основан на тщательном исследовании не только финансовой составляющей анализируемой компании, он также включает в себя всесторонний анализ деятельности компании-заемщика. Так, при присвоении рейтинга инвестиционной надежности рейтинговые агентства оценивают всю отрасль целиком, выделяют позиции компании на сбытовом рынке, анализируют поставщиков и конкурентов, проводят анализ эффективности компании и технологии, использующиеся в производственном процессе (рис. 1).

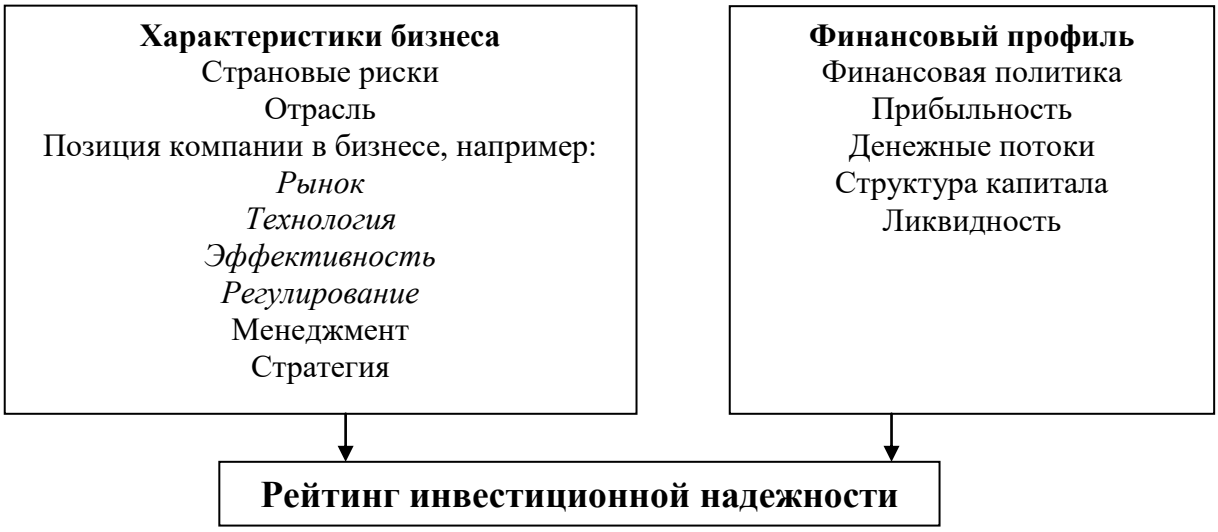


Рис. 1. Факторы, учитывающиеся агентством Standard and Poor's при присвоении рейтинга инвестиционной надежности на основе комплексного метода оценки

Характеристика уровней кредитных рейтингов основных рейтинговых агентств приведена в таблице, сформированной с точки зрения уровня надежности долговых обязательств эмитента.

Шкала кредитных рейтингов крупнейших рейтинговых агентств

Уровень надежности долговых обязательств эмитента	Moody's Investors Service	Standard&Poor's	Fitch Ratings
Исключительный, максимальная надежность	Aaa	AAA	AAA
Отличный, высокая надежность	Aa	AA	AA
Выше среднего	A	A	A
Ниже среднего	Baa	BBB	BBB
Спекулятивный	Ba	BB	BB
Высокоспекулятивный	B	в	B
Сверхспекулятивный	Caa, Ca, C	CCC, CC, C	CCC, CC, R
Невыполнимые обязательства	Ca, C	D	DDD, DD, D

Усиление мирохозяйственных связей, формирование новых институтов международной торговли предоставили субъектам рынка большую возможность выбора оптимальных условий деятельности, что стало причиной перехода от традиционных негибких экономиче-

ских связей к более гибким, а стандартизация основных показателей хозяйственной деятельности и кредитный рейтинг оказались для этого самым подходящим инструментом. Именно глобализация финансовых рынков дала импульс развитию как международных и национальных рынков долговых обязательств, так и кредитных рейтингов на этих рынках.

Появилась потребность в стандартизации многообразных мировых долговых финансовых инструментов, создании адекватного инструмента для управления инвестиционным портфелем. Удовлетворить эту потребность призван кредитный рейтинг.

Таким образом, на первый план выступает оценка кредитоспособности самого субъекта, что и обусловливает небывалые темпы развития рейтинговой деятельности в Европе – в течение последнего десятилетия здесь появилось около 30 новых рейтинговых агентств, половина из которых филиалы и дочерние компании глобальных РА.

Такие рейтинги обладаю наибольшей точностью, но требуют наличия детальной информации об особенностях анализируемого предприятия, что не всегда может быть получено сторонним инвестором.

В качестве дополнительных, вспомогательных методов оценки рейтинга инвестиционной надежности могут быть использованы экспертные оценки, которые получили широкое распространение в настоящее время. Данный подход опирается на знания и профессиональную интуицию компетентных специалистов и применяется в тех случаях, когда формальные методы современной математики не способны принести необходимый результат. Ограниченность методов экспертных оценок в том, что в них присутствует субъективный элемент и возможность ошибочного суждения.

Рейтинговые агентства в первую очередь отбирают для анализа те ценные бумаги, в которые будет вкладывать средства массовый инвестор. В связи с этим рейтинг – это платная услуга, оказываемая эмитенту ценной бумаги и другим потребителям финансовой информации. Рейтинговое агентство не проводит аудит и не проверяет достоверность информации, предоставленной рейтингуемой компанией добровольно. Отсюда рейтинг – это только интегрированный показатель, на основании которого принимают решение участники фондового рынка. Неслучайно чаще всего рейтинговые агентства являются дочерними структурами крупных компаний, например консалтинговых или издательских.

Массовый инвестор не имеет возможности провести тщательный анализ эмитента и оценить свои риски, связанные с инвестициями в ценные долговые бумаги. Поэтому инвесторы нуждаются в соответствующих информационных посредниках, которые имеют возможность профессионально изучить кредитоспособность и финансовое положение компании и могут опубликовать соответствующую балльную или рейтинговую оценку ценной бумаги.

Название «кредитный рейтинг» появилось вследствие того, что основной риск, оцениваемый при присвоении рейтинга, – это кредитный риск, или, как его еще называют, риск дефолта. Кредитный рейтинг является основной и классической, но не единственной рейтинговой услугой.

Так же целесообразно рассмотреть рейтинг АК&М. Рейтинг кредитоспособности АК&М представляет собой комплексную оценку способности предприятия к полному и своевременно выполнению обязательств по обслуживанию и погашению займов. Рейтинг кредитоспособности предприятия АК&М выражает мнение специалистов рейтингового агентства «АК&М» о платежеспособности заемщика, т. е. о его возможности и желании выполнять свои финансовые обязательства.

Рейтинг кредитоспособности АК&М присваивается по национальной шкале и не учитывает суверенного странового риска. Это дает ряд преимуществ, основным из которых является возможность более тонкой дифференциации оценок платежеспособности заемщиков по сравнению с кредитными рейтингами, присвоенными по международной шкале. Кредитные рейтинги казахстанских предприятий, присвоенные по международной шкале, ограничены суверенным рейтингом Республики Казахстан. При этом в случае оценки кредитоспособности по национальной шкале заемщик может получить рейтинг, соответствующий наивысшей категории.

Рейтинг кредитоспособности может быть присвоен либо предприятию, либо конкретному виду долговых обязательств, эмитированных предприятием. В первом случае рейтинг отражает оценку риска невыполнения заемщиком всех своих финансовых обязательств. Во втором случае рейтинг долговой бумаги отражает оценку риска невыполнения заемщиком обязательств по данному виду заимствований.

Рейтинг кредитоспособности заемщика не эквивалентен рейтингу долговых бумаг. Это связано с тем, что рейтинг кредитоспособности не учитывает особенности выпуска, обеспечение и другие характеристики конкретных долговых бумаг, а при определении рейтинга долговых бумаг, помимо анализа предприятия в целом, значительное внимание уделяется анализу характеристик рейтингуемого долгового обязательства.

Рейтинг долговой бумаги может либо соответствовать, либо быть выше рейтинга кредитоспособности предприятия. Рейтинг бумаги будет выше рейтинга кредитоспособности в том случае, если она обладает характеристиками, которые способствуют снижению риска ее непогашения (обеспечение, защищенность прав кредиторов по бумаге в случае ликвидации или банкротства предприятия и другие). Нижнее значение рейтинга долговой бумаги ограничивается рейтингом кредитоспособности эмитента, так как при его определении учитываются риски по всем видам заимствований и все факторы, оказывающие воздействие на платежеспособность предприятия.

Рейтинг кредитоспособности отражает мнение аналитиков АК&М о платежеспособности предприятия на дату его присвоения. В связи с этим после присвоения рейтинга кредитоспособности на регулярной основе проводится мониторинг информации о предприятии. После получения данных о существенном изменении платежеспособности заемщика рейтинг кредитоспособности может быть изменен в ту или иную сторону либо отозван в случае недоступности необходимой для анализа информации.

Рис. 2. Структура интегрального уровня кредитоспособности

Методика определяет алгоритм присвоения рейтинга кредитоспособности предприятия (долгового обязательства предприятия) по национальной шкале. Методика адаптирована к специфическим особенностям регионального развития Республики Казахстан и не учитывает суверенного странового риска.

Методика определения рейтинга кредитоспособности предприятия основывается на анализе формализуемых и неформализуемых показателей (критериев кредитоспособности), оказывающих влияние на возможности предприятия выполнять свои финансовые обязательства.

При определении рейтинга кредитоспособности предприятия проводится анализ данных за последний отчетный период, предшествующий дате оценки, и ретроспективный анализ всех показателей за последние три года. Источником информации являются как данные, полученные на предприятии (финансовая отчетность, производственные показатели, кредитная история; анкеты, материалы собрания акционеров и т. д.), так и информация, полученная из других источников, которая признана достоверной (данные Госкомстата, отраслевая отчетность, сообщения средств массовой информации и т. д.).

Все анализируемые показатели объединены в группы факторов. Анализ группы факторов позволяет оценить риски, связанные с тем или иным аспектом деятельности предприятия. Результатом анализа является определение интегрального уровня кредитоспособности предприятия. Структура интегрального уровня кредитоспособности представлена в нижеприведенной блок-схеме (рис. 2).

Кредитный рейтинг предприятия (долговое обязательство предприятия) присваивается на основании значения интегрального уровня кредитоспособности в соответствии с национальной рейтинговой шкалой. Интегральный уровень кредитоспособности оценивается на основании значений рейтинговых баллов всех используемых в данной методике групп факторов, с учетом степени их влияния на общую платежеспособность.

Рейтинговый балл группы факторов определяется на основании значений рейтинговых баллов входящих в данную группу критериев кредитоспособности, с учетом степени их влияния на кредитоспособность.

Таким образом, рейтинг кредитоспособности предприятия определяется в следующем порядке:

1. Определение рейтинговых баллов критериев кредитоспособности с учетом порогового значения и оценочной шкалы.

2. Определение рейтинговых баллов групп факторов кредитоспособности на основании значений рейтинговых баллов входящих в данную группу критериев кредитоспособности.

3. Определение интегрального уровня кредитоспособности на основании значений рейтинговых баллов всех рассматриваемых в данной методике групп факторов.

4. Определение рейтинга кредитоспособности предприятия на основании значения интегрального уровня кредитоспособности в соответствии с национальной рейтинговой шкалой.

При определении рейтинга кредитоспособности предприятия оцениваются текущие финансовые возможности предприятия по своевременному и в полном объеме обслуживанию и погашению своих долговых обязательств, а также предпосылки формирования денежного потока предприятия и его соответствие необходимому объему финансирования в момент наступления сроков платежей. Для решения данной задачи необходим анализ значительного объема информации, включающей как численные данные о финансово-экономическом положении предприятия, так и неформализуемые показатели, которые оказывают воздействие на формирование финансовой базы предприятия в перспективе.

© Гакельберг Т. Б., 2010

Автор статьи – **Татьяна Борисовна Гакельберг**, старший преподаватель Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева. E-mail: tgakelberg@mail.ru.

Рецензент – К. А. Кожахметов, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» СКГУ им. М. Козыбаева.

УДК 656

О. В. Демиденко
Омская гуманитарная академия

АНКЕТНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВЫХ И УЧЕБНЫХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ

По данным проведенного анкетного обследования обработана информация о передвижениях населения г. Омска на работу (учебу), установлена их структура, разработаны модели формирования матрицы трудовых передвижений по организациям, сформирована матрица трудовых и учебных передвижений, которая может использоваться для оптимизации маршрутной сети г. Омска.

Ключевые слова: муниципальный транспорт, трудовые и учебные передвижения.

Городской пассажирский транспорт общего пользования – жизненно важная подсистема городского хозяйства, от которой зависит функционирование всех сфер деятельности города, населения, предприятий и организаций. Ежедневно муниципальным пассажирским транспортом г. Омска перевозится более полумиллиона пассажиров. Протяженность муниципальной автобусной маршрутной сети в летний период составляет 2728 км, троллейбусной – 197,2 км, трамвайной – 64 км. Средняя протяженность маршрутов составляет более 19 км [1].

Муниципальный транспорт осуществляет перевозку пассажиров в зимний период на 98 автобусных, 12 троллейбусных и 6 трамвайных маршрутах, в летний период в связи с наступлением садового сезона количество автобусных маршрутов увеличивается до 142. Они обеспечивают 70% пассажирских перевозок в городе [2].

Тенденцией последнего времени является снижение спроса на перевозку муниципальным городским транспортом. Причины: появление коммерческого транспорта, рост числа автомобилей, принадлежащих гражданам, ухудшение уровня транспортного обслуживания населения. В результате снижения объемов перевозки пассажиров уменьшаются доходы транспортных предприятий и растет потребность в бюджетном финансировании.

Одним из эффективных путей повышения качества транспортного обслуживания населения и функционирования системы городского пассажирского транспорта является оптимизация маршрутной сети, которая позволит сократить расходы предприятий на перевозку, снизить потребность в подвижном составе и затраты пассажиров на передвижение.

Информационной основной оптимизации маршрутной сети городского пассажирского транспорта является матрица межостановочных передвижений населения в городе на общественном пассажирском транспорте, полученная путем анкетного обследования.

Таким образом, целью исследования является получение матрицы трудовых и учебных передвижений по г. Омску. Объект исследования – трудоспособное население, студенты вузов и учащиеся ссузов. Предмет исследования – трудовые и учебные передвижения жителей г. Омска.

Предлагаемая методика формирования матрицы трудовых и учебных передвижений заключается в формировании отдельных матриц для каждого предприятия (образовательного учреждения) путем опроса трудящихся (учащихся, студентов) о том, от какой остановки общественного пассажирского транспорта едет на работу (учебу) сотрудник (учащийся, студент), либо на основе данных об адресе его проживания. Общая матрица трудовых и учебных передвижений определяется как сумма матриц по всем предприятиям.

Для проведения обследования разработана специальная анкета, в которой респондентам предлагалось указать наименование остановки отправления на работу (учебу), название улицы (пересечения улиц), на которой находится остановка отправления, наиболее типичный способ передвижения или способ передвижения на день обследования, а также наименования остановки пересадки и улицы, на которой находится остановка пересадки (рисунок).

АНКЕТА

работников (студентов, учащихся) о передвижении на работу (учебу)

_____

(наименование предприятия, организации, учреждения, вуза, ссуза)

_____ **Территория № __**

(наименование ближайшей к предприятию (или отдельно стоящей территории предприятия) остановки (остановок) пассажирского транспорта и название улицы, на которой находится остановка)

№ п/п	Наименование остановки отправления на работу *(ближайшей к месту жительства)*	Название улицы (пересечения улиц), на которой находится остановка отправления на работу *(по данной информации уточняется местоположение остановки)*	Способ передвижения на работу					Наличие пересадок	Наименование остановки пересадки и улицы, на которой находится остановка пересадки
			Муниципальный транспорт	Маршрутное такси	Личный транспорт	Ведомственный транспорт	Пешком		
Пример заполнения анкеты									
1	*Степная*	*Маяковского*		+				-	-
2	*Школа*	*Ватутина + Конева*	+					+	*СибАДИ, пр. Мира*

Бланк анкеты работников (студентов, учащихся) о передвижении на работу (учебу)

Для получения информации о существующих предприятиях были сделаны официальные запросы в Управление Федеральной налоговой службы по Омской области, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области, Государственное учреждение Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Омской области (ПФР) о предоставлении сведений по организациям, имеющим численность работающих более 100 человек. ПФР предоставил деперсонифицированные данные об адресах проживания сотрудников по данным организациям на основании договора между ПФР и Администрацией г. Омска. Рассмотрены 1603 организации с общей численностью работающих 604137 чел. Предприятия дифференцированы по административным округам г. Омска с указанием наименования организации, численности работников, адресов местонахождения и телефонов для связи.

Как выяснилось в ходе исследования, список предприятий потребовал существенных уточнений. Необходимо было дозвониться до каждой организации, уточнить адрес ее местонахождения, фамилию, имя, отчество руководителя. В некоторых случаях требовалось уточнение телефона в справочной службе «09» или по программе «Дубль Гис».

В представленном списке были выявлены организации, находящиеся за пределами г. Омска – в Омском районе, работники которых не пользуются общественным пассажирским транспортом (ОПТ). По результатам обзвона предприятий и рассылки писем выясни-

лось, что часть предприятий, имевшихся в списках ПФР, ликвидирована, часть сменила адреса, численность других имеет в некоторых случаях существенные отличия.

На основании проделанной работы сформирован список рассылки писем, включающий 1571 организацию. Анкеты отправлялись по почте и электронным письмом, по факсу вместе с распоряжением первого заместителя главы Администрации г. Омска о проведении обследования, целях, сроках предоставления информации, бланком предоставления сведений о предприятии, форматом предоставления адресов сотрудников и реквизитами для передачи ответной информации.

Обследование трудовых передвижений непосредственно на предприятиях проводилось силами предприятий. При небольшой численности работающих опрос проводил один человек, при большой – анкеты раздавались по подразделениям. Если предприятие располагалось на нескольких территориях (несколько остановок ОПТ), то независимо от численности работников на каждую территорию заполнялись отдельные анкеты.

В процессе опроса работника необходимо было зафиксировать ответ о том, каким образом было совершено передвижение на работу в день опроса: пешком, на личном автомобиле, ведомственном транспорте, маршрутным такси или муниципальным транспортом, а также каковы наименования остановки пересадки и улицы, на которой она находится. Учет этой информации фиксировался в бланке анкеты.

Ответственным за подготовку данных анкетирования необходимо было представить реквизиты организации по предложенной форме, где предлагалось указать полное и сокращенное наименования предприятия, юридический и фактический адрес, численность работающих, наименование ближайшего к предприятию остановочного пункта, название улицы (пересечения улиц), на которой находится остановочный пункт прибытия. В случае, если предприятие находится на нескольких отдельно расположенных территориях города, куда сотрудники прибывают на работу, необходимо было заполнение таблицы с указанием фактического адреса, численности работающих, наименования ближайшей остановки и улицы (перекрестка), на которой находится остановка, по каждой отдельно взятой территории.

По результатам рассылки писем организациям получено 1720 ответов, из них в части писем отказ от сотрудничества.

В результате исследования выявлено 226 организаций, расположенных на нескольких обособленных территориях (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент списка организаций, расположенных на нескольких территориях и местонахождение организации

Код организации	Наименование организации	Номер территории	Фактический адрес территории
4	Военный комиссариат Омской области (ВКОО)	1	Партизанская, 14
	Военный комиссариат Омской области (ВКОО)	2	3-я Островская, 2б
	Военный комиссариат Омской области (ВКОО)	3	20 лет РККА, 168
	Военный комиссариат Омской области (ВКОО)	4	Рождественского, 7
5	Филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Омскэнерго»	1	П. Некрасова, 1
	Филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Омскэнерго»	2	5-я Северная, 193
	Филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Омскэнерго»	3	Пристанционная, 19
	Филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Омскэнерго»	4	Масленникова, 44

По мере поступления информация обрабатывалась и заносилась в специально разработанный реестр. Если процент опрошенных составлял менее 70%, с организациями устанавливалась телефонная связь, и следовала просьба дообследовать передвижения работников. Параллельно отслеживались неответившие организаций. Устанавливалась телефонная связь, велась работа по разъяснению необходимости обследования трудовых передвижений, вторично высылалось в адрес организации письмо по электронной почте или по факсу. В адрес некоторых организаций подобные письма отправлялись более одного раза. Всего вторично было разослано порядка 400 электронных писем и отправлено 300 факсов. В случае устного отказа от сотрудничества уточнялись: наличие отдельно расположенных территорий, фактический адрес, численность работающих по территориям, наименования остановочного пункта прибытия на работу и улицы, на которой находится остановка.

В исследовании приняли участие 454,5 тыс. чел., в том числе 409,3 тыс. работающих и 45,2 тыс. учащихся. Общее количество респондентов, охваченных анкетным опросом, составило 134,4 тыс. чел.

На основании данных исследования выполнен анализ структуры трудовых передвижений по каждой отдельно взятой организации (территории). Фрагмент структуры трудовых (учебных) передвижений представлен в табл. 2. По каждой организации (территории) определено количество передвижений: муниципальным транспортом, маршрутным такси, личным и ведомственным транспортом, а также пешком. В результате анализа установлена численность респондентов, пользующихся общественным пассажирским транспортом.

Таблица 2

Фрагмент структуры трудовых передвижений трудящихся и учащихся г. Омска

Код орг. (тер.)	Наименование организации (территории)	Численность работающих в организации (территории)	Колич. опрошенных, чел.	Способ передвижения					Численность, пользующихся ОПТ	
				Муниц. транспорт	Маршр. такси	Личн. транспорт	Ведомств. транспорт	Пешком	Чел.	%
1	Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области	327	257	1	228	94	7	0	229	89,1
2	ФГУП «Омская картографическая фабрика»	137	118	111	4	8	1	1	115	97,5
4	Военный комиссариат Омской области	36	36	0	33	8	0	0	33	91,7
6	ООО «Омскбланкиздат»	60	60	1	47	47	9	0	48	80,0

Неполный возврат анкет, а также то, что часть организаций отказалась от сотрудничества в проведении исследования, были разработаны различные модели формирования матрицы трудовых передвижений (табл. 3).

В случае опроса всех работающих (обучающихся) в организации для формирования корреспонденций этой организации использовались только анкеты с данными опроса. Если

численность опрошенных недостаточна, но организация предоставила адреса проживания своих сотрудников, то при формировании матрицы трудовых (учебных) передвижений использовались как анкеты, так и адреса работающих (обучающихся). Если опрошены не все сотрудники организации и не высланы адреса их проживания, то использовались данные анкетного опроса и адреса сотрудников, предоставленные ПФР. В случае опроса не всех сотрудников организации и при отсутствии всего списка адресов их проживания, предоставленного организацией при формировании матрицы трудовых передвижений использовались данные анкетного опроса, данные об адресах сотрудников, предоставленные самой организацией, а также адреса сотрудников, предоставленные ПФР.

Таблица 3

Модель, используемая при формировании матрицы трудовых (учебных) передвижений

Код терр.	Наименование организации (территории)	Местоположение узла		Колич. пользующихся ПТ, чел.	Модель формирования матрицы трудовых передвижений
		Код трансп. узла	Наименование транспортного узла		
1	Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области	53	КДЦ им. Маяковского	229	анкеты и адреса ПФР
2	ФГУП «Омская картографическая фабрика»	48	Драмтеатр	115	анкеты и адреса ПФР
3	Российское объединение инкассации ЦБ РФ. Омское областное управление инкассации, ф-л	339	3-я Ремесленная	346	адреса ПФР
4	Военный комиссариат Омской области	44	Партизанская	33	анкеты
5	ОАО «АК Энергетики и электрификации «Омскэнерго»	44	Партизанская	248	анкеты и адреса организации
6	ООО «Омскбланкиздат»	358	им. Рабиновича (Орджоникидзе)	48	анкеты

Полученные в результате анкетных обследований трудовых и учебных передвижений работников данные, а также данные, обработанные ПФР, позволили сформировать обобщенную матрицу трудовых (учебных) передвижений.

В результате проведенного анкетного обследования трудовых и учебных передвижений г. Омска установлено следующее:

1. В исследовании приняли участие 409,3 тыс. работающих и 45,2 тыс. учащихся, всего 454,5 тыс. чел.
2. Получена и обработана информация о 134,4 тыс. передвижений населения на работу (учебу), включающая информацию о пунктах начала и окончания передвижений, способе передвижения (муниципальный транспорт, маршрутное такси, личный транспорт, ведомственный транспорт, пешее передвижение).
3. Структура трудовых передвижений выглядит следующим образом: 7,7% – передвижений на ведомственным транспорте; 81,6% – ОПТ; 0,5% – пеших передвижений и только 10,2% – на личных автомобилях. С пересадкой осуществляется 14% передвижений.

4. Сформирована матрица трудовых и учебных передвижений, которая может использоваться для оптимизации маршрутной сети г. Омска.

Библиографический список

1. Об итогах работы муниципальных предприятий и учреждений городского пассажирского транспорта в 2006 году и об организации пассажирских перевозок в весенне-летний период 2007 года : постановление мэра города Омска от 11.04.2007 № 250-п.

2. Информационно-аналитические материалы по автодорожному комплексу Омской области / Управление государственного автодорожного надзора по Омской области.

© Демиденко О. В., 2010

Автор статьи – **Ольга Владимировна Демиденко**, кандидат технических наук, доцент кафедры коммерции, маркетинга и рекламы НОУ ВПО «ОмГА». E-mail: DOVandDMS@yandex.ru

Рецензент – Н. В. Немцова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Филиала НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия» в г. Омске.

УДК 35.088:323.37

О. В. Заслонкина
Орловская региональная академия государственной службы

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье автор раскрывает сущность, роль и особенности профессиональной культуры государственных гражданских служащих. По мнению автора, сложность, противоречивость и многоплановость происходящих в современной России процессов общественного развития требуют радикального изменения форм и методов воздействия на все сферы жизни общества, что, в свою очередь, объективно определяет возрастание требований к государственным гражданским служащим.

Ключевые слова: культура, профессиональная культура, государственный служащий, профессиональная деятельность государственных служащих, профессионализм, управление, государственная служба, развитие и формирование профессиональной культуры.

Профессиональная культура государственного служащего – это системное качественное состояние личности, которое характеризует уровень социально-профессионального развития государственного служащего, меру и способ реализации его сущностных сил в процессе профессиональной деятельности и ее результатах.

Специалист, находящийся на государственной службе, должен владеть профессиональной культурой. Учитывая то, что профессиональная деятельность чиновника непосредственно связана с людьми, профессиональная культура характеризуется уровнем ус-

воения специалистом опыта и его проявления в процессе профессиональной деятельности.

Профессиональная культура государственного служащего внутренне структурирована. Стержень профессиональной культуры государственных служащих формирует система их профессиональных ценностей. Профессиональные ценности, преломляясь в сознании специалистов в процессе их профессиональной деятельности, становятся регуляторами их поведения, подталкивая к выбору определенной формы действий или поступков в различных служебных ситуациях.

Профессиональные нормы являются следующим структурным компонентом профессиональной культуры государственных служащих, регулирующим их поведение в различных системах. Восприятие содержания профессиональных норм специалистами складывается из поведения руководящего состава, из реального поведения сотрудников и сложившегося состояния окружающей социальной среды. Определенная повторяемость социальных взаимодействий в ходе профессиональной деятельности работников государственной службы способствует формированию общих правил, позволяет им регулярно и эффективно взаимодействовать между собой и гражданами. Кроме того, эти формы взаимоотношений помогают специалистам предугадать действия участников функциональных отношений и соответственно этому строить свое поведение.

В качестве значимых компонентов модели профессиональной культуры государственных служащих выступают также профессиональные знания; профессиональные навыки; мотивация профессиональной деятельности.

Исполнительский и управленческий компоненты модели профессиональной культуры государственных служащих являются взаимодействующими понятиями как с точки зрения субъект-объектных отношений, так и в качестве совместной деятельности субъекта управления и объекта исполнения. При этом личностные качества индивида в конкретном случае имеют решающее значение в достижении намеченных результатов. Это относится к каждому виду профессиональной деятельности, конкретной специальности, всякому должностному уровню в соответствии с предъявляемыми требованиями и критериями.

Коммуникативно-информационный компонент профессиональной культуры государственных служащих обеспечивает открытость, прозрачность их профессиональной деятельности и является залогом и необходимым условием взаимодействия государства и общества в пределах единой системы циркуляции социальной информации.

Личностно-творческий компонент профессиональной культуры специалистов, находящихся на государственной службе, является также важным функциональным компонентом профессиональной культуры госслужащих, так как все ценности, идеи, взгляды воплощаются в деятельности работника через конкретные формы его индивидуально-творческого освоения и развития.

Проблема измерения уровней сформированности профессиональной культуры государственных служащих связана с качественной характеристикой критериев ее оценки. Критерии профессиональной культуры должны определяться исходя из системного понимания культуры, толкования культуры как процесса и результата творческого освоения и осознания ценностей, технологий в процессе профессиональной самореализации личности специалиста. Так, о степени сформированности профессиональной культуры государственных служащих могут свидетельствовать нижеперечисленные критерии:

1. Ценностное отношение к профессиональной деятельности, характеризующееся местом ценностей в ценностной иерархии, которые в конечном счете обеспечивают выполнение специалистом своих профессиональных обязанностей, главная из которых – повышение качества жизни населения.

2. Уровень технологической компетентности, подразумевающий знание приемов решения аналитико-деятельностных, прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных задач, и умение использовать эти приемы. Качество решения задач

следует определять через совокупность умений, которые отражают уровень развития личности госслужащего как субъекта деятельности.

3. Творческая активность личности госслужащего выражается в способности к осуществлению инновационной деятельности или в отсутствии такой способности.

4. Преобладающий стиль мышления предполагает проблемно-поисковый характер деятельности, сформированность профессиональной рефлексии, гибкость и вариантность мышления, самостоятельность принятия решений. Степень развития мышления фиксируется по специальной программе на основе данных участия государственных служащих в деловых играх.

5. Мотивация к профессиональному совершенствованию, предполагающая наличие установки на эффективную профессиональную деятельность для решения социальных и общественных проблем.

На основе предложенных критериев можно выделить и уровни сформированности профессиональной культуры государственных служащих. Именно критерии оценки и уровни сформированности профессиональной культуры специалистов могут свидетельствовать о профессиональной готовности личности государственного служащего к осуществлению профессиональной деятельности.

Результатом, по которому судят о профессионализме, профессиональной компетенции, профессиональной культуре, является не столько совершенство выполнения профессиональной задачи, безупречная реализация целей, идей, методов и средств, нашедших воплощение в изяществе, красоте, добротности, полезности предметов и вещей, сколько нравственная направленность деятельности, слияние профессионализма с общечеловеческими этическими требованиями и нормами. В связи с этим профессиональная культура, будучи выражением постоянства результатов, в общем и целом ориентирована на совершенствование самого человека, на прогрессивное развитие культуры, на улучшение человеческого общежития, на достижение более гармоничных отношений между людьми.

Эффективность и престиж государственной службы в целом во многом зависит от того, как организована деятельность чиновников, насколько хорошо поставлена работа по подбору, расстановке, подготовке и переподготовке кадров, насколько соответствует их профессиональная квалификация, этика, организация труда и профессиональная культура современным требованиям. В качестве основных направлений совершенствования механизма управления развитием профессиональной культуры государственных служащих можно выделить следующие:

• обеспечение качественного профессионального отбора и подбора кадров;

• проведение аттестации специалистов независимыми аттестационными комиссиями с учетом критериев оценки уровня сформированности профессиональной культуры государственных служащих;

• совершенствование системы профессионального развития государственных служащих.

Обеспечение качественного профессионального отбора и подбора государственных служащих предполагает разработку системы мер, направленных на корректировку существующих критериев отбора граждан на службу, а также на развитие методов отбора, в том числе в процессе конкурсного отбора или экзаменов. Реальное продвижение работников на основе конкурса и сложных экзаменов станет нормой в том случае, если государственных служащих будут отбирать специально созданные, независимые в организационном и финансовом аспектах конкурсные комиссии, сформировать которые можно из специалистов, которые занимаются вопросами социальной сферы, высококвалифицированных психологов и авторитетных представителей гражданского общества.

Для успешного внедрения конкурсной технологии, способствующей повышению уровня профессиональной культуры государственных служащих, должны быть закреплены и реализованы следующие правила проведения конкурсного отбора:

во-первых, более сжатый срок приема документов от кандидатов, претендующих на вакантные должности государственной службы, – от 2 до 3 недель в зависимости от уровня должности и специализации, а также от ситуации на рынке труда (в настоящее время срок приема документов – 1 месяц);

во-вторых, создание, помимо конкурсной комиссии, рабочей группы по подготовке и проведению конкурса. В рабочую группу могут входить представители структурного подразделения, на вакантную должность в котором проводится конкурс, независимые эксперты, ученые вузов, специализирующихся в области кадровых технологий;

в-третьих, составление по итогам конкурса ранжированного списка кандидатов, первое место в котором может являться основанием для признания участника конкурса победителем (в настоящее время подробно не разработаны принципы окончательного принятия кадровых решений);

в-четвертых, рекомендация граждан, не прошедших конкурс, конкурсной комиссией для назначения на другие вакантные должности, а также введения их в резерв кадров.

В целях скорейшей адаптации государственных служащих, перехода их с одного уровня развития профессиональной культуры на другой необходимо ввести в практику отбора предварительное зачисление на конкурсной основе претендентов в кадровый резерв (прохождение которого являлось бы обязательным условием должностного продвижения) с последующей организацией дослужебной подготовки претендентов и стажировки в предполагаемых должностях.

Аттестация государственных служащих должна содержать комплексную оценку профессиональной деятельности служащего, включающую оценку его профессиональных, личностных качеств и результатов деятельности. Совершенствование процедуры аттестации связано с превращением ее из формальной процедуры в реальный механизм профессионального развития; с необходимостью проведения постоянного кадрового мониторинга по количественным и качественным показателям государственных служащих; с разработкой инструментария, обеспечивающего достоверность полученных данных.

Система аттестации способна стать механизмом мобилизации внутренних ресурсов сферы профессионального образования, оптимизации организационных форм, экономических и управленческих механизмов, использования разнообразных форм обеспечения обновления профессиональной культуры государственных служащих, осуществляемым комиссиями с участием независимых экспертов (не менее 25% от числа членов комиссии). В этом случае она будет способствовать: развитию профессиональной культуры госслужащих; ориентации кадров на освоение современных инновационных, информационных технологий мирового уровня; апробации современных моделей образовательных комплексов; инициации и реализации профессионально-личностного потенциала государственных служащих; выходу на развивающие программы в системе повышения профессиональной культуры специалистов.

Развитие профессиональной культуры государственных служащих требует также и совершенствования системы профессионального развития. Прежде всего, необходимо определение системы действенных стимулов, побуждающих работника к обучению, повышению своей квалификации, совершенствованию степени мышления. Такие стимулы должны быть имманентно представлены в проектах и программах профессионального развития, в них же определен организационно-нормативный механизм их реализации в структурах управления.

Организация профессионального развития должна быть жестко подчинена требованиям процесса реформирования государственной службы Российской Федерации, причем соответствующий государственный орган должен иметь возможность влиять на образовательный процесс. Условия профессиональной подготовки, и в том числе повышения профессиональной культуры государственных служащих, должны быть максимально приближены к условиям прохождения практической профессиональной деятельности.

В регионах целесообразно организовать постоянное научно-аналитическое обеспечение процесса профессионального развития (проведение систематической диагностики уровня профессионального развития кадров, находящихся на государственной службе, выявление возникающих проблем и оценка эффективности образовательного процесса). Необходимо добиться практической ориентированности учебных планов и программ подготовки государственных служащих.

Таким образом, управление развитием профессиональной культуры государственных служащих должно иметь системное воздействие, которое носит дифференцированный характер, то есть учитывает разные уровни ее развития.

Библиографический список

1. Игнатов, В. Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность [Текст] / В. Г. Игнатов, В. К. Белолипецкий. – Ростов-н/Д : МарТ, 2000. – 251 с.

2. Костюков, А. Диагностика профессионального потенциала кадров системы регионального управления [Текст] / А. Костюков // Государственная служба. – 2005. – № 1. – С. 58–66.

3. Комлева, В. В. Престиж государственной службы как категория социологии культуры, духовной жизни [Текст] / В. В. Комлева // Наука. Власть. Предпринимательство. – 2004. – № 2. – 175 с.

4. Марченко, И. Социальные уроки реформирования кадровой работы в системе государственной (муниципальной) службы [Текст] / И. Марченко // Служба кадров и персонала. – 2004. – № 8. – С. 32–39.

5. Харченко, А. А. Совершенствование системы подготовки кадров как фактор повышения профессиональной культуры государственных служащих [Текст] / А. А. Харченко // Наука и образование. – Выпуск № 1. Экономика и образование. – М. : ИИЦ МГУДТИ, 2006. – 99 с.

6. Шувалова, Н. Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: моральные основы [Текст] : учеб.-практич. пособие / Н. Н. Шувалова. – Ростов-н/Д : Феникс, 2006. – 380 с.

© Заслонкина О.В, 2010

Автор статьи – **Ольга Васильевна Заслонкина**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики профессиональной деятельности ГОУ ВПО «Орловская региональная академия государственной службы» (ОРАГС).

Рецензент – А. А.Харченко, кандидат исторических наук, профессор, завкафедрой социальной работы и педагогики профессиональной деятельности Орловской региональной академии государственной службы.

УДК 339.138

И. М. Крутень
Омская гуманитарная академия

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СФЕРЕ СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ БОЙЦОВСКИХ КЛУБОВ г. ОМСКА)

Рассматривается технология проведения маркетинговых исследований в сфере спорта. Сформулированы рекомендации по совершенствованию маркетингового управления клубом «Сатурн-Профи».

Ключевые слова: восточные единоборства, маркетинговое исследование, бойцовский клуб.

В исследовании рассматриваются предпочтения потребителей в выборе клубов г. Омска, объединяющих любителей восточных единоборств, анализируется конкуренция данных клубов и деятельность клуба «Сатурн-Профи». Среди клубов любителей восточных единоборств были взяты только те, в которых изучают такие стили боя, как панкратион и рукопашный бой, т. к. эти стили очень похожи и значительно отличаются от других видов единоборств.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективной рыночной информации о положении на рынке, а также о мотивациях потребителей. Информация представлена в текстовом виде и графически. Сделаны выводы и даны рекомендации по улучшению деятельности клуба «Сатурн-Профи».

Клубы любителей восточных единоборств относительно недавно появились в г. Омске и сразу стали очень популярны. Клуб «Сатурн» ведет свою историю с 1964 г. За время существования члены клуба сумели выиграть около 200 спортивных соревнований различного ранга. Клуб «Сатурн» становится клубом Российского спортивного центра «Панкратион», на базе которого формируются спортивные команды города, области и России. Спортсмены клуба ежегодно становятся победителями межрегиональных и международных турниров. Сборная команда России, сформированная на базе Клуба «Сатурн», выигрывала чемпионаты мира, Европы, России.

Несмотря на все большую популярность данного вида спорта, в городе не так много спортивных клубов.

Целью исследования является изучение потребительских предпочтений в выборе клубов г. Омска и анализ существующего рынка услуг. Для реализации этих целей были сформулированы следующие задачи:

– определение сегмента потенциальных потребителей (пол, возраст, род занятий);

– выявление потребительских предпочтений в отношении исследуемых услуг путем анкетного опроса жителей г. Омска;

– рассмотрение конкуренции на данном рынке в г. Омске;

– формулировка выводов и рекомендаций.

Исследование описательное, т. е. собирается информация о потенциальных потребителях, принципах выбора клубов и прочих мотивациях. Генеральной совокупностью выступила изучаемая аудитория потребителей спортивных услуг – то есть жители города Омска в возрасте 10–50 лет. Было опрошено 300 человек, что является достаточным для получения статистически значимых выводов.

Получены следующие результаты:

В основной группе посетителей клубов мужчины составляют не менее 96%. Это, скорее всего, является следствием того, что мужчины в большей степени увлечены данным жестким видом спорта и желанием постоять за себя. И только около 4% – представительниц женского пола.

Диаграмма (рис. 1) показывает значительные отличия посетителей по возрасту. Больше всего школьников и студентов (в среднем около 35%), которые проявляют активный интерес к данной сфере. С увеличением возраста доля посетителей уменьшается. В целом возраст не является характеристикой, которая определяет основную мотивацию потребителей касательно употребления данных услуг.

Рис. 1. Возраст посетителей клубов восточных единоборств

Основная группа (по роду занятий) – ученики и студенты, которые составляют около 40% и 31% соответственно. Служащие и руководители составляют «вторую ступень» – около 15% и 11%. 3% – безработные или временно неплатежеспособное население.

На рис. 2 представлены факторы, которые могут привлечь жителей в спортивные клубы (рис. 2). Так, наибольшее количество – около 52,6% жителей – будет посещать клубы только ради того, чтобы научиться элементам самообороны. Около 10,5% жителей можно привлечь обещаниями сделать из них великих спортсменов. Приблизительно такое же количество может посетить клуб вместе с компанией друзей. Прочие побудительные факторы менее популярны. Следует также отметить, что большое количество опрошенных заявило, что ничто не заставит их посещать спортивные клубы.

Главной причиной, по которой жители не посещают спортивные клубы, является то, что им просто-напросто неинтересен этот вид спорта. Около 19% населения г. Омска считают, что это опасно для их здоровья, и предпочитают другие виды спорта. Среди прочих, не столь популярных, причин – отсутствие денег, времени и других факторов.

Главным требованием, предъявляемым аудиторией к бойцовскому клубу, является репутация данного клуба (26,1%), на втором месте профессионализм тренеров (17,1%), известность (15,3%), цены (11,6%) и полученные рекомендации (9,8%).

На условное третье место можно поставить ассортимент предлагаемых клубом услуг (4,7%), наличие в спортзале раздевалки, душа, спортивного инвентаря (2,8–4,3%), близость к месту жительства (3,2%). **(**Источник информации: собственные исследования.)

В поиске информации о бойцовском клубе около половины аудитории (48,7%) обратится к знакомым, друзьям, родственникам. Именно рекомендации и положительные отзывы со стороны родственников, знакомых и других лиц в значительной степени могут убедить принять решение о выборе конкретного бойцовского клуба. К различным источникам из средств массовой информации обратятся приблизительно от 7% до 20% опрошенных респондентов (Интернет – 19,7%; газеты, журналы – 11,6%; ТВ – 6,8%). Затруднились ответить на этот вопрос 10,1% респондентов. К другим источникам обратятся 3,1% респондентов.

Рис. 2. Факторы для посещения клубов

Известность и посещаемость Омских бойцовских клубов

Известность клубов среди жителей города Омска проиллюстрирована на рис. 3. Как видно, лидирующее положение занимает клуб «Сатурн-Профи» (его знают около 29% всех респондентов). Менее известны клубы «Игра» (около 12%) и «Десантник» (около 9%), «Левый берег», «Русичи», «242 учебный центр ВДВ», «МВД» и «ДЮСШ 30». Прочие клубы можно назвать малоизвестными.

На рис. 4 представлены наиболее популярные бойцовские клубы. Лидером является клуб «Сатурн-Профи» (его посещает приблизительно одна третья жителей, занимающихся в бойцовских клубах). Второе место по количеству посетителей занимают клубы «Игра» и «Десантник», популярность которых находится на уровне около 14–17%. Клубы «Левый берег», «МВД», «ДЮСШ 30», «242 учебный центр ВДВ» и «Русичи» условно можно поставить на третье место по популярности (их посещают около 4–8%). Прочие клубы мало популярны.

Исследование конкурентоспособности клубов

Для сравнительного анализа были выделены только пять самых популярных бойцовских клубов: «Сатурн- Профи»; «Игра»; «Десантник»; «Левый берег»; «ДЮСШ 30».

Бойцовские клубы были исследованы по следующим показателям: цена, известность, профессионализм тренера, ассортимент предоставляемых услуг, наличие спортивного инвентаря, качество тренировок, уровень рекламы, титулованность клуба.

Для оценки использовалась 5-балльная («школьная») шкала, согласно которой пять баллов означает «отлично», а один балл – «неудовлетворительно».

На основании анализа рис. 5 были сделаны следующие выводы:

- Клуб «Сатурн-Профи» имеет безусловные лидирующие позиции по многим показателям, таким, как уровень цен (самые низкие цены), известность, профессионализм тренера, наличие спортивного инвентаря, качество тренировок и титулованность клуба. Остальные клубы-конкуренты значительно отстают.
- Клуб «Игра», в свою очередь, является лидером по уровню рекламы.
- Клуб «ДЮСШ 30» лидирует в предоставлении широкого ассортимента услуг и незначительно отстает от лидера по уровню цен.
- Бойцовский клуб «Десантник» в целом имеет неплохие конкурентные позиции, но не имеет лидирующих позиций ни по одному из критериев.
- Самые слабые позиции занимает бойцовский клуб «Левый берег(несмотря на сравнительно высокий уровень цен).

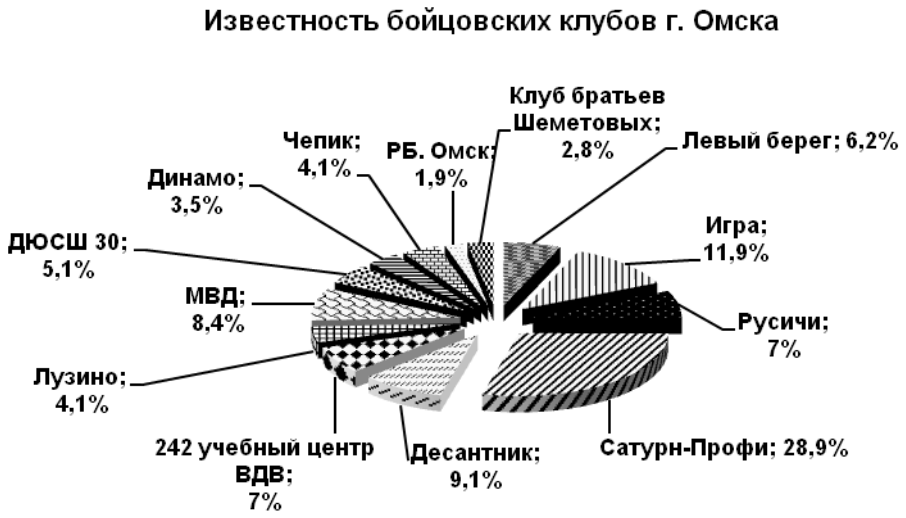


Рис. 3. Известность бойцовских клубов г. Омска

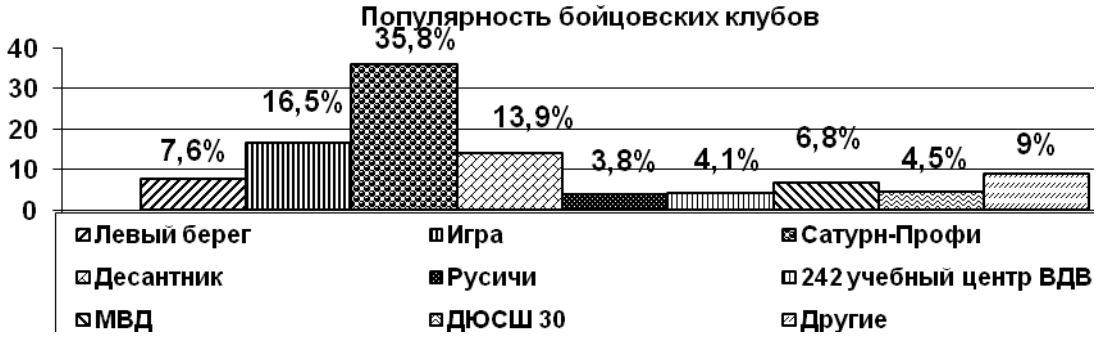


Рис. 4. Популярность клубов

Из таблицы видно, что наименьший уровень цен (500 руб./мес.) в клубах «Сатурн-Профи» и «Русичи», но последний находится за городом. Бесплатно можно заниматься в клубах «МВД» и «242 учебный центр ВДВ», но только при условии, что человек служит в учреждении-организаторе. Средний уровень цен в клубах «Левый берег», «Лузино», «ДЮСШ 30». Относительно высокие цены во всех остальных бойцовских клубах.

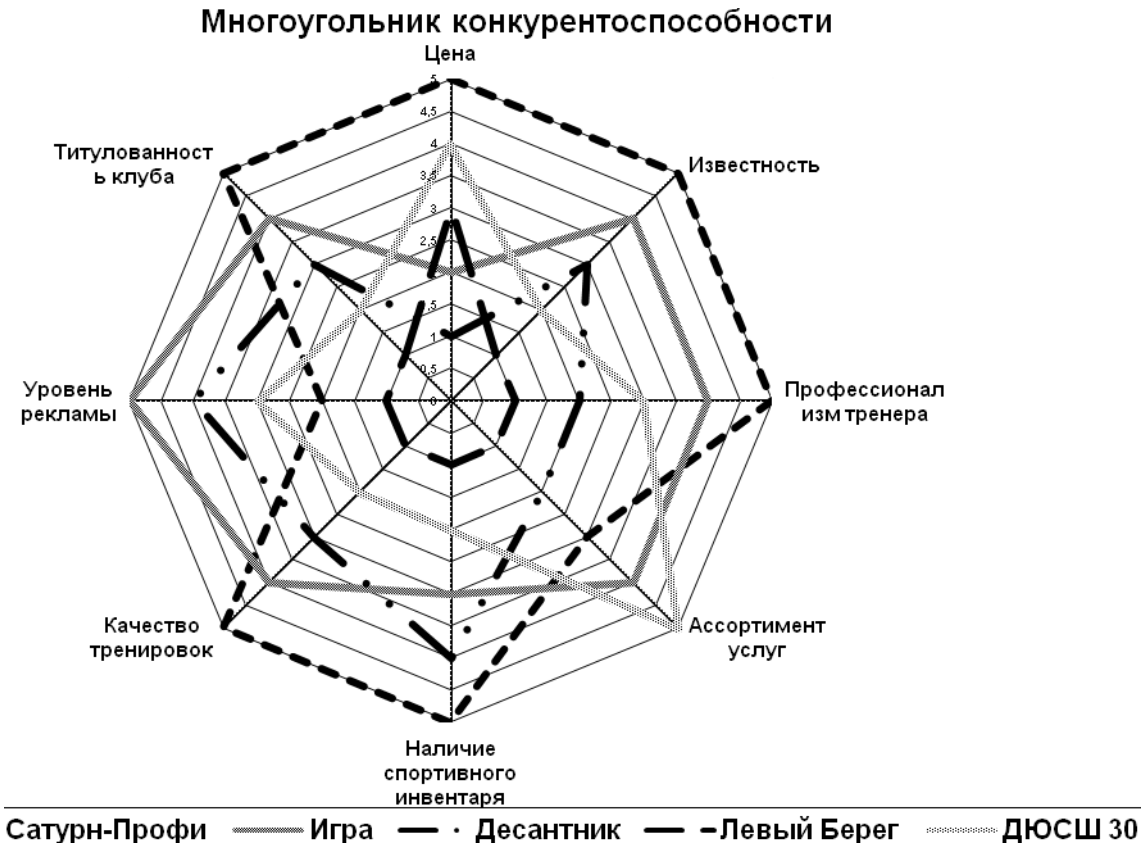
Уровень осведомленности о «Сатурн-Профи»

Примем за 100% всех посетителей бойцовских клубов, проживающих в г. Омске.

Более одной трети из них знают о клубе «Сатурн-Профи» и посещают его. Слышали о клубе, но не посещают его больше половины (54,3%). Не более 7% вспоминают о клубе с подсказкой («Знаете ли Вы о бойцовском клубе «Сатурн-Профи», расположенном на ул. Бульварной?»). Всего лишь 3% не знают о существовании клуба.

Самым значительным источником информации о бойцовском клубе «Сатурн-Профи» являются родственники, знакомые и друзья (около 64% так узнали о клубе). Около четверти посетителей узнали о клубе из средств массовой информации (публикации, репортажи о клубе, проведенных соревнованиях, спортсменах и т. д.). Около 10% респондентов присутствовали на соревнованиях с участием членов клуба. Около 6% узнали о клубе, увидев вывеску. Ну а, как известно, рекламу в качестве средства привлечения посетителей «Сатурн-Профи» не использует. Около 15% респондентов считают бойцовский клуб «Сатурн-Профи»

«нормальным», 21% – «хорошим» и 38% – «отличным». Негативных оценок не выявлено, однако большая часть опрошенных (около 26%) не выразила никакого мнения.



Источник: собственные исследования

Рис. 5. Многоугольник конкурентоспособности

Сравнительная характеристика стоимости посещения бойцовских клубов г.Омска

Название бойцовского клуба	Уровень цен
«Сатурн-Профи»	500 руб./мес.
«Левый берег»	900 руб./мес.
«Русичи»	500 руб./мес.
«Десантник»	1000 руб./мес.
«242 учебный центр ВДВ»	Бесплатно (только служащие)
«Лузино»	800 руб./мес.
«МВД»	Бесплатно (только для учащихся)
«ДЮСШ 30»	1000 руб./мес.
«Динамо»	1100 руб./мес.
«Чепик»	1100 руб./мес.
«РБ. Омск»	1400 руб./мес.
«Клуб братьев Шеметовых»	1600 руб./мес.

Рис. 6. Оценка клуба «Сатурн-Профи» посетителями

Из диаграммы (рис. 6) видно, что позитивными сторонами клуба респонденты считают высокое качество тренировок, профессиональность тренера, титулованность клуба и хорошее спортивное оборудование. Чуть реже упоминались низкий уровень цен и индивидуальные тренировки.

По результатам проведенного маркетингового исследования можно сделать следующие выводы:

– При изучении существующего в г. Омске рынка бойцовских клубов можно прийти к выводу, что имеет место монополистическая конкуренция. Присутствует явный лидер (клуб «Сатурн-Профи»).

– Население города осведомлено о бойцовских клубах и их назначении. Люди осознают, для чего эти клубы существуют.

– Были проведены попытки разбить рынок на сегменты по социально-демографическому принципу (возраст, пол, род занятий). Выявлено, что главными критериями из вышеуказанных являются пол и возраст потребителей.

– Как показал опрос, люди плохо информированы о бойцовских клубах, работающих на данном рынке. Небольшим количеством респондентов названы лишь клубы, проводящие активную рекламную кампанию и существующие на рынке достаточно давно.

– Среди СМИ, ставших источниками информации о клубах, названы газеты, телевидение, Интернет. Но главным образом люди доверяют опыту и знанию своего окружения, своих родных и знакомых.

– При выборе того или иного бойцовского клуба люди оценивают многие критерии, среди которых качество и стоимость тренировок, репутация клуба, профессионализм тренера. Месторасположение клуба особого значения не имеет.

– По всем конкурентным позициям большое преимущество имеет клуб «Сатурн-Профи», о нем достаточно осведомлены потребители, которые составили о клубе хорошее мнение.

– В условиях кризиса бойцовский клуб «Сатурн-Профи» ведет самую оптимальную ценовую политику, что позволяет удерживать постоянных потребителей данной сферы услуг и привлекать новых клиентов.

По результатам проведенного для бойцовского клуба «Сатурн-Профи» исследования предложены следующие маркетинговые решения.

Клубу необходимо ориентироваться в первую очередь на потребителя. Важно придерживаться стратегии ценообразования, при которой цены могут быть ниже рыночных, на уровне рыночных или выше их – в зависимости от лояльности потребителей и предоставляемых услуг. На данном этапе ценовая политика достаточно удачная. Низкие цены на оказы-

ваемые услуги приводят к увеличению числа потребителей. Но если повысить цену за тренировки, то можно сделать скидки для постоянных клиентов или скидки при оплате за несколько месяцев вперед.

Для успешной работы на рынке бойцовских клубов, для укрепления конкурентоспособности, стимулирования спроса и улучшения своего образа необходимо пользоваться различными видами продвижения услуги на рынке.

Самым доступным и общепринятым средством продвижения является реклама. Как показало проведенное исследование, разные люди доверяют различным средствам массовой информации. Необходимо разместить рекламные объявления в городских печатных изданиях. Особое внимание следует уделить бесплатным газетам, которые доставляются большинству населения города. Возможно создание и показ в городских программах телероликов. Можно установить фирменные вывески, указатели проезда к клубу. Нужно создать свою web-страницу, рассказывающую о деятельности клуба, информирующую о спортсменах и ближайших соревнованиях и т. д. Тем более что в данном клубе занимаются спортсмены мирового уровня, выступающие на профессиональных международных соревнованиях. Это вызовет дополнительный интерес потребителей услуг. На этой же странице необходимо выкладывать фото- и видеоматериалы, сделать вкладку с форумом, где люди смогут общаться и задавать вопросы, обязательно сделать вкладку с названием «люди о нас», где можно будет разместить мнение клиентов. Кроме того, следует внести в банки данных специализированных компьютерных систем информацию о предоставляемых услугах, ценах.

Для создания собственного имиджа и придания солидности можно изготовить фирменные сувенирные изделия: авторучки, брелки, значки, сумки, шорты, календари и т. д., оформленные с использованием фирменной символики клуба. Эти сувениры можно раздавать посетителям клуба в качестве небольших подарков, преподносить на праздники или просто продавать. Данная продукция будет пользоваться большим спросом.

Постоянным клиентам, занимающимся в клубе, к примеру, более четырех месяцев, можно сделать подарок в виде футболки с эмблемой ДЮСК «Сатурн-ПРОФИ». Это оставит приятное впечатление и создаст дополнительную рекламу на улицах города.

Можно расширить ассортимент услуг – сделать отдельные группы для девушек; организовать « вызов на бой» (в рамках закона и под чутким контролем специалистов).

Также ДЮСК «Сатурн-ПРОФИ» необходимо разработать некую корпоративную философию, исходя из принципов и положений о целях функционирования бойцовского клуба. Для создания более позитивного имиджа можно придумать гимн клуба, который может звучать на соревнованиях.

Необходимо проведение показательных семинаров с участием именитых бойцов города Омска и не только, с приглашением СМИ. Лучшими пропагандистскими приемами всегда были и останутся впредь показательные выступления бойцов. Грамотно срежиссированные и качественно поставленные сцены единоборств или боя одного со многими противниками никогда не оставят равнодушным зрителя и привлекут достаточно внимания.

Ежегодное проведение в г. Омске международного турнира среди профессионалов по боям без правил в ходе красочного шоу увеличит статус клуба, его известность и привлечет большое число новых потребителей.

Можно ежеквартально выпускать красочный журнал с новостями о проведенных и предстоящих соревнованиях, фотографиями спортсменов, тренеров, из жизни бойцовского клуба в целом и т. п. В издании также можно будет размещать рекламу спонсоров, а это принесет дополнительную поддержку. Продавать журнал можно в киосках, супермаркетах города и на соревнованиях.

Целесообразно организовать на базе клуба отдел маркетинга, который постоянно проводил бы исследования и продвигал СК «Сатурн-ПРОФИ».

© Крутень И. М., 2010

Автор статьи – **Ирина Михайловна Крутень**, выпускница НОУ ВПО «ОмГА» (специальность «Маркетинг»), irina_kruten@mail.ru.

Рецензент – О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент кафедры коммерции и маркетинга НОУ ВПО «ОмГА».

УДК.330.147

О. Н. Михайлова
Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева

АНАЛИЗ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОГО ПОРТФЕЛЯ НА ПРИМЕРЕ АО «КАЗКОММЕРЦБАНК»

В настоящее время все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с формированием инвестиционного портфеля коммерческого банка. Под портфелем понимают набор инвестиций в ценные бумаги, обращающиеся на финансовом рынке. В статье проанализирован диверсифицированный портфель коммерческого банка на примере АО «Казкоммерцбанк».

Для достижения целей исследования в работе были использованы следующие методы: экономико-статистический, пространственной выборки, факторный анализ, ограничения, факторные модели и равновесие. Информационной базой исследования послужили данные АО «Казкоммерцбанк», периодической печати, материалы научных изданий, нормативно-правовые документы, законодательные акты РК.

Ключевые слова: инвестиционный портфель, экономико-статистический метод, факторная модель.

В экономике часто встречаются ситуации, когда субъект (физическое лицо или фирма) должен выбрать одну из альтернатив. Существует экономическая теория, которая занимается изучением процесса выбора, используя так называемую функцию полезности. Функция полезности описывает правило, по которому каждому из возможных вариантов выбора приписывается некоторое числовое значение. Чем больше это значение, тем больше «полезность» данного варианта выбора. Говоря проще, в теории портфеля функция полезности выражает предпочтения субъекта при определенных отношениях к риску и представлениях об ожидаемых доходностях.

В графической форме функцию полезности отражают кривые безразличия. На рис. 1 они обозначены через u_1, u_2, и u_3. На горизонтальной оси откладывается значение риска, а на вертикальной – ожидаемые доходности. Кривые представляют собой наборы портфелей с различными комбинациями риска и доходности. Точки одной такой кривой определяют значение риска и доходности для данного уровня полезности. Рассмотрим, например, два портфеля u и u^* на кривой u_1. Портфель u имеет большую доходность, но и больший по сравнению с u^* риск. При этом инвестору безразлично, какой из них выбирать. Наклон кривой безразличия означает, что с ростом риска инвестор требует его компенсации большей доходностью.

Чем выше лежит кривая, тем больше полезность, поскольку по вертикали отложена доходность. Таким образом, из трех кривых кривая u_3 имеет наибольшую полезность, а u_1 - наименьшую. Все портфели, лежащие на одной заданной кривой безразличия, являются рав-

ноценными для инвестора.

При формировании портфеля следует различать рисковые и безрисковые активы.

Рисковые активы – это активы, доходность которых в будущем неопределенна. Предположим, что инвестор покупает акции компании и планирует держать их один год. В момент покупки он не знает, какой доход получит в конце срока. Это зависит от стоимости акции через год и дивидендов, которые компания выплачивает в течение года. Поэтому эти акции, так же как и акции других компаний, – это рисковые активы. Даже ценные бумаги, выпускаемые правительством США, являются рисковыми. Допустим, что инвестор купил правительственные облигации со сроком погашения 30 лет. Он не знает, какой доход получит, если продержит их всего один год. Дело в том, что на стоимость облигаций в течение года влияет изменение процентной ставки.

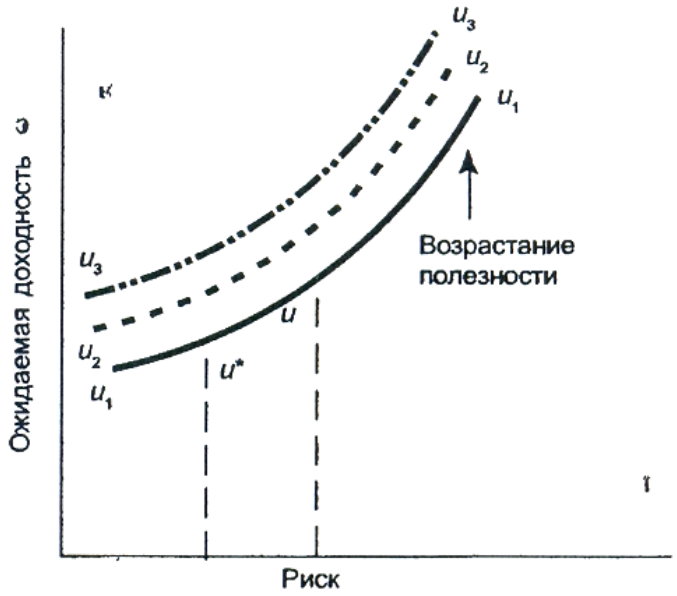


Рис. 1. Кривые безразличия

Тем не менее, активы, будущая доходность которых известна в момент погашения, существуют. Такие активы называются безрисковыми.

Как правило, это краткосрочные правительственные облигации. Допустим, инвестор покупает казначейские векселя США сроком погашения один год и гарантирует держать их до погашения. В таком случае относительно доходности этих бумаг нет никакой неопределенности. Инвестор знает, что в день их погашения правительство выплатит определенную сумму (номинал), погашающую долг. Обратите внимание на то, как отличается эта ситуация от предыдущей, хотя и в первом, и во втором случае ценные бумаги являются государственными.

Принимая решение о приобретении портфеля, инвестор должен обращать внимание на ожидаемую доходность и стандартное отклонение каждого портфеля.

Ожидаемая ставка доходности (среднее значение доходности) определяется как сумма всех возможных ставок доходности, умноженных на соответствующую вероятность их получения:

$$E(r) = P_1 r_1 + P_2 r_2 + ... + P_n r_n = \sum_{i=1}^{n} P_i r_i \qquad (1)$$

Предположим, что ожидаемая доходность акций А – $r_A = 10\%$, а акций В – $r_B = 15\%$. Если весь капитал вложить в акции А, то ожидаемая доходность портфеля $r_П = r_A = 10\%$. Если инвестировать капитал только в акции В, то ожидаемая доходность инвестиции составит: $r_П = r_B = 15\%$. При инвестировании капитала в акции равными долями ожидаемая доходность

портфеля будет равна средневзвешенной из доходности акций: $r_П = 0,5 \cdot 10\% + 0,5 \cdot 15\% = 12,5\%$. По истечении года фактические значения доходности акций А и В, а следовательно, и портфеля в целом, возможно, будут не совпадать с их ожидаемыми значениями.

Рискованность одного актива измеряется дисперсией или средним квадратическим отклонением доходов по этому активу, а риск портфеля – дисперсией или средним квадратическим отклонением доходов портфеля.

Если для создания портфеля ценных бумаг инвестировать деньги в какой-то один вид финансовых активов, то инвестор оказывается зависимым от колебания курсовой стоимости. Поэтому следует вкладывать капитал в акции нескольких компаний, хотя понятно, что эффективность также будет зависеть от курсовых колебаний, но уже не каждого курса, а усредненного, который, как правило, колеблется меньше, поскольку при повышении курса одной из ценных бумаг курс другой может понизиться, и колебания могут взаимно погаситься.

Портфель ценных бумаг, содержащий самые разнообразные типы ценных бумаг, называется диверсифицированным. Хотя подобный портфель значительно снижает диверсификационные (несистематические) риски, полностью устранить инвестиционный риск нельзя, так как при вложении капиталов присутствуют еще и недиверсифицированные, или систематические, риски, присущие конкретной экономической системе в целом или отдельному рынку и не поддающиеся диверсификации. Систематический риск обусловлен общим состоянием экономики, который связан с такими факторами, как война, инфляция, глобальные изменения налогообложения, изменение денежной политики и т. п., и связан с изменениями цен на акции, их доходностью, текущим и ожидаемым процентом по облигациям, ожидаемыми размерами дивиденда, вызванными общерыночными колебаниями.

Однако, чтобы измерить риск портфеля, нам нужно знать не только вариацию доходов отдельных ценных бумаг, но и степень, с которой доходы пар ценных бумаг колеблются вместе. Нам необходимо знать ковариацию, или же корреляцию доходов каждой пары активов в портфеле.

Риск портфеля, измеряемый через дисперсию, рассчитывается как взвешенная сумма ковариаций всех пар активов в портфеле, где каждая ковариация взвешена на произведение весов каждой пары соответствующих активов и дисперсия данного актива рассматривается как ковариация актива с самим собой.

Дисперсия, или вариация случайной величины, служит мерой разброса ее значений вокруг среднего значения. Для доходности (как случайной величины) вариация, оценивающая степень отклонения возможных конкретных значений от средней или ожидаемой доходности, служит мерой риска, связанного с данной доходностью.

Формула для определения вариации доходности i-го актива записывается следующим образом:

$$\sigma_i^2 = \mathrm{var}(r_i) = \sum_{m=1}^{n} P_m [r_m - E(r_i)]^2 \qquad (2)$$

Вариация учитывает не только размер отклонений возможных значений доходности от среднего, но и вероятность такого отклонения. В этом смысле дисперсия указывает меру неопределенности в ожиданиях инвестора, который оценивает будущую доходность как среднюю по всем возможным значениям. Это обстоятельство и позволило Марковицу считать дисперсию доходности мерой риска инвестиций.

Можно привести два довода против использования вариации в качестве меры риска. Первый – вариация учитывает отклонение в обе стороны по отношению к среднему значению. Действительно, реализованная доходность может быть как выше, так и ниже среднего значения, при этом первый случай также вносит вклад в величину вариации и, следовательно, риска. Инвестор же не расценивает превышение реальной доходности над ожидаемой как неприятный результат. Напротив, он только приветствует такой исход дела. Поэтому многие исследователи считают, что при измерении риска не должны рассматриваться случаи, когда

возможная доходность выше ожидаемой.

Марковиц понимал этот недостаток вариации и предлагал меру риска, которая учитывала лишь случаи снижения доходности по отношению к среднему значению. Эту меру называют полувариацией. Полувариация рассчитывается как обычная вариация, кроме тех случаев, когда доходность выше ожидаемой доходности. Однако сложности вычисления, связанные с использованием полувариации, привели к тому, что в своих работах Марковиц был вынужден ограничиться обычной вариацией.

В настоящее время при измерении риска снижения стоимости ценной бумаги финансисты-практики пользуются обоими понятиями.

Второй довод, относящийся к недостаткам вариации как меры риска, состоит в том, что она нечувствительна к асимметричности распределения отклонений от среднего значения. В случае несимметричных распределений приходится пользоваться другими характеристиками типа коэффициента асимметрии и т. п. Марковиц не рассматривал подобные характеристики в своей теории. Использование вариации можно оправдать, основываясь на эмпирических исследованиях, подтверждающих относительно симметричность статистических распределений доходностей акций. Поскольку считается, что для принятия решения инвестор рассматривает только ожидаемую доходность и вариацию, теория портфеля в формулировке Марковица получила название двухпараметрической модели.

При вычислении стандартного отклонения портфеля пользуются понятием ковариации. Ковариация – это статистическая мера взаимодействия двух случайных переменных. То есть это мера того, насколько две случайные переменные, такие, например, как доходности двух ценных бумаг i и j, зависят друг от друга. Положительное значение ковариации показывает, что доходности этих ценных бумаг имеют тенденцию изменяться в одну сторону, например лучшая, чем ожидаемая, доходность одной из ценных бумаг должна, вероятно, повлечь за собой лучшую, чем ожидаемая, доходность другой ценной бумаги. Отрицательная ковариация показывает, что доходности имеют тенденцию компенсировать друг друга, например лучшая, чем ожидаемая, доходность одной ценной бумаги сопровождается, как правило, худшей, чем ожидаемая, доходностью другой ценной бумаги. Относительно небольшое или нулевое значение ковариации показывает, что связь между доходностью этих ценных бумаг слаба либо отсутствует вообще.

В общем случае вычисление стандартного отклонения портфеля, состоящего из n ценных бумаг, требует двойного суммирования n ценных бумаг, для чего необходимо сложить n^2 членов:

$$\sigma_p = \left[\sum_{i=1}^{n} \sum_{j=1}^{n} X_i X_j \sigma_{ij} \right]^{1/2} \qquad (3)$$

где σ_{ij} обозначает ковариацию ценных бумаг i и j.

Очень близкой к ковариации является статистическая мера, известная как корреляция. На самом деле, ковариация двух случайных переменных равна корреляции между ними, умноженной на произведение их стандартных отклонений:

$$\sigma_{ij} = p_{ij} \sigma_i \sigma_j , \qquad (4)$$

где p_{ij} обозначает коэффициент корреляции между доходностью на ценную бумагу i и доходностью на ценную бумагу j. Коэффициент корреляции нормирует ковариацию для облегчения сравнения с другими парами случайных переменных.

Коэффициент корреляции всегда лежит в интервале между –l и +1. Если он равен –1, то это означает полную отрицательную корреляцию, если +1 – полную положительную корреляцию. В большинстве случаев он находится между этими двумя экстремальными значениями.

На рис. 2, а представлена точечная диаграмма доходностей гипотетических ценных бумаг А и В, когда корреляция между двумя этими ценными бумагами полностью положительна. Заметим, что все точки лежат на прямой наклонной линии, идущей из левого нижнего

квадранта в правый верхний. Это означает, что когда одна из двух ценных бумаг имеет относительно высокую доходность, тогда и другая ценная бумага имеет относительно высокую доходность. Соответственно, когда одна из двух ценных бумаг имеет относительно низкую доходность, тогда и другая имеет относительно низкую доходность.

Однако корреляция между доходностями двух различных ценных бумаг будет абсолютно отрицательной, когда точечная диаграмма показывает, что точки лежат именно на прямой наклонной линии, идущей из левого верхнего квадранта в правый нижний, как это показано на рис. 2, б. В данном случае можно сказать по доходности двух ценных бумаг изменяются противоположно друг другу. То есть когда одна из ценных бумаг имеет относительно высокую доходность, другая имеет относительно низкую доходность.

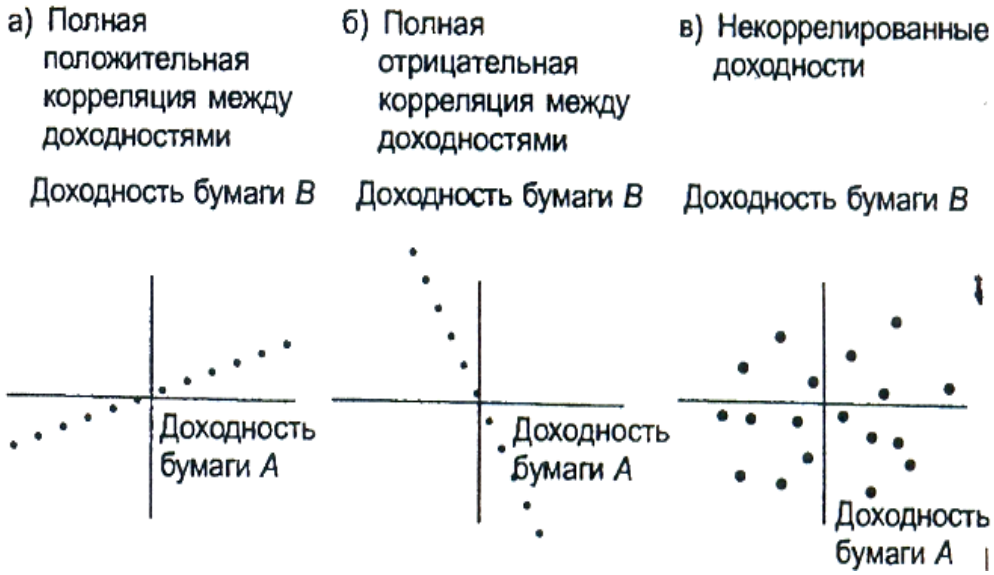


Рис. 2. Доходность двух ценных бумаг

Особый случай возникает, когда точечная диаграмма доходности ценных бумаг показывает разброс точек, который даже приблизительно не может быть представлен прямыми наклонными линиями. В таком случае делается вывод о некоррелированности доходностей, т. е. о равенстве нулю коэффициента корреляции. На рис. 2, в представлен данный пример. В такой ситуации, когда одна из ценных бумаг имеет относительно высокую доходность, другая может иметь и относительно высокую, и относительно низкую, и среднюю доходности.

В центре внимания стратегии диверсификации Марковица, прежде всего, находится уровень ковариации доходностей активов портфеля. Ключевой вклад Марковица состоит в постановке вопроса о риске активов как составляющих единого портфеля, а не отдельно взятых единиц.

Данная стратегия, стремясь к максимально возможному снижению риска при сохранении требуемого уровня доходности, состоит в выборе таких активов, доходности которых имели бы возможно меньшую положительную корреляцию. Именно учет взаимной корреляции доходностей активов с целью снижения риска отличает стратегию диверсификации Марковица от стратегии наивной диверсификации.

Способ диверсификации Марковица и важность корреляции активов можно проанализировать на примере портфеля из трех активов. Для этого сначала покажем общую взаимосвязь ожидаемого риска портфеля из трех активов и корреляции их доходностей. Затем изучим влияние комбинирования активов с различными корреляциями на риск всего портфеля.

Портфель составлен из трех видов ценных активов: A, B, C.

Веса, с которыми каждый актив представлен в портфеле, равны $V_a = 50\% = 0{,}5$, $V_в = 30\% = 0{,}3$ и $V_c = 20\% = 0{,}2$.

Таблица 1

Данные по доходности ценных активов A, B, C, %

Момент времени t	1	2	3	4	5
a = X	9,6	10,1	11,4	11,7	12,2
b = Y	14,2	15,9	15,3	14,1	15,5
c = Z	7,9	8,2	6,8	8,7	8,4
d = T	12,8	11,3	11,9	12,4	11,6

Для нахождения связи между доходами каждой ценной бумаги определяем ковариацию (корреляцию) каждой пары активов по формуле

$$\text{cov}_{xy} = \sigma_{xy} = \frac{\sum\left(x-\bar{x}\right)\left(y-\bar{y}\right)}{n-1} \quad (5)$$

и ковариацию актива с самим собой:

$$\text{cov}_{xx} = \sigma^2 = \frac{\sum\left(x-\bar{x}\right)\left(x-\bar{x}\right)}{n-1} = \frac{\sum\left(x-\bar{x}\right)^2}{n-1} \quad (6)$$

Ковариации доходов по всем возможным парам активов отображены в табл. 2.

Таблица 2

Ковариации доходов по ценным активам A, B и C, %

Наименование	V_a	V_b	V_c
V_a	cov(a, a) 1,25	cov(a, b) 0,1	cov(a, c) 0,11
V_b	cov(b, a) 0,1	cov(b, b) 0,65	cov(b, c) –0,13
V_c	cov(c, a) 0,11	cov(c, b) –0,13	cov(c, c) 0,54

Риск портфеля сможем найти по формуле

$$\sigma_p{}^2 = \sum_{i=1}^{k} V_i{}^2 \sigma_i{}^2 + 2\sum_{i=1}^{k}\sum_{j\rangle 1} V_i V_j \,\text{cov}_{ij} \quad (7)$$

где n – объем выборочной статистики по годам;

k – число активов.

Для вычисленной ковариационной модели нашли, что $\sigma_p{}^2 = 0{,}429$ и $\sigma_p = 0{,}65 = 65\%$. Отсюда видно, что риск портфеля лишь несколько ниже риска отдельных активов и средневзвешенного риска отдельных активов, равного:

$$\overline{\sigma_p} = \left(\sigma_a + \sigma_b + \sigma_c\right)/3 = 0{,}88 = 88\%. \quad (8)$$

Рассмотрим новый портфель активов, заменив актив A на актив D, оставив его долю прежней, т. е. $V_d = V_a = 50\% = 0{,}5$. Составив новую ковариацию доходов, получим:

Таблица 3

Ковариации доходов по ценным активам A, B и C, %

Наименование	V_a	V_b	V_c
V_a	0,36	–0,46	0,005

V_b	–0,46	0,65	–0,13
V_c	0,005	–0,13	0,54

Риск портфеля, рассчитанный по формуле 8, равен $\sigma_p = 0{,}132 = 13{,}2\%$. Риск этого портфеля в пять раз меньше, чем предыдущего. Это объясняется снижением коррелированности активов D и C и наличием отрицательной ковариации активов D и B. Стоимость портфеля даже несколько повысилась, так как средний доход по активам D равен 12%, а по активам A – 11%.

Подобная операция служит базой для хеджирования, когда отрицательная корреляция достигается продажей позиции по инструменту (актив A), который имеет высокую степень положительной корреляции, и обретением другого актива D.

Анализ значений риска рассмотренных портфелей показывает, что риск портфеля меньше, чем средняя взвешенная рисков отдельных ценных бумаг, и среднее квадратическое отклонение портфеля падает, когда снижается степень корреляции пар активов. Общий риск ценной бумаги, находящейся в изоляции, больше, чем у той же ценной бумаги, находящейся в портфеле. Комбинация активов со слабой корреляцией понижает риск портфеля. Эффективная диверсификация достигается не просто добавлением активов к портфелю, а добавлением таких активов, доходы которых имеют самые низкие корреляции, а лучше отрицательные, с активами, присутствующими в портфеле.

Если представить, что имеется очень большое количество активов, доступных для инвестиций, скажем индекс из 100 или 500 акций. Допустим также, что все доходы по активам независимы. Тогда формула 3 сократится до следующего:

$$\sigma_p^{\,2} = \sum_{i=1}^{N} V_i^{\,2}\ \sigma_i^{\,2} \qquad (9)$$

Этот пример наглядно показывает эффект диверсификации Марковица. Данное явление иногда называют «чудом диверсификации». Стратегия диверсификации Марковица предполагает, что с увеличением корреляции (ковариации) доходностей активов, составляющих единый портфель, возрастает вариация (а следовательно, и стандартное отклонение) доходности этого портфеля. «Чудо» проявляется при отрицательной корреляции ожидаемых доходностей активов.

Прекрасно то, что инвестор может снизить риск портфеля, удерживая его ожидаемую доходность при помощи сочетания активов с низкой (желательно, отрицательной) корреляцией. Плохо лишь то, что активов с малой и отрицательной корреляцией существует совсем немного. Таким образом, задача превращается в поиск среди многочисленных активов таких, портфель из которых имел бы минимальный риск при заданном уровне доходности или, наоборот, при заданном уровне риска имел бы наибольшую доходность.

Так как предполагается, что доходы по активам независимы, ковариации равняются нулю. Теперь предположим, что равные суммы инвестированы в каждый из n активов, тогда веса каждого станут равными I/n, и дисперсия портфеля примет вид:

$$\sigma_p^{\,2} = \sum_{i=1}^{n}\left(\frac{1}{n}\right)^2 \sigma_1^{\,2} = \frac{1}{n}\left[\sum_{i=1}^{n}\frac{\sigma_i^{\,2}}{n}\right] \qquad (10)$$

Выражение в прямоугольных скобках является средней дисперсией активов в портфеле. В то время как число активов (n) в портфеле становится больше, 1/n уменьшается, и дисперсия портфеля снижается, приближаясь в пределе к нулю.

Однако в действительности не все доходы по активам независимы. Рассмотрим активы, принадлежавшие к одному классу, например акции и облигации. У большинства активов будет присутствовать некоторый уровень ковариации. Отсюда на практике равенство (10) превращается в следующее:

$$\sigma_p^{\,2} = \sum_{i=1}^{n}\left(\frac{1}{n}\right)\sigma_i^{\,2} + 2\sum_{i=1}^{n}\sum_{j\rangle 1}\left(\frac{1}{n}\right)\left(\frac{1}{n}\right)\mathrm{cov}_{ij} \qquad (11)$$

Это можно представить так:

$$\sigma_p^2 = \left(\frac{1}{n}\right)\sum_{i=1}^{n}\left[\frac{\sigma_i^2}{n}\right] + \frac{(n-1)}{n} 2\sum_{i=1}^{n}\sum_{j>1}\left[\frac{\text{cov}_{ij}}{n(n-1)}\right] \quad (12)$$

Первый член равенства представляет собой среднюю дисперсию, уже встречавшуюся выше в выражении (10), а второй – это тоже средняя, т. е. сумма ковариаций, деленная на число ковариаций n(n – 1). Выражение (12), таким образом, может быть упрощено:

$$\sigma_p^2 = \frac{1}{n}\overline{\sigma_i}^2 + \frac{n-1}{n}\overline{\text{cov}_{ij}} \quad (13)$$

Эта формула помогает объяснить, что происходит с риском портфеля, когда в него включено большое количество активов. Когда число активов в портфеле увеличивается, 1/n уменьшается и, таким образом, его произведение на среднюю дисперсию приближается к нулю. Однако (n, ..., 1)/n стремится к единице при увеличении n, отсюда второе слагаемое правой части выражения (13) приближается к средней ковариации. Следовательно, когда портфель диверсифицирован включением большого числа активов, дисперсия портфеля приближается к средней ковариации отдельных активов.

Значит, общий риск ценной бумаги, находящейся в изоляции, больше, чем у той же ценной бумаги, находящейся в портфеле. Комбинация активов со слабой корреляцией понижает риск портфеля. Таким образом, общий риск состоит из двух частей: а) тот риск, который может быть исключен диверсификацией (несистематический риск, также известный как случайный или остаточный риск) и б) тот элемент риска, который не может быть исключен с помощью диверсификации (систематический риск, также известный как рыночный риск).

Пусть рынок может находиться в одном из трех состояний: I, II и III. Известны вероятности этих состояний и доходности трех активов в процентах (табл. 4).

Таблица 4

Вероятность и доходность активов рынка, %

Состояние	Вероятность	Доходность r_1 первого актива	Доходность r_2 второго актива	Доходность r_3 третьего актива
I	0,3	30	40	–10
II	0,5	20	10	10
III	0,2	10	–30	20

Сначала нужно найти математические ожидания доходности каждого из активов:

$$M_{(r_1)} = 30\cdot 0{,}3 + 20\cdot 0{,}5 + 10\cdot 0{,}2 = 21;$$

$$M(r_2) = 40\cdot 0{,}3 + 10\cdot 0{,}5 + (-30)\cdot 0{,}2 = 11;$$

$$M(r_3) = (-10)\cdot 0{,}3 + 10\cdot 0{,}5 + 20\cdot 0{,}2 = 6.$$

После нахождения математического ожидания доходности каждого из активов необходимо найти коэффициенты K_{ij} ковариационной матрицы:

$$K_{11} = \text{cov}(r_1, r_1) = \sigma^2(r_1) = (30-21)^2\cdot 0{,}3 + (20-21)^2\cdot 0{,}5 + (10-21)^2\cdot 0{,}2 = 49;$$

$$K_{12} = K_{21} = \text{cov}(r_1, r_2) = (30-21)(40-11)\cdot 0{,}3 + (20-21)(10-11)\cdot 0{,}5 + (10-21)(-30-11)\cdot 0{,}2 = 169;$$

$$K_{13} = K_{31} = \text{cov}(r_1, r_3) = (30-21)(-10-6)\cdot 0{,}3 + (20-21)(10-6)\cdot 0{,}5 + (10-21)(20-6)\cdot 0{,}2 = -76;$$

$$K_{22} = \text{cov}(r_2, r_2) = \sigma^2(r_2) = (40-11)^2\cdot 0{,}5 + (10-11)^2\cdot 0{,}5 + (-30-11)^2\cdot 0{,}2 = 757{,}2;$$

$$K_{23} = K_{32} = \text{cov}(r_2, r_3) = (40-11)(-10-6)\cdot 0{,}3 + (10-11)(10-6)\cdot 0{,}5 + (-30-11)(20-6)\cdot 0{,}2 = -256;$$

$$K_{33} = \text{cov}(r_3, r_3) = \sigma^2(r_3) = (-10-6)^2\cdot 0{,}3 + (10-6)^2\cdot 0{,}5 + (20-6)^2\cdot 0{,}2 = 124.$$

Эти результаты сводят в ковариационную матрицу:

$$K = \begin{pmatrix} 49 & 169 & -76 \\ 169 & 757{,}2 & -256 \\ -76 & -256 & 124 \end{pmatrix}.$$

Стандартные отклонение по каждому из активов равны:

$$\sigma(r_1) = \sqrt{49} = 7;$$

$$\sigma(r_2) = \sqrt{757{,}2} = 27{,}52;$$

$$\sigma(r_3)\sqrt{124} = 11{,}14.$$

Теперь определим коэффициенты корреляции:

$$p_{11} = p_{22} = p_{33} = 1\%;$$

$$p_{12} = p_{21} = cor(r_1, r_2) = \frac{\mathrm{cov}(r_1, r_2)}{\sigma(r_1) \cdot \sigma(r_2)} = \frac{169}{7 \cdot 27.52} = 0.88;$$

$$p_{13} = p_{31} = cor(r_1, r_3) = \frac{\mathrm{cov}(r_1, r_3)}{\sigma(r_1) \cdot \sigma(r_3)} = \frac{-7.6}{7 \cdot 11.14} = -0.97;$$

$$p_{23} = p_{32} = cor(r, r_3) = \frac{\mathrm{cov}(r_2, r_3)}{\sigma(r_2) \cdot \sigma(r_3)} = \frac{-256}{27.52 \cdot 11.14} = -0.84.$$

Коэффициенты корреляции можно записать в виде корреляционной матрицы:

$$p = \begin{pmatrix} 1 & 0{,}88 & -0{,}97 \\ 0{,}88 & 1 & -0{,}84 \\ -0{,}97 & -0{,}84 & 1 \end{pmatrix}.$$

Таблица 5

Структура финансовых активов, оцениваемых через прибыль или убыток АО «Казкоммерцбанк» за 2007–2009 гг., млн тенге

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Темп роста: 2009 г. к 2007 г., %
Производные финансовые инструменты	24317	24317	38425	158,0
Долговые ценные бумаги	32537	32537	28254	868,3
Долевые ценные бумаги	1276	1276	2384	186,8
Итого	58130	58130	69063	118,8

По данным табл. 5 видно, что структура финансовых активов, оцениваемых через прибыль или убыток АО «Казкоммерцбанк» за 2007–2009 гг. имеет следующую тенденцию: долговые ценные бумаги снизились с 32537 млн тенге в 2008 г. до 28254 млн тенге в 2009 г., что составило темп роста 86,8%, а долевые ценные бумаги увеличились за данный период с 1276 млн тенге до 2384 млн тенге, где темп роста 186%. Производные финансовые инструменты в 2008 г., как и в 2007 г., остались без изменений, а в 2009 г. данный показатель увеличился на 158% и составил 38425 млн тенге, что на 14108 млн тенге больше по сравнению с предыдущим периодом.

В целом структура финансовых активов, оцениваемых через прибыль или убыток АО «Казкоммерцбанк» за 2007–2009 гг., имеет тенденцию к увеличению.

Таблица 6

Структура долговых ценных бумаг АО «Казкоммерцбанк» за 2007–2009 гг.,
млн тенге

Показатель	2007 г.		2008 г.		2009 г.	
	%	млн тенге	%	млн тенге	%	млн тенге
Облигации казахстанских компаний	4,9–12,4	22684	8,0–19,2	12356	6,8–18,5	9922
Государственные казначейские обязательства Министерства финансов РК	3,7–6,6	926	4,5–8,7	1756	4,0–8,7	5319
Облигации российских компаний	7,2–13,8	4030	7,2–13,8	3078	7,2–16,0	2828
Облигации российских банков	7,3–8,2	703	7,3–9,9	1828	13,2–16,0	2293
Краткосрочные Ноты НБРК	–	1845	–	5609	2,4–2,9	2094
Облигации казахстанских банков	6,0–12,0	4151	6,0–12,0	2390	6,2–10,9	2093
Еврооблигации казахстанских банков	7,7–8,1	2900	7,8–8,1	2089	3,3–8,1	1683
Облигации международных финансовых учреждений	1,5–20,0	87336	6,5–15,7	2920	6,5–7,7	1626
Облигации местных исполнительных органов РФ	7,7–9,2	607	7,2–8,7	378	6,7–8,2	250
Облигации федерального займа Министерства финансов РФ	9,0–10,0	343	9,0	124	8,0	146
Итого		125525		32528		28254

По данным табл. 6 видно, что структура долговых ценных бумаг АО «Казкоммерцбанк» за 2007–2009 гг. представлена следующим образом: государственные казначейские обязательства Министерства финансов РК имеют тенденцию к увеличению (с 1756 млн тенге в 2008 г. до 5319 млн тенге в 2009 г.). Облигации российских банков увеличились с 1828 млн тенге в 2008 г. до 2293 млн тенге в 2009 г. Остальные финансовые показатели имеют тенденцию к снижению.

Библиографический список

1. Бланк, И. А. Основы инвестиционного менеджмента. – Т. 1 / И. А. Бланк. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Эльга ; Ника-Центр, 2004. – 672 с.

2. Ендовицкий, Д. А. Инвестиционный анализ в реальном секторе экономики : учеб. пособие / Д. А. Ендовицкий ; под ред. Л. Т. Гиляровской. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 352 с. : ил.
3. Инвестиционные расчеты / под ред. Лутц, Крушвиц. – СПб. : Питер, 2001. – 410 с.
4. www.bankir.ru.
5. www.afn.kz.

© Михайлова О. Н., 2010

Автор статьи – **Ольга Николаевна Михайлова**, ассистент (Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева). E-mail: Lelikhimka86@mail.ru.

Рецензент – К. А. Кожахметов, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» СКГУ им. М. Козыбаева.

УДК 338.246.832

Е. Р. Михалко
ОАО «Международный банк финансов и инвестиций» (г. Москва)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РИСКА ВОЗМОЖНЫХ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ЭФФЕКТОВ ГМО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена исследованию и оценке риска возможных неблагоприятных эффектов генетически модифицированных организмов на здоровье человека, распространения генетически модифицированных организмов и их влияния на обеспечение продовольственной безопасности.

Ключевые слова: риск, продовольственная безопасность, генетически модифицированный организм, биобезопасность.

Продовольственная безопасность является важным элементом системы экономической безопасности государства, который определяет способность сельскохозяйственного сектора экономики обеспечить население страны продовольствием, а промышленность – необходимым сельскохозяйственным сырьем. Продовольственная безопасность – стабильное производство основных продуктов питания и их доступность населению – является одним из условий устойчивости системы экономических, социальных и экологических параметров, определяющих качество жизни населения и являющихся, по своей сути, показателями эффективности государственного управления. Обеспечение продовольственной безопасности – исключительно сложная и многоуровневая проблема, комплексное решение которой требует сосредоточения усилий специалистов различных областей науки, техники, государственных и муниципальных органов управления, а также предприятий и правоохранительных структур.

Продовольственная безопасность выступает в качестве одной из основных характеристик уровня и качества жизни, представляя собой основу жизнеобеспечения населения. Подход к определению продовольственной безопасности с позиций устойчивого развития общества смещает акценты в сторону безопасности человека, воспроизводства человеческого по-

тенциала как основного фактора экономического роста. Применение современной биотехнологии в производстве продуктов питания открывает новые возможности в областях, касающихся здоровья и развития человека. Основа экономического роста мирового сообщества – научно-технический прогресс. Развитие передовых государств базируется на применении инноваций – создается экономика, основанная на научных знаниях.

Генетически модифицированные организмы (ГМО) – это живые организмы, которым путем внедрения чужеродных генов были приданы новые свойства. Технология, позволяющая создать ГМО, – генная инженерия, которую часто называют современной биотехнологией[1]. Биотехнология – это область человеческой деятельности, которая характеризуется широким применением биологических систем всех уровней в самых разнообразных отраслях науки, промышленного производства, медицины, сельского хозяйства и других сферах. Биотехнология – одно из самых перспективных направлений высоких технологий – заслуживает особого внимания, поскольку необходимость ее внедрения диктуется объективными законами экономического развития цивилизации. Обеспечивая повышение урожайности и продуктивности сельскохозяйственных культур, агробиотехнологии предлагают более короткий путь к улучшению структуры питания человека. Наиболее известный подход, используемый современной биотехнологией, – метод рекомбинантных ДНК, который позволяет генетически модифицировать растения, животных и микроорганизмы, наделяя их качествами, получение которых невозможно с помощью традиционных методов селекции. Помимо генетического модифицирования, к методам современной биотехнологии относятся также культивирование тканей, клонирование и селекция под контролем маркеров.

Генная инженерия может способствовать снижению проблем продовольственной безопасности путем увеличения производства продовольствия за счет повышения урожайности и снижения потерь сельскохозяйственных культур. Придание сельскохозяйственным растениям новых качеств обеспечивает повышение продуктивности сельского хозяйства, улучшение питательных свойств продовольственных товаров, облегчение процесса переработки сырья, что потенциально способствует улучшению здоровья человека. Возможно присутствие эффектов, оказывающих косвенное влияние на улучшение качества жизни, такое как снижение объемов распыляемых химикатов, повышение доходности фермерских хозяйств, стабильности урожая и безопасности продуктов питания, что особенно актуально для развивающихся стран.

Список сельскохозяйственных культур, генно-инженерные сорта которых официально допущены к использованию во всех странах мира, включает 20 наименований: соя, кукуруза, рапс, хлопчатник, томаты, картофель, рис, сахарная свекла, лен, турнепс, кабачки, дыни, табак, папайя, цикорий, пшеница, гвоздика, полевица, люцерна, слива. Однако не все они выращиваются в промышленных масштабах. Ряд генетически модифицированных культур, таких как картофель, кабачки, папайя и томаты, относительно массово выращивались лишь в отдельные годы.

Продукты питания, производимые с помощью современной биотехнологии, можно отнести к следующим пяти категориям:

1. Продукты питания, состоящие из живых / жизнеспособных организмов и содержащие ГМ-ингредиенты (в основном трансгенная кукуруза и соя). Эти ингредиенты вносятся в пищевые продукты в качестве структурирующих, подслащивающих, красящих веществ, а также в качестве веществ, повышающих содержание белка.

2. Продукты переработки трансгенного сырья (например, мука, пищевые белки, соевый творог, соевое молоко, чипсы, кукурузные хлопья, томатная паста).

3. Генетически модифицированные овощи и фрукты, а в скором времени, возможно, и животные, непосредственно употребляемые в пищу.

4. Продукты питания, содержащие отдельные ингредиенты или добавки, синтезируемые ГМ-микроорганизмами (например, красители, витамины и незаменимые аминокислоты).

5. Продукты питания, содержащие ингредиенты, обработанные синтезируемыми ГМ-микроорганизмами ферментами (например, кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы, изготавливаемый из крахмала с помощью фермента глюкозоизомеразы).

Нормативный статус ГМО варьирует в зависимости от особенностей законодательства страны, гарантирующего биобезопасность и разрешающего их использование. Биобезопасность – это система мероприятий, направленных на предотвращение или снижение до безопасного уровня неблагоприятных воздействий ГМО на здоровье человека и окружающую среду при осуществлении генно-инженерной деятельности[2].

Соединенные Штаты являются лидером в области биотехнологии и одновременно стоят на первом месте в мире по производству сои и кукурузы (примерно по 40% всего мирового производства) и на втором – хлопка (около 20%). По подсчетам ученых-биологов из США через 50 лет в стране не останется ни одного растительного организма, не несущего в своем геноме генетически модифицированную вставку.

Трансгенные растения официально разрешены в Австралии, наиболее населенных странах Азии (Китае, Индии, Индонезии), Центральной и Южной Америки (в Бразилии, Мексике, Колумбии, Аргентине), площади под ними непрерывно возрастают. В мире 15 биотехнологических стран, выращивающих генетически модифицированные культуры на площадях в 50 тыс. га и более (США, Бразилия, Аргентина, Индия, Канада, Китай и др.).

80-кратное увеличение площадей биотехнологических культур в период 1996–2009 гг. является беспрецедентным и делает сельскохозяйственную биотехнологию самой быстро развивающейся технологией в истории современного сельского хозяйства.

В 2009 г. 25 стран в мире выращивали биотехнологические культуры на площади 134 млн га, что на 7%, или 9 млн га, больше, чем в 2008 г. Еще в 32 странах мирового сообщества ГМ-культуры разрешены для ввоза, применения в качестве продуктов питания и кормов и выпуска в окружающую среду. Из 25 стран, возделывающих биотехнологические культуры (Германия прекратила их выращивание в 2008 г., а Коста-Рика – начала в 2009 г.), 16 стран – развивающиеся, и девять стран – промышленно развитые.

Основной объем выращиваемых в настоящее время генетически модифицированных растений сосредоточен в развитых странах, ориентированных на экспорт сельскохозяйственной продукции, и в больших механизированных хозяйствах, практикующих интенсивное сельское хозяйство. Почти половина (46%) общемировой площади биотехнологических сельскохозяйственных культур приходится на развивающиеся страны, которые, как ожидается, опередят по этому показателю индустриально развитые страны к 2015 г.

После продовольственного кризиса 2008 г. (который привел к волнениям в 30 развивающихся странах и свержению правительств на Гаити и Мадагаскаре) мировое сообщество осознало, что глобальная продовольственная безопасность подвергается серьезному риску. В результате увеличилась поддержка распространения генетически модифицированных культур со стороны стран-экспортеров, международного и научного сообществ, лидеров развивающихся стран.

Согласно Конституции Российской Федерации каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду. ГМО будут влиять на ее состояние, так как это живые организмы, способные к размножению, скрещиванию, являющиеся частью пищевой цепи. Осуществление государственного и общественного контроля в сфере использования ГМО как в России, так и в любом другом правовом государстве – это способ предотвратить или минимизировать все возможные риски.

Перечень экономических рисков, возникающих в связи с использованием ГМО в производстве продуктов питания и сельском хозяйстве для России, возрастает по мере ее интеграции в глобальное экономическое пространство. Самая главная проблема российского потребителя состоит в отсутствии возможности и права выбора той продукции, которую он предпочитает. Так как маркировка «содержит ГМО» на товарах практически не ставится, на данный момент полностью избежать употребления ГМО в пищу невозможно. В России ГМО

могут встретиться потребителю в самых неожиданных продуктах – от колбасы до детского питания без маркировки о содержании ГМО.

В России не выдано ни одного разрешения на коммерческое выращивание ГМО, следовательно, все сырье, содержащее генетически модифицированные компоненты, поступающее на российский рынок, является импортным. Готовая продукция, имеющая в своем составе ГМО, является импортной на 60%. Первое место в поставках генетически модифицированного сырья в Россию занимает соя, которая используется в десятках видов продукции: молочных, мясных (колбасы, сосиски, пельмени, паштеты и др.), кондитерских изделиях, майонезах, рыбных полуфабрикатах, детском питании.

Правительством Российской Федерации подписано постановление о создании Комиссии по вопросам биологической и химической безопасности (9 февраля 2005 г., № 64). Одна из главных задач комиссии – сбор и обработка информации о трансгенных исследованиях и продуктах, в том числе на российском рынке. В России одобрена продажа продукции, содержащей следующие ГМ-культуры: картофель (2 сорта), кукуруза (5 сортов), соя (3 сорта), рис (1 сорт), сахарная свекла (2 сорта).

Таким образом, основные сегменты пищевой продукции, в которых используются ГМО, представляют собой огромный рынок для производителей трансгенной продукции.

Оценка качества традиционных продуктов питания, длительное время присутствующих на товарном рынке, и оценка безопасности новых продуктов питания (изготовленных по новым технологиям, с применением новых пищевых добавок и др.) до поступления их на товарный рынок является обычной практикой. Относительная безопасность традиционных продуктов питания гарантируется длительной историей их безопасного использования человеком. В научной литературе, касающейся проблемы оценки риска ГМО для здоровья человека, используется ряд терминов: неблагоприятное воздействие, неблагоприятный эффект, ущерб, вред, фактор риска, риск, опасность, а также подверженность воздействию, масштаб воздействия и др.

Принимая во внимание величину потенциального ущерба для здоровья человека от употребления ГМО в случае, если данное событие будет реализовано, риск можно определить математическим выражением: «риск = вероятность × результат», или «риск = вероятность негативного воздействия фактора риска × величина последствий воздействия».

Риск также определяется через взаимодействие фактора риска и экспозиции, то есть степени продолжительности воздействия на предмет (здоровье человека, окружающую среду) данного фактора риска. Подверженность фактору риска является вероятностью и (или) значимостью воздействия фактора риска на объект этого воздействия, риск определяется следующим образом: «риск = фактор риска × подверженность объекта фактору риска».

На практике, однако, оценка риска может быть очень сложной, так как требуется понимание и оперирование концепциями «воздействие фактора риска» и «следствие» в терминах статистики, вероятности и экономики, что проблематично по отношению к живым организмам вообще и к ГМО в частности.

Методика оценки риска должна дать ответ на следующие вопросы: насколько вероятно, что воздействие ГМО на здоровье человека осуществится; какова будет величина последствий этого вредного воздействия; является ли потенциальный риск от ГМО приемлемым в сопоставлении с выгодами, получаемыми в результате их употребления. Таким образом, риск возможных эффектов ГМО представляет собой функцию двух параметров: вероятности осуществления неблагоприятного воздействия ГМО на здоровье человека или окружающую среду (вероятности неблагоприятного воздействия фактора риска) и величины последствий данного воздействия.

Система оценки риска должна предусматривать идентификацию всех возможных факторов риска, количественно определять вероятность их воздействия и величину неблагоприятных последствий воздействия для здоровья человека и окружающей среды. Модель системы оценки риска представлена на рисунке.

Информация, необходимая для оценки риска воздействия ГМО, носит исключительно научный характер и аккумулируется из различных источников. Оценка риска базируется на теоретических научных знаниях и, главным образом, на теоретических основах наследственности и изменчивости организмов (законах Менделя, законе гомологических рядов Вавилова, законах популяционной генетики и др.). Основной источник информации – результаты экспериментальных и исследовательских работ, специально проведенных в процессе оценки риска ГМО или известных заранее. Так, оценка риска высвобождения генетически модифицированных растений может потребовать более тысячи всевозможных экспериментальных проверок, учета знаний о представителях флоры и фауны региона высвобождения, о принятых в конкретной стране приемах земледелия и основах землепользования, характерных климатических условиях и др.

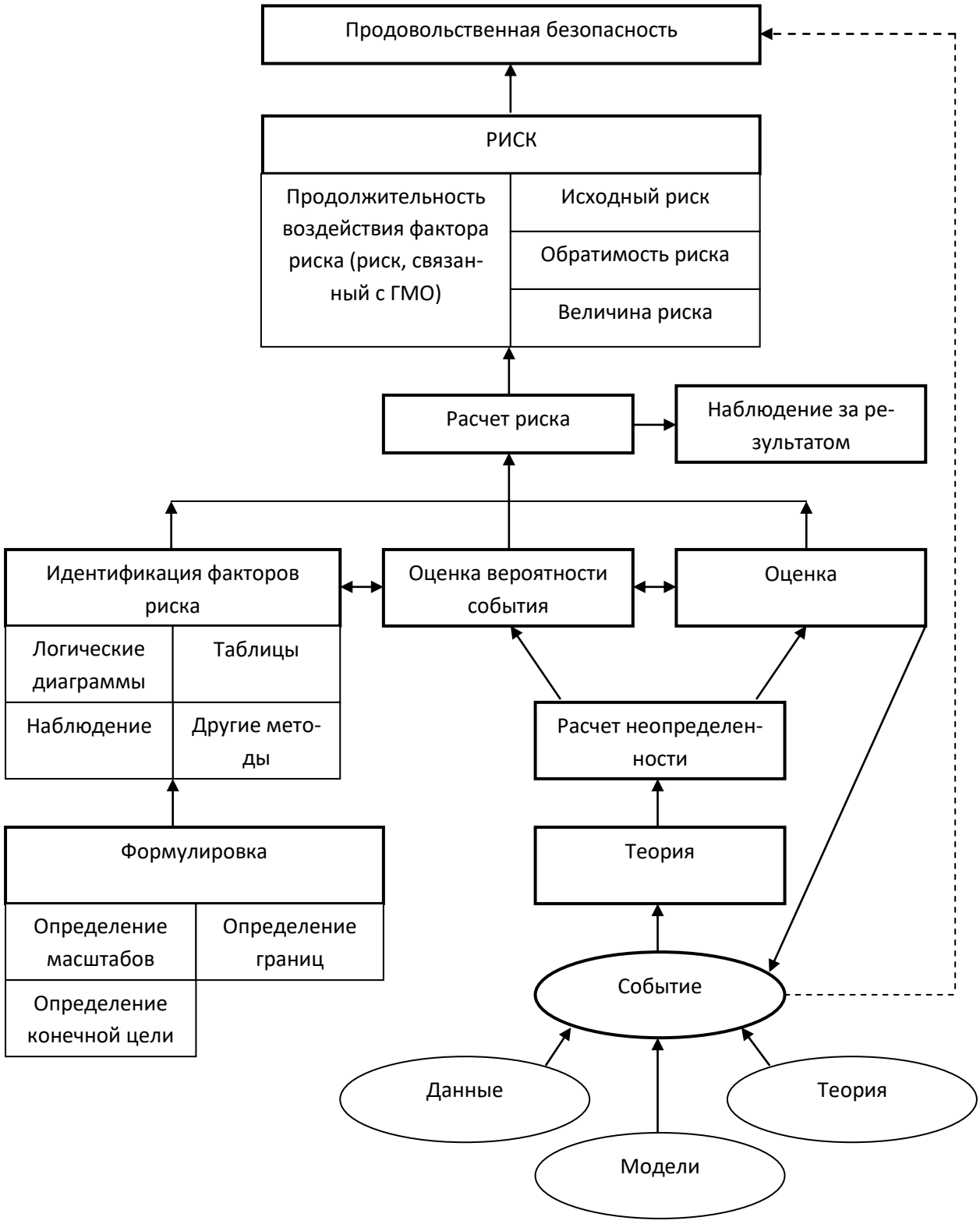
Качественная оценка влияния риска на продовольственную безопасность состоит из комбинации оценок вероятности неблагоприятного воздействия идентифицированных факторов риска ГМО на здоровье человека и масштаба соответствующих последствий: «риск = масштаб последствий × вероятность неблагоприятного воздействия». На качественном уровне шкала оценки вероятности воздействия идентифицированных факторов риска может иметь следующую градацию: «высокая», «средняя», «низкая» и «незначительная». Аналогичным образом последствия неблагоприятных воздействий оценивают как «тяжелые», «средней тяжести», «малой тяжести» и «незначительные». Оценки риска в такой интерпретации могут оказаться следующими: «высокий», «средний», «низкий» и «практически равный нулю». Возможные результаты проведения оценки риска представлены в таблице. При оценке риска следует обязательно учитывать комбинацию качественных оценок. Например, если оценка потенциальных последствий воздействия определена как «незначительная», то, несмотря на возможную высокую вероятность осуществления данного воздействия, риск может быть оценен как «низкий».

Шкала качественной оценки риска ГМО

Последствия неблагоприятного воздействия	Вероятность неблагоприятного воздействия факторов риска			
	Высокая	Средняя	Низкая	Незначительная
Тяжелые	Высокий риск	Высокий риск	Средний риск	Риск практически равен нулю
Средней тяжести	Высокий риск	Средний риск	Средний, низкий риск	Риск практически равен нулю
Малой тяжести	Средний, низкий риск	Низкий риск	Низкий риск	Риск практически равен нулю
Незначительные	Риск практически равен нулю	Риск практически равен нулю	Риск практически равен нулю	Риск практически равен нулю

Генетическая модификация организмов, используемых для изготовления продовольствия или непосредственно употребляемых в пищу, не означает обязательное привнесение в продукты питания экзогенных, вредных для здоровья человека агентов. По сравнению с исходными организмами или традиционными продуктами, считающимися безопасными для здоровья человека, ГМО содержат несколько (2–3) новых генов наряду с 25–35 тысячами уже существующих генов. Тем не менее, генетическая модификация может изменить уровень безопасности исходных организмов и традиционных продуктов. Возможное непосредственное влияние генетически модифицированных продуктов питания на здоровье человека в целом сравнимо с известными опасностями, ассоциируемыми с традиционными продукта-

ми питания, и включает, например, возможную аллергенность или токсичность компонентов, а также диетологическую и микробиологическую безопасность продуктов питания.



Модель системы оценки риска, связанного с ГМО

Мировой рынок продукции биотехнологий сегодня оценивается в 100 миллиардов долларов, причем большая часть приходится на фарминдустрию. Самое динамично развиваю-

щееся направление – генно-инженерные лекарственные препараты, прежде всего на основе белков человека и животных. Большинство лекарственных препаратов могут быть получены только с помощью биотехнологий. Причина такой популярности заключается в исключительной эффективности генно-инженерных лекарств.

Примечания

[1]Генная инженерия растений – это совокупность методов молекулярной биологии, направленных на конструирование и перенос в растительный геном последовательностей ДНК. С помощью методов генной инженерии возникла возможность переноса в растения генетической информации из любого, сколь угодно отдаленного организма – растения, животного, гриба, бактерии. Набор переносимых признаков не ограничивается теми, которые имеются в видах, способных скрещиваться с сельскохозяйственными культурами.

[2]Биобезопасность (Biosafety) – международный термин, обозначающий проблематику, связанную с использованием достижений современных биотехнологий, в первую очередь генной инженерии и генетически модифицированных организмов. В данном значении используется, в частности, в Картахенском протоколе по биобезопасности к Конвенции по биоразнообразию ООН, подписанном на Конференции сторон (г. Найроби, Кения, 2000 г.).

Библиографический список

1. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / под ред. А. П. Ермишина. – Мн. : Тэхналогія, 2005. – 430 с.

2. ГМО: Контроль над обществом или общественный контроль / под ред. В. Б. Копейкиной. – М. : ГЕОС, 2005 – С. 26.

3. Джеймс, К. Статус коммерческих биотехнологических ГМ культур в мире: 2009 год. Краткий обзор ISAAA / К. Джеймс [Электронный ресурс]. – 2010. – № 41. – Режим доступа: http://www.isaaa.org.

4. Лебедев, В. Г. Продовольственная безопасность и трансгенные продукты / В. Г. Лебедев // Россия в окружающем мире. – 2004. – № 5. – С. 128–150.

5. Мелик-Саркисов, С. О. Биотехнология в аграрном секторе США: экономика развития / С. О. Мелик-Саркисов. – М. : Всерос. НИИ с.-х. биотехнологии РАСХН, 2005. – 288 с.

6. Михалко, Е. Р. Экономическая безопасность потребительской кооперации в условиях инновационного развития / Е. Р. Михалко. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. – 344 с.

© Михалко Е. Р., 2010

Автор статьи – **Елена Романовна Михалко**, советник председателя правления ОАО «Международный банк финансов и инвестиций» (г. Москва), кандидат экономических наук, hamuraj@mail.ru

Рецензент – В. А. Дадалко, доктор экономических наук, профессор кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность» ФГОУ ВПО «Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации.

УДК 336.71.078.3

В. М. Сайко
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ БАНКОВ ВТОРОГО УРОВНЯ И ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Статья посвящена совершенствованию надзора за банковской деятельностью, который основывается на прочной законодательной базе, создающей условия для осуществления постоянного контроля состояния деятельности банков и требующей обновления и совершенствования. Методология банковского надзора определяет общие задачи, стоящие перед органами надзора. В соответствии с этим обоснованы конкретные пути совершенствования регулирования банковской деятельности и надзора за ней.

Ключевые слова: надзор за банковской деятельностью, регулирование банковской деятельности.

На современной стадии развития банковской системы и банковского регулирования необходимо научное обоснование и обобщение подходов к вопросам формирования современного банковского надзора (каким он должен быть – общественным или частным), организационно-правового устройства, организационной формы (функциональный или институциональный) и характера регулирующей деятельности (независимый или имеющий политическую направленность).

Концептуальные требования к повышению эффективности банковского надзора исходят из усиления стимулирующего воздействия банковской системы на ход рыночного развития экономики. Методология банковского надзора определяет общие задачи, стоящие перед органами надзора. В соответствии с этим обоснованы конкретные пути совершенствования регулирования банковской деятельности и надзора за ней: осуществление разумного надзора, т. е. обеспечение надежности и стабильности банковского сектора, а не реализация социально-экономических задач, направленных на кредитование приоритетных секторов экономики; совершенствование консолидированного надзора; применение к банковским конгломератам мер пруденциального регулирования, предусматривающих оценку финансового состояния организаций, входящих в состав банковского конгломерата, и их аффилированных лиц; продолжение работы по внедрению международных стандартов надзора «Базель II». Эффективный надзор за банковской деятельностью основывается и на прочной законодательной базе, создающей условия для осуществления постоянного контроля состояния деятельности банков, которая требует постоянного обновления и совершенствования.

Современное развитие финансовых рынков характеризуется такими тенденциями, как глобализация, либерализация, консолидация, которые, бесспорно, изменяют мировую финансовую архитектуру. Так как повсеместное сокращение условий, ограничивающих движение капитала, отмена многих других факторов, препятствующих развитию финансового рынка, внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий позволили локальным финансовым рынкам стать составной частью все более интегрирующегося мирового рынка финансовых и банковских услуг, на котором банки и другие финансовые институты могут встретиться в непосредственной конкурентной борьбе. В связи с этим увеличивается интерес государства и органов банковского регулирования и надзора к финансо-

вым показателям деятельности банков. Как правило, государство напрямую не вмешивается в деятельность банков, не отвечает по закону и по обязательствам банков, но, защищая интересы клиентов и вкладчиков, регулирует их косвенно, с помощью пруденциальных (обязательных) экономических нормативов и уполномоченных органов. В Республике Казахстан государственные регулирующие и надзорные функции за финансовым сектором закреплены за государственными органами – Правительством, Национальным Банком Республики Казахстан, Агентством РК по регулированию финансового рынка и финансовых организаций и надзору за ними. Опираясь на национальные законы о банковской деятельности, международные принципы и нормативные акты, регулирующий орган определяет законодательные и нормативные требования к банкам, включая формы отчетности.

В Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан, принятой Правительством 25.12.2006 г. говорится, что финансовый сектор Казахстана формируется и функционирует под воздействием факторов, имеющих системный характер [1]. Совокупное влияние различных факторов создает среду, в которой нарабатывается и закрепляется практика деятельности институтов финансового сектора, а значит, определяет вектор и степень влияния финансового сектора на реальный сектор экономики и его конкурентоспособность. Одной из основных целей концепции является создание в стране эффективно функционирующей финансовой системы, соответствующей общепризнанным международным стандартам. Ею предусмотрено не только создание благоприятных условий для динамичного развития отечественного финансового рынка, но и эффективное управление рисками, недопущение возникновения кризисных ситуаций, обеспечение, прежде всего, максимальной стабильности сектора капитала.

В рамках реализации концепции предусмотрены меры по расширению доступа населения к банковскому продукту, повышению уровня прозрачности деятельности отечественных банков второго уровня, развитию конкуренции и либерализации доступа иностранных банков на финансовый рынок нашей страны, совершенствованию банковского надзора на основе международной практики. В целях укрепления стабильности финансового сектора требуется дальнейшее совершенствование механизма его функционирования.

Концепция призвана определять основные приоритеты развития финансового рынка и направление подхода к государственному регулированию отдельных его секторов. Актуальными остаются развитие конкуренции и повышение эффективности управления внешними заимствованиями банковского сектора страны.

Определены главные задачи и направления повышения качества регулирования финансового рынка РК на 2007–2011 гг.:

1) институциональное укрепление агентства, направленное на повышение профессионализма сотрудников и создание возможностей повышения качества мониторинга институтов финансового сектора;

2) дальнейшее внедрение современных систем управления финансовыми организациями;

3) совершенствование системы пруденциального регулирования финансовых организаций и надзора путем внедрения методов надзора на основе оценки рисков (risk based supervision);

4) анализ возможных регулятивных рисков и снижение их влияния на финансовую систему;

5) совершенствование консолидированного надзора;

6) формирование условий для проведения финансовыми организациями самостоятельной и независимой внешней оценки внутренних систем управления рисками;

7) обеспечение защиты прав акционеров и инвесторов;

8) дальнейшее совершенствование системы ведения бухгалтерского учета и составления финансовой отчетности согласно Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) в финансовых организациях и внедрение МСФО в организациях реального сектора;

9) повышение эффективности управления внешними заимствованиями банковского сектора страны;

10) взаимодействие с международными организациями и уполномоченными органами других государств [5].

Однако события постоянно вносят коррективы в повседневную жизнь и деятельность, в том числе и в деятельность банков, так как на современном этапе большое значение играют не столько внутренние факторы, сколько внешние, среди которых нужно выделить такие, как мировые и локальные финансовые кризисы, расширяющуюся финансовую глобализацию, влияющие на состояние национальных банковских систем. Поэтому вопросы становления и эффективного функционирования национальной системы банковского регулирования на современном этапе приобретают особую остроту. Современное развитие финансовых рынков предопределяет необходимость вынесения банковского регулирования и банковского надзора за пределы отдельных стран и построение эффективной системы международного банковского регулирования и надзора. Банки являются важными участниками глобального финансового рынка, так как находятся в центре международных финансовых потоков. Стабильность банков зависит во многом от их прочности и способности противостоять кризисам. Главная задача международного банковского регулирования и надзора – обеспечение сохранности и прочности этих институтов в условиях все большей финансовой глобализации. Казахстану предстоит вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), решить задачу вхождения в число 50 наиболее конкурентоспособных развитых стран с рыночной экономикой. А экономическая глобализация подразумевает и финансовую глобализацию.

В РК кризис в банковской системе обозначен как кризис ликвидности, и связано это, прежде всего, с внешними заимствованиями банков, которые в 2007 г. оценивались в 45 млрд долл., что по отношению к ВВП и внешнему долгу РК составляет почти 50%. Внешний долг Казахстана на конец 2007 г. оценивался в 92 млрд долл., а в 2008 г. внешний долг увеличился на 15,8 млрд долл. и составил 107,8 млрд долл.

Такая ситуация по методике Всемирного банка относится к весьма рискованным, так как пройдена планка 80% абсолютно внешнего долга к ВВП, при этом одновременно наблюдается увеличение кредитных и рыночных рисков банков, связанных с экспортом банковского капитала в страны с более высоким риском. В этих условиях нужно отметить, что надзорные органы Республики Казахстан ограничились введением новых пруденциальных нормативов, ограничивающих внешние заимствования банков. Однако ситуация была упущена, так как долго и упорно вплоть до сентября 2008 г. официальными и правительственными органами отрицалась сама возможность нарастания кризисных явлений в экономике и банковской системе. В условиях резкого роста внешней задолженности проблемы ликвидности значительно обостряются, что приводит к снижению прибыльности и доходности банков. В 2009 г. банки Казахстана должны будут вернуть нерезидентам около 12 млрд долл., что является само по себе внушительной цифрой. Более того, отечественные банки привлекали займы с коротким сроком погашения для последующего финансирования долгосрочных проектов, что, в свою очередь, может весьма негативно отразиться на ликвидности банков. Во второй половине 2008 г. банки смогли преодолеть трудности, возникшие на первой волне кризиса. Запасы ликвидности, поддержка Национального Банка Республики Казахстан наряду с другими факторами позволили без видимых осложнений пережить это время, но банкам в этот период не удалось добиться существенного сокращения внешнего долга. Хотя, несмотря на неблагоприятные рыночные условия, банки сумели рефинансировать часть своих внешних долгов. Актуальность рефинансирования внешнего долга не только не снизилась, но и возросла. Как уже было сказано, в течение 2009 г. Казахстанские банки должны выплатить внешние долги в сумме почти 12 млрд долл. США, поэтому необходима была помощь государства, которое на первых порах направило 4 млрд долл. в четыре системообразующих банка – АО «АльянсБанк», АО «Народный банк Казахстана», АО «Казкоммерцбанк», АО «БТА Банк» – с целью не допустить обрушения банковского сектора. На эти банки приходится 2/3

всех активов и пассивов, несмотря на то, что по Закону «О банках и банковской деятельности» государство и не должно было отвечать по обязательствам коммерческого банка. Создание фонда стрессовых активов, увеличение гарантирования возврата вкладов с 700 тыс. тенге до 5 млн тенге и другие меры способствуют стабилизации банковского сектора на данный момент. Но при этом необходимо учесть все факторы на перспективу, включая форс-мажорные обстоятельства с целью преодоления последствий глобального финансового кризиса. По состоянию на 01.01.2009 г. состояние банковского сектора Казахстана выглядит следующим образом:

– увеличилось количество банков за год с 35 до 37;

– увеличилось количество филиалов соответственно с 352 до 379;

– увеличилось количество дополнительных помещений БВУ с 2029 до 216;

– увеличилось количество представительств банков-нерезидентов в РК с 26 до 31;

– увеличился размер совокупного расчетного собственного капитала с 1780,2 млрд тг до 1953,9 млрд тг (+173,7 млрд тг);

– увеличился размер совокупных активов банков с 11684,6 млрд тг до 11899,3 млрд тг (+214,7 млрд тг).

Все это вселяет уверенность в том, что при разумном и прозрачном банковском регулировании и надзоре со стороны государственных органов будут преодолены последствия глобального кризиса в РК [7].

В целях разработки комплекса мер оперативного реагирования государства на угрозы финансовой нестабильности и возможные непредвиденные ситуации АФН РК был разработан проект закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам финансовой устойчивости». Основными целями законопроекта являются:

1) совершенствование механизмов для превентивного выявления рисков в финансовой системе;

2) расширение компетенции уполномоченного органа в случае неисполнения акционерами финансовых организаций требований уполномоченного органа по улучшению финансового состояния финансовой организации;

3) законодательное закрепление статуса, функций и полномочий представителей уполномоченного органа в банках второго уровня;

4) повышение требований к руководящим работникам и крупным участникам финансовой организации в целях увеличения ответственности финансовой организации за принятые обязательства.

На зарубежных и отечественных рынках важную роль играют оперативный и эффективный обмен информацией и сотрудничество в целях адекватной оценки и прогнозирования дальнейшего развития ситуаций, происходящих в мировой экономике, для корректировки политики регулирования в случае необходимости. В целях отражения текущей ситуации на отечественном финансовом рынке АФН Республики Казахстан в адрес рейтинговых агентств направляется аналитическая информация с качественными и количественными показателями.

Также в банковском регулировании очень важна система внутреннего контроля, которая определена как совокупность общей политики контроля и процедур, принятых руководством субъекта для оказания помощи в достижении им своей цели, направленной на обеспечение упорядоченного и эффективного ведения его деятельности, включая соблюдение его политики, сохранность активов, предотвращение и выявление мошенничества и ошибок, точность и полноту бухгалтерских записей, а также своевременную подготовку надежной финансовой информации. Создание в банке системы внутреннего контроля, включающей и аудит, должно способствовать четкости и своевременности ведения бухгалтерской отчетности [6].

Функционирование системы внутреннего контроля должно соответствовать следующим общим и специфическим принципам: комплексности, охватывающей все основные ви-

ды деятельности; наличию организационной системы управления; принципам, имеющим отношение к управлению факторами риска. Для этого необходимо разработать систему управления факторами риска, поддающимися количественному определению, а именно: наладить процесс выявления оценки факторов риска и контроль за степенью риска, которому подвергается банк. Важно сделать все возможное, чтобы свести к минимуму факторы риска, не поддающиеся количественному определению. Несмотря на то, что отчетность обычно предусматривает включение данных, нужных для макроэкономического анализа, в системе разумного надзора отчетность используется для определения финансового состояния того или иного учреждения, применяя при этом анализ финансовых показателей, при помощи коэффициентов: адекватность капитала, рентабельность, ликвидность и качество активов. Успех дистанционного надзора зависит от достоверности данных, представленных в соответствии с четкими инструкциями и нормативами учета и отчетности, причем особое внимание следует уделять обеспечению достоверности и полноты представляемой информации. Для эффективного дистанционного надзора требуется высокий уровень навыков проведения финансового анализа ключевых показателей, перечисленных выше. В оптимальном варианте дистанционный надзор служит в качестве «системы раннего оповещения», которая предупреждает работников органов надзора о возникновении проблем в финансовом состоянии отдельного банка. В свою очередь, дистанционный надзор сам по себе редко выявляет все риски, стоящие перед банками, и не может пролить свет на все субъективные ключевые аспекты. Особенно в области анализа качества руководства банком.

Контроль за деятельностью филиальной сети банков нуждается в тщательной методологической доработке. Необходимо установить порядок наделения филиала собственными средствами, методику контроля за соблюдением обязательных нормативов максимального риска на одного кредитора и вкладчика. Требуется также ввести в практику определение головной конторой лимитов на проведение операций филиалов с учетом необходимости соблюдения обязательных экономических нормативов и формирования резервов в целом по кредитной организации. Указанные лимиты, согласованные с Национальным Банком РК по месту расположения головного банка, сообщаются Национальному Банку РК, контролирующему деятельность филиала, куда тот представляет соответствующую отчетность. Исключения могут быть сделаны для банков, внедривших сертифицированные Национальным Банком РК технические решения, позволяющие банку в оперативном режиме контролировать текущие операции филиала.

Обеспечение финансовой стабильности является одной из важнейших задач Агентства. С учетом все большей интегрированности Казахстана в мировую экономику отмечается, что последствия ипотечного кризиса в США не прошли не замеченными для финансовой системы РК. При этом необходимо извлечь определенные уроки и совершенствовать инструменты регулирования и надзора в целях повышения конкурентоспособности и устойчивости финансовой системы. В первую очередь, деятельность Агентства будет сконцентрирована на выработке инструментов и методов для оперативного выявления рисков в финансовой системе.

Анализ опыта работы с проблемными организациями в период консервации показал необходимость совершенствования отдельных положений действующего законодательства. В связи с этим АФН РК планирует разработку законопроекта, предусматривающего в частности:

а) дополнительную защиту прав депозиторов банков второго уровня и вкладчиков накопительных пенсионных фондов посредством определения механизма вывода активов и передачи обязательств проблемных организаций до или в период проведения консервации;

б) расширение компетенции уполномоченного органа в случае неисполнения акционерами финансовых организаций требований по улучшению финансового состояния финансовой организации;

в) ужесточение ответственности руководящих работников и установление дополнительных ограничений для акционеров – субъектов финансового рынка за доведение финансовой организации до неплатежеспособности.

Также будет продолжена тенденция ужесточения регуляторного режима в целях предотвращения принятия избыточных рисков. В частности, в этом направлении, в первую очередь, необходимо отметить мероприятия по дальнейшему повышению капитализации банков в случае возобновления нового «витка» внешних привлечений, увеличение требований к структуре собственного капитала, адекватному регулированию сделок секьюритизации активов, которые позволят повысить достаточность капитала в случае объективной оценки передачи рисков. С учетом складывающихся тенденций в банковской системе будут пересмотрены нормативы ликвидности в сторону их ужесточения.

АФН РК предпринимаются меры по выработке эффективных инструментов и подходов выявления рисков банковской системы на ранней стадии. В частности, разрабатывается Система индикаторов мониторинга финансовой устойчивости банковского сектора, включающая группы индикаторов капитализации, качества активов, концентрации рисков, доходности и ликвидности. Данная система разработана исключительно в рамках надзора в целях своевременного выявления рисков в банковской системе.

Для реализации всех намеченных мероприятий требуется принятие мер по институциональному укреплению надзорного органа, включающих как увеличение штатной численности, так и повышение профессионального уровня кадрового состава надзорного органа посредством переподготовки и повышения квалификации персонала.

Перед АФН РК стоит сложная задача поддержания финансовой стабильности и повышения степени доверия к финансовой системе. И основным приоритетом будет обеспечение транспарентности регулирования и надзора.

Обеспечение выпуска и обращения финансовых инструментов является содержанием профессиональной деятельности участников рынка и основным предметом воздействия организационно-экономического механизма регулирования финансового рынка.

В среднесрочной перспективе будет проводиться работа по завершению перехода на Базель II, что предполагает осуществление ряда мер:

1) согласовать график перехода Агентства на Базель II с представителями Группы по внедрению Базеля II (Accord Implementation Group);

2) в целях широкого ознакомления и большего понимания принципов Базеля II разместить на официальном сайте Агентства русскоязычный вариант текста;

3) направить соответствующие запросы в надзорные органы стран об их намерении и условиях по переходу на Базель II;

4) рассмотреть целесообразность использования отечественными банками метода централизованных рейтингов [7]. Таким образом, по данной главе можно сделать вывод о том, что к требованиям совершенствования банковского надзора относится: создание условий для более эффективного функционирования банковской системы; повышение открытости ситуации в банковской сфере; два уровня анализа и состояния банковской системы в целом. Перспективная устойчивость банковской системы должна базироваться еще и на тенденциях хозяйственного развития. Все это может значительно повлиять на развитие банковской системы.

Библиографический список

1. О Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан на 2007–2011 годы : Постановление Правительства Республики Казахстан № 1284 от 25 дек. 2006 г.

2. Об утверждении Правил представления отчетности о выполнении пруденциальных нормативов банками второго уровня : Постановление Правления АФН РК № 136 от 17 июня 2006 г. с изм. и доп. от 28.11.2008 г. № 198.

3. Об утверждении Инструкции о нормативных значениях и методике расчетов пруденциальных нормативов для банков второго уровня : Постановление Правления АФН РК № 358 от 30 сент. 2005 г. с изм. и доп. по состоянию на 28.01.2009 г.

4. О минимальных размерах уставного и собственного капиталов банков второго уровня : Постановление Правления АФН РК № 140 от 2 сент. 2008 г.

5. www.afn.kz.

6. www.banker.kz.

7. www.nationalbank.kz.

© Сайко В. М., 2010

Автор статьи – **Виктор Михайлович Сайко**, старший преподаватель Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, магистр экономики.

Рецензент – О. А. Цапова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» СКГУ им. М. Козыбаева.

УДК 331.5

З. Р. Худайбердиев
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЫНКА ТРУДА УЗБЕКИСТАНА

В статье освещены актуальные вопросы рынка труда Узбекистана, в частности вопросы неформальной занятости, внешней миграции рабочей силы и безработицы. Особое внимание уделено достигнутым в 2008 г. результатам по смягчению ситуации на рынке труда Узбекистана в период глобального финансово-экономического кризиса и программе мер по преодолению кризиса на 2009–2012 гг. с точки зрения функционирования рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, финансово-экономический кризис, безработица.

In 1990s, in the AIC (Allied Independent Countries) took place an economic crisis, fall of manufacture, reduction of employment and, as a consequence, mismatch of supply and demand in the national labour markets. Here are the consequences:

- limited opportunities of expansion of employment and reduction of unemployment because of low rates of investments in creation of new workplaces and economic growth;
- insufficient efficiency of use of a labour and, in particular, a decline in the productivity of work;
- qualitative (structural) discrepancy of parameters of demand for work and its offers in branch and other sections;
- absence of precise internal and external migration of politics of the AIC countries aimed on the tackling the interior and exterior socio-economic tasks.

Beginning from the middle of 90s the number of the economically active population in the countries of AIC was reduced including the numbers of workplaces and increasing the rate of unemployment. Besides, not only numbers of places in labour, but also the structure of labour market has changed. Here the migration process played a big role.

The number of economically active population has rapidly reduced since 1994. However, this phenomenon hasn't happened to Uzbekistan, and it can be explained with demographic reasons (1992 to 2009 y. number of the constant population in Uzbekistan has increased almost to 6 million people or to 21,5%). In addition, the positive rates of a gain of the economically active population were beheld (except for the period 1994-1995 years) in Azerbaijan and Kirghizstan. In all other countries of AIC the number of the economically active population was more appreciably below than in 1990.

Corresponding to this tendency the dynamic of employment has varied too. Especially, in 90s the number of the engaged population in the majority of the countries of AIC was reduced, the greatest rates of this reduction were in Armenia, Kazakhstan, Moldova, little rate in Azerbaijan and Kirghizstan. At the same time, the employment rate in this period was increased in Uzbekistan and Turkmenistan. At the end of 90s the tendency of reduction of number engaged was changed to positive side in all countries of AIC, except for Armenia, Moldova and Ukraine. Nevertheless, only in Azerbaijan and Kirghizstan the number engaged was restored up to a level of 1990.

As well as in all states of the world, Uzbekistan is in an effective utilization of manpower, but the overcoming problems of unemployment are a constant urgent issue of the state.

Proceeding from this, one of the basic priority tasks for 2009 determined stimulation of small business and private entrepreneurship, sphere of services and manufacture as an important direction of improvement of employment of the population and its well-being.

It is necessary to note that beginning from the 90s of the last century, particularly, the market reforms which are being held after the independence of Uzbekistan take into the consideration the labour market as well. Many restrictions and limitations, in particular unemployment, substitution and additional employment were removed (taken off), and it has resulted in flexibility in system of labour employment. In this connection if dependant moods of the citizens on the one hand were eliminated, on the other hand this situation has resulted in growth of process of incomplete employment in the labour market. Also, without legalizing a labour contract, each sides' admittance of the oral agreement of labour has increased.

Despite the taking attention of experts to problems of informal employment for the last years, these issues haven't been produced properly because of difficulties with an estimation of process of employment and definition of its scales. The reasons to these are:

– Uninformed informal employment;

– Discrepancy of borders of informal employment;

– Lack of the authentic information in the field;

– Various methods of estimations.

The occurrence in the labour market of informal employment, its distribution, increase of scales, and also study of display of the market attitudes (relations) between the worker and employer is one of the very important scientific tasks. If to take in account scales of informal employment, there is a necessity for research of its influence on economy of the state and as a whole on the labour market.

In addition¸ one process which has appeared in the labour market of Uzbekistan, is the external migration of a labour. The international labour migration is usually formed at interstate distinctions of payment of work and this situation is considered (examined) as essence of movement of a labour. But, it is only one party of a problem. Because it is wrong to connect movement of a labour only to the purpose that are more expensively sold the work. Other real party of a question – high level of unemployment in some, is especially less developed countries.

In Uzbekistan, according to an officially used technique, for the last few years rate of unemployment has not exceed 0,3-0,5%. Because, the person looking for a job agrees to an officially used technique, should be registered at the centres of assistance of employment. It is necessary especially to note, that from the practical point of view the low level of the reference (manipulation) of free population in bodies of employment is observed. With the basic reasons this can allocate the following:

– in accordance to a labourer's agreement of being unemployment is determined by the law, and the compulsion to work is rejected;

– opportunity of independent employment by the direct address to the employer;

– the employment of a significant part of the free population by informal enterprise activity and in many cases the incomes of this activity is higher than wages in official branches of economy;

– lack of the information about bodies of employment.

But, during global financial and economic crisis, the increase of appeal to bodies of employment is observed. In particular, the quantity of the employment, which has addressed to the centres of assistance of employment, in 2008 has increased in comparison with 2007 by 15,4%.

Like Central Asian countries, the population of Uzbekistan is considered rather "young" in comparison to the world, and the most part of the population is able to work. As of January 1, 2009 the population of Uzbekistan consisted of 27,5 million people, 57% of the population is labour resources. And 42% of all population are considered as the economically active population. Taking into account that fact, that the basic part of all population is made by a manpower and the coming years 2/5 parts of all population will be added to a manpower, it is necessary to expect and in the near future preservations of a sharp situation in the labour market.

For a mitigation of a situation in labour market of Uzbekistan during global financial and economic crisis, it is paid a special attention to stimulation of small business and private entrepreneurship, sphere of services and craftiness of work as important direction of improvement of employment of the population and its well-being.

In particular, in the given direction the following results are achieved:

– in 2008 from the manufacturing party is made of production and is rendered of services for the sums of 34 billion;

– at the expense of privileges given to the enterprises, manufacture is saved more than 1 billion sums;

– within the framework of the program of development of animal industries in 2008 on auctions 20300 heads of cattle are sold, in 2009 is planned to sell 24600 heads of cattle;

– if in 2007 on purchase of horned cattle was selected of the soft loans for the sum 42,5 billion sums in 2008 this parameter has made 48,2 billion sums;

– as of January 1, 2009 the number registered in private(individual) subsidiary and peasantry holdings as the persons engaged in raising cattle, citizens has exceeded to 1,1 million people;

– for 54 thousand persons registered and engaged raising cattle, the new work-record cards are open, and for 111 thousand citizens in work-record cards the labour experience is when due hereunder registered.

In accepted the government of Uzbekistan to the program of measures on overcoming financial and economic crisis for 2009-2012 years determines 5 basic directions, one of which is amplification(strengthening) support on development of small business and assistance in creation of new workplaces and employment of the population.

According to this direction, in 2009-2012 years in Uzbekistan is planned to carry out the following measures:

– since January 1, 2009 the rate of uniform tax payment for the small enterprises engaged in sphere of an industry has been reduced from 8% to 7%;

– the incomes of the physical persons received as the dividends from creation of micro firms and the small enterprises, are released(exempted) from the tax to the income for the period of 5 years;

– is planned to increase the maximal term of the credits by updating of turnaround means with 12 about 18 months;

– certain(determined) by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan № 325 from 17.04.2006 years of micro firm and small enterprises rendering financial, household and other services are released(exempted) from payment of uniform tax payment for the period of 3 years (2009-2011 y.);

– is planned in 2 times to increase resource base of funds of preferential crediting of commercial banks;

– is planned to increase terms of privileges determined by the Decree of the President of Republic of Uzbekistan № 2564 from 21.03.2000 years for the credits, given out at the expense of fund of preferential crediting.

As a whole, in Uzbekistan the significant job on stable development of small business and private entrepreneurship, sphere of services, service and manufacture is spent, that at the end renders essential influence on a mitigation of an acuteness in the labour market, increase of the real incomes and standard of living of the population.

Библиографический список

1. Каримов, И. А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана / И. А. Каримов. – Ташкент, 2009.

2. Худайбердиев, З. Р. Рынок труда в условиях экономики переходного периода: теория и практика / З. Р. Худайбердиев. – Ташкент : Финансы, 2008.

3.Статистические данные Государственного статистического комитета Республики Узбекистан.

© Худайбердиев З. Р., 2010

Автор статьи – **Зафар Рахимович Худайбердиев**, доцент Наманганского государственного университета (Узбекистан), кандидат экономических наук. E-mail: zafarx_1968@mail.ru.

Рецензент – О. Ю. Патласов, завкафедрой коммерции и маркетинга НОУ ВПО «ОмГА», доктор экономических наук, профессор.

УДК 331.526

Н. Ю. Цапова
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ

Статья посвящена изучению зарубежного опыта регулирования занятости населения. Многие страны в своем развитии прошли этапы подъема и спада экономики, на каждом уровне развития, в зависимости от ситуации, проводилась та или иная политика занятости, строились определенные модели решения проблемы безработицы. Казахстан на основе подобного опыта должен построить свои концепцию борьбы с безработицей, социально-экономическую модель занятости в условиях мирового экономического кризиса, в зависимости от ситуации на рынке труда и от традиций страны, менталитета.

Ключевые слова: опыт регулирования занятости населения, политика занятости, безработица.

Наибольший интерес для Казахстана представляет анализ решения проблем, связанных с социальной защитой населения, в Швеции, Канаде, Франции. Это вызвано тем, что,

например, в шведской модели развития общества важнейшее место отводится социальной политике, направленной, прежде всего, на решение трех основных проблем:

– во-первых, осуществление принципа равенства (точнее, равных возможностей в благосостоянии членов общества);

– во-вторых, обеспечение социальных гарантий людям, находящимся в разных социально-экономических ситуациях;

– в-третьих, создание условий для реализации принципа полной занятости трудоспособного населения.

Для шведской модели характерна активная политика занятости, проводимая государством, в которой уделяется большое внимание повышению конкурентоспособности рабочей силы, прежде всего через профподготовку работников, созданию рабочих мест, как в государственном секторе, так и путем субсидирования частных компаний, совмещению ищущих работу и вакантных мест, в том числе через информацию и профориентацию, выплату пособий по переезду к новому месту работы. На эти цели Швеция расходует больше средств, чем любое государство (примерно 70%), хотя в бюджете доля, идущая на занятость, не больше, чем в других развитых странах.

Государство активно поддерживает занятость в секторах, обеспечивающих социально необходимые услуги, в регионах, где традиционная промышленность находится в упадке. Такая взаимоувязанная, комплексная политика государства позволяет поддерживать высокий спрос на рабочую силу и высокую занятость в стране, хотя и не обеспечивая работой всех, но ограничивая безработицу. Эта политика иногда дает сбои и от нее отказываются, но, тем не менее, снова к ней возвращаются [1].

В США сложилась децентрализованная экономика и традиционно проводится политика поддержания ее конкурентного состояния, поощряется активная роль предпринимателей, жизненная установка работника на индивидуальный успех. Роль федеральных органов на рынке ограничена. В каждом штате имеется свое законодательство о занятости и помощи безработным. Предприятия и работники осуществляют выплаты в фонд страхования по безработице штата и в федеральный фонд.

Для политики занятости на предприятиях характерна ориентация на высокую мобильность работников, на профессиональную подготовку (полученный диплом, сертификат), на признание профессионально-квалификационного уровня работников при перемене фирмы, на стремление свести издержки предприятия на производственное обучение к минимуму. Заработная плата на таких предприятиях устанавливается контрактами, коллективными договорами с учетом спроса и предложения рабочей силы, классификации работ по сложности, производительности труда, возможностей предприятия.

Имеются особенности в организации и содержании деятельности профсоюзов, которые, как правило, строятся по профессиональному признаку.

По мнению зарубежных специалистов, знаний, получаемых в вузе, достаточно на первые 3–5 лет работы, после чего требуется переподготовка. Квалификация рабочих морально устаревает в среднем через каждые 10 лет (причем система образования, как показывают оценки, отстает от уровня развития техники и технологии производства на 5–10 лет).

Модель занятости в Канаде в основном ориентирована на создание системы профессиональной ориентации и занятости населения.

В последнее время здесь внедрены новые формы профессиональной ориентации (рассчитанные не только на учащуюся молодежь, но и на взрослых работников), налаживается тесная взаимосвязь с другими направлениями государственного регулирования подготовки и использования рабочей силы. Важнейшей для молодежи формой познаний «мира профессий» становятся самостоятельные занятия в специализированных центрах профессиональной ориентации («центр выбора»). Это новый, особый тип учреждений, располагающих автоматизированными информационными системами, видеотехникой, электронными экзаменаторами [2].

Модель Франции основана на деятельности консультационных кабинетов. Во Франции помогающие в трудоустройстве консультационные кабинеты осуществляют свою деятельность по следующим основным направлениям:

– анализ и подведение итогов предыдущей работы увольняемых и разработка одного или нескольких проектов дальнейшей карьеры;

– разработка стратегии и методов изучения положения на рынке труда, установление деловых связей;

– установление контактов с кабинетом по выбору кадров предприятиями, отдельными службами, профессиональными объединениями;

– изучение предложений о найме.

Результативность мероприятий по трудоустройству зависит от того, насколько эффективно организовано взаимодействие между партнерами – предприятиями, работниками и кабинетом.

Так, в Германии люди старше 45 лет составляют 30,4% всех безработных, в Японии – 37,8%. Причем безработица в этих группах носит наиболее застойный и затяжной характер.

Внедрение микроэлектроники в промышленности Японии, вызвав безработицу, самый серьезный удар нанесло по работникам старшего возраста. Среди 20-летних сохранили занятость 80%, причем 60% остались на том же предприятии, среди 50-летних лишь 16–17% удалось остаться на работе, причем только 2% – в прежней фирме.

Для собственно японской модели характерна «система пожизненного найма», которая предусматривает гарантии на весь срок трудовой деятельности работников. Причем эти гарантии законодательно не оформлены, не фиксируются в коллективных договорах, а являются результатом сложившейся практики отношений между наемными работниками и предпринимателями, собственниками капитала. Но профсоюзы охраняют принципы пожизненного найма, обеспечивают лояльность членов профсоюзов по отношению к фирме. Это закрытая модель рынка труда, внутренний рынок. Но, наряду с ним, в Японии в последние годы развивается и внешний рынок, похожий больше на классический, обслуживающий мелкие предприятия. И для внутреннего рынка, и для внешнего рынка характерна стабильная занятость.

Рассмотрим теперь зарубежный опыт деятельности центров занятости за рубежом, а именно в Великобритании.

Основными задачами службы занятости Великобритании являются: обеспечение помощи в поиске работы; предоставление особой помощи инвалидам (программы и поощрение работодателей); контроль за получающими пособие (обращаются 1 раз в 2 недели); выявление обмана при получении пособия (инспекционная группа).

В Великобритании человек, обратившийся в поисках работы в службы занятости, признается безработным с первого дня обращения. Работа служб занятости Великобритании вписывается в рамки законодательства о труде Казахстана Данный опыт может быть использован для совершенствования деятельности.

На основании исследования можно сделать вывод о том, что любое современное цивилизованное общество стремится не допустить ни безработицы среди населения, ни безработицы рабочих мест. Как первая, так и вторая оборачивается ощутимыми социальными, экономическими, а нередко и политическими издержками.

Поддерживать занятость населения на уровне, близком к полной, в обществе в целом и, тем более, в каждом административно-территориальном образовании крайне сложно. Для этого необходим комплекс условий: стабильность экономики, национальных и других отношений, равновесие политических сил, мощная система социально-правовой поддержки населения и активная политика государства в сфере занятости, мобильная рабочая сила, достаточно быстро адаптирующаяся к переменам в структуре рабочих мест и т. д.

Анализ моделей занятости в развивающихся странах показывает: цены факторов производства оказывают влияние на распределение ресурсов и состояние занятости; государст-

венная политика индустриализации, проводимая часто в ущерб росту сельского хозяйства, обычно осложняет проблему использования рабочей силы как в городах, так и в сельских местностях; применение эффективных трудоемких технологий отнюдь не означает снижения темпов экономического роста. Все это является причиной всплеска миграционных потоков из деревень в города и городской безработицы [3].

Зарубежный опыт говорит о том, что нет общих рецептов, постоянно действующих средств политики занятости. Она варьируется в зависимости от особенностей социально-экономического и политического устройства, культурных традиций, модифицируется с изменением ситуации в экономике и на рынке труда.

В борьбе против безработицы акцент переносится с пассивных мер на меры активного характера. Под пассивным регулированием понимаются усилия, направленные главным образом на поддержание системы содействования безработным, ограничение предложения рабочей силы. При этом сложившийся уровень занятости рассматривается как данный. Под активным регулированием понимаются попытки государства позитивно воздействовать на имеющийся уровень занятости путем создания необходимых условий для увеличения числа рабочих мест, в том числе за счет повышения уровня квалификации рабочей силы. Служба занятости в этом случае призвана содействовать сокращению армии нетрудоустроенных. Законодательство Республики Казахстан о занятости основывается на Конституции Республики Казахстан, состоит из Закона о занятости и иных нормативных правовых актов. Оно распространяется на граждан Республики Казахстан, иностранцев и лиц без гражданства [2].

Государственная политика в сфере занятости направлена:

1) на обеспечение равных возможностей граждан Республики Казахстан, иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Казахстан, в свободном выборе рода деятельности и профессии, справедливых и благоприятных условий труда, социальной защиты от безработицы;

2) обеспечение продуктивной занятости, сокращение безработицы, создание рабочих мест;

3) ориентацию системы образования на подготовку кадров в соответствии с потребностью рынка труда и перспективами его развития с учетом инвестиционной политики;

4) поддержку трудовой и предпринимательской инициативы граждан, осуществляемой в соответствии с законодательством, содействие развитию их способностей к производительному, творческому труду;

5) стимулирование работодателей, сохраняющих действующие и создающих новые рабочие места, в том числе для целевых групп;

6) организацию трудового посредничества через уполномоченный орган и частное агентство занятости;

7) лицензирование деятельности, связанной с вывозом рабочей силы из Республики Казахстан;

8) защиту внутреннего рынка труда путем квотирования привлечения иностранной рабочей силы;

9) сочетание республиканских мероприятий по обеспечению занятости с мерами, принимаемыми местными исполнительными органами;

10) координацию деятельности в сфере занятости населения с другими направлениями экономической и социальной политики;

11) формирование единой информационной базы рынка труда;

12) координацию и регулирование деятельности государственных органов по разработке и реализации мер, обеспечивающих занятость населения, и осуществление контроля за их выполнением;

13) организацию международного сотрудничества в решении проблем занятости населения, включая решение вопросов, связанных с трудовой деятельностью граждан Республики Казахстан за границей и иностранцев на территории Республики Казахстан;

14) обеспечение участия представителей работодателей, работников и общественных организаций в разработке и реализации государственной политики занятости;

15) проведение финансовой, налоговой и инвестиционной политики, согласованной с политикой занятости, поддерживающей стимулирование создания дополнительных рабочих мест.

Государство обеспечивает меры по содействию занятости целевым группам населения.

В целевые группы входят:

малообеспеченные;

молодежь в возрасте до двадцати одного года;

воспитанники детских домов, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в возрасте до двадцати трех лет;

одинокие, многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей;

граждане, имеющие на содержании лиц, которые в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан, признаны нуждающимися в постоянном уходе, помощи или надзоре;

лица предпенсионного возраста (за два года до выхода на пенсию по возрасту);

инвалиды;

лица, уволенные из рядов Вооруженных сил Республики Казахстан;

лица, освобожденные из мест лишения свободы и (или) принудительного лечения;

оралманы.

Местные исполнительные органы могут устанавливать дополнительный перечень лиц, относящихся к целевым группам, исходя из ситуации на рынке труда и бюджетных средств, а также дополнительные меры по социальной защите.

Направления политики государства на рынке труда представлены на рисунке.

Цель государственной политики занятости – содействие полной, продуктивной, эффективной и свободно избранной занятости населения.

Государственная политика занятости включает в себя политику формирования спроса на рабочую силу, политику сбалансированного воздействия на спрос и предложение рабочей силы, а также политику формирования предложения рабочей силы [4].

Политика формирования спроса на рабочую силу включает:

1) сохранение и создание рабочих мест на действующих предприятиях;

2) создание новых рабочих мест на основе развития предпринимательсва;

3) организацию общественных работ;

4) создание рабочих мест для лиц с ограниченной возможностью использования трудового потенциала.

Политика формирования предложения рабочей силы включает:

1) обучение, переобучение и повышение квалификации работников;

2) развитие самозанятости;

3) регулирование продолжительности рабочего времени;

4) регулирование миграционных процессов.

Государственные гарантии социальной поддержки безработных:

1) бесплатная профориентация, профподготовка, переподготовка и повышение квалификации по направлению органов службы занятости;

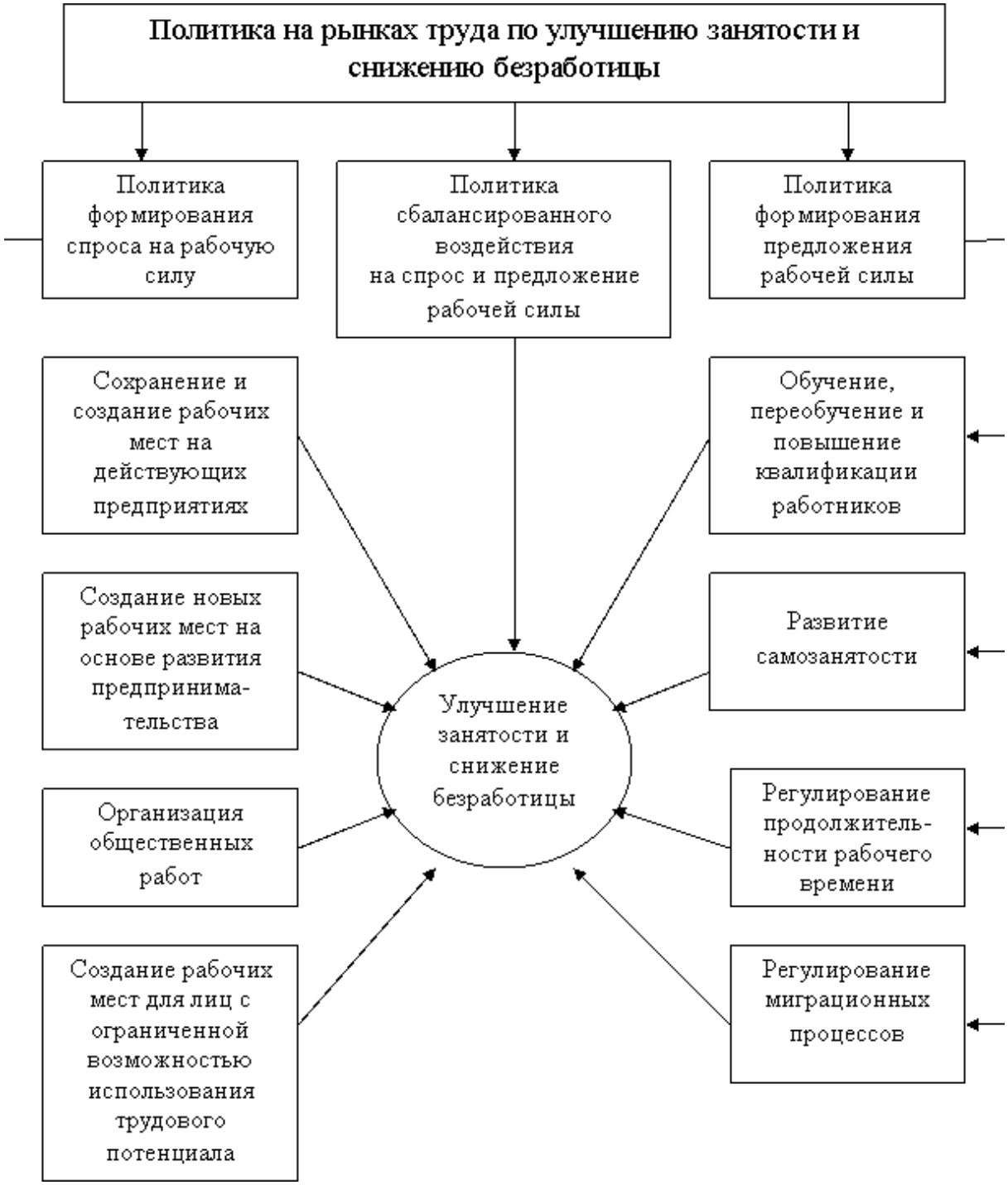
2) бесплатное медицинское обслуживание и освидетельствование;

3) возможность участия в оплачиваемых общественных работах;

4) возмещение затрат в связи с добровольным переездом в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости;

5) обеспечение социальной поддержки в виде выплаты пособий по безработице, стипендий (при направлении на обучение), единовременных выплат и других видов материальной помощи (дотаций на оплату жилья, коммунальных услуг, транспорта, детских дошкольных учреждений и т. д.).

Система страхования от безработицы в Казахстане выглядит следующим образом: человек, потерявший работу, в течение четырех месяцев (планируется – до 6 месяцев) может рассчитывать на ежемесячное пособие в размере среднемесячной зарплаты (СМЗ), помноженной на коэффициент 0,3 и еще один коэффициент, зависящий от срока участия в системе страхования.



Направления государственной политики занятости

Максимальная СМЗ не может превышать 10 минимальных зарплат (сейчас МРП в Казахстане – 13,5 тыс. тенге). Казахстанский фонд страхует пять случаев: утрату трудоспособности, потерю кормильца, потерю работы, беременность, роды и усыновление новорожден-

ного ребенка и содержание ребенка до года (в российской системе девять страховых случаев, но потеря работы в их число не входит). При этом фонд социального страхования в Казахстане бездефицитный.

Отчислений, которые делают работодатели, хватает на все необходимые выплаты. Казахстанские работодатели обязаны отчислять в Госфонд соцстраха 3% только с суммы, не превышающей 10 СМЗ (с 2009 года – 4%, с 2010 года –5%).

Госфонд соцстраха останется бездефицитным, несмотря на финансовый кризис. Причина в том, что право на выплаты имеют только те, кто присоединен к системе, то есть работающие граждане. Если человек теряет работу и за него перестают платить взносы, то через четыре месяца он может рассчитывать только на минимальную сумму компенсации от государства. То же самое происходит и с остальными выплатами.

Из вышесказанного следует, что многие страны в своем развитии прошли этапы подъема и спада экономики, и на каждом уровне развития, в зависимости от ситуации, проводили ту или иную политику занятости, строили определенные модели по решению проблемы безработицы. Казахстан на основе подобного опыта также должен построить свои концепцию борьбы с безработицей, социально-экономическую модель занятости в условиях мирового экономического кризиса, в зависимости от ситуации на рынке труда и от традиций страны, менталитета. Только в этом случае можно улучшить ситуацию в сфере занятости.

Библиографический список

1. Никифорова, А. А. Рынок труда: занятость и безработица / А. А. Никифорова. – М. : Междунар. отношения, 1991. – 180 с.

2. Шайкин, Д. Н. Социально-экономические аспекты использования труда молодежи в Республике Казахстан (на примере Северо-Казахстанской области) : дис. … канд. экон. наук / Д. Н. Шайкин. – Омск, 2005. – 179 с.

3. Экономика труда: (социально-трудовые отношения) / под ред. Н. А. Волгина, Ю. Г. Одегова. – М. : ЭКЗАМЕН, 2003 – 736 с.

4. Экономика и социология труда / под ред. д.э.н., проф. А. Я. Кибанова. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 584 с.

© Цапова Н. Ю., 2010

Автор статьи – **Наталья Юрьевна Цапова**, соискатель (Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева). E-mail: 49320270@mail.ru.

Рецензент – О. А. Цапова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» СКГУ им. М. Козыбаева.

УДК 336.71.078.3

О. А. Цапова
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРА НАЦИОНАЛЬНЫМ БАНКОМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ЗА ПЛАТЕЖНЫМИ СИСТЕМАМИ

Статья посвящена вопросам осуществления надзора Национальным Банком Республики Казахстан за платежными системами, в особенности системой розничных безналичных платежей, с целью повышения эффективности их функционирования, надежности и безопасности. Проанализированы мероприятия, проводимые Национальным Банком РК, направленные на повышение операционной эффективности, надежности, скорости и своевременности платежных операций при одновременном сокращении рисков, а также создание условий для использования различных инновационных платежных инструментов.

Ключевые слова: платежная система, платежные инструменты.

Национальный Банк Республики Казахстан осуществляет оверсайт (надзор) за платежными системами в соответствии со статьями 8 и 48 Закона РК «О Национальном Банке Республики Казахстан» [1].

Оверсайт (надзор) за платежными системами – деятельность подразделения платежных систем, осуществляемая в целях обеспечения эффективного, безопасного и бесперебойного функционирования платежных систем, а также эффективного функционирования, использования и развития иных объектов надзора.

Согласно статье 48 Закона РК «О Национальном Банке Республики Казахстан» в целях осуществления надзора за функционированием платежных систем Национальный Банк Казахстана вправе:

– принимать нормативные правовые акты, определяющие условия и порядок организации и функционирования платежных систем;

– осуществлять мониторинг функционирования платежных систем и устанавливать порядок его проведения;

– проверять организацию и функционирование платежных систем;

– получать информацию от участников и операторов платежных систем;

– осуществлять проверки деятельности участников платежных систем в соответствии с нормативными правовыми актами Национального Банка Казахстана [1].

Объектами оверсайта за платежными системами являются: Межбанковская система переводов денег, Система межбанковского клиринга, Система корреспондентских отношений между банками, платежные инструменты, рынок платежных карточек и рынок международных денежных переводов.

Национальный Банк Республики Казахстан осуществляет оверсайт за платежными системами согласно Правилам осуществления надзора за функционированием платежных систем и Концепции осуществления надзора за платежными системами Республики Казахстан.

В соответствии с правилами осуществления надзора за функционированием платежных систем от 23 мая 2007 г. № 108 основными задачами надзора за функционированием платежных систем являются:

1. Мониторинг, анализ и оценка функционирования платежных систем в целях поддержания стабильности и безопасности функционирования платежных систем, обеспечивающих свое-

временное проведение платежей и переводов денег на территории Республики Казахстан, и разработка предложений по дальнейшему развитию платежных систем.

2. Управление и минимизация рисков, возникающих в платежных системах.

3. Анализ функционирования системы корреспондентских отношений между банками в целях обеспечения надежного проведения платежей через корреспондентские счета в казахстанских тенге, открытые между банками, а также между банками и организациями, осуществляющими отдельные виды банковских операций и совершенствования порядка установления корреспондентских отношений между банками, а также между банками и организациями, осуществляющими отдельные виды банковских операций.

4. Анализ использования платежных инструментов в целях совершенствования используемых и введения новых способов осуществления платежей и переводов.

5. Анализ развития рынка платежных карточек в целях обеспечения удобного, безопасного и своевременного проведения физическими и юридическими лицами Республики Казахстан платежей с использованием платежных карточек, развития новых видов платежных карточек и услуг, предоставляемых с их использованием.

6. Анализ развития рынка международных денежных переводов в целях обеспечения эффективного и своевременного проведения денежных переводов за рубеж физическими и юридическими лицами Республики Казахстан.

7. Поддержание общественного доверия к платежным системам и иным объектам надзора в области платежей и переводов денег.

Предпринятые государством в 2007–2008 гг. меры по стабилизации экономики и финансовой сферы носят преимущественно краткосрочный характер и не служат структурной перестройке экономической системы. Однако, несмотря на это, меры оказались достаточно эффективными и позволили смягчить негативное воздействие мирового финансового кризиса. К слабым сторонам системы государственного управления макрорисками можно отнести ограниченные возможности институтов гарантирования.

Комплекс стабилизационных мер государства включает в себя как меры по прямой поддержке экономики и финансовой сферы, так и меры регуляторного характера, к которым можно отнести ряд принятых законов и подзаконных актов, а также изменения в пруденциальных нормативах.

Начиная с августа 2007 г. Национальный Банк Республики Казахстан осуществил ряд мер по поддержке ликвидности банковской системы. В период с августа по декабрь 2007 г. интенсивная поддержка банков второго уровня проводилась путем предоставления краткосрочной ликвидности в виде обратного РЕПО, СВОП, СВОП под залог минимальных резервных требований, валютного СВОП. Кроме того, с августа по октябрь 2007 г. был осуществлен досрочный выкуп нот Национального Банка в объеме 162,5 млрд тенге.

Совокупные объемы рефинансирования в национальной валюте составили в 2007 г. 4 473,2 млрд тенге, валютного СВОП – 3,7 млрд долл., в период с января по октябрь 2008 г. – 2,4 млрд тенге и 2,6 млрд долл. соответственно. Всего задолженность банков по этим операциям по балансу Национального Банка РК составила 20,8 млрд в тенге на 1 октября 2008 г., и 155,5 млн долл. – в иностранной валюте. Кроме того, в целях облегчения получения ликвидности банками второго уровня от Национального Банка был осуществлен ряд регуляторных изменений.

В частности, были снижены лимиты банковского займа под залог остатков денег на корреспондентских счетах с размеров не более 70% от остатков в день обращения за займом и не более 70% средних остатков за последний период формирования минимальных резервных требований до не более чем 50%. В ноябре 2007 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам предоставления банковских займов Национального Банка РК между Национальным Банком РК, Агентством по регулированию финансового рынка и финансовых организаций РК и банками второго уровня. Согласно этому соглашению банки второго уровня взяли на себя обязательства по сохранению внешней задолженности и активов на уровне не выше, чем на 1 ноября 2007 г., намерения по увеличению

акционерного капитала и проведению консервативной кредитной и умеренной депозитной политики.

На конец сентября 2008 г. депозиты банков второго уровня в Национальном Банке составили 208,3 млрд тенге, значительно увеличившись с начала года (на конец 2007 г. – 9,9 млрд тенге). За 2007–2008 гг. абсолютный максимум этого показателя был достигнут в конце марта 2007 г. и составил 309,3 млрд тенге, однако вскоре началось его резкое снижение и к концу августа 2007 г. депозиты составили всего 4,6 млрд тенге. Ситуация изменилась в 2008 г.: с января по август депозиты значительно выросли и составили на конец августа 2008 г. 271,4 млрд тенге. Таким образом, банковская система к августу 2008 г. обладала значительными объемами ликвидности, и дополнительная поддержка со стороны Национального Банка Республики Казахстан не требовалась.

В 2008 г. Национальным Банком РК был дважды существенно расширен список залогового обеспечения по операциям рефинансирования. Так, 4 февраля 2008 г. в перечень залогового обеспечения при проведении операций обратного РЕПО были включены ценные бумаги национальных компаний Республики Казахстан, ценные бумаги иностранных государств и ценные бумаги международных финансовых организаций, разрешенные к покупке банками второго уровня в соответствии с требованиями Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций. Однако в феврале и марте 2008 г. операций обратного РЕПО не проводилось, и в последующие месяцы их объем был несопоставим с объемом на август 2007 г. Таким образом, данная мера носила скорее упреждающий характер: в случае возникновения у банков острой потребности в тенговой ликвидности объемы ее предоставления могут быть выше, чем при использовании старого перечня залогового обеспечения.

Дополнительные возможности для расширения финансирования обеспечивает принятое 12 мая 2008 г. расширение списка активов, признанных пригодными для принятия в обеспечение по операциям рефинансирования Национального Банка Республики Казахстан. В перечень залогового обеспечения при проведении операций обратного РЕПО включены долговые облигации ряда банков, размещенные и находящиеся в обращении по состоянию на 1 мая 2008 г., и агентские долговые ценные бумаги АО «Казахстанская ипотечная компания».

В августе 2007 г. Национальным Банком были внесены изменения в Правила о минимальных резервных требованиях, направленные на сокращение базы резервных обязательств и расширение структуры резервных активов, что должно было позволить банкам дополнительно высвободить, по предварительной оценке, 150 млрд тенге. Данные изменения вступили в силу с 9 октября 2007 г.

Изменения коснулись структуры резервных активов, перечня внутренних и иных обязательств банков второго уровня, а также норм Правил, касающихся контроля за выполнением нормативов минимальных резервных требований. Однако реально представившимися возможностями по высвобождению ликвидности банков воспользовались позже и не в полной мере, о чем свидетельствует значительный разрыв между резервными активами и минимальными резервными требованиями (на 29 октября он составил оценочно 31,7% от значения минимальных резервных требований). При этом минимальный разрыв между минимальными резервными требованиями и резервными активами наблюдался в мае и августе 2007 г. (28 мая –7,3%, 20 августа – 7,9%).

Что касается изменений нормативов минимальных резервных требований (по внутренним обязательствам они были снижены с 6% до 5%, по иным обязательствам – с 8% до 7%), вступивших в силу 29 июля 2008 г., то оно оказало более ощутимый эффект. На 21 июля оценочное значение превышения резервных активов над минимальными резервными требованиями достигло локального минимума и составило 10,1%, а резервные активы снизились с 793,7 млрд тенге 4 августа текущего года до 683,8 млрд тенге 18 августа, то есть банки смогли высвободить свыше 109 млрд тенге.

За период с начала октября 2007 г. (01.10.2007) по конец сентября 2008 г. (29.09.2008) снижение минимальных резервных активов, т. е. высвобождение средств, составило порядка 151 млрд тенге. При этом с учетом снижения минимальных резервных требований потенциальное высвобождение денежных средств за этот период могло составить 239 млрд тенге.

Последним изменением минимальных резервных требований стало снижение с 18 ноября текущего года с 5% до 2% по внутренним обязательствам и с 7% до 3% – по иным обязательствам, что, по оценкам, позволит высвободить порядка 350 млрд тенге.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что одной из важнейших функций Национального Банка является надзор за платежными системами. Данная функция позволяет обеспечивать эффективность и безопасность бесперебойного функционирования платежных систем. В рамках данной функции Национальный Банк РК осуществляет ряд мер по поддержанию ликвидности баков второго уровня с помощью различных инструментов и операций, таких как: обратное РЕПО, СВОП, СВОП под залог МРТ, валютного СВОП, досрочный выкуп нот Национального Банка РК. Данные меры были необходимы в период нестабильности в банковском секторе и явились надежным средством от кризисных ситуаций.

На сегодняшний день платежные системы Казахстана высоко оценены международными финансовыми организациями. Так, по результатам последней оценки FSAP эксперты Мирового банка и Международного валютного фонда признали Казахстанскую межбанковскую систему переводов денег соответствующей десяти ключевым принципам, разработанным Комитетом по платежным расчетным системам Банка международных расчетов для системно значимых платежных систем [4].

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 25 декабря 2006 г. № 1284 «О Концепции развитияфинансового сектора Республики Казахстан на 2007–2011 годы» основной задачей Национального Банка в области развития платежных систем на среднесрочный период остается поддержание работы платежных систем на высоком технологическом уровне, обеспечивающем безопасное и своевременное проведение платежей и переводов денег между различными субъектами экономики Казахстана.

При этом на период до 2011 г. Национальный Банк развитие платежных систем предполагает осуществлять по следующим основным направлениям.

Дальнейшее совершенствование и модернизация технической инфраструктуры действующих платежных систем. В рамках этой политики уже проведена работа по созданию нового Резервного центра платежных систем. Одной из основных задач Национального Банка по обеспечению функционирования платежных систем является поддержание его непрерывной и эффективной работы. В этих условиях вопрос создания нового Резервного центра платежных систем, который будет обеспечивать функционирование платежных систем в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций в районе расположения основного центра платежных систем, имеет исключительно важное значение для эффективного выполнения Национальным Банком задачи по обеспечению бесперебойного их функционирования. Он будет дублировать работу платежных систем и Национального Банка РК и обеспечивать сохранение критически важных информационных ресурсов на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств в месте расположения головного офиса Национального банка РК и основного центра. Новый резервный центр может быть использован также для обеспечения резерва других институтов, обеспечивающих функционирование основных финансовых рынков страны. К примеру, фондовой биржи, центрального депозитария ценных бумаг.

Также будут продолжены работы по дальнейшему расширению розничных безналичных платежей. Особое внимание будет уделено созданию необходимых условий для развития инфраструктуры и широкого применения платежных карточек в расчетах за товары и услуги.

Приоритетными направлениями в сфере развития розничных безналичных платежей должны стать:

1) расширение спектра и повышение качества розничных банковских услуг для населения;

2) устранение правовых препятствий для развития рынка платежных услуг и внедрения инновационных технологий, поощрение конкурентных рыночных условий;

3) развитие необходимой инфраструктуры и создание соответствующих условий для использования платежных карточек [2].

С целью развития розничных безналичных платежей будет продолжена работа по совершенствованию нормативной базы, способствующей внедрению и расширению безналичных платежей на основе применения современных технологий – платежных карточек, интернет-банкинга, мобильного банкинга и т. д.

Расширение сферы розничных безналичных платежей и развитие новых прогрессивных видов банковских продуктов зависит от активной деятельности банков в этом направлении. Для выхода на принципиально новый уровень предоставления розничных банковских услуг банкам необходимо сосредоточить усилия по построению развитой инфраструктуры рынка платежных карточек, расширению сервиса услуг, предоставляемых держателям платежных карточек, внедрению и развитию инновационных технологий и систем удаленного доступа на основе банкоматов и информационных киосков самообслуживания, средств мобильной связи и других инноваций [7].

В рамках выполнения пункта 2.6.2 Плана мероприятий по реализации Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан на 2007–2011 гг. (Проведение мероприятий по развитию инфраструктуры сети обслуживания платежных карточек) Национальным Банком продолжится координация деятельности территориальных филиалов Национального Банка РК по организации и принятию необходимых действий совместно с Акиматами областей и городами Алматы и Астана по дальнейшей реализации Постановления Правительства Республики Казахстан № 1328 от 15.12.2004 г. «Об утверждении категорий торговых (обслуживающих) организаций, обязанных принимать платежи с использованием платежных карточек при осуществлении торговых операций (оказании услуг) на территории Республики Казахстан».

На основании сведений, регулярно представляемых территориальными филиалами Национального Банка, был проведен сбор и анализ информации о результатах реализуемых мероприятий по расширению сферы использования платежных карточек на торгово-сервисных объектах. В конце 2008 г. рядом областных филиалов совместно с Акиматами городов и областей были разработаны и утверждены соответствующие планы мероприятий, охватывающие перечень конкретных действий по внедрению безналичных платежей на торгово-сервисных объектах. В краткосрочной перспективе необходимо обеспечить реализацию основных положений этих планов, особенно в связи с продолжающимся мировым экономическим кризисом.

Вместе с тем, в рамках дальнейшего развития рынка карточек продолжаются работы по реализации проекта «платежного шлюза», обеспечивающюго интеграцию банковской системы с созданной системой «электронного правительства» для решения следующих задач:

1) реализация безналичной on-line оплаты услуг «электронного правительства» за счет средств населения и юридических лиц, размещенных на счетах в банках второго уровня;

2) использование терминальной сети банков по обслуживанию платежных карточек для доступа к услугам «электронного правительства» [2].

Платежные карты, которыми сегодня пользуются казахстанцы, прошли путь от выдавленной полосы к магнитной, а теперь и к чиповой. Сейчас во всем мире происходит постепенный переход на выпуск и использование платежных карточек не с магнитной полосой, а с чипами (EMV стандарты). Эти карточки отличаются большей степенью безопасности и надежности, поскольку с них невозможно сделать копии. Кроме того, на них можно записывать достаточно большой объем информации и при необходимости изменять ее. Казахстанские банки также переходят на использование EMV стандартов международных карточных сис-

тем Visa International и Europay International и осуществляют массовый выпуск таких микропроцессорных комбинированных карт, пока сохраняя магнитную полосу. Соответственно необходимо модернизировать и инфраструктуру, предназначенную для их обслуживания. Все закупаемые банками банкоматы, POS-терминалы, инфо-киоски должны быть ориентированы на прием к обслуживанию микропроцессорных карт, необходимо проработать вопросы взаимодействия различных стандартов и систем для удобства использования платежных карточек казахстанцами.

Другое направление развития системы платежных карточек – это увеличение доли платежных карточек локальных систем. Основные положительные стороны использования платежных карточек международных систем – глобальная интеграция и глобальная инфраструктура. Используя международные платежные карточки, можно расплачиваться, снимать наличные, осуществлять другие операции не только на территории Казахстана, но также и за его пределами. То есть они предполагают международный уровень сервиса. Международные карточные системы – это открытые системы, а также современные передовые технологии и возможность предоставления населению продуктов, соответствующих международным стандартам. В числе минусов – необходимость размещения банками страховых депозитов в международных карточных системах; отсутствие возможности регулирования тарифной политики; высокая стоимость вступления банков в международные системы. Функционирование локальной системы не требует постоянного контакта с главным процессинговым центром, находящимся в другой стране или на другом континенте, как это происходит в международных системах. Обмен информацией происходит внутри страны, поэтому и тарифы на локальные карточки ниже. Кроме того, такие системы ориентированы на локальные рынки, а потому предлагают услуги, которые востребованы в конкретном регионе [3].

В отличие от Евросоюза, где все национальные системы объединены в систему, в Казахстане технической интеграции и взаимодействия платежных систем с платежными системами других стран нет. Взаимодействие с ними производится в рамках отношений между центральными банками стран СНГ и дальнего зарубежья, Мировым банком и Международным валютным фондом. Национальный Банк активно сотрудничает с зарубежными коллегами по вопросам функционирования платежных систем, выявления актуальных проблем, стоящих перед мировым платежным сообществом, и поиска путей их решения.

В рамках общих тенденций по интеграции финансовой системы Казахстана с финансовыми системами других стран будет продолжено участие в работе по построению общей платежной системы среди стран ЕврАзЭС, основанной на национальных валовых системах расчета в режиме реального времени. Национальным Банком также будут изучены возможные пути интеграции системы SWIFT с платежными системами Казахстана для предоставления пользователям дополнительных каналов приема и передачи сообщений в платежную систему через систему SWIFT. Предполагается дальнейшее развитие SWIFT сервисного бюро с подключением новых финансовых институтов.

Для популяризации платежных систем Казахстана предполагается дальнейшее развитие отношений с международными институтами в области Инициативы Мирового Банка по платежным системам и системам расчетов ценных бумаг стран СНГ (CISPI) и обмена опытом в построении платежных систем [4].

Для реализации планов по дальнейшему развитию платежных систем Национальным Банком планируется внести ряд изменений в законодательные акты Республики Казахстан.

Продолжатся работы по проекту Закона Республики Казахстан «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства Республики Казахстан о платежах и переводах денег, бухгалтерского учета и финансовой отчетности финансовых организаций и деятельности Национального Банка Республики Казахстан». В соответствии с регламентом работы Парламента Республики Казахстан планируется дальнейшее участие в деятельности рабочей группы, созданной при Мажилисе Парламента Республики Казахстан, по доработке указанного

законопроекта с учетом замечаний и предложений депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан. В целях реализации норм данного законопроекта планируется разработать соответствующий подзаконный акт Национального Банка по установлению порядка исполнения банками и организациями, осуществляющими отдельные виды банковских операций, решений уполномоченных государственных органов или должностных лиц, обладающих правом наложения ареста на деньги клиента, находящиеся на его банковских счетах, и распоряжений уполномоченных государственных органов, обладающих правом приостановления расходных операций по банковским счетам клиента (при одновременном предъявлении к банковскому счету клиента), упразднению карт-счета как отдельного вида банковского счета, использованию только банками платежного инструмента – платежного требования – поручения, не требующего акцепта, разработке новых форм отчетности и сведений по вопросам платежей и переводов денег [5].

Электронные деньги, или Webmoney, широко распространены во всем мире. Пользователи Интернета все чаще выбирают этот способ оплаты, расплачиваясь за коммунальные услуги, делая покупки в интернет-магазинах. Многие компании, в штате которых есть сотрудники, работающие удаленно, предпочитают Webmoney как способ оплаты труда.

В большинстве стран СНГ выпускаются электронные деньги, приравненные к государственной валюте. Они очень просты в использовании, и для их покупки не требуется никаких счетов, чеков и прочих банковских бумаг. По данным www.webmoney.ru, на сегодняшний день в системе Webmoney Transfer зарегистрировано более 1,54 млн аттестованных участников. Из них на долю Казахстана приходится 1,37% из числа пользователей. Таким образом, Казахстан занимает 4-е место после России (79,31%), Украины (11,63%) и Беларуси (2,58%). Успех развития Webmoney в нашей стране напрямую зависит от развития самой системы Webmoney Transfer и законодательной базы Республики Казахстан. В настоящее время только в Беларуси (из стран СНГ) есть закон об электронных деньгах, по которому можно легально использовать такую валюту [6].

В соответствии с Планом законопроектных работ Правительства Республики Казахстан на 2009 г. Национальный Банк РК представит проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам электронных денег» в Министерство юстиции, Правительство Республики Казахстан, Парламент Республики Казахстан. В этих целях планируется всестороннее обсуждение, детальная проработка и выработка согласованного подхода к законодательному регулированию вопросов выпуска и использования в Казахстане «электронных денег» с членами рабочей группы, а также заинтересованными государственными органами, банками второго уровня, Ассоциацией финансистов Казахстана. Кроме того, планируется также разработать соответствующий подзаконный акт Национального Банка по установлению порядка выпуска и использования «электронных денег» на территории Республики Казахстан. С учетом этого будет подготовлена законодательная база и сделано все, чтобы в 2009 г. в Казахстане официально появились «электронные деньги». Тем не менее, уже сейчас активно идет процесс бурного развития интернет-коммерции в Казахстане, открываются новые электронные магазины и сервисы, которые предлагают своим клиентам различные товары и услуги. К примеру, с помощью Webmoney уже сейчас можно мгновенно оплатить услуги мобильной связи практически любого оператора в Казахстане или приобрести пин-коды, пароли доступа к платным базам данных в магазине с мгновенной доставкой [7].

В целях осуществления перехода платежных систем Казахстана к международным стандартам и обеспечения возможности их интеграции с платежными системами других стран будет продолжена работа по организации и координации действий всех участников рынка (банков и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций), оператора платежных систем – РГП «Казахстанский центр межбанковских расчетов» и государственных органов по переходу на новую единую структуру банковского счета, утвержденную Постановлением Правления Национального Банка от 24 октября 2007 г. № 123, а также

новую структуру банковского идентификационного кода, утвержденную Постановлением Правления Национального Банка от 24 ноября 2008 г. № 84, в том числе:

– по проведению информационно-разъяснительной работы с банками второго уровня по организации обмена информацией с заинтересованными государственными органами Республики Казахстан при проведении инвентаризации инкассовых распоряжений и решений соответствующих государственных органов о приостановлении расходных операций и наложении ареста на деньги, находящиеся на банковском счете;

– по проведению рабочих встреч с заинтересованными государственными органами Республики Казахстан, банками второго уровня Республики Казахстан, структурными подразделениями Национального Банка РК с целью решения вопросов, возникающих в процессе выполнения мероприятий по уведомлению об изменении номеров банковских счетов, проведению инвентаризации платежных документов, находящихся в картотеке, и других мероприятий, предусмотренных нормативными правовыми актами Национального Банка РК;

– по осуществлению мониторинга и контроля за своевременностью выполнения банками второго уровня мероприятий по переходу на новые структуры номера банковского счета и банковского идентификационного кода;

– будет также принято участие в доработке автоматизированных информационных подсистем Национального Банка РК, комплексном тестировании с пользователями платежных систем [2].

Особое внимание будет уделено реализации новых проектов:

– по модернизации платежных систем и их переходу на новую программно-техническую платформу и программное обеспечение (введение МСПД-2, МК-2 и СОБС-4) в целях повышения их уровня безопасности и надежности, а также увеличения производительной эффективности;

– по переходу платежных систем на новую структуру банковского счета клиента и банковского идентификационного кода;

– по запуску на базе Казахстанского центра межбанковских расчетов «Системы обработки розничных платежей населения» (процессинговой системы);

– по интеграции Межбанковской системы переводов денег с международной сетью финансовой телекоммуникации SWIFT в целях предоставления иностранным банкам возможности доступа в платежную систему Казахстан, а также предоставления банкам Казахстана – не участникам системы SWIFT возможности осуществления трансграничных платежей [5].

В целях осуществления проверки соблюдения требований нормативных правовых актов Национального Банка РК в части обеспечения безопасности рабочего места пользователя платежных систем, будут проведены соответствующие проверки банков второго уровня и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций (при переносе рабочего места пользователя платежной системы в другое помещение, создании нового рабочего места или в случае возникновения иной необходимости). Также при необходимости будет принято участие в назначенных правоохранительными органами проверках банков второго уровня Республики Казахстан и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций, на соблюдение требований законодательства в области платежей и переводов денег.

Совместно с филиалами Национального Банка РК будет продолжена работа по реализации норм Постановления Правительства Республики Казахстан № 1328 от 15.12.2004 г. «Об утверждении категорий торговых (обслуживающих) организаций, обязанных принимать платежи с использованием платежных карточек при осуществлении торговых операций (оказании услуг) на территории Республики Казахстан». В этих целях будет продолжена работа филиалами Национального Банка по разработке и утверждению с Акиматами города Астаны и областей планов мероприятий по развитию системы безналичных платежей в соответствующих регионах [2].

В рамках Инициативы Мирового банка в области платежных систем и систем расчетов по ценным бумагам в странах СНГ (CISPI) планируется дальнейшее участие в деятельности Рабочей группы центральных банков стран СНГ по вопросам платежных систем, председа-

телем которой выступает Национальный Банк Казахстана. Так, в мае 2009 г. в г. Казани пройдет Международный форум «Payments Week» (организатор – Банк России), в сентябре – октябре 2009 г. в Армении (г. Ереван) будет проведено очередное заседания Рабочей группы [4].

Таким образом, Национальный Банк РК проводит работу по дальнейшему совершенствованию действующих платежных систем, в особенности системы розничных безналичных платежей, с целью повышения эффективности их функционирования, надежности и безопасности. Меры Национального Банка РК по развитию платежных систем направлены на повышение операционной эффективности, надежности, скорости и своевременности платежных операций при одновременном сокращении рисков, а также создание условий для использования различных инновационных платежных инструментов.

Библиографический список

1. О Национальном Банке Республики Казахстан : Закон РК № 2155 от 30 марта 1995 г. с изм и доп на 28 февраля 2007 г.

2. О Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан на 2007–2011 годы : Постановление Правительства Республики Казахстан № 1284от 25 дек. 2006 г.

3. Жаналинова, Б. Н. Электронные деньги: проблемы и перспективы / Б. Н. Жаналинова // Банки Казахстана. – 2006. – № 11. – С. 13.

4. www.google.kz.

5. www.nationalbank.kz.

6. www. market-pages.ru.

7. www.prodengi.kz.

© Цапова О. А., 2010

Автор статьи – **Ольга Александровна Цапова**, заведующая кафедрой, кандидат экономических наук, доцент (Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева). E-mail: 49320270@mail.ru.

Рецензент – В. П. Кадочникова, кандидат экономических наук, доцент СКГУ им. М. Козыбаева.

РАЗДЕЛ 3
СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

УДК 378.1

Ж. В. Глотова
Российский государственный университет им. И. Канта (г. Калининград)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОМПЕТЕНЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются новые требования, предъявляемые сегодня стандартом третьего поколения для конструирования основных образовательных программ. Автор акцентирует внимание на необходимости формирования компетенций у обучающихся на основе современных образовательных технологий.

Ключевые слова: компетентностный подход, стандарты нового поколения, образовательная программа.

Как известно, компетентностный подход призван решать ряд таких проблем в образовательном процессе, которые на основе существующих в теории и практике профессионального образования технологий до сих пор остаются нерешенными: актуальность у обучающихся спроса на образование, обеспечение высокого качества подготовки специалистов в системе профессионального образования, повышение конкурентоспособности сегодняшних выпускников, в целом – оптимальное повышение качества образования в условиях его массовости.

Сущность компетентностного подхода, по определению ЮНЕСКО, состоит в том, чтобы научить получать знания (учить учиться); работать и зарабатывать (учение для труда); жить (учение для бытия); жить вместе (учение для совместной жизни).

В проектах ФГОС ВПО третьего поколения компетенция представлена как способность применять знания, умения, личностные качества и практический опыт для осуществления успешной деятельности в определенной области. Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задавае-

мых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним.

Понятие компетенции в европейском образовательном пространстве включает, как минимум, три важнейшие составляющие:

– знание как понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать) – когнитивный компонент компетенции;

– знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям) – операциональный компонент компетенции;

– знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте, то есть воспитание) – аксиологический компонент компетенции.

Сегодня в публикациях, посвященных новым ФГОС и компетентностному подходу, понятие компетенции постоянно соседствует с понятием компетентности. В рамках данного сообщения мы придерживаемся авторитетного мнения А. В. Хуторского, который под компетенцией понимает некоторое отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке обучающегося, а под компетентностью – уже состоявшееся его личностное качество [2]. Другими словами, компетентность есть уровень практической реализации компетенции.

Бакалавр или магистр, то есть выпускники вуза по новым стандартам высшего профессионального образования, по завершении основной образовательной программы должны обладать, по крайней мере, двумя группами компетенций:

а) универсальными (общенаучными, инструментальными, социально-личностными и общекультурными);

б) профессиональными (указываются по видам деятельности: производственно-технологической, организационно-управленческой, научно-исследовательской, проектной и др.) [1].

Кроме того, для магистров важными представляются сформированные у них научно-исследовательские компетенции.

Ориентация новых стандартов на компетентностный подход является, безусловно, положительным явлением в отечественном образовании, так как создает условия решения наболевшей проблемы сближения в обучении теории с практикой, прагматизации обучения, изучения не «голой» теории на основе визуального и абстрактного знания, а конкретных способов деятельности, ориентирует в целом на продуктивное обучение.

Продуктивный характер используемых в образовательном процессе педагогических технологий зависит сегодня от их направленности на формирование компетенций. В современной дидактике (А. В. Хуторской) к ним можно отнести, например, технологии проектного обучения, развития критического мышления обучающихся, проблемного-модульного обучения, технологию мастерских, технологии интерактивного обучения (деловых, организационно-деятельностных игр) и др. [3].

К сожалению, как показывает опрос, проводимый среди преподавателей Российского государственного университет им. И. Канта, использование таких технологий или их отдельных методов носит пока еще фрагментарно-элементарный уровень (не всеми преподавателями, не на всех учебных занятиях, не целиком технология, а ее отдельные компоненты в авторской интерпретации с проекцией на аудиторно-групповую организацию учебного процесса).

Компетентностный подход предъявляет новые требования не только к содержанию и конечным результатам образования, но и к педагогическим технологиям. Такие требования, к примеру, уже названы в ряде проектов ФГОС ВПО третьего поколения и ориентируют преподавателей на широкое использование в учебном процессе интерактивных форм проведения занятий: метода проектов, моделирования и имитационных занятий, в т. ч. с представителями сферы труда, семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тре-

нингов в сочетании с внеаудиторной работой. Все это предъявляет дополнительные требования к профессионально-педагогической компетентности преподавателя высшей школы.

Сегодня реструктуризация и рестандартизация образования в контексте компетентностного подхода предъявляют требования к наличию у современного преподавателя таких качественных характеристик его профессиональной компетентности, как социальная мобильность, гибкость, инновационность мышления, творчество, отказ от педагогических стереотипов и мифов, корпоративная интеграция.

Наличие указанных характеристик в значительной степени способствует переходу к использованию педагогических технологий, адекватных новым переменам в образовательной системе (таким, например, как изменение социально-психологического портрета современной молодежи, снижение уровня учебной мотивации, девальвация качества образования, тенденция перехода к компетентностному подходу при определении содержания и конечных результатов образования и т. п.).

В целом переход к компетентностному подходу в образовании требует нового осмысления таких позиций, как:

– изменение целеполагания: новое смысловое наполнение цели – декларации образования от «знаю что» к «знаю как»;

– модернизация содержания образования: не ЗУНы, а компетенции, не сумма (количество знаний), а формирование качеств личности, обеспечивающих ее социальную, профессиональную успешность.

В заключение отметим, что решение указанных проблем внедрения стандартов нового поколения и реализации компетентностного подхода должно входить в программы образовательных учреждений по организации перехода на новые стандарты. В качестве наиболее важных средств такого перехода мы выделяем следующие:

1) формирование компетентностного содержания образования на основе модульных образовательных программ, обеспечивающих реальную интеграцию учебных дисциплин;

2) продуктивный характер используемых в образовательном процессе педагогических технологий, направленных на формирование ключевых и профессиональных компетенций;

3) совершенствование профессиональной компетентности преподавателя, обеспечивающей высокий уровень его готовности к реализации компетентностного подхода в образовательном процессе, реализации стандартов нового поколения.

Библиографический список

1. Макет ФГОС ВПО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.msta.ac.ru/.

2. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования [Текст] / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

3. Хуторской, А. В. Практикум по дидактике и современным методикам обучения [Текст] / А. В. Хуторской. – СПб. : Питер, 2004. – 544 с.

© Глотова Ж. В., 2010

Автор статьи – **Жанна Владимировна Глотова**, кандидат педагогических наук, доцент (Российский государственный университет им. И. Канта (Калининград)). E-mail: glotova_hanna@mail.ru.

Рецензент – Я. Д. Лычак, кандидат педагогических наук, доцент.

УДК 314.44

А. А Головин, С. П. Запарий, Б. Г. Жакупова, С. И. Саликова
ФГУ «Главное бюро МСЭ по Омской области»
Омская гуманитарная академия

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВЗРОСЛЫХ ИНВАЛИДОВ ВСЛЕДСТВИЕ БОЛЕЗНИ ОРГАНОВ ЗРЕНИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Число инвалидов вследствие болезней глаз уменьшилось на 32,4%. Возросло число инвалидов пенсионного возраста. Увеличилась потребность в психологической реабилитации с 1,8% до 45,4%, технических средствах реабилитации с 37,3% до 45,5%, в т. ч. тифлотехнических. По социальному разделу выполнено рекомендаций полностью и частично в 75,8–82,7% ИПР.

Ключевые слова: группа инвалидности, возраст, психологическая реабилитация, технические средства реабилитации, оценка реализации социальной реабилитации.

В структуре первичной инвалидности по Омской области болезни глаз и придаточного аппарата в 2008 г. составляли 4,2%. За период 2007–2009 гг. количество лиц, признанных инвалидами старше 18 лет, уменьшилось на 32,4% (с 1876 чел. в 2007 г. до 1268 чел. в 2009 г.). Из них лиц трудоспособного возраста (табл. 1) уменьшилось с 66,3% до 54,6%, возросло число лиц пенсионного возраста. По группам инвалидности отмечается тенденция к росту инвалидов первой группы: 13,9; 19,5; 19,6% (в т. ч. среди лиц пенсионного возраста 8,6; 13,5; 14,0%) соответственно по годам. Число инвалидов второй группы уменьшилось с 31,5% в 2007 г. до 26,4% в 2009 г. за счет лиц трудоспособного возраста (16,6; 14,4; 12,0% соответственно).

Удельный вес третьей группы изменился незначительно – 54,5; 51,2; 54,0%; увеличилось количество инвалидов пенсионного возраста(10,2; 10,8; 17,0%).

Интегрировать инвалида в семью и общество позволяет его эффективная реабилитация, которая во многом зависит от разработки качественных, обоснованных рекомендаций в индивидуальной программе реабилитации (ИПР).

Социальная реабилитация необходима для устранения или компенсации ограничений жизнедеятельности, для восстановления социальных навыков инвалида, для относительно независимого существования его в быту и окружающей среде с помощью технических средств реабилитации (ТСР), различных социальных мер. Рекомендации по социальной реабилитации разрабатывалась для всех признанных инвалидами и инвалидов, обратившихся только за разработкой ИПР. За период 2007–2009 гг. число инвалидов, обратившихся только за разработкой индивидуальной программы реабилитации, увеличилось с 15,9 до 21,5%, более 50% ИПР разрабатывались для получения технических средств реабилитации. Потребность в технических средствах реабилитации у инвалидов возросла с 37,3 до 45,5% (табл. 2).

Для всех лиц, проходивших освидетельствование, проводилась социально-бытовая диагностика. В ходе социальной диагностики коммулировалась информация не только о возможностях инвалида, но и о его желании о занятости, что содействовало более рациональному плану социальной реабилитации. В план социальной реабилитации включались следующие аспекты: социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая, социально-культурная, социально-бытовая реабилитация, реабилитация средствами физической культуры и спорта.

Таблица 1

Распределение лиц, признанных инвалидами, при первичном и повторном освидетельствовании по группам и возрасту за 2007–2009 гг. (абс.)

№ п/п	Инвалиды	2007				2008				2009			
		18–54 (ж), 18–59 (м) лет	%	Старше 55(ж), 60(м) лет	%	18–44 (ж), 18–49 (м) лет	%	Старше 55(ж), 60(м) лет	%	18–44 (ж), 18–49 (м) лет	%	Старше 55(ж), 60(м) лет	%
1	Инвалидами признаны первично, повторно	1243	66,3	633	33,7	728	60,8	469	39,2	692	54,6	576	45,4
2	1-й группы	100	5,3	162	8,6	72	6,0	162	13,5	71	5,6	178	14,0
3	2-й группы	312	16,6	280	14,9	172	14,4	178	14,9	152	12,0	183	14,4
4	3-й группы	831	44,3	191	10,2	484	40,4	129	10,8	469	37,0	215	17,0

Таблица 2

Динамика разработанных ИПР по социальной реабилитации за 2007–2009 гг. (абс.)

№ п/п	Мероприятие	Год					
		2007		2008		2009	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	Признано инвалидами	1876		1197		1268	
2	Обратились только за разработкой ИПР	373	15,9	292	18,7	366	21,5
3	Разработано ИПР В т. ч. ПРП	2339 90	100	1557 68	100	1700 66	100
4	Выдано ИПР	2339	100	1557	100	1700	100
5	Нуждались в социальной реабилитации	2339	100	1557	100	1670	100
6	Из них психологической реабилитации	43	1,8	365	23,4	772	45,4
7	Кол-во ИПР на ТСР (в т. ч. ПОИ)	872	37,3	578	37,1	774	45,5

Функция зрительного анализатора имеет первостепенное значение среди сенсорных систем, так как около 90% информации о внешнем мире поступает через данный анализатор. Поэтому особенно важна для незрячего человека психологическая реабилитация. Социально-психологическая адаптация незрячего инвалида во многом зависит от личностных установок

на эффективность реабилитации; а также от отношения к нему в семье, окружающей среде. Потребность в психологической реабилитации инвалидов увеличилась с 1,8% в 2007 г. до 45,4% в 2009 г.

Потребность в различных видах реабилитации наиболее востребована у инвалидов 1-й и 2-й групп, лиц с более выраженными ограничениями жизнедеятельности. Они нуждаются в постоянной посторонней помощи, в обучении социально-бытовым навыкам, пользованию техническими средствами реабилитации. В динамике с 2007 по 2009 г. потребность в технических средствах среди инвалидов первой группы составила 47–47,7%, второй группы 34,6–39,3%, третьей 18,4–12,7%.

Для реализации мероприятий социальной реабилитации многие инвалиды нуждались в специальных средствах коррекции зрения и вспомогательных тифлотехнических средствах (для передвижения, ориентировки; самообслуживания; информационного обеспечения, обучения; трудовой деятельности). К таким средствам относятся: трость тактильная (белого цвета), специальные устройства для чтения «говорящей книги»; приборы для оптической коррекции слабовидения, медицинские термометры и тонометры с речевым выходом; собаки-проводники с комплектом снаряжения.

Таблица 3

Потребность в технических средствах реабилитации инвалидов старше 18 лет с патологией органов зрения за 2007–2009 гг. (абс., %)

№ п/п	Технические средства реабилитации	Год					
		2007		2008		2009	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	Рекомендации на ТСР	1192	100	1122	100	1848	100
2	В т. ч. тифлотехнические средства	839	70,4	805	71,7	1340	72,5
3	Из них: трость тактильная (белая, металлическая)	332	27,8	305	28,2	382	20,7
4	специальные устройства для чтения «говорящей книги»	368	30,9	285	25,4	668	36,1
5	собаки-проводники с комплектом снаряжения	4	0.3	3	0,3	4	0.2
6	медицинские термометры и тонометры с речевым выходом	135	11,3	212	18,9	286	15,5

Количество выданных ИПР с рекомендациями на ТСР увеличилось с 37,3% до 45,5%. Рекомендации на ТСР выдаются на основании показаний, установленных в процессе медико-социальной экспертизы при оценке расстройств функций организма, обусловленных не только глазной патологией, но и другими заболеваниями. При разработке ИПР с рекомендациями на ТСР преобладают (70,4; 71,7; 72,5%) тифлотехнические средства реабилитации. Потребность в трости тактильной уменьшилась с 27,8% до 20,7%. Увеличилось число выданных рекомендаций (с 30,9% до 36,1%) на получение специальных устройств для чтения «говорящей книги». Медицинские термометры и тонометры с речевым выходом рекомендовались в от 11,3% до 18,9% случаев (табл. 3).

В процессе реализации ИПР инвалидов за полнотой и своевременностью выполненных мероприятий проводился динамический контроль от 17,8% до 24,2% случаев.

Оценка реализации социальной реабилитации проводилась при очередном переосвидетельствовании инвалида. По социальному разделу в анализируемый период выполнено рекомендаций полностью и частично в 75–82% ИПР. Из них информирование и консультирование инвалидов проведено в 77,5–86,3%; психологическая реабилитация выполнена в 39,4–42,6%; социокультурная реабилитация – 5,3–72,9%; обеспечение ТСР – 67,3–82,1%.

Таким образом, в социальной реабилитации нуждаются инвалиды в 100% случаев. Выросла потребность (с высоким удельным весом у инвалидов 1-й и 2-й групп) в технических средствах реабилитации с 37,3% до 45,5%, в том числе в тифлотехнических средствах с 70,4% до 72,5%.

Невыполнение рекомендаций по ТСР связано с тем, что инвалиды не обращались в Фонд социального страхования или же стояли в очереди на приобретение технических средств реабилитации.

© Головин А. А., Запарий С. П., Жакупова Б. Г., Саликова С. И., 2010

Авторы статьи: **Александр Аркадьевич Головин**, доктор медицинских наук, профессор, завкафедрой социальной работы и специальной психологии НОУ ВПО «Омга»;
Сергей Петрович Запарий, доктор медицинских наук, кандидат биологических наук, руководитель ФГУ «Главное бюро МСЭ по Омской области»;
Б. Г. Жакупова, специалист по социальной работе;
С. И. Саликова, специалист-реабилитолог.

Рецензент – С. А. Мельниченко, кандидат философских наук, профессор кафедры социальной работы и специальной психологии НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 316.752

С. Б. Дашиева
Учебно-методический центр «Байкалсофт» (г. Улан-Удэ)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Формирование толерантности является важнейшим фактором воспитания личности в условиях полиэтничности, поликонфессиональности культуры и общества. Толерантность должна стать основой создания гуманистической культуры, мира истины, добра и красоты.

Ключевые слова: толерантность, полиэтничность, поликонфессиональность.

Толерантность как явление культуры зародилась в эпоху античности. С ней связана система ценностей – свободы, равенства, уважения к человеческой личности, ее индивидуальности на основе мифологического типа мировоззрения. Древние римляне возвели это понятие в ранг закона, официальной доктрины. Дипломатия и юриспруденция ввели понятие «толерантность» в свой арсенал как одну из основополагающих норм гражданского права.

Толерантность (англ., фр. tolerance – терпимость, лат. tolerantia – терпение) – терпимость, снисходительность к чужим мнениям, верованиям, поведению, обычаям, культуре, чувствам, идеям, один из основных демократических принципов, неразрывно связанный с концепциями плюрализма, свободы и прав человека [1, с. 488].

Толерантность – это качество нравственной, правовой, политической культуры каждого общества, каждого гражданина, невзирая на пол, возраст, этническую, конфессиональную или расовую принадлежность. Основным требованием толерантной культуры является свободное вероисповедание свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений.

Участившиеся в последнее время акты нетерпимости, насилия, терроризма, дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным группам общества вызывают во всем мире чувство тревоги, поэтому необходимо сделать все для распространения и утверждения идеалов толерантности. Толерантность как признание ценности многообразия личностей и культур должно стать жизненно важным принципом и необходимым условием мира и социально-экономического развития всех народов. Сложившаяся ситуация заставляет по-новому взглянуть на взаимоотношения между людьми одного коллектива, отдельных народностей, мирового сообщества в целом. Происходит осознание важности решения этой глобальной проблемы. Первоосновой должна стать активная позиция каждого, адекватное отношение к проявлениям иного мировоззрения, культуры, языка, поведения.

«Воспитание толерантности – это вопрос психологического взросления и духовного становления. Для этого необходимо осознавать, что все окружающее нас составляет часть единого целого, что невозможно причинить вред другому, не навредив себе. Подобная философия порождает чувство уважения ко всему живому. Толерантное сознание позволяет брать ответственность за происходящее на себя, способствует становлению социально-личного чувства доверия, социальной восприимчивости, уважения прав другого» [2, с. 4].

Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим; способствовать формированию навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях. При этом важно, что именно близость нравственных традиций разных слоев и духовное единство общества являются необходимым условием становления толерантных отношений между гражданами. Формирование толерантности на основе системы нравственно-духовных ценностей объединяет людей как членов общества, имеющего свою культуру, историю, интеллектуальные традиции. Толерантное сознание как необходимость для существования современного общества предполагает знакомство с множеством аспектов общественного бытия, истории общественных, межнациональных, межрелигиозных отношений, опытом разрешения конфликтов.

При правильном формировании толерантности формируется активная жизненная позиция и стремление личности к самовыражению и самореализации. Познание этнических и социальных взаимосвязей позволяет поддерживать толерантное сосуществование народов. В полиэтническом пространстве в современной ситуации видится необходимость ориентации на культурно-политические способы решения этнических проблем, что позволит предотвратить межэтнические противоречия.

«Многовековое сосуществование этносов на одной территории предопределило идентичные процессы, протекающие в рамках культурной сферы каждого изучаемого народа. В ходе взаимодействия происходит двусторонний процесс проникновения культур, но при этом, осознавая ценность своей этнической культуры, каждый народ стремится к ее сохранению и трансляции для сохранения своей «самости» на фоне роста этнического самосознания» [3, с. 10].

Культура человечества богата и многообразна. Она возникла на самых ранних стадиях развития общества и неразрывно связана с его историей. Термин «культура» (латинского происхождения) означает возделывание, преобразование, улучшение, производимое человеком в процессе деятельности для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. «Культура – определенная совокупность социально приобретенных и транслируемых

из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность» [1, с. 288].

Весь окружающий нас мир – это мир культуры. Важнейшим признаком культуры является ее всепроникающий характер, непременное включение во все сферы жизни общества и личности. Главное значение культуры состоит в том, чтобы постоянно содействовать духовному развитию человека, всемерному раскрытию его талантов, дарований и способностей. Создавая разнообразный мир культуры, человек одновременно развивает свои творческие силы, формирует свой духовных облик.

«Разные культуры и разные национальные, этнические и религиозные группы населения, которые проживают на одной территории, но не обязательно контактируют друг с другом, составляют общество с множеством культур. В таком обществе различия воспринимаются отрицательно и являются оправданием для дискриминации, каждая группа считает свои культурные достижения исключительными и не подвергает сомнению свое превосходство над остальными. Межкультурное общество – это общество, в котором разные культуры и разные национальные, этнические и религиозные группы населения не только проживают на одной и той же территории, но еще и взаимно признают образ жизни и ценности друг друга. Поддерживают отношения взаимодействия, что является основой возникновения из нескольких разных субкультур единой культуры, динамичной, изменяющейся и жизнеспособной» [4, с. 69]. В таком случае толерантность является тем механизмом, который способствует трансформации сообществ в современных условиях глобализации, технократизации и других проблем мировой культуры.

Толерантность, установленная путем дружбы между представителями разных национальностей, не только обогащает саму социальную действительность, что естественно, но и выражает общечеловеческую солидарность. Поэтому готовность подавляющего большинства к установлению дружественных отношений между представителями разных народов служит тем реальным фундаментом, на котором держится этнополитическое спокойствие.

Культура и воспитание толерантных начал носит многоплановый характер в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности населения. Формирование толерантности находит выражение в уважении жизни, человеческой личности, ее достоинства и прав, отказ от насилия и его недопущение. Приверженность принципам демократии, свободы, справедливости, солидарности, взаимопонимании, как между народами, так и между этническими, религиозными и иными группами, формирует толерантную культуру в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

«Построение культуры терпимости через уважение и понимание мира другого, переход к ненасильственному существованию, к отношениям, основанным на принципах гуманизма и взаимного уважения, являются основой формирования толерантного сознания граждан» [5, с. 93].

Позиция терпимости и доверия – это основа для осуществления выбора будущих поколений в пользу мира. Воспитание у молодых людей толерантности и отношение к ней как к важнейшей ценности общества – необходимый вклад в развитие культуры мира. Толерантность предполагает признание разнообразия человеческого общества, ориентирует людей на уважительное отношение к чужим культурным традициям, обычаям, обрядам. Право каждого быть самим собой, не подстраиваясь под формат общего мнения, существующие стереотипы и предрассудки, – одно из фундаментальных положений современной цивилизации.

Толерантная культура способствует оптимизации развития региона, выполняя воспитательную, образовательную функцию, обладает огромной созидательной силой, раскрывая

гуманистический потенциал общества, направляя энергию человека на утверждения истины, добра и красоты.

Библиографический список

1. Хоруженко, К. М. Культурология. Энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов н/Д, 1997.
2. Гордеева, В. А. Основы толерантности / В. А. Гордеева. – Иркутск, 2004.
3. Агафонова, Н. Н. Проявление этничности в социальном взаимодействии и проблемы формирования позитивных межэтнических установок / Н. Н. Агафонова // Формирование культуры толерантности в молодежной среде Пермского края: интеграция опыта. – Пермь, 2008.
4. Поносов, Д. П. Межкультурное образование – ответ на новые проблемы современности / Д. П. Поносов // Формирование культуры толерантности в молодежной среде Пермского края: интеграция опыта. – Пермь, 2008.
5. Вежевич, Т. Е. О некоторых аспектах воспитания толерантности в современных условиях / Т. Е. Вежевич //Формирование толерантности и библиотеки. – Улан-Удэ, 2005.

© Дашиева С. Б., 2010

Автор статьи – **Саяна Баторовна Дашиева**, хореограф дошкольного образовательного учреждения «Учебно-методический центр «Байкалсофт» (г. Улан-Удэ), say-d@yandex.ru.

УДК 364.1

Ю. К. Дуганова
Технологический институт ЮФУ (г. Таганрог)

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Рассматривается жизнестойкость людей с разной психологической безопасностью. Показано, что существуют различия в уровне жизнестойкости у людей с высокой и низкой психологической безопасностью.

Ключевые слова: жизнестойкость, психологическая безопасность, субъектность, вовлеченность, контроль, принятие риска.

Затянувшийся период нестабильности, смены общественно-экономического уклада, подобно любым другим глобальным изменениям, сопровождается ростом напряжения и тревоги в обществе. Нарастание социального неблагополучия, падение жизненного уровня, поляризация общества, криминализация среды усугубляются воздействием экстремальных травматических факторов (стихийные бедствия, катастрофы, террористические акты) и нереализованной политикой государства в целях обеспечения психологической безопасности населения. Все это приводит к тяжелым последствиям: невротизация, депрессивные состояния, потеря веры в себя, потеря перспектив и, как неизбежное следствие, хроническая фрустрация базовой человеческой потребности – потребности в безопасности, снижение удовлетворенности жизнью и психологического здоровья личности. Вследствие чего проблема пси-

хологической безопасности приобретает все большую актуальность. Многие ученые занимаются разработкой понятия психологической безопасности личности и субъекта, созданием моделей психологической безопасности и разработкой мероприятий, направленных на обеспечение и развитие психологической безопасности личности (И. А. Баева, 2006; Н. А. Дмитриевский, 2002; Г. В. Грачев, 1998; Г. В. Иващенко, 2005; Т. М. Краснянская, 2005; А. В. Непомнящий, 2003; Н. А. Лызь, 2006; Т. В. Эксакусто, 2008 и др.). Одним из наиболее перспективных направлений в области исследований психологической безопасности, как отмечает Т. В. Эксакусто, является так называемый «субъектный» подход, в котором человек рассматривается как активный деятель в обеспечении собственной безопасности, «поскольку именно человек (а точнее, субъект), совокупность его индивидуально-психологических особенностей и прежде всего его система взглядов, мировоззрений, отношений к миру создает потенциал, который помогает преодолевать различного рода неблагоприятные воздействия для сохранения своей целостности» [8]. Основополагающей «ресурсной» характеристикой субъекта психологической безопасности, на наш взгляд, является жизнестойкость.

Во-первых, жизнестойкость предполагает признание человеком своих реальных возможностей, принятие реальности собственной уязвимости [6]; предполагает субъективную готовность к любым внешним переменам, в том числе и к тому, что изменения могут оказаться непредвиденными, а стечение обстоятельств – неблагоприятным. При этом С. Мадди определяет жизнестойкость как особый паттерн структуры установок и навыков, который позволяет превратить изменения, происходящие с человеком, в его возможности. Во-вторых, как отмечает С. Мадди, при рассмотрении жизнестойкости как пути к ощущению субъективности более общим по отношению к понятию «жизнестойкость» является субъектность, которая способствует активной, сознательной и целенаправленной реализации накопленного опыта [6]. При этом субъектность рассматривается в качестве личностной детерминанты психологической безопасности [5].

В широком смысле жизнестойкость служит отражением жизненной силы, которая позволяет человеку взаимодействовать со средой и способствует возникновению у него «субъективного чувства живости и энергии», детерминирующего, по мнению Р. Эммонса, субъективное чувство личного благополучия [1].

Понятие жизнестойкости (hardiness), сформулированное С. Мадди, является операционализацией понятия «отвага быть», которое ввел экзистенциальный философ П. Тиллих [7]. Эта экзистенциальная отвага предполагает готовность человека «действовать вопреки» – вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Как отмечает Д. А. Леонтьев, именно жизнестойкость позволяет человеку выносить неустранимую тревогу, сопровождающую выбор будущего (неизвестности), а не прошлого (неизменности) в ситуации экзистенциальной дилеммы [4]. Согласно взглядам С. Мадди, человек, обладающий жизнестойкостью, научается видеть в постоянных изменениях все новые и новые возможности и пути решения жизненных задач [1].

Из анализа большинства исследований (С. Мадди, Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова, С. А. Богомаз, Д. Ю. Баланев, Т. В. Наливайко, Л. А. Александрова) следует, что жизнестойкость связана с успешностью человека в разных сферах деятельности, особенно на фоне стресса. Жизнестойкость положительно коррелирует с осмысленностью жизни, удовлетворенностью своей прошлой и настоящей жизнью, уровнем активности и целеустремленности, также с толерантностью к неизвестности, низкой тревожностью, гибкостью мышления, креативностью, высоким уровнем социально-психологической адаптированности, самоэффективностью, социальным интересом общим психологическим благополучием, а также является показателем психического здоровья человека [6].

Целью одного из этапов нашего исследования, направленного на изучение субъектности как фактора психологической безопасности, стало исследование жизнестойкости у людей с разной психологической безопасностью. В качестве основных использовались следующие методики: Шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман (в адаптации О. Кравцовой)

[9] и Тест Жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) [4]. Оригинальная версия методики Р. Янов-Бульман не предполагает расчет индекса психологической безопасности. Однако С. А. Богомаз, А. Г. Гладких было проведено исследование [2], в котором они доказали возможность расчета оригинального суммарного индекса «Психологическая безопасность» как среднего арифметического от сложения показателей всех восьми субшкал (субшкала «Случайность как принцип распределения происходящих событий» берется со знаком минус).

В результате проведенного нами исследования обнаружена корреляция (вычислялся коэффициент Спирмена) между показателями психологической безопасности и общей жизнестойкости ($r_s = 0{,}33$; $p < 0{,}05$). Для уточнения оценки различий между двумя выборками (респонденты с низкой и высокой психологической безопасностью) по уровню жизнестойкости использовался U-критерий Манна-Уитни. Выявлено, что группа респондентов с высокой психологической безопасностью (92,2) превосходит группу с низкой психологической безопасностью (71,17) по уровню жизнестойкости ($U = 38{,}5$; $p < 0{,}05$). Качественный анализ результатов позволяет заключить, что люди с низкой психологической безопасностью обладают в основном средней и низкой жизнестойкостью, что дает возможность охарактеризовать их как неуверенных в своих силах и способностях справиться со стрессом. При этом в привычных ситуациях такие люди не подвержены стрессу, однако, попадая в незнакомые стрессовые ситуации, они могут быстро утомляться. Люди с высокой психологической безопасностью обладают высокой жизнестойкостью, что характеризует их как людей активных, уверенных в своих силах, способных справляться со стрессом, продолжая эффективно работать и не теряя душевного равновесия.

Относительно такого компонента общей жизнестойкости, как вовлеченность, надо отметить, что достоверно значимых различий не обнаружено ($U = 47$; $p < 0{,}05$). Однако обнаружена тенденция, при которой для людей с низкой психологической безопасностью характерна низкая вовлеченность, а для людей с высокой психологической безопасностью – средняя. Это дает основание предположить, что для людей с низкой психологической безопасностью характерна пассивная жизненная позиция, наличие чувства отвергнутости, ощущения себя «вне» жизни. В отличие от них, люди с высокой психологической безопасностью характеризуются в целом активной жизненной позицией, хотя при стрессе они могут потерять самообладание, стать пассивными и опустить руки.

Обнаружены статистически достоверные различия в результатах двух групп по шкале «контроль» ($U = 44$; $p < 0{,}05$). Результаты по шкале «контроль» у респондентов с низкой психологической безопасностью попадают в диапазон низких значений, на основании чего можно заключить, что люди с низкой психологической безопасностью считают, что от их сил мало что зависит в жизни, они ощущают свою беспомощность и легко сдаются перед обстоятельствами. Люди с высокой психологической безопасностью обладают сильно развитым компонентом контроля, в ситуации стресса продолжают борьбу, не сдаются, ищут новые пути решения проблем. Обычно такие люди ощущают, что сами выбирают свой путь.

Относительно принятия риска отметим, что для людей с низкой психологической безопасностью характерна средняя и высокая степень принятия риска. Следовательно, с одной стороны, они рассматривают жизнь как способ приобретения опыта и готовы рисковать и совершать ошибки, с другой стороны, их авантюризм имеет ограничения: в некоторых ситуациях они могут поддаваться панике, оттягивать решение. Для людей с высокой психологической безопасностью характерно высокое принятие риска, они рассматривают жизнь как способ приобретения опыта и готовы действовать в отсутствии надежных гарантий успеха, на свой страх и риск. Однако достоверно значимых различий не обнаружено ($U = 51$; $p < 0{,}05$).

Подводя итоги, надо отметить, что в результате проведенного исследования обнару-

жена корреляция между показателями психологической безопасности и общей жизнестойкости. Выявлено, что группа респондентов с высокой психологической безопасностью превосходит группу с низкой психологической безопасностью по уровню жизнестойкости. Обнаруженные различия указывают на необходимость дальнейшего комплексного изучения проблемы психологической безопасности личности с точки зрения смыслов, ценностей, базовых стремлений как необходимых составляющих потенциала психологической безопасности личности (Т. В. Эксакусто), что может свидетельствовать об открытии новой перспективы в изучении психологической безопасности.

Библиографический список

1. Богомаз, С. А. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека / С. А. Богомаз, Д. Ю. Баланев // Сибирский психологич. журнал. – 2009. – Вып. 32. – С. 23–28.

2. Богомаз, С. А. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений / С. А. Богомаз, А. Г. Гладких // Вестник ТГУ. – 2009. – Вып. 318. – С. 191–195.

3. Еремеев, Б. А. Психология безопасности, психологическая безопасность и уровни развития человека / Б. А. Еремеев : сб. науч. ст. // Материалы Первого междунар. форума / под общ. ред. И. А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш. – СПб., 2006. – С. 101–103.

4. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.

5. Ляшук, А. В. Развитие человека как субъекта жизненного пути в рамках информационно-психологической безопасности / А. В. Ляшук, А. В. Непомнящий // Тезисы докладов VIII Всероссийской науч. конф. студ. и аспир. «Техническая кибернетика, радиоэлектроника и системы управления». – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. – 570 с.

6. Наливайко, Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т. В. Наливайко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://led−leds.ru/?K_VOPROSU_OSMYSLENIYa_KONCEPCII_ZhIZNESTOIKOSTI_S._MADDI.

7. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М. : Юрист, 1995 – 479 с.

8. Эксакусто, Т. В. Психологическая безопасность: принципы исследования, дефиниции, модель / Т. В. Эксакусто // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 331–334.

9. Янов-Бульман, Р. Шкала базовых убеждений / Р. Янов-Бульман // Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. – М. : Смысл, 2008. – 172 с.

© Дуганова Ю. К., 2010

Автор статьи – **Юлия Константиновна Дуганова**, аспирант кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности (Таганрогский технологический институт Южного федерального университета). E-mail: djk007@mail.ru.

Рецензент – Т. В. Эксакусто, кандидат психологических наук, доцент кафедры ПиБЖ ТТИ ЮФУ.

УДК 159.95

Н. И. Ермолина
Омская гуманитарная академия

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье проводится анализ развития одной из основных высших психических функций человека – речи. Развитие ее начинается в раннем возрасте и проходит несколько этапов. Действие неблагоприятных факторов внутриутробного развития будущего ребенка негативно сказывается на формировании речевых функций. Своевременное выявление речевого дизонтогенеза способствует своевременной коррекции и профилактике вторичных нарушений речи и полноценному развитию более сложных высших психических функций.

Ключевые слова: высшие психические функции, речь, развитие ребенка.

Высшие психические функции – речь, память, внимание и т. д. – не даются ребенку в полном объеме с рождения. Они формируются и развиваются в течение жизни. От того, насколько направлен и своевременно определен процесс формирования этих функций, во многом зависит дальнейшее полноценное развитие ребенка как личности.

В современных условиях речь понимается как высшая психическая функция, системоорганизующая и системообразующая деятельность центральной нервной системы в подкорково-корковых и межполушарных взаимодействиях [13].

Цереброгенез речевых зон рассматривается в подкорково-корковых взаимодействиях затылочных, теменных, височных зон, лобных долей мозга. Такая последовательность «включения» церебральных систем определяет сензитивность развития зрительного, тактильного, акустического, двигательно-кинестетического анализаторов, являющихся необходимыми психофизиологическими компонентами речевого развития ребенка [10].

Речевой цикл протекает как замкнутое кольцо, по которому в одном направлении (прямая связь) передаются импульсы от центра к периферии, в другом (обратная связь) от периферии к центру. Обратная связь осуществляется по кинестетическим и слуховым каналам. Поэтому взаимосвязь акустического и речедвигательного анализаторов является важным звеном связи периферического артикуляционного аппарата и центральных механизмов речи.

Участие в речевом акте периферического артикуляционного аппарата становится возможным только в процессе усложнения его деятельности. Первоначально складываются оральные динамические стереотипы, обеспечивающие витальные потребности организма.

В онтогенезе межполушарных взаимодействий характерной особенностью речи ребенка раннего возраста является опора на структуры правого полушария, задействованные в ее интонационном различении, просодическом оформлении. Активизация височных областей правого полушария и межцентральных отношений височных областей обоих полушарий возможна под воздействием эмоциональной, интонационно выразительной речи взрослого, гармоничных музыкальных звуков [11].

Известно, что интонационные средства воспринимаются детьми раньше семантических. Реализация интонации в лингвистике, детской логопедии описывается в такой последовательности:

– крик, плач, который по акустическим характеристикам приближенно соотносится с интонациями повествования, радости, упрека, требования;

– гуление как интонация удовольствия;

– лепет и слоговой лепет, идентифицируемые с интонациями радости, повествования, убеждения и утверждения;

– первые слова, которые при помощи интонационного оформления становятся словами-предложениями.

Уже к 2,5 годам в спонтанной речи ребенка встречаются все возможные типы интонаций.

От того, насколько правильно и своевременно идет речевое развитие ребенка, зависит развитие других высших психических функций. А это, в свою очередь, определяет эффективную социализацию ребенка, возможность его обучения в школе, полноценное дальнейшее получение необходимых знаний, умений и навыков для последующей взрослой самостоятельной жизни.

Раннее выявление неадекватного развития высших психических функций у ребенка создает благоприятные условия для их коррекции, определения «групп риска» и своевременной профилактики нежелательных последствий, первичных и вторичных отклонений в развитии.

Речь как высшая психическая функция начинает развиваться с момента рождения ребенка, с первого крика. Отсюда понятно, что контроль за речевым развитием – это контроль развития большинства высших психических функций.

Важным условием речевого онтогенеза является адекватность и своевременность внешних требований семьи в когнитивном развитии ребенка раннего возраста. Характерными для когнитивного развития являются элементарная рассудочная деятельность и вероятностное прогнозирование. Способность улавливать простейшие эмпирические законы, связывающие предметы и явления окружающей среды, как свойство рассудочной деятельности ребенка раннего возраста проявляется в процессуальной игре. Основой рассудочной деятельности, по утверждению ряда исследователей, являются инстинкты и эмоции [2].

Вероятностное прогнозирование как предвосхищение будущего формируется в раннем возрасте близкими взрослыми в организованной среде, и в том числе речевой. Зарождение элементов прогнозирования можно наблюдать в речевой активности ребенка в процессе игры. Речь взрослого, обращенная к ребенку, исследуется в современной лингвистике, логопедии, психологии как фактор усвоения языка.

Речевая функция играет важную роль в психическом развитии ребенка, в процессе которого происходит становление познавательной деятельности, способности к понятийному мышлению. Полноценное речевое общение является необходимым условием осуществления нормальных социальных человеческих контактов, а это, в свою очередь, расширяет представления ребенка об окружающей жизни. Овладение ребенком речью в определенной степени регулирует его поведение, помогает спланировать адекватное участие в разных формах коллективной деятельности [7, 14]. Поэтому выраженные отклонения в речевом развитии ребенка имеют самые негативные последствия и проявления. Они могут быть следующими:

а) отстает психическое развитие ребенка;

б) замедляется формирование высших уровней познавательной деятельности;

в) появляются нарушения эмоционально-волевой сферы, что приводит к формированию особых личностных качеств (замкнутости, эмоциональной неустойчивости, чувства ущербности, нерешительности и т. д.);

г) возникают трудности в усвоении письма и чтения, что снижает успеваемость ребенка и нередко приводит к второгодничеству [4, 5].

По данным мировой статистики, число речевых расстройств у детей дошкольного возраста неуклонно растет, в связи с чем актуальность проблемы раннего их выявления и коррекции становится неоспоримой. Путем специальных воздействий на детей раннего и младшего дошкольного возраста во многих случаях удается предотвратить или затормозить появление тяжелой речевой патологии. Тактика «выжидания» в данном вопросе себя полностью изжила и должна быть заменена активной специальной помощью детям, начиная с раннего дошкольного возраста.

В настоящее время оказание квалифицированной психолого-логопедической помощи детям до трех лет часто необоснованно откладывается на более поздние сроки. С этими

детьми должна проводиться ранняя коррекционно-педагогическая работа, так как нарушение одних высших психических функций приводит к вторичной задержке формирования других. Начиная коррекционно-развивающую работу с детьми с речевой патологией с пяти-шести лет, мы упускаем сензитивный период развития речи, игнорируем уникальность, неповторимость и огромное значение раннего возраста для всей последующей жизни человека; то, что именно в этот период коррекционное логопедическое воздействие может быть наиболее эффективным.

Выявление среди всех детей в раннем возрасте детей группы риска как особой донозологической категории, в которую могут быть объединены дети в связи с угрозой проявления у них речевой патологии и нарушения иных высших психических функций на сегодняшний день является актуальной задачей для теории и практики коррекционной педагогики, психологии и логопедии.

Всестороннее логопедическое обследование детей в возрасте 1,5–3 лет дает возможность раннего выявления речевых нарушений, проведения их своевременной коррекции и профилактики речевых нарушений на последующих этапах овладения родным языком, предупреждения дизонтогенеза более сложных вторичных высших психических функций.

Многие родители оценивают речевое развитие своего ребенка только по степени правильности звукопроизношения. И в этом они ошибаются, поскольку показателем становления детской речи является своевременное развитие у ребенка способности использовать свой лексический запас в разных структурах предложений. Уже в 2,5–3 годам дети пользуются трех-четырехсловными предложениями, используя частичные грамматические формы.

В 1–3 года ребенок многие звуки родного языка переставляет, опускает, заменяет более простыми по артикуляции. Это объясняется возрастным несовершенством артикуляционного аппарата, недостаточным уровнем восприятия фонем. Но характерным для этого периода является достаточно стойкое воспроизведение интонационно-ритмических, мелодических контуров слов. С момента появления у ребенка возможности правильно строить несложные предложения и изменять слова по падежам, числам, лицам и временам происходит качественный скачок в развитии речи.

Таким образом, к концу преддошкольного периода дети общаются между собой и окружающими, используя структуру простого распространенного предложения, употребляя при этом наиболее простые грамматические категории речи.

Родители и воспитатели должны быть информированы о том, что наиболее благоприятный и интенсивный период в развитии речи ребенка падает на первые 3 года жизни. Именно в этот период все функции центральной нервной системы в процессе их естественного формирования наиболее легко поддаются тренировке и воспитанию. Если условия развития в это время неблагоприятны, то формирование речевой функции настолько искажается, что в дальнейшем не всегда удается в полном объеме сформировать полноценную речь [1]. При этом следует помнить, что в три года практически заканчивается анатомическое созревание речевых областей мозга. Ребенок овладевает главными грамматическими формами родного языка, накапливает определенный лексический запас. Поэтому, если в 2,5–3 года ребенок общается только с помощью лепетных слов и обрывков лепетных предложении, необходимо немедленно проконсультировать его у логопеда, проверить физиологический слух и организовать коррекционные занятия в условиях ясельной или дошкольной логопедической группы. Оставлять без специальной помощи такого ребенка нельзя, т. к. будет упущен самый благоприятный период в его речевом развитии.

В современной психолингвистике речевое развитие ребенка рассматривается как сложный динамический комплекс, включающий психофизиологические, языковые и когнитивные компоненты. Условно выделяют четыре периода речевого развитии: подготовительный, преддошкольный, дошкольный, школьный. В каждом периоде этого процесса выделяют «узловое образование» – языковые процессы, необходимые для нормального протекания онтогенеза речи в условиях данной стадии и определяющие переход на последующую стадию [6].

Таково развитие речи ребенка в норме. При действии на детский организм негативных факторов внешней или внутренней среды, возникновении изменений прежде всего в нервной системе нарушается нормальный порядок речевого развития. Это проявляется в различного вида речевых нарушениях. Известно, что нарушения речи носят многообразный характер в зависимости от их степени, от локализации пострадавшей функции, от времени поражения, от выраженности вторичных отклонений, возникающих под воздействием ведущего дефекта. Существует большое количество причин речевых нарушений у детей, знание которых необходимо для своевременной диагностики выявления факторов риска речевой патологии и ее своевременной профилактики. Так, С. М. Доброгаев среди причин речевых нарушений выделяет «заболевания высшей нервной деятельности», патологические изменения в анатомическом речевом аппарате, недостаточность воспитания в детстве, а также «общие невропатические состояния организма».

М. Е. Хватцев впервые все причины речевых нарушений разделил на внешние и внутренние, особо подчеркнув их тесное взаимодействие. Он также выделил органические (анатомо-физиологические, морфологические), функциональные (психогенные), социально-психологические и психоневрологические причины.

К органическим причинам были отнесены недоразвитие и поражение мозга во внутриутробном периоде, в момент родов или после рождения, а также различные органические нарушения периферических органов речи. Им были выделены органические центральные (поражения мозга) и органические периферические причины (поражения органа слуха, расщепление нёба и другие морфологические изменения артикуляционного аппарата).

Функциональные причины М. Е. Хватцев объяснил учением И. П. Павлова о нарушениях соотношения процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе. Он подчеркивал взаимодействие органических и функциональных, центральных и периферических причин. К психоневрологическим причинам он относил умственную отсталость, нарушения памяти, внимания и другие расстройства психических функций. Важную роль М. Е. Хватцев отводил и социально-психологическим причинам, понимая под ними различные неблагоприятные влияния окружающей среды [8].

Концепция развития психики, разработанная Л. С. Выготским, составляет методологическую основу изучения причин нарушений речевого развития в детском возрасте. Подчеркивая связь психического развития с воздействием окружающей среды, он ввел понятие социальной ситуации развития. Она представляет собой сочетание внутренних процессов развития и внешних условий, являющихся специфичными для каждого возрастного этапа [3].

Для определения состояния речевого развития детей раннего возраста в современных условиях нами проведено исследование в одном из детских садов города. Методологической основой исследования являлись теория развития высших психических функций Л. С. Выготского, теория системной динамической локализации высших психических функций А. Р. Лурии, концепция системного подхода к изучению речевых расстройств и теоретическое обоснование общего недоразвития речи детей Р. Е. Левиной.

У детей 1,5–3 лет исследовали состояние речевого развития, уровень развития речи. При этом выявлено, что 40% детей, находящихся в обычных группах детского сада общего типа, имеют возрастное несоответствие состояния речи, т. е у них имеет место отставание в речевом развитии (при сохранном интеллекте, зрении и слухе).

В результате беседы с родителями и анализа анамнестических данных нами были получены следующие данные: у 79% детей с нарушениями речи в анамнезе отмечались вредности анти-, пери- и постнатального периодов. Они были следующими: токсикоз беременности, анемия, патологическое течение родов, кесарево сечение, нарушение мозгового кровоснабжения у новорожденного и др.

Таким образом, неблагоприятное течение беременности и родов являются факторами риска развития речевого дизонтогенеза у детей уже в раннем возрасте.

При определении уровня развития речи у обследуемых детей выявлено, что лишь 25% малышей имели высокий уровень развития речи. Он характеризовался следующим: дети не испытывали никаких затруднений при выполнении задания, не испытывали смущения и проявляли явный интерес к заданиям; уровень понимания речи соответствовал возрастной норме. Дети сосредоточенно всматривались в предмет, брали его в руки. Игрушки вызывали ответную реакцию, дети улыбались и пытались локализовать свои действия, легко вступали в контакт и понимали обращенную к ним речь. Также наблюдалось соответствие возрастной норме по уровню объема активного словаря. Дети безошибочно называли все картинки. Известно, что в 2–3 года звукопроизношение еще не сформировано в норме, поэтому тот результат, который продемонстрировали дети, соответствовал норме. Дети стали более общительными со сверстниками, речь детей проста для восприятия, в речи детей наблюдалась последовательность. Иногда возникали трудности в ходе рассказа по опорным картинкам. Как правило, они возникали у тех детей, которые никогда не сталкивались с подобными ситуациями и, следовательно, не имели представления о том, какое действие на ней изображено.

Дети использовали с нашей помощью: существительные, глаголы, союзы, наречия, местоимения и предлоги. Были отмечены хорошие показатели состояния контекстной речи. Наблюдались существительные (категории единственного и множественного числа) и глаголы (категории совершенного и несовершенного вида). Дети пользовались предлогами, встречались в речи детей местоимения. В целом речь была приближена к связной. Состояние грамматического строя в этой группе было в норме, что сказывается на свободном общении детей и умении грамотно строить предложения.

Средний уровень развития речи был также отмечен у 25% детей. Он имел следующие характеристики: затруднения у этих детей возникали в основном в недостаточном понимании речи. Дети справлялись с заданием частично. Не все дети внимательно слушали задания логопеда, были пассивны и практически не реагировали на вопросы, обращенные к ним. В обиходном словаре детей не наблюдалось обобщений, понятий, а восприятие бытовой фразы и дифференцировка далеких звуков наблюдались в изолированном положении. Также наблюдались отклонения состояние звукопроизношения. Дети заменяли звуки при помощи последних, которые уже имелись в речи. Иногда дети сокращали и слоговую структуру слова. Возникали трудности в употреблении прилагательных в превосходной степени, в составлении сложных предложений и их конструкций. Трудности наблюдались и в описании. При диагностике уровня контекстной речи мы выявили ошибки в употреблении местоимений, дети путали: «он – она», «я – он». Наблюдалось множество аграмматизмов. Речь детей скудная, невыразительная, элементарная.

Низкий уровень развития речи был выявлен у 50% обследованных детей. Эти дети сильно отставали от возрастной нормы. У них наблюдалось сильное смущение при общении. Как правило, дети не понимали задаваемые вопросы, поэтому необходимо было повторять задание несколько раз, но даже при этом в нескольких ситуациях оно оставалось не выполненным. Удовлетворительное понимание обращенной речи ведет к тому, что у детей наблюдаются ограниченный экспрессивный словарь, аграмматично построенные фразы и отсутствует самостоятельный рассказ. Этот уровень характеризуется очень сильным отставанием в развитии звукопроизношения. В речи детей наблюдались сплошные аграмматизмы, речь трудна для восприятия.

У детей с низким уровнем наблюдается отсутствие интереса к предложенному заданию. Дети не могли сосредоточиться, а также возникали трудности в понимании инструкции. Каждая предъявленная для описания картинка вызывала у данной категории детей затруднения. Дети не могли сразу рассказать о том, что видят. Только с помощью наводящих вопросов они могли описывать содержание картинок. Некоторые дети не улавливали связи между изображенными на картинках действиями, вследствие чего последовательности в рассказах не наблюдалось. Кроме того, у 41,7% детей с речевым дизонтогенезом наблюдались наруше-

ния артикуляционной моторики - ограниченность, неточность движений, слабость мышц органов артикуляции.

По результатам исследования состояния речи как высшей психической функции у детей раннего возраста можно заключить:

1) что у значительной части детей уровень развития речи не соответствует возрастной норме, что проявляется в недостаточном понимании речи на уровне диалога, инструкций. Пассивный словарь детей состоит в основном из существительных, глагольный словарь ограничен обиходно-бытовой лексикой, адъективный словарь скудный. Наблюдаются трудности в различении понятий единственного и множественного числа, выделении звуков на слух в составе слов;

2) дети широко используют мимику и жесты, активная речь нередко ограничивается лепетными словами и звукоподражаниями, дети не стремятся выражать свои желания с помощью речи, предложения однословные, реже – двухсловные; нарушена слоговая структура слов по типу сокращения количества и искажения слогов. Голос у многих детей тихий, немодулированный, назалированный;

3) наблюдаются трудности в выполнении заданий на определение подвижности артикуляционного аппарата: детям трудно длительно удерживать позу, происходят замены одного движения на другое;

4) наблюдение за взаимодействием детей в группе позволило выявить трудности в установлении контактов со сверстниками, возникновение проблем в общении со взрослыми, наличие речевого негативизма вследствие скудного словарного запаса у детей, проблемы в развитии связного высказывания;

5) у детей отмечается непонимание словесных инструкций, возможность делать что-то только по представленному действию препятствует своевременному и качественному выполнению упражнений на занятиях педагогов.

Таким образом, значительная часть дошкольников раннего возраста (40%) составляет группу риска по возникновению речевых нарушений. У них диагностируется задержка речевого развития, требующая своевременной коррекционно-педагогической работы, которая позволит предупредить вторичные нарушения: ограниченность сенсорных, временных и пространственных представлений; недостатки памяти и трудности формирования произвольного внимания. Коррекция речевых нарушений и связанных с этим проблем коммуникации поможет предотвратить у дошкольника появление чувства отверженности и одиночества, нарушение его социальных связей, взаимодействия с окружающим миром и более глубокие вторичные речевые нарушения.

Библиографический список

1. Винарская, Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии / Е. Н. Винарская. – М. : Просвещение, 1999. – 259 с.

2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 2001. – 368 с.

3. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – М. : Смысл, 2003. – 512 с.

4. Гвоздев, А. Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни / А. Н. Гвоздев. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 420 с.

5. Гужва, Ф. К. Основы развития речи / Ф. К. Гужва. – Киев, 1989. – 254 с.

6. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Просвещение, 1997. – 243 с.

7. Жукова, Н. С. Отклонения в развитии детской речи / Н. С. Жукова. – М. : Наука, 1994. – 320 с.

8. Динкин, Н. И. Механизмы речи / Н. И. Динкин. – М. : Наука, 1998. – 290 с.

9. Ефименкова, Л. Н. Формирование речи у дошкольников / Л. Н. Ефименкова. – М. : Просвещение, 1998. – 260 с.

10. Лалаева, Р. И. Формирование правильной разговорной речи у дошкольников / Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 224 с.

11. Левина, Р. Е. Нарушения речи и письма у детей / Р. Е. Левина. – М. : АРКТИ, 2005. – 280 с.

12. Лурия, А. Р. Речь и развитие психических процессов ребенка / А. Р. Лурия, Ф. А. Юдович. – М. : Наука, 1996. – 350 с.

13. Львов, М. Р. Речь младшего школьника и пути ее развития / М. Р. Львов. – М. : Наука, 1999. – 310 с.

14. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детском возрасте / Д. Б. Эльконин. – М. : АРКТИ, 1999. – 356 с.

© Ермолина Н. И., 2010

Автор статьи – **Надежда Ивановна Ермолина**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной работы и специальной психологии НОУ ВПО «ОмГА».

Рецензент – Т. В. Скрипник, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 32.019.51

Н. А. Журенко
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема взаимодействия науки, СМИ и массового сознания. В информационном обществе изменяется привычная для XIX–XX вв. модель формирования знания. Автор считает, что роль таких коммуникационных каналов, как просвещение и наука, снижается и расширяются возможности пропаганды и public relatons.

Ключевые слова: массовое сознание, историческая память, СМИ.

Проблема сохранения исторической памяти в современном информационном обществе по своей значимости является одной из важнейших. Глобальные изменения в информационной сфере оказывают воздействие на человека, изменяя его сознание и психику, возможности интеллекта и память. Именно Память, индивидуальная и социальная, чаще становится объектом активного воздействия в процессе современной массовой коммуникации (будь-то реклама, пропаганда или PR). Интеллектуальное ощущение свободы, многовариантности Правды, виртуальности настоящего и прошлого становится частью переживаний современного постмодернистского общества. Особенно ярко это проявляется на уровне массового сознания и поэтому активно эксплуатируется СМИ.

Постмодерн как культурная ситуация предполагает наличие множества версий истории: по своей природе он ироничен как к прошлому, так и к настоящему. Снижается критич-

ность и рациональность массового сознания даже в отношении собственной истории. Образы формируются, транслируются и воспринимаются с разной степенью эффективности. Но общим является то, что в данной культурной ситуации рациональное мышление и научные знания перестают определять мировоззренческие позиции и знания в обществе. Контекст для массового сознания становится важнее текста. Контент, создаваемый средствами массовой информации, привлекательнее реальных научных знаний.

Научное осмысление истории Великой Отечественной войны в исторической науке прошло сложный неоднозначный путь. В советский период на историографию войны, осмысление ее итогов в СМИ оказали определяющее воздействие подходы и оценки, сформулированные еще И. В. Сталиным. Несмотря на обилие литературы, посвященной истории Великой Отечественной воины, смысл историографии 40-х – первой половины 80-х гг. можно понять по таким обобщающим работам, как «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (И. В. Сталин) [1]; «Очерки истории Великой Отечественной войны (1941–1945)» [12]; «История Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг.» [5]; «История второй мировой войны. 1939–1945 гг.» [6].

Немаловажным фактором «преемственности» в советской историографии являлось глобальное противостояние между Востоком и Западом, при котором научный анализ часто подменялся поиском идеологических аргументов в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя. Основной акцент в советской историографии Великой Отечественной войны переносился на описание военных действий и деятельности коммунистической партии по организации фронта и тыла в борьбе с фашистской Германией.

Официальная отечественная историография Великой Отечественной войны прошла сложный и извилистый путь от «замалчивания» неудобных фактов, стремления следовать официальной идеологической концепции до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде.

В историографии Великой Отечественной войны отечественные и зарубежные ученые выделяют несколько этапов, в ходе которых постоянно в той или иной мере присутствовали мифологические трактовки, часто связанные с идеологической конъюнктурой или предпочтениями власть предержащих.

I этап анализа истории Великой Отечественной войны приходится на вторую половину 1941 г. – середину 1950-х годов. В основе работ этого периода лежала концепция военной истории Великой Отечественной войны, сформулированная И. В. Сталиным. Завершается этот этап примерно в 1955–1956 гг., когда, после смерти Сталина, публикации, содержавшие перечисление исключительно позитивных итогов войны, постепенно сокращаются.

II этап был тесно связан с хрущевской «оттепелью» и датируется серединой 1950-х – серединой 1960-х гг. Несомненно, его начало относится к 1956 г., XX съезду КПСС, а завершается он примерно в 1965 г., когда была опубликована в издательстве «Наука» книга А. М. Некрича «1941, 22 июня» [11]. Последовавшая затем резкая официальная критика этой книги стала своеобразным водоразделом между «оттепелью» и «застоем» в исторической науке, она словно провела черту под «вольностями» хрущевской эпохи.

III этап охватывает вторую половину 1960-х – середину 1980-х гг. В 1965 г. вышел последний, шестой, том фундаментальной «Истории Великой Отечественной войны», сданный в набор в августе 1964 г., еще при Хрущеве. В следующем году в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прошло обсуждение книги А. М. Некрича «1941, 22 июня», носившее якобы «абсолютно неофициальный характер», но на деле приведшее к запрещению книги, частичному уничтожению экземпляров, хранившихся в библиотеках, и исключению автора книги из КПСС. Начиная с этого времени фактически был наложен запрет на острые публикации по истории войны, исследование сложных, противоречивых проблем. Завершается этот этап примерно в 1985 г., когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, объявивший политику гласности и перестройки.

IV этап стал самым плодотворным. Он продолжался со второй половины 1980-х до начала 1990-х гг. Начало этого этапа приходится на 1986–1987 гг. – время первых острых публицистических материалов в СМИ, в том числе посвященных войне, а завершается он в начале девяностых. К этому времени в «активе» историков были серьезные статьи, первые монографии, в которых были не только поставлены вопросы критики официальных подходов в интерпретации истории войны, но и предприняты попытки расширения тем исследований. С конца 80-х гг. начал выходить журнал «Из архивов ЦК ВКП(б)» под редакцией А. Яковлева, в котором публиковались негативные факты, затрагивающие деятельность КПСС, в том числе и во время Великой Отечественной войны (подняты проблемные вопросы о возникновении бандформирований, депортации отдельных народов и т. д.). К 55-й годовщине Победы было опубликовано 23 тома рассекреченных документов Государственного комитета обороны, Ставки верховного главнокомандования, наркоматов обороны и военно-морских сил и других государственных и военных учреждений [14], свыше 200 трудов, касающихся ВОВ, и четырехтомник «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». Большой интерес для научной общественности представляли выпущенные издательством «Международные отношения» «Очерки истории российской внешней разведки» под редакцией Е. М. Примакова (в 2003 г. вышел четвертый том, посвященный деятельности внешней разведки в годы Великой Отечественной войны) [13]. Но, к сожалению, все перечисленные труды, кроме последнего, были изданы малыми тиражами и проигнорированы СМИ. Лишь незначительная часть работ Института военной истории была опубликована в «Военно-историческом журнале». Доминирующим контентом этого времени в СМИ, а также ведущей темой научных исследований была решающая роль коммунистической партии в победе над фашистской Германией.

Позиция руководителей КПСС в то время была определяющей для исторических исследований и соответственно влияла на изменение подходов и оценок. Коррективы исторической модели Великой Отечественной войны, появившиеся в 70-х – 80-х гг., не затрагивали идеологической концепции и устоявшихся оценок. Лишь изменились хронологические рамки некоторых этапов войны и их наименования; по-разному определялись причины неудач Красной армии в начальный период войны; менялась оценка битвы под Москвой и так далее. Эти оценки определялись той конъюнктурой, которая складывалась в официальной идеологии в тот или иной период времени.

Начиная с 1993 г. последовательно выходят исторические, статистические, демографические исследования, в которых отражаются различные аспекты тем о политике руководства СССР в предвоенные годы, о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне, о деятельности элиты страны в военное время. Они не только стали предметом всестороннего научного анализа, но и активно интерпретировались в публицистических статьях и обсуждались на телевидении. Вместе с тем, критика положений, устоявшихся в отечественной историографии войны, широко развернутая во многих исторических сочинениях и в СМИ в этот период, в большей мере была связана не с научным поиском, а с достижением «исторической справедливости» и решением частных задач – в том числе политического характера. В полной мере это относится к проблеме советского военно-политического коллаборационизма, «развенчанию» мифов о подвигах советских граждан во время войны (публикации в СМИ «разоблачительных» статей о подвигах 28 Панфиловцев, Зои Космодемьянской и др.) [7; 15]. С другой стороны, появлялись исторические работы и статьи в СМИ, в которых предпринимались попытки пересмотреть устоявшиеся оценки деятельности генерала А. А. Власова, создателя и руководителя ОУН, С. А. Бандеры, «лесных братьев» в Прибалтике и др. [2; 19]. Активное участие в обсуждении данных исторических вопросов приняли не только профессиональные историки и отечественная общественность, но и Русская православная церковь, а также Синод Русской православной зарубежной церкви [10]. Сложность и неоднозначность поставленных на повестку дня вопросов приводил к диаметрально противоположным позициям и оценкам. От неприятия «идеологизированных советских мифов» до признания генерала А. А. Власова «агентом стратегической разведки Кремля» [2].

Именно в этот период, после рассекречивания архивов воевавших сторон (англо-американских – с конца 80-х гг., советских – с начала 90-х гг.) стали появляться неизвестные ранее для исторической науки материалы и документы. Резкое расширение информационного поля, высокая насыщенность его новыми историческими фактами, наряду с глубоким идейным кризисом в стране, стали решающими факторами повышенной восприимчивости российского общества к новым оценкам Великой Отечественной войны. Мифы, сформированные ранее и лежащие в основе восприятия событий войны и мировоззренческих позиций в советском обществе, стали невостребованными. Состояние когнитивного диссонанса воздействовало на массовое сознание, порождало переживание растерянности и формировало новые идеологические предпочтения. Потребность общества и соответственно рынка (как книжно-журнальной продукции, так и телевизионных передач) в новых «разоблачительных» контекстах прошлых знаний резко возросла. Публикации таких авторов, как В. Суворов-Резун, И. Бунич, Г. Климов и др., стали бестселлерами. Эффект популярности этих авторов можно объяснить не только эпатажем. Россия вступила в этап развития, который определяется как информационное общество. Все «плюсы» и «минусы» функционирования информационного общества реализовались полностью в поиске новых контекстов.

В настоящее время в исторических трудах продолжают присутствовать подходы, ориентированные на определенные идеологические и политические позиции. Обсуждение острых вопросов вышло за пределы чисто академических кругов и стало достоянием общественности благодаря расширению коммуникативного пространства, прежде всего за счет Интернета. Именно в виртуальной сфере были размещены многие исторические документы, ранее не публиковавшиеся и бывшие недоступными. Вместе с тем, Интернет предоставил возможность и активному распространению исторических фальшивок, создающих ложное представление по сложным проблемам Второй мировой войны. Попытки на государственном уровне регулировать процесс распространения информации об исторических событиях или псевдособытиях не имели успеха. Создание «*Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»* лишь обострило интерес в научных кругах к дискутируемым проблемам, но не более того.

Основными задачами Комиссии были определены: «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, и подготовка соответствующих докладов Президенту Российской Федерации; выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России; подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящим ущерб интересам России». При этом комиссия не должна была решать, являются ли некие утверждения ложью или правдой, а должна была квалифицировать их как фальсификации[16]. Очевидно, что самое большое внимание будет уделено не событиям далекого прошлого, а истории последних десятилетий, в частности истории Великой Отечественной войны и всего советского периода.

Вместе с тем, современные условия распространения информации требуют новых форм. Потребность общества в публичности трансляции информации о прошлом обладает большой значимостью: именно в сфере исторической памяти формируется национальное самосознание, складываются определенные стереотипы, усваиваются ценностные установки, сформированные на основе опыта предыдущих поколений. Отношение россиян к тем или иным памятным датам, историческим событиям, памятным дням – это во многом показатель их мировоззренческих установок, политизированости или, напротив, аполитичности.

Так, Первомай за последнее десятилетие из «Международного дня солидарности трудящихся» постепенно трансформировался в «Праздник Весны и Труда». По результатам опроса ВЦИОМ только четверть населения (24%) воспринимает 1 Мая как День солидарности трудящихся, тогда как «официальной» весенней версии придерживаются 40%. Еще четверть

(26%) не рассматривает этот день в качестве особого праздника, видя в нем дополнительный выходной, а для 10% 1 Мая вообще является обычным будничным днем [8, с. 241].

Отношение же граждан ко Дню Победы в Великой Отечественной войне и к самой войне заметно отличается. Лишь для 22% опрошенных ВЦИОМ Великая Отечественная война сегодня представляется лишь как факт истории. Напротив, 76% респондентов убеждены в том, что ее значение сегодня не становится меньше, поскольку это самая большая победа России на протяжении всей ее истории. Такой точки зрения придерживаются представители всех групп и слоев российского общества. В молодежной среде (18–24 года) тех, кто склонен расценивать Великую Отечественную войну как далекую историю, – 31%, хотя и в этой группе 66% считают, что значение победы в войне по-прежнему велико [8, с. 243]. Не следует забывать о достаточно активных группах молодежи, разделяющих неонацистские лозунги и идеи.

На уровне массового сознания возникают мифы, традиция научного анализа которых в отечественной науке разработана [3, 18, 20]. Миф по своей сути не противоречит научной картине мира: он дополняет и обогащает ее в формате индивидуального и группового переживания. Миф является отражением тех процессов, которые объективно существуют и связаны с потребностями общественного развития. Однако миф не способен заменить научную картину мира. Сила мифологической трансформации исторических и общественно-политических знаний велика. Миф концентрирует определенные смыслы, способствует трансляции и эффективному их усвоению.

В ходе реализации проекта «Имя России», проводимого в 2009 г. совместно телеканалом «Россия», Институтом российской истории РАН, фондом «Общественное мнение», лидирующие позиции в течение некоторого времени занимал И. В. Сталин. В результате итоговых подсчетов он получил 3-е место. Попытка объяснить этот феномен общественного сознания, поставивший в затруднительное положение ученых и общественных деятелей, не имела успеха [4]. Вероятнее всего, авторитет И. В. Сталина, подвергавшийся критике и «осуждению» на протяжении более чем 50 лет, вырос на основе наложения в сознании россиян образов Великой Победы в войне и руководителя страны. История великой войны породила и великий миф, реализованный в предпочтениях на уровне бессознательного и осознанного выбора.

Дискутировать по вопросам соотношения научного поиска в решении исторических проблем и состояния массового сознания только как о проблеме исторической науки по крайней мере недостаточно. Поскольку здесь переплетаются и проблема наших исторических знаний, и современные поиски общества, находящегося в состоянии активного решения вопросов исторического прошлого и настоящего, и стремлением народа сохранить ценностные ориентиры, традиции предыдущих поколений, свою идентичность, самоуважение и достоинство.

Библиографический список

1. Архив А. Н. Яковлева // Сайт «Архив Александра Яковлева» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/about : 25.04.10.

2. Гофман, И. Власов против Сталина. Трагедия русской освободительной армии. 1944–1945 / И. Гофман. – М. : АСТ ; Астрель, 2006.

3. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М., 1983.

4. Имя России – исторический выбор // Сайт «Имя России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nameofrussia.org/ : 11.04.10.

5. История Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг. : В 6 т. – М. : Воениздат, 1966.

6. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. : В 12 т. – М. : Воениздат, 1973. – 82 с.

7. Кардин, В. Легенды и факты / В. Кардин // Новый Мир. – 1966. – № 2.
8. Как мы думали в 2006 году: РОССИЯ на перепутье. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 241.
9. Легенды Великой Отечественной. Зоя Космодемьянская // Сайт «Россия в красках» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.smi.ru / : 15.04.10.
10. Митрофанов, Г. Н. Генерал А. Власов о церковном вопросе / Г. Н. Митрофанов // Сайт «Антимодернизм. Ru. Православная миссионерская энциклопедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://antimodern.wordpress.com/2009/09/13/vlas/ : 10.03.10.
11. Некрич, А. М. 1941, 22 июня / А. М. Некрич. – М. : Памятники исторической мысли. – 1995.
12. Очерки истории Великой Отечественной войны (1941–1945). – М. : Библиотека Академии наук СССР, 1955.
13. Очерки истории российской внешней разведки. – М. : Международные отношения, 2003.
14. Перечень рассекреченных документов Государственного Комитета Обороны СССР (1941–1945) // Сайт «Википедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/ : 23.02.10.
15. Петров, Н. Новое о советских героях / Н. Петров, О. Эдельман // Новый Мир. – 1997. – № 6.
16. Положение о комиссии. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России // Сайт Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/articles/216485.shtml : 10.02.10.
17. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. – 5-е изд. – М. : Государст. изд-во политич. лит-ры, 1946.
18. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М. : Гардарики, 2001.
19. Филатов, В. Власовщина. РОА: белые пятна. Русский бунт / В. Филатов. – М. : Эксмо ; Алгоритм, 2005.
20. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – СПб., 1998.

© Журенко Н. А., 2010

Автор статьи – **Николай Анатольевич Журенко**, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинговых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Рецензент – Т. Е. Сиволап, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства.

УДК 159.99

Е. Ю. Мазур
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
(г. Хабаровск)

К АНАЛИЗУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

В данной статье автор рассматривает основные психологические подходы (психоаналитический, символический интеракционизм, бихевиористический, когнитивный), связанные с процессом становления представлений о феномене «идентичность». Обобщение теоретических представлений о сущности и природе этого сложного психологического явления показывает живой интерес исследователей как в русле общепсихологических, так и социально-психологических направлений.

Ключевые слова: идентичность, психологический подход.

В современном обществе потребность человека в идентичности по своей актуальности и социальной значимости выходит на первый план. Человек становится «вполне человеком», когда осознает свою идентичность. Идентичность проявляется посредством сложного рефлексивного процесса, который отражает представления субъекта о собственном «Я», сопровождается ощущением целостности, личностной определенности и может выступать как регуляция и согласование действий и их значений, которые позволяют действовать человеку последовательно.

Еще в начале 70-х гг. XX в. К. Леви-Стросс утверждал, что кризис идентичности станет новой бедой века. Ученый прогнозировал переход данной проблемы из социально-философской и психологической областей в междисциплинарную область исследований [1]. Сегодня исследуются и общие проблемы самоидентификации, и конкретные направления: личностная, гендерная, профессиональная, этническая, религиозная идентичности и т. д.

В современной психологической литературе уделяется большое внимание проблемам самосознания, ментальности личности, пониманию своего места в изменяющейся и преобразующейся социальной действительности.

Идентичность – сложный феномен, сложная психическая реальность, важный компонент самосознания, образа «Я», который определяет поведение индивида, его мысли, чувства, ценности, а также самоопределение человека в отношении к другим людям, группам, видам деятельности и, как замечают Н. Л. Иванова и Т. В. Румянцева, в каком-то смысле самому себе [2]. Более того, Л. Б. Шнейдер понятие идентичности расценивает как защиту личного, соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надиндивидуальному целому, охватывающему и субъективное время, и личностную деятельность, и национальную культуру. Она придерживается мнения социальных философов, которые полагают, что это есть одна из главных тем общественной мысли XX столетия [3]. Сегодня можно смело утверждать, что и социальные философы, и психологи оказались дальновидны. Начало XXI в., характеризирующееся кризисными ситуациями в разных сферах жизни общества, отчетливо показало нестабильность человеческой культуры, обеспечивающей существование и развитие человечества, этого уникального планетарного феномена, ядром которого является человеческая духовность. Утрата «смыслоценного отно-

шения» человека к миру, к другим, к собственному «Я», обострение проблемы личностного выбора и меры персональной ответственности характерны для современного общества.

С учетом уникальности и острой социальной значимости феномена идентичности рассматриваются основные психологические подходы к исследованию этого феномена.

Так, с позиции психоанализа любое психическое явление должно быть раскрыто в трех аспектах: динамическом, энергетическом и структурном. В рамках данного подхода разработка понятия «идентичность» осуществлялась с точки зрения его структурно-динамических характеристик. В исследованиях прослеживается обращение к процессуальной и содержательной сторонам феномена, благодаря этому прошлое, настоящее и будущее переживаются человеком как единое целое, собственное бытие личности воспринимается как неизменное.

Ярким представителем психоаналитического подхода в изучении идентичности считается Э. Эриксон. Исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, он ввел понятие кризисов личностной идентичности и подчеркивал их неразрывную связь с кризисами общественного развития.

Он понимал идентичность как «субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности (постоянства), соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми» [4, с. 91]. Понятие идентичности присутствует по всему «маршруту полного жизненного цикла» человека (восемь основных этапов развития). Причем идентичность определяется психологом как важнейшая характеристика целостности, самостоятельности и зрелости личности. Истоки идентичности Э. Эриксон усматривает «в динамично развивающемся телесном «Я» и присутствии родительского образа, когда им придаются культурные коннотации». «Появляющаяся идентичность соединяет мостом стадии ранней взрослости, когда множество социальных ролей становятся доступными и все более принудительными» [5, с. 30]. Быть идентичным, по Э. Эриксону, значит переживать хронологию своей жизни как единое целое. Более того, осознание себя требует соответствия между представлением о себе и тем, как его воспринимают окружающие, чего они от него хотят. Индивид, не принятый обществом или даже отдельным лицом, может утрачивать утверждение собственного «Я». Здесь налицо взаимосвязь между самовосприятием и социальной реальностью, а это подразумевает ощущение связи между персональной непрерывностью и признанием этой непрерывности другими людьми.

Э. Эриксон вплотную подошел к понятию «социальная идентичность», которое прослеживается на социальном уровне описания идентичности и соотносится с различными видами социализации (профессиональной, этнической, религиозной и др.). Он подчеркивает роль культуры в контексте социального развития, поскольку субъективное значение различных реакций социального плана человека тем больше, чем плотнее они включены в общую модель развития, принадлежащую данной культуре.

В рамках психоанализа интерес представляют статусная модель идентичности Дж. Марсия и М. Фридман и концепция ценностно-волевого аспекта развития идентичности Э. Уотермана.

Дж. Марсиа рассматривает идентичность как определенную структуру, функционирующую в контексте решения проблем. Идентичность достигается через выбор из числа конкретных альтернатив, пусть даже незначительных, с которыми сталкивается человек в жизни. Каждая решенная проблема усиливает эго, наполняет содержанием, раскрывает сильные и слабые стороны личности и способствует осознанию целенаправленности и осмысленности собственной жизни. Идентичность понимается как динамическая организация потребностей, способностей, убеждений и собственной истории [6].

Э. Уотерман обращает внимание на ценностно-волевые аспекты структуры и развития идентичности. Так же, как и Дж. Марсиа, он рассматривает идентичность в контексте самоопределения и соответствующего процесса выбора целей, ценностей и убеждений, которые он называет элементами идентичности. Элементы формируются в результате альтернативного

выбора в период кризиса идентичности и являются основанием для постижения смысла жизни, направления деятельности и поведения человека. Чтобы осуществить выбор, человеку нужны определенные средства, с помощью которых он идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели, убеждения. Каждый элемент идентичности соотносится с определенной сферой жизни: профессией, религией и моралью, политикой, сферой социальных ролей [7].

Таким образом, в рамках психоаналитического подхода исследование идентичности осуществляется в двух взаимосвязанных направлениях: процессуальном (процесс формирования и существования идентичности) и содержательном (специфика целей, ценностей и убеждений).

В рамках символического интеракционизма, исследовавшего символические аспекты социальных взаимодействий и опиравшегося на идею социального происхождения «Я», исследования по идентичности и «Я-концепции» относят к началу XX в. и связывают, в первую очередь, с работами Дж. Г. Мида и Ч. Кули, Дж. Болдуина и др.

Ч. Кули ввел понятие «Я-концепция» (близкое идентичности) как представление человека о самом себе, которое является субъективным отражением мнения окружающих [8]. Важную роль в становлении «Я-концепции» играет взаимодействие с группой самой близкой человеку, которую Ч. Кули назвал первичная (семья, неформальные объединения, профессиональная группа и др.). Группы вырабатывают присущие только им сущности, различные миры, которые меняются в ходе взаимодействия по мере изменения общих для членов группы значений. В этом смысле идентичность может выступать частью «Я-концепции», ответственной за осознание человеком своей групповой принадлежности.

Дж. Мид большое внимание придавал влиянию культуры на формирование сознания человека. Культура понималась Дж. Мидом как сложная совокупность символов, обладающих общими значениями для всех членов общности. В его концепции важная роль отводится когнитивному процессу рефлексии взаимодействий, в которые постоянно вступает человек, поведения, своего «Я». Знание о собственной идентичности закрепляется в какой-то символической форме, и в первую очередь в языке. Дж. Мид сформулировал три базисных утверждения, которые играют основную роль в развитии представлений об идентичности и подчеркивают разные аспекты взаимоотношения между индивидуумом и обществом:

– личность есть отражение сущности и значения социальных влияний, поэтому человек реагирует на окружающих в зависимости от индивидуальных значений, которыми он наделяет окружающих;

– индивидуальные значения являются продуктом социального взаимодействия, поэтому личность определяется социальными условиями;

– личность понимается как динамический, саморефлексирующийся процесс, проявляющийся в диалектике между «Я» и отражением оценок других, которые образуют единое целое.

Таким образом, идентичность рассматривается Дж. Мидом как феномен, формирующийся в ходе социального взаимодействия. Идентичность – это единое целое, целостность. Целостное восприятие себя и социального мира возможно не просто единством элементов, а наличием их связи между собой и с целым [2, с. 22].

В концепции Дж. Мида усматривается противопоставление между социальным и личностным «Я». Это проявляется на уровне осознаваемой личности, которая задана в обобщенных категориях языка, однако существует и момент относительной свободы от социума. Это натолкнуло таких ученых, как И. Гофман, Р. Фогельсон, Ш. Струкер, на развитие представлений о типах идентичности и внутренней противоречивости структуры идентичности человека.

Ю. Хабермас предпринял попытку преодолеть противоречие между социальной и личностной идентичностями. Он рассматривал структуру идентичности как две пересекающиеся оси координат: вертикальная – личностная идентичность, горизонтальная – социальная иден-

тичность. Точка пересечения координат – это «Я-идентичность», баланс между личностной и социальной идентичностями [9].

Можно говорить, что в рамках символического интеракционализма понятие идентичности приобрело понимание влияния социального окружения на представления человека о себе в проекциях: «Я» – каким меня видят другие; «Я» – каким я сам себя вижу; «Я» – как сознающий субъект и как объект.

В рамках бихевиористического (ситуативного) подхода акцент исследователей был сделан на изучении роли ситуации в развитии межгрупповых процессов. Следовательно, в бихевиоризме наблюдается минимизация личностного уровня анализа межгруппового взаимодействия. Исследование феномена идентичности в рамках данного подхода связывают с именами М. Шерифа, С. Шерифа, Д. Кемпбелла и др.

В исследованиях М. Шерифа идентичность как психологический феномен выступает следствием осознания человеком своей причастности к какой-либо группе, что происходит под влиянием реальных межгрупповых действий. Участники эксперимента отождествляли себя с другими, уподоблялись им, должны были постараться принять точку зрения другого и определить свое групповое членство [10]. М. Шериф первым начал изучать групповое и межгрупповое поведение. Понятие «идентичность» он использовал для определения групповой принадлежности индивида. Его исследование проводилось в рамках классической формулы бихевиоризма «стимул – реакция», где стимулы – различные манипуляции с группами, а реакции – взаимоотношения между группами и конкретными людьми. Личностная компонента исключалась из объяснения. В своих экспериментах он показал, что под влиянием извне введенного фактора – соревнования (конкуренции) в условиях ограниченных ресурсов – можно изменить взаимодействие между группами.

Таким образом, ученым было проведено изучение процесса возникновения межгрупповых отношений и соответственно влияния различных факторов, например соревнования, изменения целей, совместной деятельности и т. д. Исследования Шерифа послужили дальнейшему изучению межгрупповых конфликтов под влиянием различных факторов: размера группы, характера целей и т. д. В целом исследования Шерифа и его команды показали, что человеку неважно как развивалась его личностная история. Важно следующее: во-первых, человек, включенный в определенные межгрупповые отношения, принимает конкретное групповое членство и действует сообразно групповым нормам; во-вторых, значимую роль в его поведении начинают играть не личностные, а социальные факторы.

Другой видный представитель этого направления – Д. Кемпбелл – развил идеи Шерифа о природе межгруппового конфликта, что оказало влияние на дальнейшие исследования идентичности. Ученый считал, что отношения конкуренции, сопровождающиеся предвосхищением реальной угрозы, основаны на реальном конфликте интересов между группами, независимо от времени его возникновения. Здесь важно подчеркнуть, что идентичность как отдельный предмет исследования не обозначена в анализируемых работах, но она стройно вплетена в процесс межгруппового конфликта и является его следствием [11].

В рамках когнитивного подхода исследование идентичности связано с именами Г. Тэшфела, Дж. Тернера, Д. Абрамса, М. Хогга и др. Идентичность рассматривается как важная психологическая структура. Впечатления о мире организуются в связные интерпретации – установки, идеи, стереотипы, которые выступают регуляторами социального поведения. В связи с этим идентичность явно принимает социальное понимание, становится в полной мере социально ориентированной. Когнитивную направленность идентичность получила благодаря исследованиям процесса категоризации в рамках теории социального сравнения Дж. Тернера, в основе работ которого лежали труды Л. Фестингера [12; 13].

Идентичность в этом подходе рассматривалась в качестве когнитивной системы, которая выступает регуляцией поведения в соответствующих условиях. Данная проблема разрабатывалась на стыке когнитивной психологии и психологии личности. На представления об идентичности оказали роль идеи различных систем, через призму которых человек воспри-

нимает окружающий мир (К. Левин, Дж. Келли), и теория «когнитивного диссонанса» (Л. Фестингер), согласно которой в результате рассогласования имеющегося у человека опыта с восприятием актуальной ситуации появляется определенная мотивация, стимулирующая и направляющая деятельность человека [14; 15; 13].

Завершенным примером сочетания когнитивного, личностного, социально-психологического направлений психологии в исследовании социальной идентичности является теория социальной идентичности, основоположником которой является А. Тэшфел. Эта концепция вызывает острые дискуссии. Популярность теории социальной идентичности объясняется обращением к актуальной на сегодняшней день теме «своих и чужих». А. Тэшфел, изучая различные социальные общности и анализируя поведение человека в них, вывел понятие «межличностный – межгрупповой континиум», в котором располагаются все поведенческие реакции человека. Важно отметить, что деление поведения на межличностное и межгрупповое выступает как целостность. Это только расстановка акцентов: индивид – сам по себе или индивид – часть группы. Просто в одном случае человек действует более или менее независимо, принимая решение на основе каких-либо собственных критериев, а в другом как член группы, выполняющий соответствующие требования группы.

Вообще, исследователи социальной идентичности обращают внимание на тесно связанные понятия, обеспечивающие само функционирование социальной идентичности: категоризация и социальное сравнение. Так, благодаря категоризации устанавливается различие между собой и другими [16]. Приобретение различий – ранняя часть социализации. Чувство себя, знание «кто я такой», способность «отражать» и осознавать себя формируются в социальном взаимодействии, а этот процесс связан с нравственными канонами, воспитанными в семье и транслируемыми в обществе [17]. Социальная идентичность всегда связана с частью социальных идентификационных категорий, выбираемых в соответствии с определенным социальным контекстом. Знание собственных социальных идентификаторов недостаточно, чтобы оценить свою принадлежность к группе. Подобная оценка может быть осуществлена через процесс социального сравнения – имплицитного социального сравнения с другими [12].

Л. Фестингер предположил, что люди оценивают себя и свои качества на основе некоторых объективных и осознаваемых критериев. Когда такие критерии недостижимы, люди оценивают себя через социальное сравнение с другими. При этом возникает различие в сравнении способностей и мнений. Например, мотивами, вызывающими сравнение способностей, будут являться точность, правильность и самодостраивание, а основным мотивом, вызывающим сравнение с чьими-то мнениями, – приобретение социального согласия. Мотив, лежащий в основе всех сравнений, – это желание точного самооценивания.

Таким образом, классическое определение социальной идентичности таково: это часть индивидуальной «Я-концепции», которая происходит от знания принадлежности к социальной группе вместе с оценкой и эмоциональным обозначением этого группового членства. Социальная идентичность сопровождается эмоциональными, ценностными проявлениями, находит отражение в поведении, мышлении человека, что, безусловно, придает ей значимость среди других личностных характеристик.

Библиографический список

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. ; под ред. и примеч. Вяч. Вс. Иванова. – М. : Наука, 1985. – 536 с.

2. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность: теория и практика / Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 453 с.

3. Шнейдер, Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.

4. Erikson, E. Psychosocial Identity / E. Erikson // A Way of Looking at Things. Selected Papers / ed. By S. Schlein. – N. Y., 1995.

5. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эриксон ; пер. с англ. – 2- е изд., перераб. и доп. – СПб. : Ленато ; АСТ ; Университетская книга, 1996. – 596 с.

6. Marcia, J. E. Identity in adolescence / J. E. Marcia // Handbook of adolescent psychology. – N. Y., 1980.

7. Identity in Adolescence: Processes and Contents / A. Waterman (ed.). – San-Francisco, 1985.

8. Jandy, C. C. H. Cooley, his life and social theory / C. Jandy. – N. Y, 1942.

9. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.

10. Sherif, M. In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation / M. Sherif. – Boston, 1996.

11. Campbell, D. T. Stereotypes and perception of group differences / D. T. Campbell // American Psychologist. – 1967. – № 22. – P. 817–829.

12. Festinger, L. A. Theory of social comparison processes / L. A. Festinger // Human Relations. – 1954. – № 7. – P. 117–140.

13. Festinger, L. A. A theory of Cognitive Dissonance / L. A. Festinger. – Stanford : CA, 1957.

14. Келли, Д. Теория личности. Психология личностных конструктов / Д. Келли ; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб. : Речь, 2000. – 249 с.

15. Левин, К. Теория поля в социальных науках : пер. с англ. / К. Левин. – СПб. : Сенсор, 2002. – 368 с.

16. Hogg, M. The social psychology of group cohesiveness: from attraction to social identity / M. Hogg. – N. Y, 1992.

17. Tajfel, H. Social stereotypes and social groups / H. Tajfel // Intergroup Behavior. – Oxford, 1918б.

© Мазур Е. Ю., 2010

Автор статьи – **Елена Юрьевна Мазур**, соискатель кафедры психологии ГОУ ВПО ДГГУ (г. Хабаровск), mazureu@yandex.ru.

Рецензент – Е. В. Кулеш, старший преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО ДГГУ, кандидат психологических наук.

УДК 159.9+796.022.7+371.31

И. В. Майоркина
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМ ОРИЕНТИРОВАНИЕМ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

В статье рассматривается влияние занятий спортивным ориентированием на развитие познавательных процессов, а именно: внимания, памяти и мышления – у младших школьников с задержкой психического развития.

Ключевые слова: задержка психического развития, спортивное ориентирование.

Практическое отсутствие полностью здоровых детей, значительное увеличение количества детей с задержкой психического развития диктуют необходимость поиска новых путей для выхода из этой ситуации. Средства спортивного ориентирования могут значительно повлиять и на физическое, и на психическое развитие младших школьников.

Задержка психического развития (ЗПР) – это незрелость психических функций, вызванная замедленным созреванием головного мозга под влиянием неблагоприятных факторов. Основой ЗПР является замедление темпа созревания лобных отделов головного мозга, которое вызывается нарушением их питания. Замедленный темп созревания приводит к частичному нарушению психического развития, без грубых органических повреждений и с минимальной функциональной недостаточностью. Причиной ЗПР может стать педагогическая запущенность детей, пребывание с момента рождения в условиях неблагополучной семьи, дома ребенка. Наиболее ярко симптомы ЗПР проявляются в младшем школьном возрасте, когда ребенок осуществляет переход к сложным и опосредованным формам деятельности.

Исследователи отмечают, что дети с ЗПР составляют 5,8% всех учащихся начальной школы и около 50% среди неуспевающих младших школьников [1]. Однако при правильно организованной работе с такими детьми они в состоянии успешно обучаться в общеобразовательной школе, но начальная школа – самый трудный этап для детей с ЗПР, и это тот временной отрезок, когда важно не опоздать, вовремя оказать помощь.

И. Н. Шевлякова подчеркивает, что при отсутствии коррекционной педагогической помощи различия между детьми с ЗПР и нормально развивающимися детьми с возрастом становятся все более явными, что приводит к изоляции от сверстников, различным формам «ухода», компенсации невротического и асоциального характера [2].

Уровень обучения и воспитания в школе в значительной степени определяется тем, насколько педагогический процесс направлен на психологию возрастного и индивидуального развития ребенка. Это предполагает психолого-педагогическое изучение школьников, особенно младших классов, с целью выявления индивидуальных вариантов развития. Для обучения детей с ЗПР в школе используется специальная упрощенная учебная программа. Недостаточная разработка корректирующих программ, трудности с индивидуальным подходом к каждому ученику делают работу в этом направлении актуальной и необходимой. Физическое совершенствование приводит к улучшению психического состояния человека, повышению работоспособности и уменьшению утомляемости. Физическая активность благотворно влияет и на интеллектуальное развитие. Помочь школьникам адаптироваться к учебной деятельности с помощью программы начального обучения спортивному ориентированию, скорректировать психическое развитие младших школьников с ЗПР – цель данной работы.

Спортивное ориентирование – это вид спорта, которым могут заниматься дети разного уровня физического развития без перегрузок и потери интереса к занятиям. К особенностям

ориентирования относятся: наиболее органическое сочетание в нем физического и умственного начал, исключительная эффективность его как способа снятия нервных перегрузок, а также физкультурно-оздоровительного средства для людей всех возрастов.

Психологическую структуру спортивного ориентирования составляют такие познавательные процессы, как восприятие, воображение, память, внимание, мышление. В процессе ориентирования восприятие окружающей местности протекает в форме наблюдения – сознательного, преднамеренного, планомерного, активного процесса. В ориентировании развивается воссоздающее воображение – умение представлять незнакомую местность по отвлеченным условным знакам на карте, опираясь на образы, сохранившиеся в памяти от прошлого опыта.

Наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление взрослого – это последовательные ступени онтогенетического развития. Наглядно-действенное мышление постепенно выделяется из практической деятельности ребенка и принимает форму специальных пробующих действий. К числу важных условий возникновения наглядно-образного мышления Н. Н. Поддьяков относит формирование у детей умений различать план реальных объектов и план моделей, отражающих эти объекты и позволяющих ребенку представить себе скрытые стороны ситуации [3]. Дети научаются оперировать образами произвольно, актуализируя их. Развитие наглядно-действенного и наглядно-образного мышления осуществляется в тесной связи с формированием логического мышления.

Все эти виды мышления осуществляются в деятельности ориентировщика. Для младших школьников с ЗПР развитие мышления проходит в соревновательно-игровой обстановке, характерной для обучения ориентированию и наиболее адекватной для детей. При этом проговаривание на начальных этапах вслух, а в дальнейшем «про себя» каждого последующего действия ведет к постепенному развитию словесно-логического мышления. По теории П. Я. Гальперина все психические акты человека формируются или могут быть сформированы в следующем порядке. Сначала они складываются как действия с внешними предметами или их заместителями в виде карточек с изображениями, затем эти процессы переводятся в план громкой речи, откуда потом они переходят во внутреннюю речь, а далее превращаются, автоматизируясь, в собственно внутреннюю деятельность [4].

В ориентировании строго фиксируются следующие мыслительные операции:

1. Нахожу на карте точки старта и КП 1 (контрольный пункт).

2. Оцениваю местоположение КП, нахожу ближайшую к нему привязку.

3. Приблизительно определяю рациональный путь к привязке, при этом первым делом обращаю внимание на попутные линейные и площадные ориентиры.

4. Выбираю опорные ориентиры и способы их достижения. И только тогда начинаю движение до привязки.

5. Уточняю по карте и легенде местоположение КП. Сравниваю объект, на котором стоит КП, с другими близлежащими объектами. Определяю их взаимное положение.

6. Выбираю способ выхода на КП от привязки [5].

Все эти мыслительные операции дети должны проговаривать вслух, затем, по мере научения навыкам ориентирования, переводить их во внутренний план, т. е. интерриоризировать.

Решение тактических задач основано на восприятии и переработке информации, сенсомоторном реагировании и интеллектуальных операциях, характеризующих оперативное мышление.

С. Казанцев считает, что человек способен в единицу времени обработать определенное количество единиц информации. Ясно, что с увеличением скорости бега количество единиц информации, приходящееся на определенное расстояние, будет уменьшаться. Спортсмен должен бежать, испытывая дефицит информации, что связано с определенным риском, либо уменьшать скорость бега для обращения к карте [6].

Т. Соколова в своей работе отмечает, что от современного спортсмена-ориентировщика требуется комплексное владение техникой абстрагирования рисунка карты и выделение из

нее главных опорных ориентиров, умение быстро представить, оценить характер и надежность каждого из них, выбрать наиболее рациональный путь между ними [7]. В. А. Акимов говорит, что у квалифицированных спортсменов изображение карты и представление о местности сливаются в единое целое. Спортсмен, глядя на карту, видит ее как конкретную местность, глядя на местность, он представляет ее в виде картографической схемы.

Ориентирование – это активная деятельность всего организма: длительный бег, до двух часов, при этом на отдельных участках работа в максимальном режиме; это прыжки, лазание, лыжи и так далее. Но доступно оно для детей с любым уровнем подготовки, так как только сам спортсмен выбирает наиболее подходящий для его возможностей и умений темп движения. Так как основой ЗПР часто является замедление созревания лобных отделов головного мозга, вызываемое нарушением их питания, то двигательная активность, которая в ориентировании чаще всего происходит в парковой или лесной зоне, будет заметно сказываться на снабжении мозга кислородом и улучшении его питания.

При обучении спортивному ориентированию используются игровой и соревновательный методы, наиболее подходящие для данного возрастного периода. Младший школьный возраст является сензитивным для развития познавательных процессов. Любая спортивная деятельность, а особенно спортивное ориентирование, приводит к улучшению физического и психического состояния ребенка и благотворно влияет на интеллектуальное развитие.

Основой соревновательной деятельности в ориентировании является бег по пересеченной местности и поиск контрольных пунктов с помощью компаса и карты. Выбор маршрута передвижения по незнакомой местности обусловлен наличием информации, получаемой из карты данной местности. С помощью карты ребенок планирует путь передвижения, выбирая оптимальный вариант, определяет свое местонахождение, сличая местность с картой. Перемещение в пространстве связано с необходимостью определять расстояние и направление движения и сохранять направление с большой точностью. Огромное многообразие соревновательных ситуаций заставляет спортсмена искать свои пути решения возникающих проблем. Спортивное ориентирование позволяет научить оценивать свои физические и умственные возможности.

Гипотеза исследования: уровень развития внимания, памяти и мышления у младших школьников с ЗПР, занимающихся спортивным ориентированием, будет выше, чем у школьников с ЗПР, занимающихся общей физической подготовкой.

Задачи исследования:

1. Оценить уровень развития внимания, памяти и мышления у детей с ЗПР.

2. Разработать программу начальной подготовки по спортивному ориентированию для младших школьников с ЗПР.

3. Экспериментально апробировать и теоретически обосновать эффективность программы начального обучения спортивному ориентированию младших школьников с ЗПР.

В качестве методов исследования применялись: анализ научно-методической литературы, метод поперечных срезов, психодиагностическое тестирование, последовательный эксперимент, методы математической статистики.

Организация исследования. Исследование проводилось в четвертых классах школы-интерната № 2 и в четвертых классах общеобразовательной школы № 120. Выборочная совокупность составила 60 человек – дети младшего школьного возраста (10–11 лет). Для проведения эксперимента выборка была произвольно разделена на экспериментальную и контрольную группы. Дети без ЗПР были тестированы для определения условной нормы.

Обучение в общеобразовательной школе в классе с ЗПР и в школе-интернате ведется по одинаковым типовым программам, что исключает влияние на психическое развитие учебной программы как дополнительного фактора. С контрольной группой один раз в неделю дополнительно занимались общей физической подготовкой.

Программа начального обучения спортивному ориентированию состояла из 25 занятий по 60 мин. Эксперимент проходил с ноября 2007 по май 2008 г., занятия проводились один

раз в неделю. В программе использовались специализированные задачи и упражнения спортивного ориентирования [8].

Анализу подвергались результаты поперечных срезов экспериментальной и контрольной групп до и после эксперимента. Так как методики исследования психических процессов разработаны для детей с нормальным развитием [9], то для диагностики психических процессов у детей с ЗПР использовалась индивидуальная форма обследования.

Результаты исследования.

Анализ результатов первичного психологического тестирования показал, что уровень развития переключения, устойчивости, избирательности внимания, объем кратковременной памяти, уровень развития зрительной оперативной и непроизвольной памяти у младших школьников с ЗПР значимо ниже уровня развития этих свойств у школьников общеобразовательной школы. Между контрольной и экспериментальной группами достоверных различий не обнаружено.

Особенностями интеллектуальных способностей младших школьников с ЗПР являются: неполное, незавершенное переключение внимания; низкий уровень устойчивости внимания; низкий уровень избирательности внимания; небольшой объем кратковременной памяти; невысокий уровень развития зрительной оперативной памяти; низкая продуктивность непроизвольного запоминания, невысокий уровень наглядно-логического и образного мышления

К трудностям проведения эксперимента можно отнести то, что дети с ЗПР очень часто болели и в связи с этим пропускали занятия. Поведение детей из неблагополучных семей отличалось неконтролируемостью, неусидчивостью, нетерпеливостью, вспышками негодования из-за того, что что-то не получается.

К окончанию эксперимента поведение таких детей значительно улучшилось, они могли спокойно и внимательно выслушать объяснение тренера и даже сами помочь тем, у кого возникали проблемы с пониманием.

Анализ результатов повторного тестирования показал, что уровень развития свойств памяти и внимания повысился, увеличился объем кратковременной памяти. Различия между экспериментальной и контрольной группами имеют статистически достоверную значимость по переключению и устойчивости внимания, по объему кратковременной памяти (на слова и на числа). Сравнительные результаты исследования особенностей переключения внимания у школьников экспериментальной и контрольной групп до и после эксперимента с помощью таблиц Шульте представлены на рис. 1 и 2. Сравнительные результаты исследования устойчивости внимания до и после эксперимента по методике Рисса «Перепутанные линии» представлены на рис. 3 и 4. Сравнительные результаты исследования особенностей памяти по методикам Лурии и Векслера у экспериментальной и контрольной групп до и после эксперимента представлены на рис. 5 и 6.

Выводы.

1. Уровень развития переключения, устойчивости, избирательности внимания, объем кратковременной памяти, уровень развития зрительной оперативной и непроизвольной памяти у младших школьников с ЗПР, уровень наглядно-логического и образного мышления значимо ниже уровня развития этих свойств у младших школьников общеобразовательной школы. Уровень развития перечисленных свойств у экспериментальной и контрольной групп до эксперимента значимо не различался.

2. Программа начального обучения спортивному ориентированию младших школьников была составлена с учетом особенностей развития детей с ЗПР.

3. Значимые различия между экспериментальной и контрольной группой после эксперимента доказывают эффективность программы начальной подготовки по спортивному ориентированию.

Таким образом, средства спортивного ориентирования могут использоваться в качестве корректирующей программы для детей младшего школьного возраста с ЗПР или как средство психического развития детей. Включение спортивного ориентирования в школьную программу по физической культуре не только для школьников с ЗПР, но и для школьников общеобразова-

тельной школы позволит физически развить детей, поднимет их интерес к занятиям физической культурой и поможет развивать важнейшие психические функции детей.

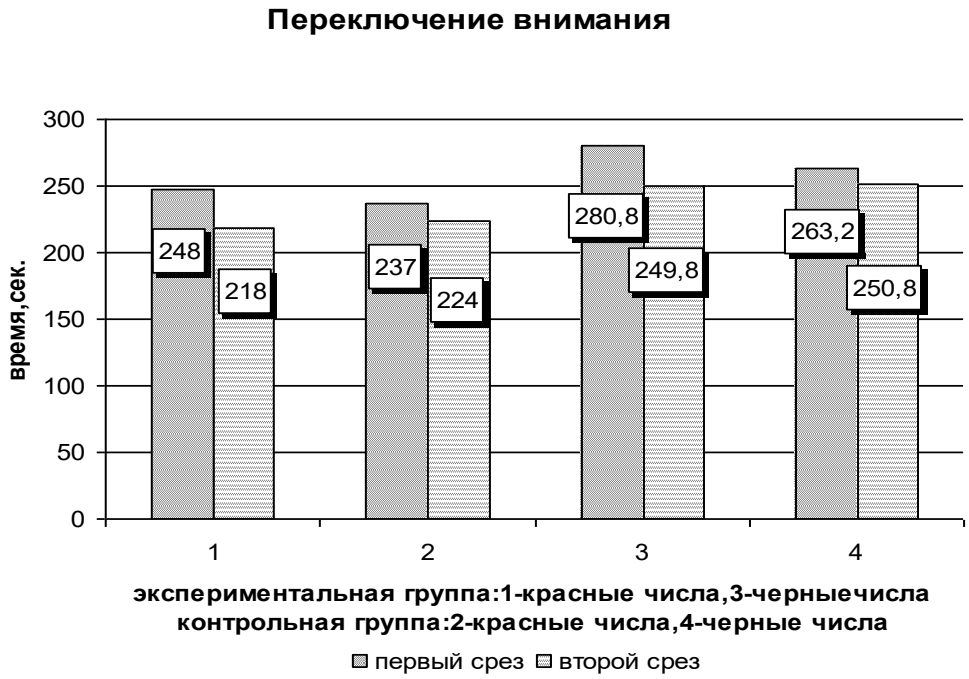


Рис. 1. Сравнение средних значений времени выполнения тестовых заданий с красными и черными числами

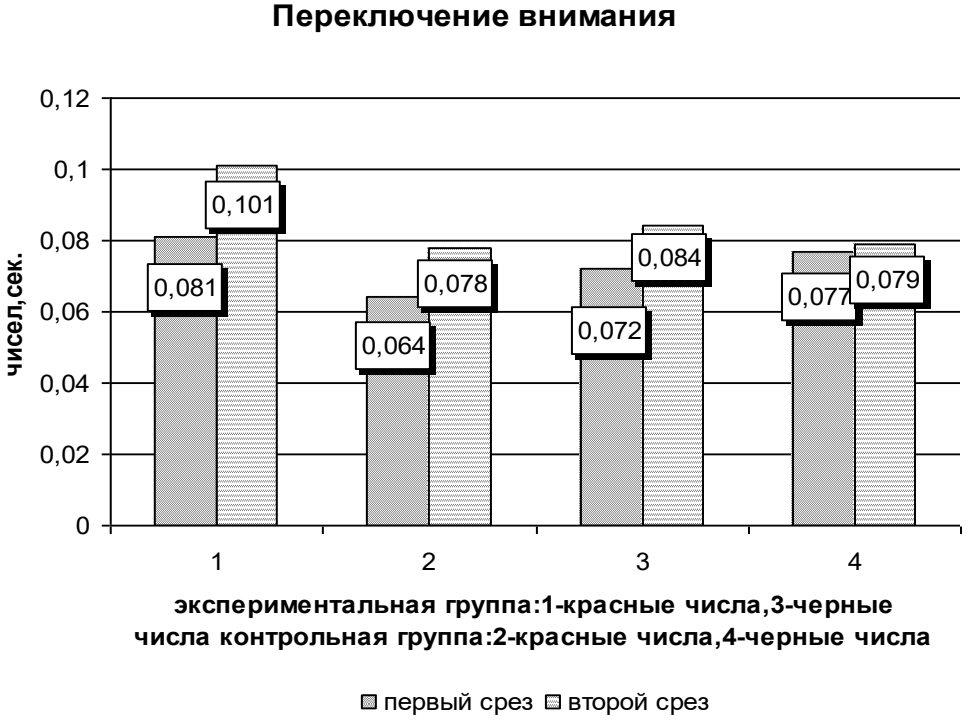


Рис. 2. Сравнение средних значений скорости выполнения тестовых заданий с красными и черными числами

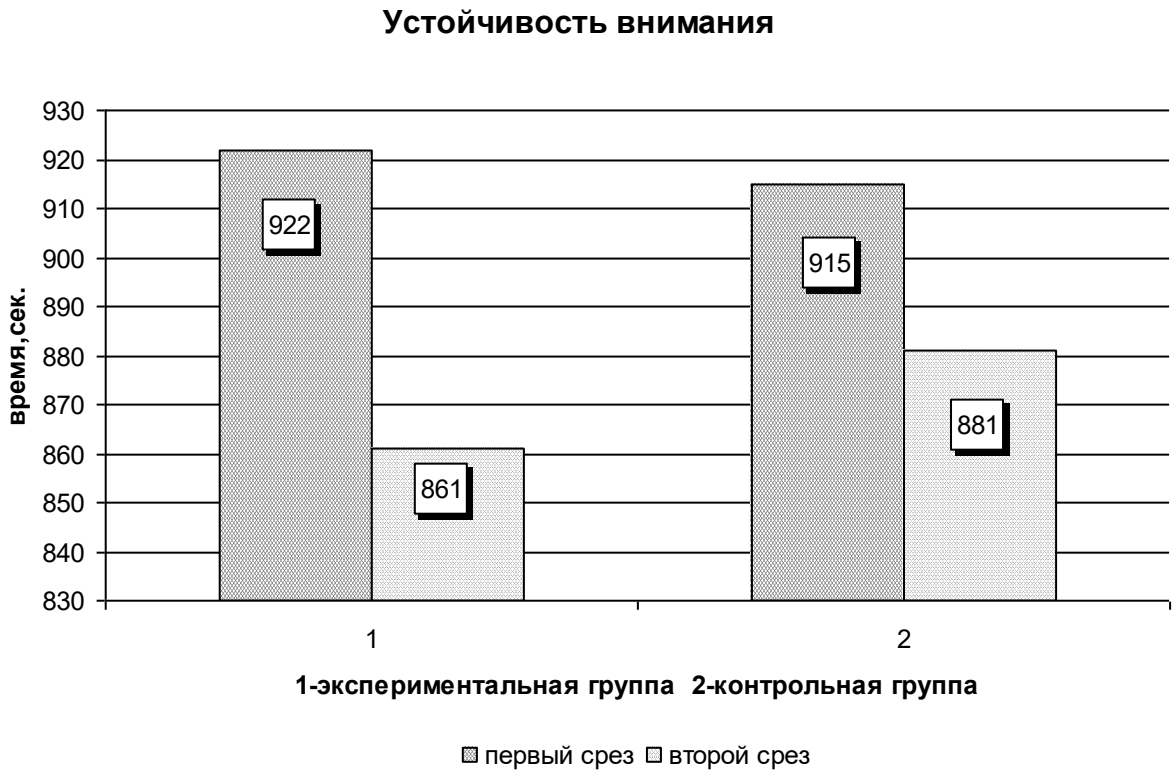


Рис. 3. Сравнение средних показателей времени выполнения задания по методике «Перепутанные линии»

Рис. 4. Сравнение средних показателей количества правильных ответов

по заданиям методики «Перепутанные линии»

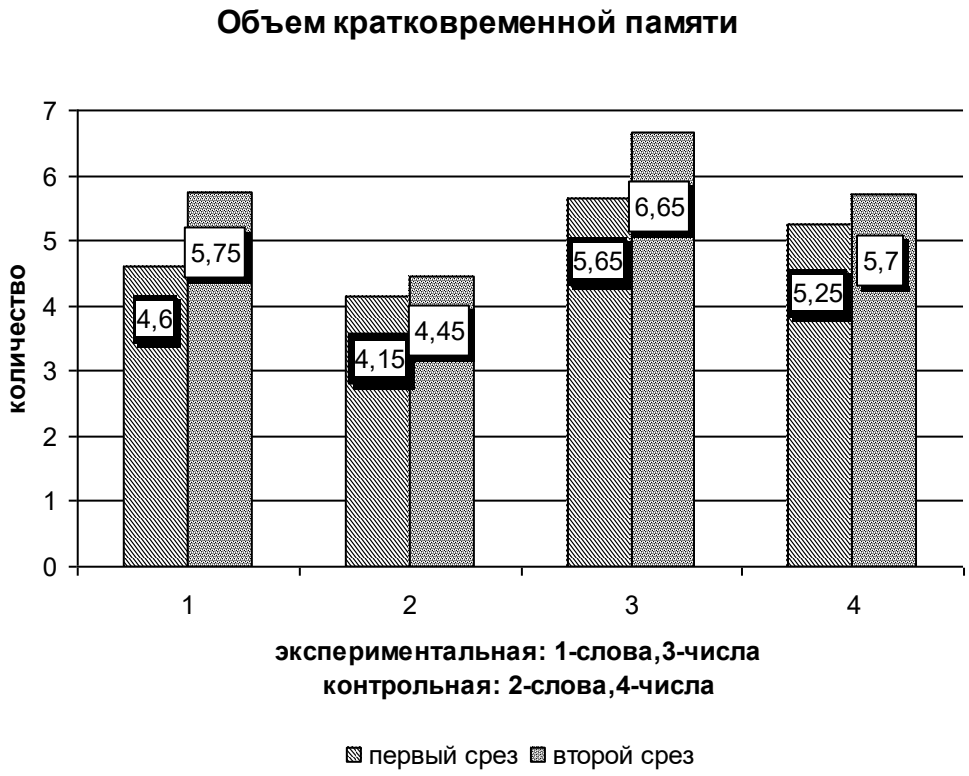


Рис. 5. Сравнение средних показателей объема кратковременной памяти на слова и на числа

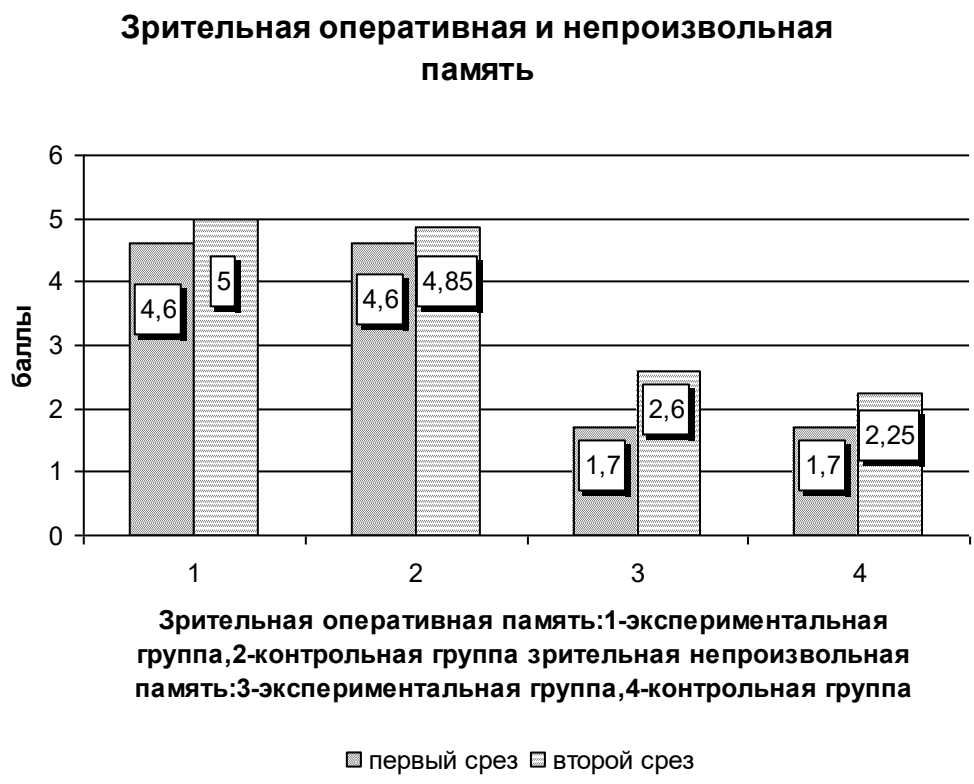


Рис. 6. Сравнение средних значений в баллах

зрительной оперативной и непроизвольной памяти

Библиографический список

1. Саенко, Ю. В. Специальная психология : учеб. пособие / Ю. В. Саенко. – М. : Академический Проект, 2006. – 182 с.

2. Шевлякова, И. Н. Посмотри внимательно на мир: программа коррекции и развития зрительного восприятия и пространственного мышления у детей младшего школьного возраста / И. Н. Шевлякова. – М. : Генезис, 2003. – 96 с.

3. Кисова, В. В. Практикум по специальной психологии / В. В. Кисова, И. А Конева. – СПб. : Речь, 2006. – 352 с.

4. Тихомиров, О. К. Психология : учебник / О. К. Тихомиров ; под ред. О. В. Гордеевой. – М. : Высшее образование, 2006. – 538 с.

5. Иванов, Е. И. Начальная подготовка ориентировщика / Е. И. Иванов. – М. : ФиС, 1985. – 159 с.

6. Казанцев, С. Интегральная подготовка спортсменов-ориентировщиков / С. Казанцев // Азимут. – 2004. – № 1. – С. 36–37.

7. Мальчиков, А. В. Анализ эффективности аудиторных методов развития специальных интеллектуальных способностей к работе с картой у юных спортсменов-ориентировщиков / А. В. Мальчиков, Т. М. Соколова // Азимут. – 2003. – № 3. – С. 42–43.

8. Огородников, Б. И. Сборник задач и упражнений по спортивному ориентированию / Б. И. Огородников, А. Л. Моисеенков, Е. С. Приймак. – М. : Физическая культура и спорт, 1980. – 72 с.

9. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии : учеб. пособие / В. Д. Балин [и др.] ; под общ. ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – СПб. : Питер, 2000. – 560 с.

© Майоркина И. В., 2010

Автор статьи – **Ирина Владимировна Майоркина**, доцент кафедры физического воспитания ОмГУ им Ф. М. Достоевского, maioririna62@gmail.ru или maioririna@mail.ru.

Рецензент – Л. М. Иванова, доцент кафедры физического воспитания ОмГУ, кандидат психологических наук.

УДК 316.6

А. В. Овруцкий
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассмотрены теоретические основы и практические исследования социологии потребления. Показано, что потребление детерминируется различными социальными феноменами: культура, гендер, возраст, социальные группы. Рассмотрены микросоциологический и макросоциологический уровни анализа потребления. На микросоциологическом – потребление анализируется как процесс формирования идентичности. На макросоциологическом – как принцип социальной организации.

В теоретическом плане проанализирована концепция П. Бурдье: потребление есть структурированный и социальный процесс наращения и изменения объема и структуры капиталов. Потребление образует стили жизни и стили потребления, которые являются проявлениями габитуса.

Отмечено отсутствие в социологическом подходе общей теории.

Ключевые слова: потребление, социальная норма, культура, гендер, социальные группы.

В общем виде рамками социологического подхода являются социальные измерения потребления, понимание последнего как социального акта, эксплицирующегося в социальном пространстве и регулируемого, главным образом, социальными нормами.

По мнению немецкого исследователя Г. Висведе, социология потребления является относительно молодой отраслью социологии, в связи с чем она пока еще недостаточно целостна и не имеет устойчивых коррелятов между теоретическими построениями и эмпирическими исследованиями [1].

Автор выделяет четыре этапа в ее развитии. Начальный этап (50-е годы прошлого века) – большое количество историческо-морфологических исследований потребления, формулировка идеи «общества всеобщего благоденствия» (Riesman, Schulze, Featherstone). Второй этап (60-е годы) характеризуется эмпирическими исследованиями, проводимыми в основном в маркетинговой парадигме и для маркетинговых целей (Engel, Zaltman, Wiswede). Третий этап (70-е годы) – это время расцвета потребительской социологии, ее оформления в самостоятельную область (Hörning, Hillman, Wiswede, Scheuch, Scherhorn). Наконец, четвертый этап (80–90-е годы) – «второй расцвет», возрождение потребительской социологии, когда происходит разработка категории «потребительская культура» (различные толкования), а также появляются многочисленные социологические концепции образа жизни, дифференцируемые через потребительские стили [1].

Отечественный исследователь В. В. Радаев считает, что социология потребления была относительно развитой отраслью советской социологии, которая в постсоветский период эволюционировала в направлении исследования в области стилей жизни новых социальных групп, разработки и измерения индекса потребительских настроений, а также появления первых учебных пособий по социологии потребления [2, с. 101]. Автор также отмечает, что современная социология потребления активнейшим образом развивается в рамках прикладных

маркетинговых исследований (например, фирмами «Комкон», «Мониторинг-РОМИР», «GFK-Russia»), которые, к сожалению, по коммерческим причинам не попадают в академическую печать [2, с. 102].

Как указывает Н. Шнайдер, в социологическом контексте потребление является социальным действием, выполняющим многочисленные социальные и индивидуальные функции [3, с. 11]. По мнению Ф. Фукуямы, различия в экономическом и социологическом подходах к потреблению основаны на различном понимании экономистами и социологами рыночного обмена: в первом случае он понимается как некое имманентно присущее индивидам свойство, в то время как социологи со времен Э. Дюркгейма любое поведение рассматривают в рамках существования неэкономических социальных норм в качестве детерминант и регуляторов процесса [4, с. 204]. Рыночное равновесие – это идеальный фантазм экономистов, который противоречит если не самой логике общественного состояния, то социальной организации как таковой [5, с. 78].

Социальные факторы потребления разнообразны. По мнению П. Димаджио, их можно зафиксировать на двух уровнях социологического анализа [6, с. 56]. Первый (микросоциологический) предполагает рассмотрение потребления как процесса формирования идентичности. Здесь символические товары рассматриваются как ресурсы, при помощи которых люди конструируют свои идентичность и отношения с другими членами их символического поля (потребление символических объектов как маркеров идентичности). Автор также относит к этому уровню исследования социальных сетей, которые стали неформальной основой социальной структуры, а потребительская компетентность стала выступать как «условный пароль» [conversational tokens], принадлежности к определенной группе [6]. Иными словами, люди выбирают из множества потенциальных и дифференцированных благ те, которые позволяют им «наилучшим образом проявить себя» и выстроить отношения с желанными другими [6]. В этих рамках располагаются социальные исследования потребительской социализации и стратификации.

Второй подход (макросоциологический) рассматривает потребление как определяющий принцип социальной организации. Феноменология общества потребления является объектом исследования такого анализа. Однако можно предположить, что по масштабу обобщения и абстрагирования, а также по такому критерию, как полифакторность описательных и объяснительных схем, проблематика общества потребления скорее востребует социально-философскую методологию.

Г. Висведе выделяет пять основных проблем потребительской социологии: социальные условия поведения потребителя; взаимосвязь между поведением потребителя и социальной структурой; позиция потребителя на рынке; сигнализирующие и символически артикулируемые функции потребления, дающие доступ для понимания образов жизни; аспекты общества потребителей (приоритеты, ценностные изменения, структуры товаров, степень удовлетворения) [1].

М. Фезерстоун подчеркивает ведущее значение в потреблении коммуникации: коммуникация является первоначальным смыслом потребления [7, с. 84–85].

Особое положение в социологии потребления занимает французский социолог П. Бурдье, разработавший оригинальную социологическую концепцию потребления. Автор выходит за рамки рассмотрения потребления как атомарного процесса, детерминированного теми или иными социальными факторами. В его концепции потребитель осуществляет социально нормированную системную деятельность по наращиванию своих капиталов, главной функцией которых является получение максимальной власти и влияния. Причем каждый акт потребления разворачивается в рамках культурных правил, следование которым придает актам потребления легитимность [8].

Автор выделяет три группы капиталов: экономический капитал (материальные блага), культурный капитал (культурный уровень, образование), социальный капитал (семья, друзья, церковь, клубы, принадлежность к какой-либо сети и т. д.) и символический капитал как раз-

новидность социального (авторитет, репутация) [9]. «Первичные различия, дифференцирующие большие социальные классы, обусловлены «общим объемом капитала» (экономическим, культурным, социальным), понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться…» [9, с. 25].

Как указывает П. Бурдье, различия, основанные на общем объеме капитала, почти всегда скрыты, как для обыденного, так и для «научного» познания, однако можно фиксировать некие «вторичные» отличия, а именно структуру активов капиталов, дифференцирующих подклассы [9, с. 25–26]. Эта структура может быть симметричной (как в случае либеральных профессий, где высокий уровень доходов сочетается с большим культурным капиталом) или асимметричной (как у преподавателей вузов или владельцев частных предприятий, характеризующихся доминирующим типом капитала: культурным – в первом случае, экономическим – во втором).

Целостность феномена потребления, по П. Бурдье, определяется не только интенциональностью любого потребительского акта, но и свойством потребительских актов образовывать некую совокупность, обозначаемую им как стиль. Стили жизни функционируют в символическом поле, а социальные группы формируют свои собственные специфические стили жизни. Практики одного и того же агента и, более широко, практики всех агентов одного и того же класса образуют некое родство стиля [9, с. 28]. Перефразируя П. Бурдье, можно сказать, что потребление становится социальным ритуалом, демонстрирующим социуму определенный стиль жизни субъекта, а сами стили жизни детерминированы социальной структурой общества.

П. Бурдье раскрывает понятие «вкус» как систему классифицирующих схем, «практического оператора» преобразования вещей в отличные и отличительные знаки, обозначающие социальное положение потребителя [9, с. 29].

Стили жизни распределяются на вертикальной шкале от низших классов к высшим, причем трансляция стилей жизни не обязательно идет сверху вниз. Например, потребление пива, которое первоначально считалось напитком «для народа» (в Европе была широко распространена пословица «Пиво – это вино для бедных»), в XX в. становится характерным и для высших слоев общества. Полагаем, что это стало результатом маркетинговых действий – а именно, создания премиум и суперпремиум-брендов пива.

Еще един пример связан с потреблением культурных продуктов – потреблением высшими слоями общества джаза, который ранее считался «вульгарным» и «низкопробным».

По-мнению П. Бурдье, в обществе ведется постоянная борьба за легитимизацию и повышение статуса той или иной классовой культуры (повышение стоимости культурного капитала), в связи с этим в современных обществах возрастает значимость культурного потребления.

При дефиците символических средств, т. е. отсутствии достаточных ресурсов, включая знания социальной семантики (какие потребительские товары и как могут наращивать те или иные капиталы), потребление может развиваться в количественной прогрессии как простое количественное наращивание приобретаемого.

С другой стороны, дефицит экономического капитала приводит к действиям по компенсации этого дефицита. Например, С. А. Ушакин ссылается на результаты исследования Б. Гринберг, в котором было выявлено, что потребление «высокого искусства» среди общенациональных групп американских ценителей искусства наиболее интенсивно для тех, кто, занимает очень престижные должности, но имеет сравнительно низкий уровень дохода [10].

Еще одна оригинальная категория концепции П. Бурдье – это габитус, под которым понимается определенная ментальная система социальных практик и вкусов, детерминирующая поведение, включая потребительские практики, и на основе которой происходит интерпретация социального мира [9, с. 27]. Габитус подобен почерку, индивидуальной манере писать буквы, например, аскетический этос, который, согласно ожиданиям, будет всегда выра-

жаться в бережливости, в определенном контексте может проявиться в том числе и как особая манера использования кредита. Стиль жизни является проявлением габитуса.

В подтверждении символической ценности потребительских товаров важную роль играют референтные группы [11, с. 183]. Например, потребители используют бренды как способ приближения к референтной группе [11, с. 28]. По мнению А. Г. Чадаевой, в рамках концепции «нового трайбализма» потребительскую группу можно описать как «потребительское племя» [12, с. 126]. Такая потребительская группа создает «идеального потребителя», с которым соотносит себя каждый ее член, а в системе «потребительских племен» бренд выступает в роли особой формы тотема, с помощью которого создается вся система социальных вне- и внутрикорпоративных отношений [12]. Связь человека с тотемом подкрепляется взаимными обязательствами: члены тотемной группы берут на себя обязанность оберегать и размножать тотем, а бренд как тотем становится ядром «потребительского племени», в структуру которого входит не только производящая компания, но и потребители бренда [12, с. 129].

Кроме концепции П. Бурдье высокой степенью эвристичности в социологических исследованиях потребления имеют, на наш взгляд, концепция социальных представлений С. Московиси и концепция фреймов И. Гофмана.

Социальные нормы потребления определяют не только качественные характеристики потребления. Например, потребление по временной шкале конкурирует с отдыхом и развлечениями и зависит от времени, затраченного на работу. Очевидно, что различные социальные классы имеют специфический профиль затрат времени на каждый из этих видов деятельности. Другими словами, в рамках социологического анализа возможно найти специфические характеристики стиля жизни различных социальных классов и групп по критерию затрат времени на работу, отдых и потребление.

Динамика этих показателей маркирует качественные изменения в социальной структуре. Так, социологические исследования показали, что рабочее время в Европе и Америке неуклонно снижается с конца XIX столетия вплоть до сегодняшнего дня: в 1871 г. рабочая неделя составляла 72 ч, в 1900 г. – 61 ч, а в 1913 г. – уже 55,5 ч [13, с. 84]. Сегодня рабочая неделя в странах ЕС составляет 35 ч при максимальном 13-часовом объеме сверхурочного времени дополнительно. Развлечения первоначально играли второстепенную роль и были возможными лишь как вознаграждения за хорошо выполненную работу [13]. Во второй половине XX в. отдых и развлечения стали неотъемлемой составляющей образа «достойной жизни» и потеряли свою причинно-следственную связь с работой, например, развлечения подростков являются в западном обществе нормированной обязанностью родителей.

К другим устоявшимся в рамках социологии потребления исследовательским факторам относим культуру, гендер, возраст и принадлежность к социальному классу. Гендер, на наш взгляд, это одно из самых важных социальных измерений потребления. Многочисленные исследования проведены в этом направлении. Отметим в качестве примера исследования немецких социологов, выявивших различия в принятии решений о потреблении мужчин и женщин в традиционных и нетрадиционных семьях [14, с. 458]. В общем виде в рамках гендерных исследований потребления показано, что мужчины являются доминирующим началом в вопросах финансового менеджмента и сберегательном поведении семьи, а также относительно потребления сложных электрических товаров, в то время как женщины, как правило, чаще принимают решения относительно повседневного потребления (предметов домашнего обихода) [15].

Анализируя гендерные дифференциации в потреблении, П. Бурдье указывает, что эта оппозиция обнаруживается во всех «телесных практиках» (а также в дискурсах), особенно в самых на вид незначительных, которые в этом качестве служат «памяткой, хранящей самые глубинные ценности группы, ее наиболее фундаментальные «верования» [9, с. 39].

Например, в среде французского рабочего класса рыба считается женской едой, не подходящей для мужчин, т. к. это легкая пища, диетическая (предназначена для больных и для

детей). Рыба вместе с фруктами (исключая бананы) принадлежит к категории той деликатной еды, с которой «не могут управиться руки мужчины»: рыбу требуется есть небольшими кусочками, слегка пережевывая, используя переднюю часть рта, на кончиках зубов (из-за рыбьих костей). Вся мужская идентичность (мужественность) ставится под вопрос в этих двух манерах питания: первая – кончиками губ и небольшими кусочками, как женщины, только которым и подходит ковыряться в тарелке; вторая – полным ртом, всеми зубами и большими кусками, как подобает мужчинам.

Анализ гендерного фактора в потреблении французского общества позволил П. Бурдье зафиксировать следующее различие: практически во всех социальных стратах женщины тратят на одежду больше, чем мужчины, а количество покупок увеличивается с ростом социального статуса потребителя [9, с. 45].

А отечественный исследователь С. А. Ушакин выдвинул гипотезу о том, что в периоды общественных трансформаций происходит смена лидирующей роли в потреблении от женщины к мужчине [10]. В проведенном исследовании потребительских репрезентаций современной России он показал, что лидером в потреблении становится мужчина, в отличие, например, от советского периода, где ведущая роль потребителя отводилась женщине.

Возраст – рассматриваем как второе по важности социальное измерение потребления. В качестве примера социологических исследований возрастных потребительских детерминант можно привести работы немецкого социолога Г. Нэгеле, посвященные анализу потребления пожилых людей [16, 17]. Ученым было показано, что пожилые люди в Германии являются достаточно специфической потребительской группой, характеризуемой особом стилем потребления, высоким уровнем гомогенности группы, а также высокой покупательской способностью.

В фокусе современных исследований потребления и различные социальные группы. Например, О’ Гуинн и др. приводят результаты сравнительных исследований потребления афроамериканцев, американцев латиноамериканского происхождения и англоамериканцев, показывающие, что приверженность к бренду у первых двух групп выше, чем у последней (эффект «марочного переключения») [11, с. 186].

На наш взгляд, развитие потребления в XX в. сформировало такой новый класс потребителей, как дети и подростки. Как указывают Дж. Хиз и Э. Поттер, в 1990-е гг. подростки массово влились уже и в современную индустрию роскоши [18, с. 213]. Так, в 2000 г. на руках американских подростков было сосредоточено 155 млрд долл. «карманных» денег, которые они могли тратить по своему разумению, что вызвало взрыв конкурентного потребления. Аналогичным образом был создан огромный потребительский рынок товаров и услуг для домашних животных.

По мнению Т.С. О’ Гуинн и др., американские рекламодатели в конце 70-х гг. открыли для себя работающих женщин, в 80-х гг. – потребителей афроамериканцев и латиноамериканцев, затем были признаны потребителями выходцы из Азии и совсем недавно геи и лесбиянки [11, с. 187].

Другими словами, с помощью маркетинговых технологий эти социальные группы были организованы сначала в рекламных образах, а затем мобилизованы как потребители.

Теоретической проблемой в рамках социологии потребления является проблематика культурных детерминант потребительского процесса. Как указывает П. Димаджио, наличие культурного элемента в потреблении давно признано всеми, за исключением разве что экономистов-неоклассиков [6, с. 51]. В рамках этих исследований подчеркивается роль потребительских товаров в системах культурных репрезентаций и классификаций. Например, А. Аппадураи утверждает, что предметы обладают «социальной жизнью» и с течением времени конструируются как товары, затем присваиваются, а в конечном счете в процессе использования персонализируются. Эти процессы обусловлены культурой, определяющей мир вещей. Система вещей агрегирует одни и дифференцирует другие товары, наделяет получившиеся

группы смыслами и ценностями и обеспечивает основу для правил и практик, регулирующих обращение этих вещей.

Рассмотрение потребления в процессуальном контексте предполагает выделение последовательных этапов. В концепции немецкого исследователя Н. Шнайдера выделяются четыре таких этапа: 1-й этап принятия решения, включающий актуализацию потребности и планирование покупки соответствующего товара; 2-й этап «рыночного заимствования»; 3-й этап применения или непосредственного потребления продукта и, наконец, 4-й этап утилизации отходов [3]. По мнению социолога, время потребления и потребительские переживания зависят от вида товара, например, в потреблении автомобиля эти четыре этапа занимают годы, а потребление в жаркий день кубика льда в мороженом пройдет за несколько минут [3, с. 11].

В порядке обобщения можно сделать следующие выводы. Социологическая методология позволяет вычленить и описать различные формы потребления, опосредованные социальными рамками и общественными ценностями. Социологический подход основан не на обменной симметрии экономической парадигмы, а на нормах социальной семантики. Потребление детерминируется различными социальными феноменами, между которыми возникают сложные отношения, образующие полифункциональное адаптационное поведение с выраженным социальным вектором.

На микросоциологическом уровне предполагается рассмотрение потребления как процесса формирования идентичности. В фокусе современных исследований потребления и различные социальные измерения: культура, гендер, возраст, социальные группы.

Макросоциологический – рассматривает потребление как определяющий принцип социальной организации. Так, в рамках макросоциологического анализа возможно раскрыть идеологическое содержание «зеленого» консюмеризма как социального дискурса, основанного на экологических и гуманистических приоритетах, раскрываемых через гармонию человека и природы, свободные и естественные отношения между людьми, эксплицирующиеся в потреблении исключительно органической пищи и безопасных веществ и товаров, утилизация которых не наносит ущерба экологии.

Использование социологической методологии позволяет обозначить проблемы современного общества потребления. В качестве главной проблемы можно назвать существенные диспропорции в потреблении, как на уровне мирового потребления, так и в рамках конкретных государственных образований. Первоначально предполагалось, что такие потребительские диспропорции будут сглажены в обществе товарного изобилия, однако они остаются, а в ряде случаев даже усугубляются.

В теоретическом плане выделим социологическую концепцию П. Бурдье, согласно которой потребление есть структурированный социальный процесс наращения и изменения объема и структуры капиталов, определяющих властный ресурс потребителя, соответствующий по своему содержанию и количественным параметрам нормам и правилам социального пространства. Структура капиталов и мотивационный вектор их наращивания, в свою очередь, детерминированы социальной структурой общества, которая предписывает потреблению такие функции, как идентификация, стратификация, манифестация властных ресурсов, а также структурирование и проявление социальной активности посредством использования стилей жизни.

Потребление, в концепции П. Бурдье, образует стили жизни и стили потребления, которые являются проявлениями габитуса – некой ментальной системы социальной семантики. В потреблении происходит одновременно и унификация, и различение: унификация потребительских норм своей социальной группы, стилеобразования образа жизни и потребления в первом случае и отстройка, дифференциация от иных социальных групп и потребительских норм и стилей жизни – во-втором. Вместе с тем, современный либерализм уменьшил силу и жесткость давления социальных норм на «чистоту вкусов», что вызвало феномен «потребительской всеядно-

сти», который существенно снижает объяснительный потенциал социологических теорий относительно потребления, приводит к диффузности социальной структуры.

Потребление в социологической парадигме начинает приобретать свойства эманации социума: потребление детерминируется социумом, по-сути, представляет собой присвоение знаков и символов социальности и нацелено на воздействие на социум. Используя терминологию В. В. Радаева, можно определить социологический подход к потреблению как «пересоциализированное потребление» «пересоциализированного потребителя», в отличие от «недосоциализированного потребителя» в экономике. Следует, однако, отметить отсутствие в социологическом подходе стержневого вектора, общетеоретической базы, в рамках которой и развивался бы подход к анализу потребления.

Библиографический список

1. Wiswede, G. Konsumsoziologie – eine vergessene Disziplin / G. Wiswede // Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / D. Rosenkranz, F. (Hg) Schneider. – Opladen : Leske und Budrich, 2000. – S. 23–72.

2. Радаев, В. В. Экономическая социология в России: становление и развитие / В. В. Радаев // Экономическая социология [Электронный ресурс]. – Т. 5. – № 3. –Май. – 2004. – С. 94–110. – Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru.

3. Schneider, N. F. Konsum und Gesellschaft / N. F. Schneider // Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / D. Rosenkranz, N. Schneider. – Opladen : Leske und Budrich, 2000, S. 9–22.

4. Фукуяма, Ф. Великий разрыв. – Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2003. – 474 с.

5. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция, Республика, 2006, – 269 с.

6. Димаджио, П. Культура и хозяйство / П. Димаджио // Экономическая социология [Электронный ресурс]. – Т. 5. – № 3. – Май. – 2004. – С. 45–66. – Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru.

7. Featherstone, M. Consumer Culture And Postmodernism / M. Featherstone. – London/Newbury Park/New Delhi : Sage Publications, 1991. – 151 p.

8. Бурдье, П. Рынок символической продукции / П. Бурдье // Вопросы социологии. – 1993. – № ½. – С. 49–62.

9. Бурдье, П. Различения: социальная критика суждения / П. Бурдье // Экономическая социология [Электронный ресурс]. – Т. 6. – № 3. – Май. – 2005. – С. 25–48. – Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru.

10. Ушакин, С. А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита / С. А. Ушакин // Социологический журнал. – 1999. – № 3–4. – С. 187–214.

11. О'Гуинн Т. С. Реклама и продвижение бренда. – Пер. с англ. / Т. С. О'Гуинн, К. Т. Ален, Р. Дж. Семеник. – СПб. : Нева, 2004. – 656 с.

12. Чадаева, А. Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления : дисс. … канд. культурологии / А. Г. Чадаева. – М., 2006. – 162 с.

13. Jäckel, M. Kochhan Notwendigkeit und Luxus. Ein Beitrag zur Geschichte des Konsums / M. Jäckel // Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / D. Rosenkranz, N. (Hg.) Schneider. – Opladen : Leske und Budrich, 2000. – S. 73–94.

14. Kroeber-Riel, W. Konsumentenverhalten / W. Kroeber-Riel, P. Weinberg. – Verlag : Vahlen, 2003. – 825 s.

15. Kirchler, E. Kaufentscheidungen im privaten Haushalt. Eine sozialpsychologische Analyse des Familienalltags / E. Kirchler. – Hogrefe Verlag, 1989. – S. 166.

16. Naegele, G. Konsumverhalten sozial schwacher alter Menschen. Möglichkeiten und Grenzen einer alternspezifischen Verbraucherpolitik / G. Naegele. –Bonn : Arbeitsgemeinschaft der Verbraucher – e.V. – 1977. – S. 51.

17. Naegele, G. Soziale Dienste für ältere Menschen / G. Naegele // Enzyklopädie der Gerontologie /A. Kruse & M. Martin (Hrsg.). – Bern : Huber, 2004. – S. 449–461.

18. Хиз Дж. Бунт на продажу. – Пер с англ. / Дж. Хиз, Э. Поттер. – М. : Добрая книга, 2007. – 456 с.

© Овруцкий А. В., 2010

Автор статьи – **Александр Владимирович Овруцкий**, докторант кафедры теоретической социологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: alexow1@yandex.ru.

Рецензент – В. Н. Коновалов, завкафедрой конфликтологии Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор.

УДК 338.24

О. А. Полюшкевич
Иркутский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье анализируются формы изменения социальной сплоченности российского общества с 1984 по 2008 г. Для выявления трансформации социальных представлений россиян автор использует контент-анализ и транссимволический анализ прессы.

По материалам: грант Президента РФ МК-385.2009.6, руководитель проекта – кандидат философских наук, доцент О. А. Полюшкевич; грант АВЦП Рособразования № 2.1.3/1260, руководитель проекта – доктор философских наук, профессор О. А. Кармадонов.

Ключевые слова: социальная сплоченность, контент-анализ, пресса.

Социальную сплоченность можно рассматривать как моральную ценность общества, как систему особого социального порядка, как систему взаимоотношений индивидов, но в любом случае особенностью России является то, что власть всегда выступает инициатором и проводником идей социальной сплоченности. Социальная сплоченность – интеграция и степень интеграции, проявляемые обществом или группой. Социальная сплоченность может быть вызвана различными мотивами (страхом, ненавистью, гордостью, любовью), но всегда направлена на совместное действие, выражение совместного мнения и пр.

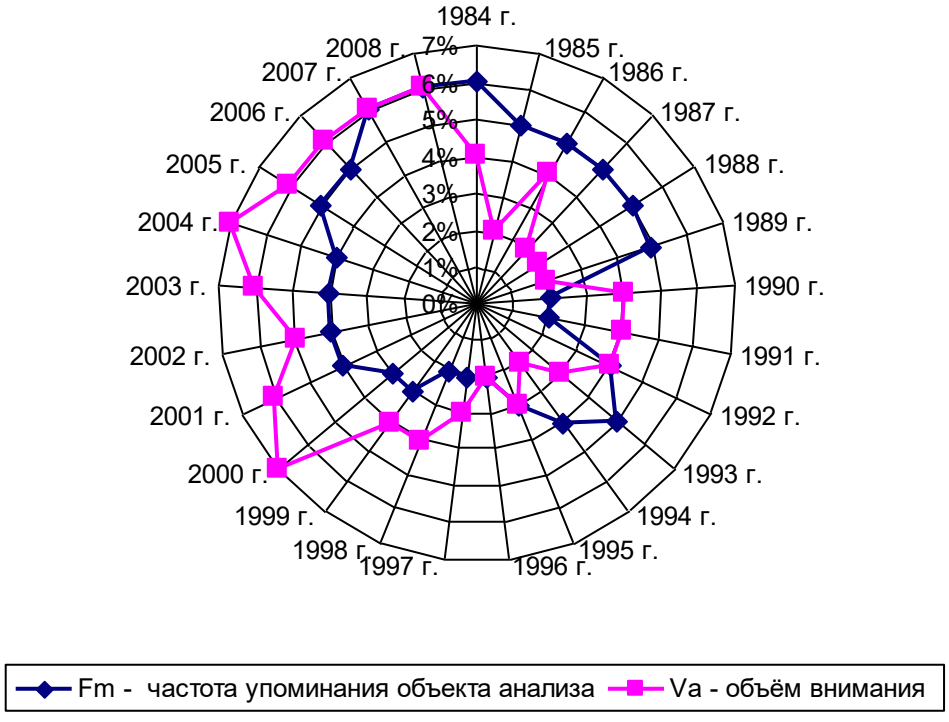
В повседневной практике социальная сплоченность проявляется через такие социально значимые формы, как забастовки, митинги, демонстрации, съезды, форумы, общественные акции и прочие формы выражения протеста или согласия с действиями властей, бизнеса и пр. Также мы относим к данному фактору различные формы «сочувствия» (в связи с войнами, терактами, природными катаклизмами (наводнениями, землетрясениями) и авариями), формы «единства народа» (на выборах, референдумах) и пр. Чем большее количество народа включено в вышеперечисленные формы проявления социального единства, тем более выражена социальная сплоченность населения, являющаяся одним из элементов социальной солидарности.

Для детального рассмотрения изменений социальной сплоченности были проанализированы тексты российских газет за последние 25 лет (исследование проводилось в 2009 г.). Рассмотрен массив газеты «Аргументы и Факты» с 1984 по 2008 г., всего изучено 1290 номеров. Выбор материалов этого издания был обусловлен его распространенностью и охватом различных социально-демографических групп (читательская аудитория газеты – около 8 миллионов человек).

Процедура отбора необходимого материала заключалась в использовании методики контент-анализа. Контент-анализ основан на единообразных стандартизированных правилах поиска, учета и подсчета количественных показателей, отражающих существенные смысловые стороны изучаемой категории «сплоченность». Исследуемые параметры: частота упоминания (вычислялась относительно общего массива исследуемых групп), объем внимания (вычислялся как производное от количества строк и печатных знаков данного сообщения, суммированное и выраженное в процентах к общему массиву), общий оценочный контекст (+/–). Категория «+» формировалась за счет информации позитивного, нейтрального и проблематично-сочувствующего характера, категория «–» за счет проблематично-осуждающей и негативной информации.

Помимо количественного анализа данных (через процедуру контент-анализа), мы применяли качественный анализ (транссимволический анализ – ТСА). ТСА направлен на выявление символических характеристик изучаемых категорий через когнитивные, аффективные и деятельностные символы. Подробнее описание метода ТСА и примеры его использования в исследованиях [1].

С середины 80-х годов российское общество изменилось кардинально, начиная от особенностей восприятия социально-политического развития страны и заканчивая личными ментально-психологическими смыслами своей жизни и жизни своей семьи. Эти изменения происходили не в одночасье. Каждый год привносил свою лепту в изменение советского человека, делая его российским человеком. Менялись и социальные представления населения о целях и идеалах общества. Анализ объема и частоты внимания категории «сплоченность» показывает, что интерес к данной категории был не всегда устойчив. Частота внимания была более стабильна (чаще упоминали), нежели объем внимания (в разные годы объем был разный) (см. рисунок).



Частота упоминания и объем внимания категории «сплоченность»

с 1984 *по* 2008 г.

Объем внимания с 1984 по 1999 г. был относительно стабильным и варьировался от 2% до 4%. Причем до 4% он доходил в 1984, 1986, 1990, 1991, 1992, 1998, 1999 гг. Казалось бы, одинаковые показатели, но мотивы появления их в каждый анализируемый год были свои.

В 1984 г. объем внимания категории «сплоченность» был обусловлен влиянием из прошлого, когда сплоченность нации выражалась в «обеспечении», «укреплении», «сплочении», «объединении» народов (слова взяты из символических триад). Сплоченность народа – это одно из условий достижения светлого социалистического будущего. Сплоченность общества выражалась в таких категориях, как *«единство – братское – обеспечивает», «народ – сплоченный – трудится», «съезд – объединяющий – укрепляет».*

В 1984 г. доминировал идеолого-политический контекст, т. е. сплоченность – это всегда результат политической воли, умноженной на одобрение и поддержку народа (в силу уже сформированных и постоянно подкрепляемых установок поведения). Сплоченность населения выражалась в полной готовности следовать предписаниям властных структур, хотя мотивы этой готовности были весьма разнообразны – от страха до поклонения и восхищения.

1986 г. ознаменован активизацией перестройки, сплоченность народа отражала готовность к переменам, готовность изменить свою жизнь здесь и сейчас, а не в непонятном и далеком будущем. Сплоченность проявлялась в отказе от старых образцов поведения, мышления, экономики и политики. 1986 г. стал краеугольным камнем изменения сознания, во многом благодаря переменам в жизни людей стала возможна смена власти в 90-х гг.

В 1990–1992 гг. наблюдается тот же объем внимания к категории «сплоченность». Это объясняется тем, что произошли кардинальные перемены в жизни страны, изменился политический режим, властные установки, появились новые лица на политической арене и пр. Но все эти изменения не стали бы возможными, не прояви население некую сплоченность если не в активном поддержании, то хотя бы в непротиводействии происходящим переменам. В предыдущие годы сформировалась готовность к переменам, сейчас – перемены наступили. Но оценка их была далеко не так однозначна. Если в 1990 г. население ждало чего-то лучшего, то уже к 1992 г. полученный результат радовал далеко не всех, т. к. наблюдался рост цен, забастовки, невыплаты по заработной плате и пр. Сплоченность стала проявляться в контексте недовольства существующим положением вещей.

В последующие годы (до 1998–1999 гг.) наблюдается небольшое падение интереса к данной тематике (до 2–3%). Это связано с тем, что объем внимания СМИ был сфокусирован на иных вещах. Возможно, тут проявилось влияние власти: когда нет позитивных, оптимистичных поводов и форм для сплочения народа, лучше избегать негативных, т. к. они приводят к крупномасштабным изменениям (революциям, восстаниям, войнам).

В 1998–1999 гг. стали подниматься темы о сплочении народа, о восстановлении былого единства, но это были единичные голоса отдельных личностей. Однако уже одно это позволило изменить восприятие данной категории в массовом сознании и способствовало более открытому принятию идей, исходящих от власти, в последующие годы.

После прихода к власти в 2000 г. В. В. Путина интерес к данной категории стабилен, устойчив и неизменен (5–7%). Пики наблюдались в период предвыборных кампаний (в 2000 и в 2004 гг.). В. В. Путин в своей предвыборной и повседневной работе на посту Президента РФ всегда акцентировал внимание на необходимости формирования идей, форм, мотивов и целей сплочения российского населения. Это являлось одним из главных фактов направленности его политики.

Анализируя частоту упоминания категории «сплоченность», можно сказать следующее. Начиная с 1984 по 1989 г., частота упоминания была стабильной (5–6%). Тут реализовывалась стратегия еще советского человека, воспитанного по советским правилам и идеалам, поэтому о единстве и общности было просто «принято» говорить.

В 1990–1991 гг. наблюдается резкое уменьшение частоты обращения к данной проблематике (2%). При большом объеме внимания частота встречаемости в прессе не так уж и велика. Это говорит о том, что о сплоченности говорили в критические моменты, когда необходимо было проявление воли населения (выборы, смена власти), а в другие моменты сплоченность (не контролируемая властью) может быть опасна для самой же власти. В моменты кризисных изменений может быть вдвойне опасна. Так что разница между объемом внимания и частотой упоминания в данный период весьма оправдана и понятна.

В 1992–1994 гг. постепенно возрастал интерес в виде более частого упоминания (4–5%) к проблемам сплоченности. Хотя в этот момент наблюдаются наиболее низкие показатели по объему внимания к данной категории. Были «поводы» для упоминания о сплоченности, но особо размышлять над ними (формировать объем) не было условий и возможностей. Это говорит о том, что власть частично регулировала тематику и направленность СМИ. Хотя у нас и была гласность, но все же любая информация должна быть строго нормирована и ограничена, чтобы в обществе не назревали серьезные недовольства, способные вылиться в неконтролируемые действия.

В 1995–2000 гг. – небольшой спад интереса к данной проблеме (2–3%). На наш взгляд, этот спад произошел потому, что накопилось критическое число негативных форм сплоченности и объединения людей против чиновников, бюрократов, преступности и пр. Проще погасить внимание к данным сообществам, не давая возможности осветить их деятельность в прессе.

С 2000 г. наблюдается устойчивое повышение внимания к категории «сплоченность» по частоте внимания (4–6%), так же как и увеличение объема публикаций на данную тему. Как уже говорилось выше, это связано с политикой В. В. Путина, направленной на сплочение нации вокруг идеи. Появились позитивные, легитимные способы реализации сплоченности населения, и увеличилось число и объем публикаций по данной тематике.

Таким образом, объем внимания и частота упоминания категории «сплоченность» в СМИ зависело от политической ситуации и регулирования социальной напряженности в стране.

На основе анализа изменений категории «сплоченность» выделяются определенные закономерности, связанные с социально-политическими и социально-экономическими трансформациями нашей страны.

Первый этап восприятия сплоченности приходится на 1984–1989 гг. Положительное освещение составляет от 90 до 98%. Сплоченность воспринималась как «единство», «сотрудничество», «содружество», т. е. отражала социально-идеологические предпосылки, проникающие во все сферы жизни общества (от семейных до профессиональных отношений, от личности до социального института). Например: *«единство – братское – обеспечивает», «народ – сплоченный – трудится», «союз – консолидирующий – защищает», «отношения – доверительные – сближают».*

Из указанных доминирующих триад видна та идеологическая составляющая, которая наполняла смыслом жизнь простых людей, создавала для них смысл, динамику и направленность жизни. И хоть уже наступили времена перестройки и начались кардинальные перемены в общественном сознании, старые условности жили в людях еще очень долго. Восприятие своей жизни не как отдельного уникального кусочка социальной реальности, а как кусочка единого пространства, объединенного незримыми целями, мотивами и установками определяло все поведенческие реакции людей. Начиная со школьной скамьи, ребенок включался в общественные организации – октябрят, пионеров, комсомол, в которых получал основные навыки, необходимые для «успешной» жизни. Тот, кто не входил в эти организации, воспринимался как «подозрительный», «не внушающий доверия», и его дальнейшая жизнь была в большей степени сопряжена с трудностями. Сформированные коммунистической идеологией установки действовали практически на бессознательном уровне.

В 1990–1991 гг. произошли кардинальные изменения. Положительное освещение составляет от 40 до 72%. В обществе стали обсуждаться не позитивные перспективы и реалии, как это было на предыдущем этапе, а конкретные негативные события, происходящие в те дни в стране. Например: *«народ – недовольный – консолидируется», «требования – единые – объединяют», «социальные проблемы – многоуровневые – сближают», «сплоченность – социальная – пошатнулась».*

Формы социальной сплоченности приняли совсем иной контекст. Если до 1990 г. сплоченность страны выступала на основе идеологических установок, то теперь она формируется как протест по отношению к старому порядку и желание установления нового. Люди готовы к переменам и к лучшей жизни в демократическом обществе. Но лучшая жизнь сразу после переворота не наступила, а как дальше жить было непонятно. Поэтому начались череда забастовок, требований к правительству, пересмотр многих элементов практически всех сфер жизни людей.

Старые, объединяющие население основы рушились на глазах, т. к. они были родом из иной системы, из иных отношений, которым не было места в нынешнем мире. 90-е породили в умах многих сумятицу и раскол. Представления о том, как надо, говорили одно, а реальность заставляла действовать совсем по иным законам.

С 1992 по 1999 г. продолжается обсуждение в СМИ в большей степени негативных социальных явлений: *«забастовщики – бедствующие – требуют», «проблемы – социальные – объединили», «бедность – подавляющая – сближает»*, но в то же время появляются публикации, направленные на обретение веры в будущее, опоры на свои силы и силы народа: *«единство – национальное – сближает», «борьба – патриотическая – объединяет», «религия – сближающая – сплачивает», «достоинство – национальное – объединяет», «единство – православное – развивает»* и пр. Положительное освещение – от 35 до 65%.

Доверие к институтам власти все больше падает. В противовес образуются социальные объединения, сплачивающие людей вокруг конкретных целей (патриотизма, национализма, религии). Эти объединения стали во многом основой формирования новых социально-культурных сдвигов, сплотивших население. Особенностью данного вида солидарности является то, что она построена не на личностно-индивидуальном желании человека объединиться, а скорее на массовом желании отдельных групп приобрести больший вес, статус в обществе, вернуть силу и значимость.

Данные идеи наиболее полно соответствовали подобным желаниям и возможностям (патриотические идеи объединяли тех, кто видел великую роль России и ее народа в спасении мировой культуры и всего культурного наследия; религиозные – объединяли тех, кто стремился к духовно-нравственному переосмыслению и возрождению русского народа и пр.).

В обществе в это время стали происходить социально-идеологические сдвиги. Если в советское время идеологическую компоненту несла партия, то в конце XX в. идеологическое начало социума стало формироваться снизу, когда стали возникать патриотические организации, вспоминались национальные корни, когда стала меняться государственная политика, пусть и ограниченно, но поддерживая социально-духовные, национально-культурные инициативы населения. Эти явления, на наш взгляд, заложили основу дальнейшего, более активного включения государства в данную работу после 2000 г.

С 2001 г. и по настоящее время наблюдается не только поддержка идей, направленных на преодоление трудностей и возрождение народного единства, но и активная включенность власти, т. к. объединение народа – одна из основных задач В. Путина, сейчас ее продолжает Д. Медведев. Это изменение заметно и на страницах анализируемых изданий: *«объединение – экономическое – отстаивает», «консолидация – стратегическая – реализует», «сотрудничество – дипломатическое – утверждает», «объединение – перспективное – укрепляет», «единство – молодежное – сближает», «коалиция – политическая – затягивает», «сотрудничество – политическое – решает», «единство – народное – возвышает».* Из этих триад

видно, что превалирующее значение имеет именно политическая составляющая, политическая воля, которая может сплотить народ. Социально-культурным предпосылкам, затрагивающим культурные ценности, активности молодежи и пр. отводится меньшая роль, чем на предыдущем этапе. Положительное освещение – от 50 до 90%.

Решения, поступки, мысли человека зависят не столько от внешних факторов, сколько от того, как он воспринимает внешние изменения и переносит их влияние на свою жизнь. В апреле 2008 г. Фонд общественного мнения проводил опрос на тему «Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе» [4]. Результаты позволяют сказать следующее: по мнению подавляющего большинства российских граждан (71%), сегодня в нашей стране среди людей «больше несогласия, разобщенности», и лишь 15% россиян оценивают ситуацию оптимистично – «больше согласия, сплоченности» (прочие затрудняются с ответом). Уровень взаимного доверия, солидарности, сплоченности в своем ближайшем окружении люди, как нетрудно догадаться, обычно считают более высоким, нежели в обществе в целом. Отвечая на вопрос: *«А если говорить о людях, которые окружают лично Вас, среди них сегодня больше согласия, сплоченности или больше несогласия, разобщенности*?», чуть более половины опрошенных (55%) сказали, что сплоченности больше. Но почти треть респондентов (31%) и в этом случае заявили, что разобщенность, несогласие превалируют.

Подавляющее большинство россиян не верят, что в трудную минуту получат помощь от институтов «большого общества» – «точки опоры» они склонны видеть лишь вблизи, в своем непосредственном окружении. Причем те, кто располагает определенными социальными ресурсами, крепче стоят на ногах, оценивают это окружение оптимистичнее, чем представители наименее обеспеченных слоев общества.

Аналогичные данные получили исследователи Института социологии РАН в исследовании 2007 г. Установка на взаимную поддержку, солидаризм, готовность к решению общих дел не получает пока достаточного распространения среди россиян, особенно среди активной части населения (молодежь, представители высоких и средних слоев) [3].

В этом смысле многие россияне, особенно молодое поколение, очень напоминают американцев, которые, по мнению К. Лэша, в отличие от европейцев, жертвуют солидарностью ради иллюзорной надежды на успех. «Они держатся за совершенно далекое от реальности представление об обществе, как лестнице, надеяться забраться вверх по которой может каждый, обладающий энергией и честолюбием. Хотя давно уже очевидно, что те, кто забрался по ней раньше, втянули лестницу за собой» [2]. Иными словами, государство, стремясь сформировать новые установки на ценностном уровне, забывает о поведенческом уровне и тем самым рискует упустить связующие нити между желаемыми и реальными способами поведения, восприятия, изменения.

Таким образом, современные социальные практики являются отражением социальной реальности. Изучая их ключевые характеристики, стоит учитывать не только экономические, политические факторы, но и личностные, общественные, которые в своем единстве формируют изменяющееся поле социальной реальности и все вместе создают новые механизмы проявления и регулирования социальной солидарности.

Социальная сплоченность в том смысле, в котором ее понимали еще в конце XX в., уже изменилась. Полученные данные нашего исследования особо актуальны тем, что выясняют современные проблемные поля и способы формирования новых форм социальной солидарности.

Библиографический список

1. Кармадонов, О. А. Семантика политического пространства: опыт кросскультурного транссимволического анализа / О. А. Кармадонов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 4; Кармадонов, О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) / О. А. Кармадонов // Социологический жур-

нал. – 2001. – № 1; Кармадонов, О. А. Социальная память и социализация / О. А. Кармадонов // Социология. – 2007. – № 2.

2. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. – М. : Логос ; Прогресс, 2002. – С. 47.

3. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить // Сайт ИС РАН. – Август 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru (дата обращения 31.07.2009).

4. Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе [Электронный ресурс] / ФОМ. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/d081723 (дата обращения 21.07.2009).

© Полюшкевич О. А., 2010

Автор статьи – **Оксана Александровна Полюшкевич**, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Иркутского государственного университета, кандидат философских наук. E-mail: okwook@mail.ru.

Рецензент – Ю. С. Пархоменко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных технологий Иркутского государственного университета.

УДК 316.35

И. Г. Старшова
Псковский филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОН)

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ 1987–1991 гг.: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлена характеристика интеллигенции как социально-профессиональной группы, сложившейся в советский период, рассматривается изменение статусной позиции интеллигенции во второй половине 1980-х годов. Анализируется изменение нравственных идеалов интеллигенции, ее роль в оценке обществом советского прошлого и определении направления общественного развития.

Ключевые слова: интеллигенция, перестройка, социальный идеал, нравственность.

Роль интеллигенции в период перестройки общепризнанна. В этот период интеллигенции начинают предоставляться возможности самореализации в условиях свободы слова, совести, творчества. То, как данная социальная группа реализовала данные возможности, оценивается по-разному. Можно выделить две крайние точки зрения. Одна из них – интеллигенция показала свою историческую несостоятельность, неспособность к практической реализации своих нравственных идеалов и тех функций, которые на нее возложили власть, народ. Вторая точка зрения сводится к тому, что объективно советская система периода перестройки только «приоткрыла дверь к свободе», но тут же эта дверь «захлопнулась перед носом», т. е. у интеллигенции не было возможности воспользоваться свободой.

На наш взгляд, на вопрос о роли интеллигенции в условиях перестройки не может быть дано однозначного ответа. В данном случае особенно важно отказаться от политизированности в оценках. Следует рассматривать вклад интеллигенции в перестройку не столько исходя из суждения о месте перестройки в судьбе страны, сколько анализируя качество выполнения интеллигенцией своих традиционных функций, а так же актуальных задач, которые ставили перед ней с одной стороны власть, с другой стороны – народ.

Характеристика интеллигенции как социальной общности на момент начала перестройки. Для того чтобы начать анализ эволюции ценностных ориентиров и моделей поведения интеллигенции перестроечного периода, следует определить социальную позицию интеллигенции к середине 1980-х годов и особенности ее взаимоотношений с властью и народом.

С конца 1920-х гг. в СССР проводилась целенаправленная политика формирования социалистической интеллигенции. В современной общественной науке по-разному оцениваются результаты этой политики. Но большинство исследователей признает, что советская система воспитывала у интеллигенции ригидное, негибкое мышление, которое характеризовалось биполярностью. «Люмпенизация» интеллигенции, которая осуществлялась через систему рабфаков и т. п., способствовала распространению среди основной массы интеллигенции левоэкстремистского сознания [13].

В советской общественной науке, когда давалась характеристика интеллигенции в качестве прослойки, отмечалось, что ей свойственно принятие ценностей того класса, к которому она примыкает. Начиная выполнять ту или иную роль в духовном или материальном производстве, интеллигенция делает личностными ценности, которые присущи этой роли. Например, управленческая интеллигенция берет принципы работы функционера [7]. Таким образом, представлялось, что произойдет «размывание» интеллигенции как группы на достаточно обособленные части; интеллигенция как социальная общность перестанет существовать, вольется в общность под названием «советский народ». Но советские обществоведы идеализировали результаты политики создания прослойки социалистической интеллигенции. Действительно, интеллигенция практически потеряла возможность самостоятельного создания социокультурных норм и ценностей, но сохранила оппозиционность как «генетическую» черту, которая проявлялась ранее, и в дореволюционный период, и в советский, и в перестроечный периоды.

Интеллигентскому сознанию традиционно была свойственна конфронтация со всеми социально-политическими институтами. Приведем лишь одну иллюстрацию, относящуюся к интересующему нас периоду. Александр Бродский в своих мемуарах «Конъюнкции и отрицания. Философский факультет ЛГУ 1970-х – 1980-х годов» пишет: «В советскую эпоху любой верующий человек вызывал у меня глубокое уважение, даже если он скрывал свою веру. Религиозность в то время была свидетельством независимости мышления, способности к внутреннему противостоянию официальной идеологии. К слову, сейчас оценки изменились на прямо противоположные, и человек, открыто заявляющий о своем неверии, симпатичен мне, даже если во всем остальном его взгляды расходятся с моими. Но в те годы меня… неодолимо влекло к Церкви и ее служителям» [2, с. 47].

Конфронтация с социально-политическими институтами обозначилась в период «застоя» достаточно явственно. Диссидентство было лишь крайней формой ее проявления. Среди массовой интеллигенции была распространена пассивная конфронтация, которая получила в современных исследованиях название «катакомбной культуры», «культуры советской кухни». Таким образом, для значительной части интеллигенции обычным явлением к середине 1980-х гг. стала жизнь на уровне двойных стандартов: конформизма и неприятия существующей системы общественных отношений.

Опорой власти среди интеллигенции была ее так называемая официально-коммунистическая часть. Номенклатура, помимо воспроизводства, формировалась из той части интеллигенции, которая демонстрировала свою лояльность к власти. Официально-коммунистическая часть интеллигенции не имела внутреннего единства: часть была истин-

ными носителями коммунистической идеи, другая – ритуалисты по своей сути и руководствовались карьерными соображениями, для них западная система ценностей была уже более привлекательной. Искренняя вера в официальные идеи в интеллигентском общественном мнении, особенно среди элиты больших культурных центров, за годы «застоя» практически потеряла свою престижность. Часть официально-коммунистической интеллигенции к середине 1980-х гг. также жила на уровне двойных стандартов.

Советская идеология десятилетиями эксплуатировала просветительский идеал интеллигенции, нацеливая ее на воспитание «коммунистически сознательных» граждан. Неудача советской власти в воспитании советского человека, существование на практике двойных мировоззренческих стандартов приводят к тому, что часть интеллигенции вообще разочаровывается в просветительском идеале. У другой части интеллигенции возникает надежда на объединение общества на основе общечеловеческих ценностей, на создание механизма, препятствующего превращению статусных ценностей в доминирующие, в том случае, если они противоречат общечеловеческим.

Отношение интеллигенции к началу перестройки, видение собственных социальных функций. В научной литературе встречается ряд попыток классифицировать модели поведения интеллигенции в ходе перестройки. Рассмотрим одну из них. Исследовательница Л. А. Семенова в публикации 1991 г. выделяет три основные модели поведения интеллигенции в период перестройки:

1) говорить народу горькую правду, рискуя получить ярлык «отщепенца» (в качестве представителей интеллигенции, избравших эту модель поведения, исследовательница называет А. Д. Сахарова, Г. Х. Попова, Б. Н. Ельцина;

2) слиться с толпой, требующей наведения порядка «железной рукой»;

3) пассивная, выжидательная позиция, уход исключительно в профессиональную деятельность в надежде обрести на этом пути подлинную свободу [13, с. 15].

Исследовательница поддерживает первую активную позицию и критикует третью модель поведения. В данном случае мы видим, как в интеллигентском сознании создается образ «чудо-богатырей», которые принесут наибольшую пользу народу. Дается высокая оценка выполнения интеллигенцией функции критики советского строя. Хотя героизация выполнения этой функции явно неуместна, поскольку реализовывалась она в условиях гласности, во многом была заказом со стороны власти. Во-вторых, в публикации демонстрируется служение власти, если ставятся в один ряд видный общественный деятель, ученый и представитель партийной номенклатуры.

Широкое распространение в научной и публицистической литературе получила следующая интерпретация: интеллигенция с началом перестройки радостно пришла во власть, потом разочаровалась и ушла. Эта интерпретацию историк С. В. Волков назвал «вульгарной» [3, с. 12]. Действительно, характер поведения и направление деятельности интеллигенции были во многом заранее определены властью, интеллигенцию «взяли во власть».

Интеллигенция активно включилась в общественную жизнь. В период перестройки повысилась престижность интеллигенции как социальной группы советского общества. В официальных документах провозглашался тезис о том, что накопленные культурные и нравственные ценности интеллигенции должны способствовать возрождению и дальнейшему прогрессу советского общества. Сама интеллигенция тоже осознавала и озвучивала свое представление о том, какова ее роль в ближайшем будущем.

Традиционное положение прослойки сменилось для интеллигенции возможностью попробовать себя в новой, привлекательной социальной роли – она должна была стать зачинателем новой жизни. Ушли из социального обихода выражения «гнилая интеллигенция», «мягкотелый интеллигент», уже стало немодно клеймить сомнительную в классовом отношении интеллигенцию и всячески отстраняться от нее.

Популярным в интеллигентской среде становится обсуждение темы взаимоотношений с властью. Так, в 1989 г. в клубе «Свободное слово» Союза кинематографистов СССР про-

шла открытая дискуссия на тему «Художник и власть». Интеллигенция в течение короткого периода времени считает, что может идеологически обосновать начавшиеся реформы, содействовать поиску оптимальных методов их реализации.

Многие «прорабы» перестройки были представителями интеллигенции. На выборах в народные депутаты в 1989 г. они побеждали партийных функционеров. Но масштаб вхождения интеллигенции во власть был преувеличен, в том числе самой властью, в идеологических целях – продемонстрировать успехи перестройки и гласности. В действительности во власть приходили отдельные представители интеллигенции, причем на смену им приходили представители других несхожих групп. Теория «революции младших научных сотрудников», которые якобы сформировали элиту демократической власти, также была выгодна партноменклатуре. Широкого кадрового обновления аппарата государственного управления фактически не происходило, но его необходимо было имитировать, для чего и использовался миф о «революции младших научных сотрудников».

Интеллигенция изменила практику проведения съездов народных депутатов. Проходили открытые обсуждения, дискуссии, по сути, интеллигенция использовала гласность для того, чтобы перенести разговоры «с кухни» на трибуны. Страстное обсуждение вечных проблем, собственная система общения, сложившаяся на «вечерних ассамблеях», предстали перед взорами широкой общественности. «На каком высоком интеллектуальном уровне происходило разрушение стереотипов коммунистического мышления», – восклицал писатель Д. Гранин.[4, с. 4]

На короткий период времени у интеллигенции сложилось впечатление, что она преодолела отчужденность от народа: «...как встречали нас, депутатов, при выходе из Дворца съездов! Надежды воодушевляли самых равнодушных. Солнце демократии вставало у всех на виду, обещая эру открытого общества. Интеллигенцию уже никто не бранил, она шла в первых рядах, неся знамена, впрочем, непонятно, какого цвета» [4, с. 4]. Часть интеллигенции так и остановилась на критике недостатков советского строя, не замечая, что такая критика несет в себе не только положительные, но и разрушительные последствиях. «Более или менее ясно, отчего мы отказываемся, но не столь ясно, к чему мы стремимся», – написал в 1990 г. доктор философских наук А. А. Гусейнов [5, с. 10]. Причем разрушительны последствия не только для общественного сознания в целом, но и для существования интеллигенции как социальной общности. Политические разногласия эпохи перестройки сильнее раздробили интеллигенцию, чем все предшествующие усилия советской системы.

Часть интеллигенции, осознав неоднозначность последствий широкомасштабной критики советского строя, все большее внимание стала уделять проблемам духовной жизни. Началось обсуждение проблем не советской системы как таковой, а тех, которые выявились и обострились во всех сферах общественной жизни с началом перестройки. И как наиболее опасное явление интеллигенции представлялся нависший над человечеством дамоклов «меч эгоизации людей, их нравственного вырождения» [1, с. 5]. В публикациях подчеркивалось основополагающее значение нравственных ценностей, утрата которых не позволит наладить ни экономическую, ни политическую жизнь российского общества. Историческая миссия интеллигенции виделась в том, что она должна стать «субъектом осознания единства новой цивилизации» [1, с. 7].

В целевой установке интеллигенции – отказе от предрассудков советского прошлого ради торжества гуманизма – акцент постепенно переносится на разработку, внедрение гуманистического идеала.

В ходе обсуждения нравственных проблем интеллигенция признавала, что изменение нравственного сознания невозможно самопроизвольно, без преобразования всей совокупности общественных отношений. Интеллигенция считала, что нельзя насаждать новые ценности прежними, советскими методами, поскольку это вызовет неприятие, нигилизм. Примечательно, что происходил отказ интеллигенции от прежних своих функций, критика этих функций. Так, кандидат философских наук А. Д. Матвиенко в 1990 г. пишет: «…перестройка

как общественного, так и индивидуального сознания невозможна «само по себе», вне органического единства с деятельностью, с преобразованием всей совокупности общественных отношений (это было бы «просветительством»)» [8, с. 56]. Традиционная просветительская деятельность интеллигенции становится недостаточной, она не может принести результатов. Нужна была деятельность практическая: «Подлинные нравственные ценности предстоит возродить с учетом конкретно-исторической социальной практики» [8, с. 57].

В условиях перестройки интеллигенция сформировала тезис о том, что моральные ценности социализма имеют общечеловеческие источники. Такое «переосмысление» социалистических ценностей в сторону их гуманизации считалось достаточным, далее звучал призыв их скорейшего воплощения в социальной практике. Проблема человека, человеческого фактора стала рассматриваться разносторонне, характеристика человека уже не сводилась к характеристикам социально-классового свойства. Решение экономических и политических проблем виделось в разных ракурсах, но объединяющей была уверенность в том, что необходимо возрождение нравственных традиций, преемственности духовной жизни.

Стремление к практической реализации нравственного идеала становится объединяющим для советской интеллигенции периода перестройки. Из письма молодого учителя в ЦК КПСС в 1987 г.: «Мы пробовали критиковать недостатки, которых в школе предостаточно, но мгновенно получали удар «под дых»: а что вы сами сделали в школе, чтобы критиковать? А мы хотим сделать, мы просто не успели. Сейчас в моей жизни тот переломный момент, когда пустые фразы на собраниях режут слух, а пустота дел мозолит глаза».

Интеграция интеллигенции на основе критики советского строя быстро теряет свою актуальность. Образ будущего представляется в размытых и противоречивых чертах, политические разногласия разъединяют интеллигенцию. В сложившихся условиях социально-профессиональная группа начинает искать новые интегрирующие основания для себя и для всего общества в целом. Интеллигенция озвучивает новое понимание общественных функций морали, отличное от официального советского. Мораль рассматривается не как одно из проявлений культуры, наряду с правом, искусством и т. д., а как некое основание общественной жизни. Интеллигенция доказывает, что моральные оценки имеют приоритет перед всеми другими, в том числе политическими оценками. «И даже те общественные силы, которые резко расходятся в понимании путей политических и экономических преобразований, интерпретации истории, сходятся в том, что признают мораль в качестве высшей точки отсчета человеческих приоритетов» [5, с. 20]. Мораль была возведена до уровня общей программы жизни, историческая перспектива страны формулируется в ценностных понятиях. Однако это преподносится интеллигенцией как новшество. Хотя истина счастья и справедливости как высшая и конечная цель присутствовала в советских моральных принципах.

Нарастание негативных последствий экономических и политических преобразований способствовало тому, что проблема духовного оздоровления общества стала выходить на первый план.

В 1988–1989 гг. Издательство политической литературы выпустило серию брошюр под общим названием «Личность, мораль, воспитание». Идеей, объединяющей серию, стал гуманистический лозунг: «Нет ничего более ценного в мире, чем сам человек» [6, с. 247]. Причем эта идея преподносилась не как противостоящая советской идеологии, а как результат ее логического перестроечного развития. «Нет целей более благородных и справедливых, чем те, которые заданы нашей партийной программой», – подводил итог в своей монографии «Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности» доктор философских наук, профессор Всеволод Евгеньевич Давидович.

В условиях перестройки интеллигенция работала над тем, чтобы встроить гуманистический идеал в советскую идеологию. Например, в классической марксистской формуле «от каждого – по способностям, каждому – по труду» предлагалось больше внимания уделять первой части формулы, т. е. признать значение человеческого фактора, создавать условия, способствующие самореализации человека [6, с. 92].

«Использование социального неравенства в качестве рычага для продвижения ко все более полному социальному равенству – такова весьма общая закономерность развития социализма», – писал М. Н. Руткевич [11, с. 16]. Интеллигенция предлагала отказаться от идеализации природы человека, увидеть различие людей по способностям, нравственным и волевым характеристикам; отказаться от обожествления коллектива, когда духовно страдал не только индивид, утративший возможность самовыражения, но и в конечном счете все общество [14, с. 73].

Идея создания условий для раскрытия способностей каждого человека становится актуальным элементом представлений интеллигенции о социальной справедливости. Ее разработкой занялись прежде всего теоретики педагогической науки и педагоги-практики. Критике подверглась советская система образования как нацеленная на усредненного ученика. Советский теоретик педагогики М. Н. Снаткин говорил: «...современное образование, которое преследует цель сообщить известную и одинаковую для всех сумму знаний, выглядит как массовое убийство талантов» [12, с. 3].

Поскольку в советском обществе десятилетиями насаждались легитимно утверждаемые ценности, то попытки встраивания гуманистического идеала в официальную идеологию, предпринимаемые частью интеллигенции с началом перестройки, были, естественно, действия в ограниченном поле духовных поисков. Так, началось преодоление уравнительного синдрома, смещение критериев социальной справедливости. Названная часть интеллигенции не отрицала официально-легитимный авторитет партии как монополиста духовности, по сути дела, продолжала обслуживать потребности власти.

Опыт самоанализа интеллигенции в условиях перестройки. Тема взаимоотношений интеллигенции и народа становится широко обсуждаемой на последнем этапе перестройки. Представители интеллигенции стремятся проанализировать истоки разобщения с народом, определить задачи на перспективу.

В 1989 г. в Москве действовало интеллигентское по своему составу творческое объединение «Собор» [9]. Участники объединения видели основу национального возрождения в раскрепощении соборного сознания населения. 18 ноября 1989 г. в Ценральном доме пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по инициативе объединения «Собор» состоялся «круглый стол» на тему «Интеллигенция и народ». Все выступления можно условно разделить на три группы.

Первая группа участников «круглого стола» считала, что в советский период интеллигенция была уничтожена. Вторая группа была наиболее многочисленной. Ее представители считали, что интеллигенция в течение двадцатого века подверглась значительной трансформации, но ее функция – быть духовным лидером народа – не потеряла своей актуальности. Так, историк и публицист Геннадий Клеченов отмечал, что интеллигенция, обретя соборность, сможет стать «живой и животворящей частью народа» и спасет его. Констатируя, что за годы перестройки народ стал превращаться в дисперсное население, историк отмечал, что задача интеллигенции – возродить и сохранить национальное самосознание. А это интеллигенция сможет сделать, если она перестанет отдаляться от народа, перестанет быть антиобщественной силой, преодолеет «кризис индивидуалистического раскола». Участники обсуждения высказывались за обращение интеллигенции к народным истокам.

Все выступления в рамках «круглого стола» строились на многочисленных цитатах из сборника «Вехи», проводились параллели между поведением интеллигенции в начале двадцатого века и в период перестройки. Интеллигенция критиковалась за самоизоляцию, утрату патриотизма. «Люмпен-интеллигенция повисла в кризисном индивидуалистическом, диссидентском состоянии». Применяя к перестроечной интеллигенции термин Н. Бердяева «люмпен-интеллигенция», участники «круглого стола» называли ее «скороспелым пополнением», разобщенным, интеллектуально и духовно нищим; «интеллигенцией навыворот». За советский период люмпен-интеллигенция, лишенная духовной связи с предшествующими поколениями интеллигентов, была лишена «общественной морали и самосознания». Еще

большему размыванию социальных границ интеллигенции способствовало быстрое увеличение в послевоенный период группы «специалистов» с высшим образованием. Задача интеллигенции виделась такой же, как ее определял Н. Бердяев девяносто лет назад: преодоление «вековой розни» с народом.

Третью точку зрения высказал философ Виталий Ковалев. Выступая в рамках «круглого стола», он доказывал, что единение интеллигенции с народом будет не благом, а злом для последнего. Народ должен сам стать интеллигенцией, чтобы не нуждаться «для определения своих дорог в касте всеведущих мудрецов, именующих себя авангардом общества». Интеллигенция оторвала идею блага от истины, взяв благо в качестве самодостаточной ценности. «Интеллигенция навыворот» уничтожала собственными руками индивидуальную свободу, коммунистическая партия – это «интеллигенция в осуществившемся реально царстве господства добра над истиной».

Литературовед и публицист Владимир Семенко считал, что неверно возлагать вину за катастрофу на интеллигенцию как духовного лидера народа. Истоки катастрофы глубже, они кроются внутри русской души. Семенко доказывал сходство характеристик русского народа и интеллигенции: «Такие, на первый взгляд различные явления, как индивидуалистическое богоборческое сознание российской интеллигенции и различные сектантские брожения в среде народа, в своей метафизической глубине представляют один и тот же процесс, стремление поставить себя на место Бога».

Понимание интеллигенцией гласности. Пришло понимание того, что надо отказаться от упрощенного понимания гласности как открытости и полноты информации, жажды правды и истины. Философы, писатели, публицисты все чаще говорили о том, что на человеке, реализующем принципы гласности, лежит груз ответственности, о которой не следует забывать. «Очень тонкой является грань, надо удержаться, чтобы слова не обернулись зловещей силой или не стали пустыми побрякушками», – читаем во вступительной статье к научно-публицистическому сборнику «Освобождение духа», вышедшему в свет в 1991 г. под редакцией А. А. Гусейнова и В. И. Толстых. Среди авторов сборника были В. М. Межуев, Ф. Т. Михайлов, Н. В. Любомиров, А. С. Ципко, К. А. Свасьян, О. С. Соина. Представители интеллигенции попытались выработать общие нравственные критерии своего собственного поведения в эпоху «освобождения духа». В условиях, когда прекратилась внешняя цензура со стороны государственных органов, выяснилось, что значительная часть интеллигенции пренебрегает нравственными критериями внутреннего самоконтроля. «Совесть – высшая инстанция, с которой должен сверять свои выводы дух; она является последней гарантией ответственного поведения в области духовного производства» [10, с. 38]. Личность, руководствующаяся совестью, нельзя будет заставить говорить «чужим голосом», лгать. Совесть – единственный гарант честного поведения человека. Свободный человек совершает нравственные поступки.

«Но если свобода есть необходимое условие сознания, то кто мешает сегодня нашим обществоведам мыслить свободно, «невзирая на лица»?» – задается вопросом В. И. Толстых [10, с. 20]. Интеллигенции пришлось признать, что и в условиях свободы она остается несвободной.

Интеллигенция предложила выработать «программу раскрепощения духа», т. е. создать такие материальные условия, политические гарантии, такую систему общественной мотивации, которые «ставили бы служителя слова, будь то философ, писатель или журналист, в независимое положение, позволяли творить, сверяясь единственно с собственной совестью». «Программа раскрепощения духа» должна была реализовываться со стороны государства, а интеллигенция выступала бы в качестве объекта такого благоприятного воздействия. Таким образом, отсутствие в настоящий момент материального благополучия и политических свобод делало «служителя слова» зависимым и оправдывало его сделки с совестью.

В 1990–1991 гг. велись дискуссии о тактических ошибках перестроечной политики. В частности, интеллигенция высказывала мысль о том, что перестройку следовало начинать с

изменения бытия, а не сознания. К концу перестройки гуманитарной интеллигенции пришлось признать, что ей не удалось переориентировать «застойное» мышление народа и превратить его в «перестроечное», не удалось наполнить общественное сознание новыми ценностями, идеями, идеалами. Тогда был сделан вывод, что это результат тактической ошибки власти: нельзя перестроить сознание, не изменив бытия; основы сознания коренятся в действительности.

Несмотря на неудачу, гуманитарная интеллигенция продолжала ощущать себя субъектом нового мышления и сознания. Ее представители идентифицировали себя как своего рода «специалистов по сознанию», профессионально участвующих в «производстве сознания» [10, с. 15]. Сохраняются миссионерские идеи интеллигенции. В данном случае, в начале 1990-х годов, в условиях кризиса перестроечных идей, интеллигенция видит свою миссию в восстановлении связи времен, нарушенной затянувшимся советским экспериментом, в содействии осознания того, что народ – наследник многовековой своей и всечеловеческой культуры. Как лозунг звучат строки из статьи Ф. Т. Михайлова в сборнике «Освобождение духа»: «Дело за нами. Дело за творцами культуры, дело за интеллигенцией...» [10, с. 56].

Библиографический список

1. Барбакова, К. Г. Новое политическое мышление интеллигенции / К. Г. Барбакова, В. А. Мансуров // Интеллигенция и перестройка : сб. ст. – М. : СИ АН СССР, 1991. – С. 5–7.
2. Бродский, А. Конъюнкции и отрицания. Философский факультет ЛГУ 1970-х – 1980-х годов / А. Бродский // Звезда. – 2007. – № 2. – С. 44–54.
3. Волков, В. С. О способности интеллигенции к государственному управлению / В. С. Волков // Интеллигенция и власть / сост. и ред. А. И. Студеникин. – М. : Изд-во «УРСС», 1999. – С. 11–18.
4. Гранин, Д. Русский интеллигент уходит / Д. Гранин // Известия. – 1997. – 8 нояб. – С. 4.
5. Гусейнов, А. А. Перестройка: новый образ морали / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – М., 1990. – С. 10–23.
6. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М. : Политиздат, 1989.
7. Карапетян, Р. О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя / Р. О. Карапетян. – М. : Изд-во МГУ, 1974.
8. Матвиенко, А. Д. Перестройка и нравственные ценности / А. Д. Матвиенко // Социологические исследования. – 1990. – № 1. – С. 52–58.
9. Народ и интеллигенция. – М. : Аушра, 1990.
10. Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. – М. : Политиздат, 1991.
11. Руткевич, М. Н. Социалистическая справедливость / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. – 1986. – № 3. – С. 10–16.
12. Радов, А. Что посеешь? / А. Радов // Комсомольская правда. – 1986. – 3 июля. – С. 3.
13. Семенова, Л. А. Политическое сознание интеллигенции и перестройка: некоторые подходы / Л. А. Семенова // Интеллигенция и перестройка / под ред. С. Н. Быкова, В. А. Мансурова. – М. : ИС АН СССР, 1991. – С. 13–22.
14. Ципко, А. С. Можно ли изменить природу человека? / А. С. Ципко // Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. – М. : Политиздат, 1991. – С. 73–78.

© Старшова И. Г., 2010

Автор статьи – **Ирина Геннадьевна Старшова**, заведующая кафедрой гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент (Псковский филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОН)), irius76@mail.ru.

Рецензент – З. В. Оловянникова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова.

УДК 159.922.23

Е. А. Стебляк
Омская гуманитарная академия

ПСИХОСЕМИОТИКА ТЕЛА В СОВОКУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕПОГЛУХОГО РЕБЕНКА

В статье рассматривается механизм превращения анатомического организма в культурное тело и приобретение им семиотических свойств. Теория иллюстрируется фактами эксперимента И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова по воспитанию слепоглухих детей. На примере феноменологического анализа совокупной деятельности слепоглухого ребенка рассматриваются проблемы топологии субъекта, руководства освоением идеальных форм культуры и возникновения сознания.

Ключевые слова: психосемиотика тела, слепоглухой ребенок.

Изучение внешнего облика как внешней формы существования и проявления внутреннего субъективного мира человека (Сократ, Аристотель, Платон и др.) продолжилось в работах классиков отечественной психологии (П. П. Блонский, П. К. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.). Идея знаковости внешних проявлений человека и другие проблемы невербальной коммуникации активно рассматривались в отечественной психологии XX столетия [9]. В постнеклассической психологии актуализировались исследования феномена телесности, высветившие многомерность сознания, отягощенность субъекта телом. Тело стало рассматриваться как структурирующее сознание образование, как предмет и инструмент познавательной и практической активности, как «многослойная самоорганизующаяся и «местами» мыслящая субстанция, различные «слои» которой живут в разных логиках…» [3]. «Слои», граничащие с миром, привлекают наибольшее внимание исследователей в связи с необходимостью «перевода» телесных процессов с одного из языков тела на языки других логик. Тема языка тела в непрерывно происходящем разговоре человека с самим собой, проблемы интерсубъективности и символического опосредования телесности человека активно разрабатываются в психосемиотических исследованиях телесности. Телесность в них рассматривается «…как условие нашего понимания и нашей возможности что-то сказать» (в том числе и о самой телесности), «свое» и «чужое» тело – как соматологическая карта или знаковый конструкт [3].

В данной статье нас интересует механизм превращения анатомического организма в культурное тело и приобретение им семиотических свойств. В свете так поставленной проблемы неоспоримый интерес представляет рассмотрение телесного контакта взрослого с младенцем, осуществляемого в начале детского развития. Исследование некоего стартового уровня развития, его натуральной стадии тесно взаимосвязано с обнаружением исходной единицы развития. Многие моменты ученых дискуссий, посвященных данной проблеме,

наиболее выпукло проступают при рассмотрении фактов дефицитарного дизонтогенеза, обусловленного ранней слепоглухотой.

Активность слепоглухого ребенка в доконтактный период, в условиях отсутствия специального обучения представляет собой реагирование на хаотический и непонятный ребенку поток прикосновений, порождающий, в свою очередь, моторный хаос [7, 8]. Естественная первоначальная активность не получает своего развития и угасает. Слепоглухие дети, находящиеся в начале своего развития и еще не получающие педагогической помощи, не могут самостоятельно действовать с игрушками и действуют с предметами очень однотипно и неспецифически, без учета их физических свойств. Однотипная двигательная активность четко направлена на аутостимуляцию, самораздражение. Специфические манипуляции с предметом довольно редки, еще реже наблюдаются элементарные предметные действия с использованием предмета по его культурному (функциональному) назначению. По мере овладения навыками самообслуживания и определенным опытом предметных действий, слепоглухой ребенок начинает демонстрировать и более направленный характер действий с предметами [1].

В исследованиях психической депривации показано, что подобная траектория развития неизбежна и для нормального ребенка, оставленного без попечения взрослого. Другое положение вещей обнаруживается при осуществлении взрослым культурной программы заботы о ребенке. Феномен заботы, обойденный профессиональным вниманием психологов, но вновь оцененный по достоинству В. П. Зинченко, В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым, имеет огромное значение для психического развития любого ребенка. Забота «пролептична» по отношению к ребенку как к личности и субъекту совместного действия и общения [4].

Однако программа заботы о ребенке с бисенсорным дефектом вынуждена приноравливаться к характеру нарушения и доминированию тактильно-кинестезической модальности ощущений. Бисенсорная инвалидность резко ограничивает возможности ориентировки в ситуации, которая принципиально важна для создания адекватного образа мира. Тем не менее, специально доказывалось, что чувственная ткань образа играет второстепенную роль по сравнению с точностью образа. Иными словами, для формирования полноценной ориентировки не имеет значения чувственно-практический опыт, из которого «соткан» образ ситуации, значима только его адекватность ей [11].

Какие психологические инструменты формирования внешних форм поведения и деятельности могут быть использованы в возрасте младенчества и раннего детства слепоглухого ребенка? Отвечая на данный вопрос, необходимо акцентировать в практике культурной медиации такие медиаторы, которые предшествуют освоению понятий, знаков и могут представить различные грани идеального содержания контекстуально, в чувственно представленной форме. В таком качестве выступают живое движение и индивидуальный чувственный опыт тела, становящиеся выражением тех или иных идеальных форм (способом действия и его образом).

В связи со сказанным очевидно, что передача ребенку с выпадением двух дистантных анализаторов культурного опыта требует максимальной актуализации возможностей телесной коммуникации и мышления, понятого как «ощупывание», «движение мыслящего тела по контуру любого другого тела» (Э. В. Ильенков) [11]. В так понятом процессе мышления важнейшим орудием познания является ощупывающая рука, причем мышление-«ощупывание» признается первоосновой, субстанцией психики. Поэтому-то, подчеркивает Э. В. Ильенков, ребенок должен стать умным, мыслящим существом еще до овладения речью [11]. Феномен мышления-«ощупывания», как показал эксперимент И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова по воспитанию слепоглухих детей и его философское осмысление Э. В. Ильенковым, может быть воссоздан в условиях особой практики, подчиняющей действия ребенка логике идеального содержания, воссоздающей объективную идеальную форму в чувственно-практическом опыте и собственной активности. Успешное освоение слепоглухими детьми продуктивных действий становится возможным в деятельности, названной

И. А. Соколянским и А. И. Мещеряковым совместно-разделенной дозированной, Д. Б. Элькониным – совместной, В. П. Зинченко – совокупной [4].

Совместно-разделенная деятельность, то есть «сотрудничество сначала взрослого и ребенка, а затем сотрудничество личности в течение всей ее жизни со всеми, с кем пересекается ее жизненная траектория, со всеми соучастниками в определении этой траектории», наиболее оптимальна для формирования как навыков самообслуживания, так и всей активности становящейся личности слепоглухонемого ребенка «для того как раз, чтобы это существо могло стать субъектом собственной жизни, а не только объектом пожизненного обслуживания» [11, с. 2]. Позиция тифлосурдопедагогов в вопросе об исходной единице анализа психики, рассматривающая деятельность по самообслуживанию в качестве ведущей в младенчестве, расходится с позицией В. П. Зинченко. Анализируя таксономию единиц анализа психики, первоначально в качестве ее исходной единицы он называл орудийное действие. Позднее в качестве исходной единицы развития в работах В. П. Зинченко выступило не просто орудийное действие, но совокупная деятельность, понимаемая иначе, нежели «совместная деятельность» Д. Б. Эльконина. Совместная деятельность, по Д. Б. Эльконину, включает две подстадии: «позиционно-пассивную (взрослый управляет ребенком) и позиционно-активную (ребенок управляет взрослым)» [4, с. 7]. Термин же «совокупная деятельность» В. П. Зинченко относит «к наиболее ранней форме взаимодействия ребенка и взрослого, когда еще невозможно говорить о симметричной совместности их отношений в процессе общей деятельности» [4]. В совокупной деятельности взрослый вызывает ребенка на общение, улавливая его сигналы-желания и организуя вокруг них оперантное поведение. Обсуждая проблему перехода от совокупной к совместной деятельности, от совместной деятельности к деятельности по самообслуживанию, В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков настаивают на проведении границ между этими формами [4]. Но насколько возможны четкая демаркация и различение?

Представляется, что хрупкая иллюзия границ между указанными выше формами внешнего поведения и деятельности рассеивается при переходе к феноменологическому ракурсу рассмотрения непосредственно-чувственных переживаний. Если переформулировать вопрос в заявленном аспекте, то границу придется отыскивать уже между *случившимся со мной* и *сделанным мной,* между *Я и не-Я.* Является ли эта граница устойчивой, что ее определяет и как она устанавливается?

А. Ш. Тхостов утверждает неоднозначность и подвижность ее положения, демонстрируя это на примере приборного осязания – классического психологического феномена зонда: «Наиболее важно при этом феномене то, что граница локализации ощущений (т. е. граница между *Я* и *не-Я*) прямо зависит от границы автономности/предсказуемости» [12]. Субъектно-объектная диссоциация непостоянна и феноменологическое исследование признает гибкость, подвижность и фантомность границ субъекта, строящихся каждый раз заново. Феноменологически они обнаруживаются, как только деятельность субъекта вынуждена подчиниться объекту, который воспринимается в тот момент как непрозрачный, упругий, сопротивляющийся, плотный, непредсказуемый и потому чужой, иной. В столкновении с иным проявляет себя сознание, а «все, что при этом оказывается по одну сторону этой границы, есть Я, а то, что лежит по другую, – иное» [12, с. 3]. Граница, разделяющая субъекта и объект, не задана раз и навсегда и может сдвигаться в любую сторону.

Для постижения преемственности обозначенной предыдущим анализом деятельности это обстоятельство может быть истолковано как невозможность по субстратным признакам внешней формы квалифицировать характер происходящего, определять топологию субъекта и локализовать его границы. Привычный к методологии объективного наблюдения и языку функциональных понятий исследователь-дефектолог, размышляя над постулатами постнеклассических исследований телесности, будет вынужден рассмотреть и возможность изменения размерности тела за счет включения в него инородных частей постольку, поскольку они войдут в его границы и не будут объективироваться. Примечательно, что это проницательное соображение уже почти было высказано в тифлосурдопедагогике, накопившей дос-

таточное число фактов объективного наблюдения и ресурсов тифлосурдопедагогических технологий, чтобы усомниться в этой возможности. Иными словами, взрослый может «входить» в тело ребенка при известной доле умения и ответственности (ведь не напрасно соответствующая стадия развития считается стадией «пра-мы сознания») [6, 7, 8, 11]. Рассмотрим, как это становится возможным.

Педагог сохраняет телесный контакт с ребенком и поневоле отягощает его тело, полностью контролируя движения его руки и кисти. Многократно повторяя движения ребенка, взрослый одновременно получает обратную связь в виде напряжения и расслабления его отдельных мышц. Ощущения ребенка постепенно транспонируются с места прикосновения к рукам взрослого в место соприкосновения их объятых конечностей к объектам внешнего мира. В тифлосурдопсихологии этот факт не получил должного осмысления – по данному поводу лишь констатируется обретение слепоглухим ребенком навыка пассивного замирания, сосредоточения в момент его обслуживания, при котором рука и кисть ребенка остаются полностью расслабленными. Пока формируется образ действия, в процессе его упрочения, эта ситуация сохраняется. Предстоит понять, что здесь тело взрослого может быть расценено как живой инструмент, прибор, приноравливающий осязательные попытки слепоглухого ребенка к параметрам объекта, моделирующий продуктивное действие. Можно сказать, перефразируя тезис А. Ш. Тхостова, что тело педагога становится универсальным зондом. Вспомним, что только контролируемый, предсказуемый зонд может быть проводником активности субъекта. При этом «любая непредсказанность, обнаруживаемая зондом, интерпретируется как его активность и приводит к его вычленению, сдвигу границы субъективности. На уровне непосредственно-чувственного переживания он начинает восприниматься как непонятный» [12, с. 10].

Парадокс состоит в том, что, будучи живой, одушевленной субстанцией, тело взрослого должно с необходимостью уподобиться тонкому и чувствительному механизму, максимально отстранившись от собственных потребностей и нужд. Только механическое, «мертвое» состояние телесности взрослого благоприятствует его посреднической миссии в совокупной с ребенком деятельности. Подчиняя свои движения движениям ребенка и превращаясь тем самым для него в своеобразный «зонд», взрослый образует с ребенком органическое тело симбиоза «Мы». Став прозрачным, контролируемым для ребенка, тело взрослого может научиться проводить намерения ребенка: «Вписываясь в схему моего тела, он [Инструмент, орудие, взрослый. – *Примеч. Е. С.*] транспонирует границу субъект-объектного членения к другому объекту, на который становится направлена моя активность» [12, с. 4]. При этом границы субъектности ребенка перемещаются за пределы органического симбиоза «Мы» в неорганическую, культурную среду – средоточие знаков и символов «человеческих способов жизнедеятельности и их внутренних морфофизиологических и психических регулирующих механизмов» [2, с. 7]. Представляется, что в совокупной деятельности меняется и топология взрослого как субъекта – в ситуации совокупного действия его граница как бы погружается внутрь органического тела ребенка. Наше предположение перекликается с утверждением Г. А. Глотовой о возможности вхождения в неорганическое тело индивида других людей: «…для каждого отдельного индивида все другие индивиды – это тоже его неорганическое тело, его неотъемлемая часть, находящаяся, однако, за пределами его собственного органического тела. Значит, что другие люди, точнее их доступные чувственному отражению со стороны данного индивида свойства… также входят в неорганический код, который должен быть декодирован индивидом» [2, с. 10].

Телесный код должен быть предъявлен ребенку так, чтобы максимально облегчить усвоение его семантики и прагматики. Тогда, если воспользоваться постнеклассическим лексиконом, тело взрослого станет прозрачным, и взаимодействие с ним не представит непреодолимых преград. Здесь в полной мере встает вопрос о компетенции взрослого в осуществлении этой задачи. А. В. Суворов, размышляя об ответственности педагога за его первоначальное участие в развитии слепоглухого ребенка, вслед за И. А. Соколянским и Э. В. Ильенко-

вым, связывает ее с тем, «…насколько грамотно он соучаствует, насколько грамотно объединяет и разделяет... стимулирует свои и детские усилия… детскую активность» [11, с. 2].

Посредник в лице профессионального педагога или осуществляющего заботу и культурную программу ухода за ребенком взрослого имеет в качестве руководства лишь собственную интуицию и аналитические ориентиры, отрефлексированные как наиболее общие тактики реализации совместно-разделенной деятельности [6]. Первая тактика связана с игнорированием взрослым первых робких попыток ребенка овладеть какими-то частями навыка, сохранением прежнего объема контроля – «в результате ребенок отказывается от какой-то собственной активности, возвращаясь к пассивной позиции обслуживаемого и пассивно замирая» [6, с. 2]. Другая тактика предполагает обнаружение взрослым попыток ребенка взять контроль действия на себя и резкое снижение своего контроля, предоставление ребенку свободы – «в результате ребенок быстро приобретает опыт неудач от первого проявления самостоятельности. При этом он в своих движениях может возвращаться к изначальной ситуации моторного хаоса» [6]. Наиболее оптимальной представляется тактика, при которой, встречая направленную моторную активность ребенка, взрослый *отступает* в своей активности постепенно, избирательно сокращая объем и интенсивность контроля детской руки – «в ходе этого «стратегического отступления» взрослый должен сохранять контакт с ребенком, все время находясь вблизи границы между умением и неумением ребенка. …Например, если ребенок не может взять контроль за предоставленным ему элементом навыка, то взрослый опять берет контроль на себя за этот элемент (т. е. временно «наступает») с тем, чтобы далее опять искать пути для «отступления» и передачи контроля. Главное здесь – не отступать слишком медленно (поскольку ребенок будет тогда больше рассчитывать на взрослого, чем на себя) и не отступать слишком быстро (тогда ребенок еще не успеет освоить нормальные средства удовлетворения своих потребностей в условиях внезапно свалившейся на него «самостоятельности»)» [6].

Приведенные размышления – одна из попыток экспликации механизма созидания практической деятельности (культурного тела) практически без речевого опосредствования. Это описание сводит в единую картину феноменологический и объективный планы и на сегодняшний день является более плодотворным для специальной психологии, нежели иные альтернативы.

Представляется, что обращение к феноменологическому ресурсу исследований телесности может пролить свет на методологическую проблему, вскрытую исследованием А. И. Мещерякова. Известно, что А. И. Мещеряков почти не касался вопроса о психологической характеристике формировавшейся у слепоглухих детей практической деятельности. Его выводы сводились к утверждению о ее человеческом характере без анализа таких аспектов, как преднамеренность, планирование, произвольность, осознанность и т. д., что заставило, например, В. П. Зинченко усомниться в том, что деятельность слепоглухонемых можно считать произвольной и сознательно регулируемой, а потому равноценной практической деятельности нормально развивающихся детей [4]. В отличие от А. И. Мещерякова, он обращает внимание на то обстоятельство, что генетические дериваты совокупной деятельности лишены признака речевого опосредствования, а само освоение слепоглухими детьми практической деятельности осуществляется «практически без речи (не только активной, но и пассивной), только на основе доречевых средств коммуникации, которые мы связываем с примитивными интерпсихическими функциями» [4, с. 11].

Пытаясь понять обоснованность аргументации оппонентов А. И. Мещерякова, имеет смысл вновь обратиться к ресурсу исследований телесности как структурирующего сознание образования. В них феномен практической деятельности получает неожиданное освещение, в свете которого признанные критерии сознания (в т. ч. речь) теряют «привилегию» представлять сознание: «Мы сталкиваемся с весьма интересным явлением: с полной утратой самого субъекта, обнаруживающего себя лишь в месте столкновения с «иным» и отливающегося в его форму; со странной «черной дырой» чистого познающего Ego, не имеющего ни формы, ни содержания и ускользающего от любой возможности его фиксации. …Собственно

субъект, чистое Ego познающего сознания прозрачно для самого себя и если удалить из него все объективирующее содержание, все не-сознание, то не останется ничего, кроме неуловимой, но очевидной способности проявлять себя, создавая объекты сознания в виде ли мира, тела или эмпирического и особого, трудно передаваемого «чувства авторства». В этом виде оно [Сознание. – *Примеч. Е. С.*] представляет собой весьма специфическую реальность. Оно не натурально и не субстанциально. Про него трудно сказать, что оно обладает определенными качествами: оно не имеет «природы». Сознание – «ничто» в том смысле, что ни один сознательный феномен не обладает «привилегией» представлять сознание» [12, с. 4]. Из этих положений вытекают довольно важные следствия. В частности, мысль о том, что слепоглухой ребенок действует на уровне сознания, проявляет себя, испытывает «чувство авторства», создает объекты сознания (практика символотворчества – одна из наиболее интригующих и увлекательных тем в специальной психологии и педагогике, рассмотрение которой еще предстоит осуществить). Тот особенный способ освоения продуктивного действия, которым пользуется слепоглухой ребенок в эксперименте и в условиях специального обучения, на наш взгляд, самоценен. В условиях иной культуры, иной цивилизации, чем наша, он мог бы стать основой осязательно мыслящей, пластически выразительной и чувственно ориентированной культуры. Как отмечал Ю. М. Лотман, история человечества знает подобные случаи, и это были высокоразвитые культуры [5]. Но современный мир – это мир преимущественно визуальных форм, в котором людям с дефицитарностью визуального дискурса либо уготована участь культурного примитива (С. А. Сироткин и Э. К. Шакенова, например, говорят о слепоглухих-«жестовиках») [10], либо ему нужны посредники-подвижники, помогающие осуществлять перевод других логик на язык тела (что трудно представить в современном социуме).

Библиографический список

1. Басилова, Т. А. О развитии игровых навыков у слепоглухих детей / Т. А. Басилова // Дефектология. – 1994. – № 2.
2. Глотова, Г. А. Человек и знак: Семиотические аспекты онтогенеза человека / Г. А. Глотова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 256 с.
3. Психосемиотика телесности / Е. С.Никитина, Ю. А. Сорокин, Д. В. Реут, А. Ш. Тхостов ; под общ. ред. и с предисл. И. В. Журавлева, Е. С. Никитиной. – М. : КомКнига, 2005. – 152 с.
4. Зинченко, В. П. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития / В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков // Психологическая наука и образование. – 2002. – № 2.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
6. Луньков, А. И. Методы и приемы индивидуальной психолого-педагогической помощи / А. И. Луньков // Как помочь ребенку в учебе в школе и дома [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.com/Baby/psychologist/Literature/Lunkov/03.htm.
7. Мещеряков, А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения / А. И. Мещеряков. – М. : Педагогика, 1974. – 325 с.
8. Мещеряков, А. И. Первоначальное обучение слепоглухонемого ребенка / А. И. Мещеряков, Р. А. Мареева. – М. : Просвещение, 1964.
9. Петрова, Е. А. Визуальная психосемиотика общения : автореф. дис. … д-ра псих. наук / Е. А. Петрова. – М. : МГОПУ, 2000.
10. Сироткин, С. А. Как общаться со слепоглухими / С. А. Сироткин, Э. К. Шакенова. – М. : ВОС, 1986. – 80 с.
11. Суворов, А. В. Формирование личности при слепоглухоте в свете проблемы искусственного и естественного интеллекта [Электронный ресурс] / А. В. Суворов. – Режим доступа: http://vio.fio.ru/vio_06/cd_site/Articles/art_1_10. htm.

12. Тхостов, А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 1994. – Т. 2. – № 3. – С. 3–12.

© Стебляк Е. А., 2010

Автор статьи – **Елена Анатольевна Стебляк**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии НОУ ВПО «ОмГА».

Рецензент – Н. Н. Большаков, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и специальной психологии НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 159.9

Е. А. Стебляк, М. В. Горбатенко
Омская гуманитарная академия

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ГЛАЗАМИ Л. С. ВЫГОТСКОГО

В статье обсуждаются пути выхода из кризиса современной психологической науки. В анализе современной ситуации развития психологии авторы отталкиваются от идеи Л. С. Выготского о противоборстве двух тенденций, что позволяет представить методологический дуализм психологии в ретроспективе и перспективе. Рассматриваются как достоинства, так и уязвимые для критики позиции обеих методологий, возможности их совмещения, допускаемые принципом дополнительности Н. Бора.

Ключевые слова: кризис в психологии, дуализм психологии, принцип дополнительности.

Прослеживая ход рассуждений Льва Семеновича, посвященных кризису психологии начала XX в. [4], мы постарались применить его критерии – анализ предмета, метода, способа интерпретации фактов и языка психологии – к оценке ее состояния в наши дни и пришли к заключению, что оценка Льва Семеновича могла остаться неизменной, так как основания для нее остались. Вероятно поэтому в начале XXI в. отечественные психологи вновь обратились к обсуждению проблемы психологического кризиса. Сегодня, как и век назад, по данному вопросу просматриваются разные позиции: одни авторы утверждают, что имеющийся в психологии плюрализм вовсе не показатель кризиса, а свидетельство особого статуса психологии как полипарадигмальной и полипредметной науки, «где каждая теория конструирует свой предмет и метод исследования» [9]. Другие авторы, напротив, убеждены, что кризис в психологии все-таки имеет место, и предлагают разные способы его решения.

Итак, признавая на фоне множественности конкурирующих истин наличие кризиса, ученые предлагают в качестве пути выхода из него два способа. Одни ученые видят выход в интеграции психологического знания на основе идей, названных А. В. Юревичем «методологическим либерализмом». Согласно последнему необходимо, сохранив неизменными уже имеющиеся точки зрения, навести «мосты» между ними, предложив «комплексные (многополярные) психологические объяснения», «в которых нашлось бы место и нейронам, и смыслу жизни» [14]. Сторонники альтернативной позиции считают, что выход из кризиса

заключается в построении новой системы психологической науки. Подобный выход и предлагался в свое время Л. С. Выготским, который связывал будущее психологии с разработкой новой общей науки, соответствующей историческим условиям и логике развития самой науки психологии. Позже попытки строительства единой теории психологии предпринимались А. Н. Леонтьевым, Б. Г. Ананьевым, Л. М. Веккером и др., однако задача эта так и осталась нерешенной. На сегодняшний день, в эпоху признания плюрализма истин и локальной ценности знания, большинство психологов утверждает, что системное решение в психологии принципиально невозможно. Так, М. С. Гусельцева говорит, что «психология исключительна своей несводимостью к единой теории, единой концепции» [5]. Большинство психологов согласны с таким вектором развития психологии в эпоху постмодерна. Однако не все психологи соглашаются занять постмодернистские позиции (например, Е. Е. Соколова). Защищая немодную нынче точку зрения, она вслед за некоторыми авторами считает, что и постмодернистская эпоха тоже уже позади, а «в условиях разразившегося в мире системного кризиса опять необходимо построение «метанарративов» (т. е. систем знаний), что в психологии существует некое *«единство в многообразии»,* «только оно не дано «на поверхности», и требуется специальная историко-методологическая работа, чтобы подобное единство увидеть» (В. С. Степин, Е. Я. Режабек, М. Эпштейн, В. Савчук) [12, с. 101].

Обратимся же к этому многообразию, таящему в себе искомое единство. Вообще говоря, и во времена Выготского, и теперь разных психологий, исключающих друг друга, было не так много. При внимательном анализе оказывается, что на самом деле «существуют две психологии – естественно-научная, материалистическая и спиритуалистическая»; это «два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания; все остальное есть различие в воззрениях, школах, гипотезах, частные, столь сложные, сколь и запутанные и перемешанные, слепые, хаотические соединения, в которых бывает подчас очень сложно разобраться. Но борьба действительно происходит между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений» [4, с. 381]. В современной психологии разграничение психологий объяснительной (позитивистской) и описательной (психологии понимания) сохранилось. Но остались ли прежними те приоритеты, которые провозглашал Лев Семенович?

Вспомним, что вся научная деятельность Выготского была направлена на то, чтобы психология смогла перейти «от чисто описательного, эмпирического и феноменологического изучения явлений к раскрытию их сущности». Он протестовал против засилья в изучении сознания метода прямого эмпирического наблюдения, самонаблюдения, феноменологических репрезентаций, осуществляемых путем непосредственного однократного усмотрения истины. Высказываясь весьма жестко в отношении феноменального языка с его дескриптивными понятиями, он проводил в жизнь косвенный метод изучения по следам, метод реконструкции. Отвергая доступное переживанию знание, он все же настаивал на том, что «каждая вещь есть всеобщая мера, в которой отражен весь большой мир» и «нам нужно отвоевать для психологии право рассматривать единичного индивида как социальный микрокосм, как тип, как выражение или меру общественного» [4, с. 402–403]. Л. С. Выготский был приверженцем причинного объяснения и объективно-аналитического метода, языка функциональных понятий.

Соглашаясь с предложенной Л. С. Выготским систематизацией ведущих тенденций психологии, можем ли мы также принять как сохранившие актуальность сделанные им выводы? Приходится признать, что в современной психологии акценты в оценках обеих психологий сместились. И хотя в современной психологии мы находим приверженцев обеих ветвей психологии, психологический анализ все дальше уходит от жесткой дихотомии по типу «или-или» в их восприятии. Исследователи тяготеют к тому или иному полюсу методологической оппозиции в силу приверженности к рассмотрению разных аспектов психического – его механизмов (психомеханики) (В. М. Аллахвердов, А. Ю. Агафонов и др.) или содержания сознания («мира», «пропасти», «паутины» смысла) (В. В. Знаков, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюк, А. А. Пузырей и др.). Эти предпочтения – не произвол, ведь «поскольку че-

ловек является одновременно и причинно обусловленным, и свободно мотивированным существом, постольку к нему возможен как научно-объяснительный, так и «понимающий», герменевтический подход» [13, с. 32]. Признавая за объяснительно-аналитическим и феноменально-описательным модусами психологического знания разные приоритеты в исследовании психического, ученые разграничивают также их принципы, методы, язык, видят как их неоспоримые достоинства, так и уязвимые места. Остановим внимание на подходе к языку двух психологий. Яркий приверженец теоретических понятий, В. М. Аллахвердов, квалифицирует язык современной «наивной» стадии развития психологии как эмпирический. Несомненное достоинство составляет способность эмпирических языковых средств метафорически выразительно запечатлевать субъективные переживания психической реальности человека. Однако, утверждает В. М. Аллахвердов, «опасно строить на метафорах логически стройную теорию» – теорию, стремящуюся к описанию механизма работы сознания [2, с. 29]. Особенно подчеркивается значение логики в описании психического, так как «только логика, всегда упрощающая реальность, позволяет понять принципиальную простоту и единообразие природы психических явлений» [1, с. 16]. Не менее активно современная психологическая мысль разрабатывает и другой подход к языку своих исследований. Проект органической психологии В. П. Зинченко, будучи посвящен тайне смысла живого сознания человека, не избегает интеллектуальной материи, но прокладывает путь к ней через живую метафору [7]. «Обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, порой банальность определений, возвращает к тайне смысла, вызывает желание прикоснуться к ней, сделать ее более ощутимой» [6, с. 100]. Этот путь помогает «оживить существующие концепты», обеспечить предшествующее знанию понимание.

За истекший со времени написания «Исторического смысла психологического кризиса» век психологи переосмыслили достоинства и уязвимые места обеих методологий с их количественным и качественным подходами. Подобный ход размышлений все больше набирает силу ввиду популярности не монистических, а эклектических подходов (теория отношений Мясищева, 1978; теория установки Узнадзе, 1982; теория переживания Василюка, 2003 и др.). Сегодня актуально определение меры сочетания в одном исследовании различных принципов, методов с учетом предмета изучения. При этом все чаще вопрос ставится в духе признания невозможности сочетания в одном исследовании объективного и субъективного описания. Тем не менее, подчиняясь принципу дополнительности Н. Бора, исследователи пытаются совмещать изучение психического содержания как со стороны субъекта, так и с позиции внешнего наблюдателя (Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Коржова, С. К. Нартова-Бочавер и др.). Хочется заметить, что основания для этого видятся в многомерности мира человека, в котором, по мнению В. В. Знакова, встречаются три типа ситуаций человеческого бытия. В. В. Знаков указывает: «утверждать преимущественную естественно-научную или гуманитарную направленность всей психологической науки некорректно, потому что сама реальность, в которой живет человек, оказывающийся объектом психологических исследований, неоднородна» [8, с. 47]. Соответственно, для изучения различных ситуаций необходимы и различные методы, например, экзистенциальные ситуации или феномен мудрости требует скорее постижения, нежели рефлексивного анализа (Л. И. Анциферова).

Особенностью современного состояния психологии является анализ условий переноса статистических закономерностей на индивидуальный уровень [3]. Всеми без исключения признается, что объяснительно-аналитический модус, номотетическая наука, рассматривает общие законы. Важным здесь является понятие общего, понимаемое после Виндельбанда как верное для всех объектов из выделенной группы. Однако современные исследователи, перенося статистические закономерности на индивидуальный уровень, имеют дело не с «верным для всех», а с общим, которое «верно для всех в среднем и ни для кого конкретно» (Lamiell, 2003). Иными словами, групповые статистические показатели на уровне отдельного индивида не имеют смысла. Критики номотетического подхода намечают некоторые альтернативы, среди которых, во-первых, предложение проводить проверку исследуемой выборки на эрго-

дичность перед переносом статистических закономерностей, а во-вторых, предложение перейти к идеотетическому подходу, представляющему синтез номотетического и идиографичекого (Lamiell, 2003).

Таким образом, столь критически оцененный Л. С. Выготским феноменально-описательный модус в современной психологии проходит фазу «реабилитации» и определения позиций. Современные ученые заново познают его многофункциональность, учатся сочетать качественный подход с количественным. Так, Н. К. Радина отмечает значительные сложности в обработке материала, полученного качественным методом, практическую неоформленность процедуры исследования при помощи метода «Изучение отдельного случая» и др. [11].

Отдельного упоминания заслуживает то обстоятельство, что методологическим следствием принципа дополнительности для психологии стало формирование методологической парадигмы конструктивизма. Психологическое сообщество все чаще задумывается над тем, что позиция исследователя, его средства наблюдения, ценностно-мотивационная сфера и язык описания необходимо участвуют в построении познаваемой реальности. Идея о том, что социальная реальность во многом определяется тем, что мы думаем о ней, актуализирует исследовательский инструментарий, адекватный для множественности возможных моделей мира, себя, других людей [10]. С этой целью привлекаются возможности нарративной психологии и психотерапии, анализ дискурсивных и недискурсивных практик. Принял бы Лев Семенович Выготский конструктивизм как миропонимание? Вопрос можно расценить как мысленный методологический эксперимент. Представляется, что ответить можно словами самого Л. С. Выготского, сказанными им в работе «Исторический смысл психологического кризиса» о специфичности человеческой картины мира: «…мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. …Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении, а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [4, с. 347]. Представляется, что эти гениальные слова были предтечей нашего сегодняшнего открытия целого ряда конструктивистских идей.

Библиографический список

1. Агафонов, А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или Как сознание неосознанно принимает решение об осознании / А. Ю. Агафонов. – Самара : Бахрах-М, 2007. – 336 с.
2. Аллахвердов, В. М. Сознание как парадокс / В. М. Аллахвердов. – (Экспериментальная психологика, Т. 1.) – СПб. : ДНК, 2000. – 528 с.
3. Воронин, И. А. Проблемы применения дифференциально-психологической методологии в исследовании личности / И. А. Воронин, Ф. И. Барский // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория : материалы науч. конф. 20–22 окт. 2009 г. – Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л. А. Цветковой, В. М. Аллахвердова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 168–171.
4. Выготский, Л. С. Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : В 6 т. – Т 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – С. 291–436.

5. Гусельцева, М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки / М. С. Гусельцева // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 107–119.

6. Зинченко, В. П. Живые метафоры смысла / В. П. Зинченко // Вопросы психологии.– 2006. – № 5. – С. 100–113.

7. Зинченко, В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В. П. Зинченко. – М. : Новая школа, 1997. – 336 с.

8. Знаков, В. В. Многомерный мир человека: три типа ситуаций человеческого бытия / В. В. Знаков // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория : материалы науч. конф. 20–22 окт. 2009 г. – Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л. А. Цветковой, В. М. Аллахвердова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 46–49.

9. Корнилова, Т. В. Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. – Спб. : Питер, 2006. – 320 с.

10. Петренко, В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках / В. Ф. Петренко // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория : материалы науч. конф. 20–22 окт. 2009 г. – Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л. А. Цветковой, В. М. Аллахвердова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 74–82.

11. Радина, Н. К. К вопросу об использовании качественного подхода в психологии / Н. К. Радина // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория : материалы науч. конф. 20–22 окт. 2009 г. – Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л. А. Цветковой, В. М. Аллахвердова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 86–89.

12. Соколова, Е. Е. Почему я не постмодернист, или История психологии как методологический эксперимент диалектики / Е. Е. Соколова // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория : материалы науч. конф. 20–22 окт. 2009 г. – Выпуск 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л. А. Цветковой, В. М. Аллахвердова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – С. 99–102.

13. Солдатов, Д. А. О методологическом дуализме понимания человеческого / Д. А. Солдатов // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты. – М. : Смысл, 2006. – С. 31–36.

14. Юревич, А. В. Парадигмальные дебаты / А. В. Юревич // Методология и история психологии. – 2007. –Т. 2. – Вып. 3. – С. 3–17.

© Стебляк Е. А., Горбатенко М. В., 2010

Авторы статьи: **Елена Анатольевна Стебляк**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии НОУ ВПО «ОмГА»;

Марина Валентиновна Горбатенко, студентка НОУ ВПО «ОмГА» (специальность «Психология»).

Рецензент – О. А. Таротенко, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 378

И. Х. Туракулова, Х. Б. Абдуллаев
Джизакский государственный педагогический институт
(Узбекистан)

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ДУХОВНО-ИММУНОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В данной статье речь идет о подготовке будущих учителей начальных классов к защите своих учащихся от отрицательных влияний с помощью приема «Имоготерапия».

Ключевые слова: Имоготерапия, массовая культура, менталитет нации.

Сегодня мы не должны забывать о существовании таких бед, как международный терроризм, политический экстремизм, наркоагрессия, СПИД, «Массовая культура и вольность», националистический шовинизм, торговля людьми, которые угрожают жизни человечества. Опасность этих бед состоит в том, что они действуют скрытно, под какой-нибудь маской. В действительности их основная цель – разрушить нашу **духовную жизнь.**

Отсюда вытекает основная задача – добиться формирования стойкого национального идеологического иммунитета у личностей, могущих бороться против любого отрицательного влияния, угроз, опасностей, обращенных на сбивание их с пути.

Целью написания данной статьи является раскрытие процесса подготовки будущих учителей начальных классов к защите своих учеников от отрицательного влияния с использованием приема «Имоготерапия».

Хорошо усвоившие пути и средства воздействия на духовность нашей студенческой молодежи представители чуждых идей действуют широкомасштабно, в результате чего среди молодежи встречаются **духовно нездоровые** личности (равнодушные, лентяи, незрелые «роботы», не интересующиеся судьбой Родины, неграмотные, любители развратного образа жизни, циничные).

Таких людей можно к чему угодно склонить, потому что они верят, что мираж – это родник. Термин «духовно больной» использован по аналогии с медицинским термином «больной». Известно, что **«болезненность»** – это напряжение организма из-за несоответствия внутренней «атмосферы» физиологическим внешним факторам, то есть невыполнение организмом своих функциональных задач.

Проведение массовых воспитательных, духовно-нравственных и идейно-политических мероприятий среди студенческой молодежи положительно влияет на развитие мировоззрения. Но в массовых воспитательных мероприятиях, организуемых под маской **«вольности»** и **«массовой культуры»,** участвуют «духовно больные», слепо поддающиеся чужим влияниям. Через них наши идеологические противники пытаются добиться своих целей, создают условия для легкой жизни, широкие возможности для реализации подобных развлечений.

Показ по некоторым каналам пропагандирующих порнографию передач, чуждых природе человека и нравственности общества, формирует у молодежи склонность к легкой жизни.

Основная цель действий, направленных на ослабление национальной духовности молодежи, – превращение человека в существо, подобное животному. **«Идейным центрам»**, осуществляющим данную задачу, нужны слепо верующие во что угодно люди, а не люди нравственные, просвещенные, самостоятельно мыслящие. Духовно бедные люди не могут

видеть будущее, не имеют возможности мыслить здраво. Можно сделать вывод, что цели, лежащие в основе существующих разрушительных идей, – навязывать свои идеи в сознании духовно бедных людей, искоренять их человеческий облик, превращать их в **роботов**.

Поэтому нужно воспитывать духовно зрелую молодежь, способную к борьбе против подстрекательских идей и идеологий. Результаты проведенных научных исследований показывают, что необходимо систематически прививать в сознании и душе молодежи основы национальной духовности.

Как представители народа, который дал миру великих людей, мыслителей, мудрецов и святых, ставящих превыше всего такие человеческие качества, как честь, стыд, совесть, вера, убеждение и т. д, мы должны бороться с безнравственностью.

Но противостоянием решить проблему нельзя. Нужно усилить работу по духовно-нравственному воспитанию.

Необходимо правдиво доводить до сознания молодежи суть существующих угроз, цель политики, основанной на запугивании и насилии, пробудить ненависть к **международному терроризму** (Ферганская трагедия (1990), движение по установлению халифата в Намангане (1991), февральские события в Ташкенте (1999), теракты в Янгиабаде и догматический террор в Вобкенте (1999), действия террористических групп в районах Сариасия и Узун Сурхандарьинской области (2000), террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне (11 сентября 2001 г.), в Ташкенте и Бухаре (2004), майские события в Андижане (2005) и др.) и на этой основе объяснять направленность терактов.

В целях усиления неприятия терроризма важно представить следующую информацию. «Из произведенных террористических акций в мире за последние десять лет 47% – **взрывы** (из них 13,7% – с помощью бомб), 7,4% – **убийства**, 7,5% – вооруженные нападения. Вследствие них погибли тысячи невинных людей» [4].

Сохраняя национальный иммунитет студенческой молодежи, используя современную рекламу и клипы, выражающие чувство национальной гордости и представляющие национальные ценности, укрепляющие национальный менталитет, а также примененяя прием **«Имоготерапия»** в образовании-воспитании, можно бороться против чуждых течений в нашей идеологии.

Терроризм не знает границ. Существенное значение имеет следующая мысль доктора социологических наук, профессора М. Бекмурадова: «Путем насыщения сознания населения различными религиозными догмами добиться политических целей стало своеобразной особенностью периода конца XX и начала XXI века. Это наглядно проявляется в деятельности групп, сект, течений, отделившихся от таких крупных мировых религий, как ислам, христианство, буддизм и иудаизм. Процесс воздействия с помощью религиозных убеждений заканчивается преображением сознания, мировоззрения людей и в конечном счете превращением их в духовных зомби. Как происходит отравление сознания молодежи, каков механизм их зомбирования, как протекает этот процесс, какие формы и приемы для достижения своих гнусных целей используют чуждые идеологические силы? Исследовать и бороться с этим считается одной из актуальных задач, стоящих перед обществом»[2].

Значит, сегодня национально-духовное воспитание является самым незыблемым направлением в воспитании студенческой молодежи. Для осуществления этого созданы широкие возможности. Если использовать прием Имоготерапии, формируется здоровый иммунитет и благодаря этому в дальнейшем укрепляются следующие навыки:

– воздержание от дурных привычек; умение бороться против несправедливости и насилия;

– проявление неприятия к злодеяниям; доброжелательность и любовь к благодеянию;

– почтительное отношение к семье, родителям, махалле, коллективу, Родине;

– уважение к старшим и милосердие по отношению к младшим.

В борьбе с наркоманией нужно исходить из того, что она является одной из причин деградации общества, семьи и самого человека.

В борьбе против СПИДа необходимо разъяснять суть этой болезни. Синдром приобретенного иммунодефицита относится к заразным заболеваниям. СПИД разрушает деятельность жизненно важных органов человека и приводит к смерти. СПИД серьезно подрывает защитные способности организма – иммунную систему человека. Скрытный период СПИДа продолжается от одного месяца до одного года, при этом больной создает серьезную опасность для окружающих. Целесообразно организовать здоровый образ жизни молодежи.

Сбор, систематизация данных и использование их в духовно-иммунологическом воспитании молодежи служит укреплению национального менталитета у будущих поколений.

Сведения должны быть обоснованными, точными, вызывать доверие.

В борьбе с безнравственностью, эгоцентризмом важно раскрыть истинную сущность подстрекательских идей «массовой морали» и «вольности».

В борьбе против распространения разной информации в Интернете нужно обратить внимание молодежи на следующие аргументы. Сейчас в мире 450 млн чел. пользуются Интернетом, и это число постоянно растет. Когда президент республики И. Каримов сказал о том, что отрицательные воздействия идеологических полигонов намного сильнее, чем воздействия ядерных полигонов, он подчеркивал безграничность распространения клеветы и небылиц. В качестве доказательства достаточно привести следующую информацию, значащуюся под заголовком: «Аль Каида готовит видеообращение», опубликованную 5 января 2008 г. в газете «Узбекистон овози»: «По мнению исследователя Саудовской Аравии Халеда ал-Фарамина, «Аль-Каида» ведет войну не путем военных операций, а с помощью информационного штурма, подвергая серьезной опасности безопасность стран мира» [1].

В борьбе против политического экстремизма приемлемо использовать сведения об отрицательных последствиях действий экстремистских групп и догматиков, сведения о космополитизме, клерикализме, идеализме, фундаментализме и религиозном фанатизме; сведения о сущности целей религиозных экстремистских течений и о последствиях их для сознания студентов.

Для борьбы с наркоагрессией, нужно собрать и систематизировать материалы о производстве и реализации наркотических веществ и о последствиях их применения.

Для борьбы с «Массовой культурой и вольностью» нужно собрать информацию по раскрытию истинной сущности этого явления (разврат, порнографическое фото, садизм и т. д.).

Всякий сознательный человек разделяет следующую мысль М. Сайидова: «…Преследуемая цель пропаганды, направленной на завладение сознанием детей, состоит в разлучении молодежи со своей нацией и религией, в воспитании людей, склонных к аморальному образу жизни, разврату и насилию, живущих равнодушно к происходящим событиям в мире.

Подстрекательствующие силы пытаются помутить светлый разум, сознание, здоровое мышление людей, заменить формировавшиеся в течение всей истории человечества традиции и ценности склонностями, противоречащими человечности, воспитать далекое от человечности поколение, готовое сделать что душе угодно, быть гегемоном где угодно в мире – вот их истинная цель» [3].

Значит, мы должны воспитывать молодежь не только для сегодняшнего дня, но и для будущего – с высокими нравственными качествами, сочетающимися с национальным иммунитетом и менталитетом, с твердыми убеждениями, с широким мировоззрением. Объяснить, что возвеличивание человека, сохранение нации есть прочная интеллектуальная основа национальной самобытности.

Посредством реформ системы непрерывного образования республики происходят перспективные положительные изменения. Чтобы сохранить стабильность этих изменений, необходимо серьезно и кропотливо работать родителям, учителям, воспитателям, ученым-специалистам, чья деятельность связана с развитием личности, людям, ответственным за пропаганду национальной идеи и за повышение эффективности духовно-просветительских работ.

Если достигнем этой цели, то получим следующие эффективные результаты:

– создание фундаментальной основы защиты от чуждых и вредных воздействий на сознание и душу молодежи;

– формирующееся на этой основе гармонично развитое поколение, которое в будущем может защитить следующее поколение от чуждых и вредних воздействий;

– изучение национальных ценностей в таком виде, в каком они из века в век передаются от поколения в поколение;

– создание эффективных методов, универсальных дидактических средств, передовых технологий и надежных, совершенных механизмов борьбы против чуждых, вредных идей, которые занимают сознание и душу молодежи;

– воспитание личностей, верных национальному менталитету, с идеологическим иммунитетом, твердой совестью, твердыми убеждениями, твердой волей, высокоинтеллектуальных.

Борьба за сознание и душу молодежи – актуальная проблема времени.

Библиографический список

1. «Аль-Каида» готовит обращение // Узбекистон овози. – Ташкент, 2008 (05.01.2008).

2. Бекмурадов, М. Механизм идеологического зомбирования. Маърифат / М. Бекмурадов. – Ташкент, 2007 (02.06.2007).

3. Сайидов, М. Без высокой духовности невозможно построить свободной и благополучной жизни / М. Сайидов // Халк сузи. – Ташкент, 2007 (07.01.2007).

4. Газиев, С. Словарь духовности / С. Газиев, Г. Ибрагимова, Х. А. Туракулов. – Ташкент, 2007.

© Туракулова И. Х., Абдуллаев Х. Б., 2010

Авторы статьи: **И. Х. Туракулова**, преподаватель кафедры педагогики ДжГПИ им. А. Кадыри МНО РУз;

Х. Б. Абдуллаев, преподаватель кафедры теории и практики начального образования ДжГПИ им. Кадыри МНО РУз.

Рецензент – Х. А. Туракулов, доктор технических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, декан факультета педагогики ДжГПИ им. А. Кадыри.

УДК 612.821

Е. П. Щербаков
Омский государственный педагогический университет

ПО ПОВОДУ ИНСТИНКТА ЛЮБВИ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЯМ

Иногда считается, что любовь родителей к детям не может быть фактором воспитания, т. к. любовь относится к инстинктам. В предложенной статье доказывается, что любовь родителей к детям является фактором воспитания. Рассматриваются генотипы поведения животных и человека, вскрываются методологические ошибки в одном из учебных пособий.

Ключевые слова: любовь родителей к детям, воспитание, инстинкт.

Родителями могут быть люди или животные. И те и другие любят своих детенышей. Чтобы понять различие в любви человека и животного, следует сопоставить генотипы и ветви их развития. Выдающийся австрийский ученый – этолог Конрад Лоренц, лауреат Нобелевской премии, рассказывает о чувствах, поступках, настроении и поведении домашних животных, в частности о взаимоотношениях человека и собаки [1], следующим образом.

«Преданность собаки – это дар, накладывающий на того, кто его принимает, не меньше обязательств, чем человеческая дружба. И это следует иметь в виду всем, кто намеревается обзавестись четвероногим другом. Случается, конечно, что собака сама навязывает вам любовь, которой вы не искали, как случилось со мной, когда я, катаясь на лыжах во время отпуска, познакомился с Хиршманом, ганноверской ищейкой. В то время Хиршману было около года, и он уже стал типичной собакой, так и не обретшей хозяина, – старший лесничий, которому он принадлежал, любил только свою старую жесткошерстную легавую и не обращал ни малейшего внимания на несуразного щенка, не обещавшего стать хорошей охотничьей собакой. Хиршман был ласковым, чувствительным псом и побаивался хозяина, что не слишком рекомендует лесничего как хорошего дрессировщика. Но я не составил особенно высокого мнения и о Хиршмане, когда уже на второй день он отправился с нами. Я принял его за подхалима – и ошибся, так как потом выяснилось, что он следовал не за нами, а только за мной одним. Когда однажды утром я обнаружил, что он спит под дверью моей комнаты, я усомнился в своем первоначальном заключении и подумал, не означает ли это зарождение великой собачьей любви. Я опоздал со своей догадкой. Клятва верности была уже принесена, и в день моего отъезда собака не захотела от нее отречься. Я попытался поймать Хиршмана и запереть его, чтобы он не побежал за нами, но он старательно держался в стороне от меня. Дрожа от тоски, опустив хвост, он с безопасного расстояния смотрел на меня, словно говоря: «Я сделаю для тебя все, что ты захочешь, за исключением одного – я тебя не покину!». И я сдался. «Сколько вы возьмете за свою собаку?» – спросил я у лесничего. С его точки зрения, поведение Хиршмана было чистейшей воды предательством, и он ответил резко: «Десять шиллингов!» Это прозвучало как ругательство. Но прежде чем он нашел более весомые слова, десять шиллингов были вложены в его руку, а две пары лыж и две пары собачьих лап уже неслись под уклон. Я знал: Хиршман последует за нами, но ошибочно полагал, будто, мучимый угрызениями совести, он будет бежать далеко позади, думая, что нарушил запрет. Однако произошло нечто совершенно неожиданное: могучее собачье тело ударило меня в бок, как пушечное ядро, и я шлепнулся на обледенелую дорогу. Далеко не всякий лыжник сумеет удержать равновесие, если не него внезапно прыгнет огромный пес, обезумевший от востор-

га. Я недооценил сообразительности Хиршмана, и он исполнил танец радости над моим распростертым телом.

Я всегда относился очень серьезно к ответственности, которую приносит с собой собачья преданность, и горжусь тем, что однажды чуть не погиб, – правда, не преднамеренно, – спасая собаку, которая провалилась в Дунай при температуре –28°. Моя собака Бинго, бежавшая по ледяной кромке, поскользнулась и свалилась в реку. Бедный пес не мог зацепиться когтями за лед и выбраться из воды. Собаки быстро устают, когда им приходится карабкаться на слишком крутой берег. Они принимают неловкую, почти вертикальную позу и могут легко захлебнуться и утонуть. Поэтому я забежал вперед – Бинго несло течение, – лег на лед, чтобы распределить свой вес равномернее, и пополз к воде. Когда Бинго поравнялся со мной, я ухватил его за загривок и рывком вытащил на лед, который не выдержал дополнительной тяжести и обломился, так что я бесшумно нырнул в ледяную воду головой вперед. Бинго в отличие от меня оказался на льду головой к берегу и успел быстро перескочить на более надежный припай. Теперь положение стало обратным – Бинго в волнении бежал по кромке льда, а меня уносила река. В конце концов, поскольку человеческая рука лучше собачей лапы приспособлена для того, чтобы хвататься за скользкие поверхности, я сумел самостоятельно избежать гибели. Мои ноги нащупали дно, и я выбрался на лед. …Человек – существо, наделенное разумом и высокоразвитым чувством нравственной ответственности, существо, для которого высшей и благороднейшей верой стала вера в братскую любовь, – именно тут вдруг оказывается менее благородным, чем четвероногий хищник. Говоря так, я вовсе не позволяю себе впасть в сентиментальный антропоморфизм. Даже самая высокая человеческая любовь порождается не рассудком, не специфически нравственным чувством, а берет начало в гораздо более глубоких и древних чисто эмоциональных, а значит, инстинктивных слоях. Самое безупречное и нравственное поведение утрачивает цену в наших глазах, если оно диктуется только рассудком.

…Даже в наши дни человеческое сердце все еще остается таким же, как у высших животных, ведущих групповой образ жизни, как бы безмерно ни превосходил их человек благодаря своему разуму и нравственному чувству. Факт остается фактом: моя собака любит меня больше, чем я ее, и это всегда порождает во мне смутный стыд. Собака в любой момент готова пожертвовать ради меня жизнью. Если бы на меня напал лев или тигр… все мои… собаки без малейшего колебания кинулись бы в неравную схватку ради того, чтобы на несколько секунд продлить мою жизнь» [1, с. 128–130].

К высказываниям К. Лоренца можно сделать некоторые ремарки. Человек – существо, для которого высшей и благороднейшей верой стала вера в братскую любовь благодаря разуму и высокоразвитому чувству нравственной ответственности. С этим нельзя не согласиться, но с разумом и чувством нравственной ответственности не рождаются, они развиваются в процессе воспитания. Социальное окружение внушается то, воздействуя на чувства, что и укладывается «в гораздо более глубоких и древних чисто эмоциональных… слоях». Нравственное, благородное, возвышенное закладывается социальным окружением в древний мозг, в центры эмоций и затем проявляется как убеждения и чувства. Убеждение – это совпадение рационального и эмоционального. К. Лоренц прав, когда пишет, что нравственное поведение утрачивается, ели оно диктуется только рассудком. Но если руководствоваться только эмоциями, то может быть мало человеческого.

Неудачное предложение: «Даже самая высокая человеческая любовь порождается не рассудком, не специфически человеческим чувством, а берет начало в гораздо более глубоких и древних и чисто эмоциональных, а значит, инстинктивных слоях». У человека фактором порождения чувства любви может быть мировоззрение как система знаний. Процесс познания связан с эмоциональными переживаниями. Чувства человека, как и его любовь, несколько иное явление, чем эмоции и чувства собаки. Но и у собаки закладывается в центры эмоций (инстинктивные слои) отношение к различным сторонам жизнедеятельности. Поведение и действия собаки зависят от хозяина собаки, сформировавшего ее отношение: к ре-

бенку, к другим животным. Энергия отношения находится в древнем мозге, а содержание отношения будет зависеть от воспитанности, а у человека еще и от самовоспитанности.

В предисловии к книге К. Лоренца В. В. Шульгавский и З. А. Зорина [1, с. 4–13] пишут о том, что К. Лоренц считал, что собаки понимают человеческую речь лучше, чем приматы, хотя по интеллекту они уступают последним. Однако за прошедшие годы после написания книги стало очевидным: человекообразные обезьяны способны понимать речь человека, пользуются отвлеченными понятиями и даже могут шутить. К. Лоренц заметил способность собаки притворяться перед хозяином больной, скрывать от хозяина, что не сразу признала его, входящего во двор дома. К. Лоренц полагал, что снижение роли инстинктов, исчезновение жестких рамок, которыми определяется поведение большинства животных, было необходимой предпосылкой для появления особой, чисто человеческой свободы действий.

Высказывания К. Лоренца повышают интерес к тайнам психики, к психологии как науке, но в методологическом плане они не раскрывают исходные моменты появления того или иного явления. Отношение «изначально» исходит из подкорки. Да, энергия исходит из подкорки, но детерминация явления закладывается извне. Пример из жизни медведей [2]. Каждый год в России около 500–600 медвежат отстается сиротами. Если медведица-мать будет испугана человеком, если медвежата были в контакте с человеком, медведица бросает своих детенышей. Срабатывает инстинкт самосохранения. Медведь, выросший рядом с человеком, выпущенный на волю, будет тянуться к человеку. Такой медведь не боится человека и поэтому обречен быть убитым.

В. С. Пажетнов, доктор биологических наук, действительный член Российской экологической академии, заслуженный эколог России, разработал и реализует методику спасения медвежат, выращивания их, отпускания их на волю в подростковом возрасте.

Задача воспитателей медвежонка – научить его бояться человека, даже если он выкармливается с рук. С одним «поколением» работает только один человек, при приглушенном свете, чтобы не дать запомнить деталей. Воспитатели не должны пользоваться туалетным мылом, духами. При медвежатах нельзя разговаривать, не должно быть объятий, ласк. Как считает В. С. Пажетнов, настоящая медвежья жизнь у медвежат будет, если человек изберет правильную меру любви, которая дает силы вырастить медвежонка и мудрость не дать ему себя полюбить.

В 2003 г. в издательстве Института психотерапии (г. Москва) вышло учебное пособие «Психологическое сопровождение родительства» [3], предназначенное для студентов, изучающих психологию.

В аннотации указывается, что пособие может быть полезно специалистам в области практической психологии, аспирантам, социальным педагогам. Тираж составил 5000 экземпляров. Автор учебного пособия Р. В. Овчарова. В параграфе 2.3 «Родительская любовь как психологический феномен» на с. 72 имеется сноска: «В данной главе использованы материалы диссертационного исследования Е. В. Милюковой, выполненного под нашим руководством». Разберем содержание этого параграфа.

В учебном пособии приводятся биологические и социальные детерминанты родительской любви, обеспечивающие ее развитие и проявление. К биологическим детерминантам относятся:

1) биологический,

2) родительский,

3) половой инстинкт,

4) физиологическая связь между родителями и ребенком.

Рассмотрим их обоснование с цитированием пособия.

1. «В природе существуют биологические законы (инстинкты сохранения и продолжения рода, половой инстинкт), которые заставляют человека иметь детей и способствуют развитию и проявлению родительской любви. В рамках этологического подхода родительская

любовь рассматривается как врожденный биопсихологический механизм, объединяющий человека с большинством видов животных» [3, с. 76].

Перенос психики человека в инстинкты неправомерен. Есть врожденные непосредственные рефлексы, когда на раздражитель следует непосредственный ответ. Следующий более высокий уровень развития психики – инстинкт. Это врожденные акты поведения, представляющие собой безусловные (врожденные) рефлексы, которые выполняются в определенной последовательности. В инстинктах раздражения исходят как из внешней, так и из внутренней среды. Инстинкты так же, как безусловные рефлексы, являются бессознательными. Птица высиживает яйца не только собственные, но и других птиц. Следующий уровень проявления психики – условные рефлексы. Их основу составляют устойчивые временные связи между раздражителями и ответными действиями. Они образуются при многократном повторении. На этом уровне у животных начинают проявляться элементы интеллектуальных действий. Данный уровень психики проявляется у собаки.

К. Лоренц писал: «Я думаю, что человек впервые покормил шакала примерно пятьдесят тысяч лет назад, а впервые поселил его у себя в озерном жилище приблизительно за двадцать тысяч лет до начала исторической эры» [1, с. 30]. За такой эпохальный период животные в своей психике не изменились. А вот человек существенно изменился: 65 тысяч лет назад неандерталец уступил место кроманьонцу Homo sapiens. У современного человека отмечается увеличение лобных долей мозга. В отличие от собаки человек имеет интеллект, сознание и самосознание. Уровень его психики несопоставимо выше. Собака действует по врожденным рефлексам, инстинктам и как ее научили (условным рефлексам), а человек в своем поведении имеет огромные альтернативы. Не зря человечество использует религию, чтобы управлять огромным диапазоном возможных мыслей и действий людей. Сознание с помощью речи является управляющим устройством по отношению к подсознанию, древнему мозгу. Если животными руководят биологические законы, то у человека ведущую роль играют социальные явления. Перенесение биологических законов напрямую на психику человека составляет механицизм методологического характера.

2. «Родительский инстинкт представляет собой совокупность сложных врожденных реакций, предположить целесообразное поведение организма во внешней среде» [3, с. 76]. Можно понять, что речь идет о животном, например о собаке, а не о человеке или личности. Причем врожденные реакции предопределяют «целесообразное поведение». Читаем далее в этом же абзаце: «Таким образом, родительскую любовь можно рассматривать как природную особенность родителей, для которых характерен «родительский инстинкт», включающий в себя «половой инстинкт», «материнский инстинкт» и «инстинкт отцовства» [3, с. 76]. В этой трактовке приравниваются понятия «родительский инстинкт» и «родительская любовь». По сути, в учебном пособии не дается понятие « любовь». Об этом говорится, когда речь идет о «врожденных реакциях», половом и материнском инстинктах. Поведение человека, наделенного сознанием и интеллектом, существенно отличается от поведения животного. Однако в пособии на рис. 2 [3, с. 89] показаны сущность и уровни родительской любви, наряду с социальными составляющими представлен блок «Биологическая составляющая (инстинктивный компонент)».

3. «Половой инстинкт (половое влечение) в живой природе имеет единственную цель – самопроизводство и размножение. Самки животных не способны испытывать оргазм» [3, с. 76]. И далее идет опора на опубликованные лекции Л. Б. Шнейдера [4]. У человека половое влечение раздвоилось: с одной стороны, за ним сохраняется целевая репродуктивная функция, с другой – половой акт сам по себе, без цели деторождения, стал для женщины привлекательным, приносящим удовольствие. Со временем последнее вытесняет первое. Чтобы не забеременеть, используются различные средства и способы. Заканчивается абзац так: «Таким образом, половой инстинкт лежит в основе родительской любви, однако его роль в ее развитии и проявлении не является доминирующей»[3, с. 76]. Половой инстинкт объясняется по схеме, относящейся к животному, а увязка его осуществляется с родитель-

ской любовью человека. Однако пока это не родители, а только любящие или нравящиеся друг другу мужчина и женщина.

Конечно, секс связан с любовью, но секс может быть и без любви. Половой акт, обозначенный в учебном пособии, не может называться половым инстинктом. В этом проявляется перевод жизнедеятельности животного на жизнедеятельность человека.

Считается, что любовь не может быть фактором воспитания. Хотя известно, что если ребенок не пережил любви к себе со стороны родителей, то имеет какие-то акцентуации характера. Более того, человек должен любить себя. Если он не будет любить себя, то он не сможет любить другого. Действительно, трудно представить нелюбящего себя в исполнении любви к другому.

Что же мешает педагогам признать любовь как фактор воспитания ребенка? Возможно, сказывается фрейдовская позиция, согласно которой любовь связана с сексом. Ученик З. Фрейда – К. Юнг – еще при жизни учителя предложил свое понимание структуры личности, в которой ид (либидо) отсутствует.

Виды любви бывают разные: материнская, отцовская, брата к сестре и сестры к брату, между братьями, между сестрами, сына к матери или к отцу, к городу, к малой родине, к своей отчизне, к животным, к природе и т. д. Но родительской любовью можно подавить в ребенке субъекта жизнедеятельности. Он может стать несамостоятельным, беспомощным, безинициативным, неуверенным или, наоборот, эгоистичным, нетерпимым к другим.

Чувственная сторона человека тесно связана с сексуальной энергией, так как их центры близко расположены в древнем мозге. Чтобы поведение людей было упорядоченным, человечество установило правила, нормы морали, традиции, обряды. Этим стала заниматься религия, юриспруденция.

А. Некрасов пишет: «Если сексуальная энергия уходит из сферы жизненных интересов, то снижается физическая активность и быстро приближается старость»[5, с. 142]. С возрастом мужчины начинают обращать внимание на молодых девушек, пожилым женщинам зачастую нравятся молодые мужчины. Часты повторные браки с большой разницей в возрасте супругов.

А. Свияш и И. Незовибатько написали монографию [6] о том, как продлить энергию жизнедеятельности. Сексуальную энергию можно и нужно направить на свое здоровье, на омоложение. Существует множество практик, помогающих освоить управление энергией жизни. Эти практики не физиологические, а психологические, что означает: сексуальной энергией можно управлять.

Любовь родителей к ребенку – это во многом эмоционально-чувственная сфера. Рассмотрим эмоциональное состояние спортсмена во время спортивных соревнований. Несмотря на чрезмерное волнение, спортсмены участвуют в спортивных соревнованиях, со временем овладевают способностью управлять собой и достигают выдающихся результатов.

Эмоционально-чувственный компонент родительской любви к ребенку не является чрезмерным потрясением. Поэтому родительская любовь к ребенку является фактором воспитания.

4. Физиологическая связь между родителями и ребенком. Исследователи [3] выделили в любви родителей, как сложном образовании, следующие компоненты: когнитивный, эмоционально-чувственный, действенный и психофизиологический, который позднее был назван биологическим. Первые три компонента понятны и правомерны. А четвертый компонент, психофизиологический или биологический, является непонятым. Что было основанием к обозначению «психофизиологическое»? «Психо» означает, что функционирует психика, но увеличение частоты сердечных сокращений, гиперфункционирование гармональной системы и др. присуще эмоционально-чувственному компоненту. Психофизиологическое и эмоционально-чувственное обозначает одно и то же.

Позднее психофизиологическое в любви родителей к ребенку было заменено термином «биологическое». Действительно, когда ребенок находится во внутриутробном положении, с

помощью пуповины имеет место биологическая связь. Питание плода зависит от питания матери и его состояние зависит от состояния матери. С рождением биологическая связь существенно меняется: ребенок самостоятельно дышит, он уже может и питаться искусственной пищей, специально приготовленной для соответствующего возраста. Если мать кормит грудью, то можно считать, что между матерью и ребенком существует частичная связь, которая с течением времени будет уменьшаться, и биологическая связь закончится. В учебном пособии термин «симбиоз» используется в переносном смысле. И правильно, т. к. симбиоз – биологическое длительное сожительство организмов разных видов, обычно приносящее им взаимную пользу (грибы и водоросли) [7, с. 556].

5. В пособии объясняется: «Между отцом и ребенком физиологическая взаимосвязь появляется с рождением ребенка. Впоследствии физиологическая взаимосвязь становится основной для возникновения эмоционально-чувственных отношений между родителями и ребенком» [3, с. 77]. Непонятна физиологическая взаимосвязь.

В результате контактных раздражений отца, матери и ребенка идет нарастание дистантных контактов. «На основе этого происходит формирование физиологической взаимосвязи между родителями и ребенком» [3, с. 85].

Для эмоционально-чувственных и коммуникативных отношений между людьми используются вербальные и невербальные средства (слова, интонация, междометия, прикосновения, мимика, пантомимика, кинесика, паузы, дыхание-придыхание). Если существуют электромагнитные волны, посылаемые индуктором и принимаемые реципиентами, то они остаются подпороговыми. Изучение посыла и принятия мысленных приказов или просьб в научных исследованиях не показало статистически значимой достоверности. Физиологическое основание в объяснении взаимопонимания родителей и их детей нуждается в тщательном изучении.

Постоянное общение родителей и детей приводит к хорошему пониманию друг друга с помощью не только вербальных, но и невербальных средств. Как родители, так и дети начинают понимать друг друга по незначительным признакам, связанным с теми или иными явлениями, предметами. Имеют место антицитирующие реакции, т. е. действия на опрежение ситуации. Это может создавать иллюзию эмоционального-чувствования наступления события, хотя оно еще не наступило.

6. Не должна вводить в заблуждение метофорическая фраза «моя кровинушка». Сама по себе кровь не несет какие-либо элементы наследственности. Во время хирургических операций переливание крови решает важные задачи. Но кровь не несет содержательной стороны жизнедеятельности человека.

7. Любовь родителей к ребенку – это забота о его здоровье, выращивание, обучение и воспитание, понимание его трудностей и успехов, общение, удивление новому и радость по отношению к прекрасному в жизни, то есть эмоционально-положительное отношение, выражающееся в эмоционально-чувственном проявлении, действиях, словах, интонации, мимике и пантомимике. По мере роста и развития ребенка родительская любовь изменяется, трансформируется. Родителям приходится действовать стратегически (какой ребенок должен быть) и тактически (как действовать сейчас). Любовь к ребенку формирует личность ребенка, но и сами родители открывают для себя много нового, интересного. Любовь родителей порождает любовь ребенка к своим родителям. Воспитание ребенка относится к деятельности, имеющей, в отличие от других видов активности человека, следующие особенности: длительность (много лет или всю жизнь), исторический характер, общественную (и государственную) значимость.

Библиографический список

1. Лоренц, К. Человек находит друга : монография / К. Лоренц. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 176 с.

2. Митина, Л. Школа медвежат / Л. Митина. – Ридерз Дайджест, май-июнь. – 2010. – С. 88–95.

3. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства : учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2003. – 318 с.

4. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений / Л. Б. Шнейдер. – М., 2000.

5. Некрасов, А. А. Род, семья, человек : монография / А. А. Некрасов. – М. : Амрита – Русь, 2008. – 206 с.

6. Свияш, А. Секс как радостная психотерапия для очень занятых дядь и теть : монография / А. Свияш, И. Незовибатько. – М. : АСТ ; Астрель, 2009. – 348 с.

7. Современный словарь иностранных слов : справочное издание. – М. : Русский язык, 1993. – 740 с.

© Щербаков Е. П., 2010

Автор статьи – **Е. П. Щербаков**, доктор психологических наук, профессор Омского государственного педагогического университета.

Рецензент – В. Н. Смоленцева, завкафедрой психологии Сибирского государственного университета физической культуры, доктор психологических наук, профессор.

РАЗДЕЛ 4
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.752.4

В. С. Болтунов
Омская гуманитарная академия

ДИХОТОМИЯ КУЛЬТУРЫ КАК КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

В статье проанализировано состояние современной культуры с точки зрения сложившейся иерархии жизненных ценностей, при которой приоритетное значение получили материальные ценности в ущерб духовным. Предлагается рассмотреть процесс конвергенции «двух культур» и роль в этом художественного слова как формы общественного сознания.

Ключевые слова: дихотомия, конвергенция культуры.

Понятие «дихотомия культуры» появилось в конце XIX – начале XX в., когда в философии обозначилось направление т. н. критической философии культуры, имевшей начало у Ф. Ницше, затем – у О. Шпенглера, в «философии жизни» Г. Зиммеля, у Э. Фромма, В. Хёсле.

Русская философская мысль задолго до «заката Европы» [19] и до «сумерек богов» указывала на признаки кризиса культуры Нового времени. В этом плане интересны мысли русских философов и писателей, начиная с XVIII в.: Д. Аничкова, В. Золотницкого, М. Данилова с их «мыслями о душе» [2], затем в XIX в. историософские статьи Ф. И. Тютчева, книга «Россия и Запад» Н. Данилевского, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, труды К. Леонтьева и других. Наконец, золотой век русской философии, прерванный насильственной эмиграцией писателей и ученых в 1922 г. и позже Соловками.

В советский период значимы работы о культуре М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, а на рубеже XX–XXI вв. на тему дихотомии и аксиологии культуры вышли научные труды М. С. Кагана, А. А. Миголатьева, Б. Н. Бессонова, Н. Н. Моисеева, Б. Н. Тарасова.

Способом диалектического существования, проявления дихотомии культуры в общественном сознании являются т. н. оппозиционные течения в оценке кризисного состояния общества. Поэтому на фоне и нынешнего кризиса исследование этих течений актуально и обусловлено необходимостью обозначить приоритеты, в том числе и в современном состоянии

«двух культур», как охарактеризовал это состояние Ч. П. Сноу [12]. Речь идет о соотношении и значимости в обществе материальной и духовной культур, о их резком аксиологическом разделении (дихотомии).

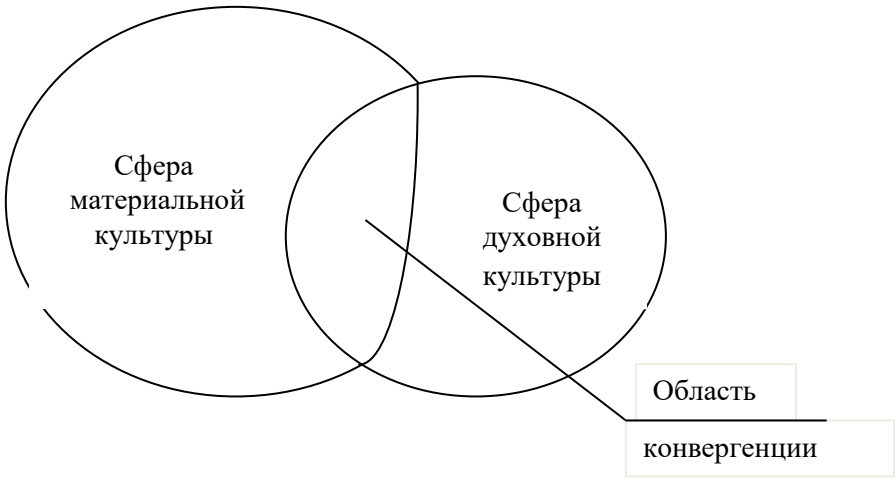
Цивилизация на современном этапе (особенно ее западная ветвь) столкнулась с разбалансированностью развития двух сфер: если материальная культура развивается по нарастающей, явно прогрессирует, то духовная культура занимает маргинальное положение. Эта тенденция не может стать в достаточной степени постигаемой общественным сознанием, и человек посреди всех материальных благ, комфорта и средств коммуникаций чувствует себя дезориентированным, духовно подавленным и отнюдь не свободным, если с точки зрения И. Канта считать свободу «последней целью» культуры [9, с. 464].

Кризис культуры связан с индустриальной революцией, давшей толчок развитию материального производства и соответствующих ему новых общественных отношений. Прогресс материальной культуры дал основание говорить о цивилизации как о некоей высшей точке культуры, отличной от других, неразвитых, с точки зрения европейской, мировых культур. Удар по такому представлению был нанесен в XX в., когда цивилизованное человечество было дважды ввергнуто во взаимоистребление в мировых войнах.

Если культура есть, по одному из определений, только «*творческая* деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания… направленная на преобразование действительности»[1], то сразу предстает вопрос о производстве оружия и всяких других средств насилия и уничтожения людей – как осмыслить все эти атрибуты и сопутствующие им идеологии, в культуре они или вне культуры? Возникла мысль о вивисекции цивилизации, или, то же самое, о дихотомии культуры и отнесении к цивилизации достижений только материальной культуры. Тогда произошел возврат в понимании культуры как сферы только творческой и духовной деятельности – занятий искусством, литературой… Понималось, что деятельность художника, хотя бы на этапе творения, по иным представлениям – при общении его с Высшими сферами, не увязана с материальным потреблением, с рыночной конъюнктурой и прочим. Но такое понимание тоже только усугубляло дихотомию.

По другому определению культура – это *все*, что внесено человеком в мир *сверх природы.* Но из этого *всего* не все результаты деятельности человека становятся материальными сущностями. Если природа есть материальный мир с единственной духовной универсалией, которую представляет в нашем понимании ее Творец, то для «второй природы», как определяют еще культуру, характерно как раз иное – творение духовных смыслов отдельными индивидами. Среди важнейших духовных смыслов такие идеальные абстракции, как совесть, милосердие, любовь, свобода… Однако их значение в общем понимании культуры заметно упало на фоне впечатляющих достижений материальной культуры.

Предлагается рассматривать культуру в виде двух виртуальных взаимосвязанных сфер со смещенными вследствие дихотомии центрами (рисунок).



Единство культуры задает область конвергенции. К данной области относятся атрибуты и технологии из сферы материальной культуры, способствующие развитию духовной

культуры, облегчающие творческий процесс, предоставляющие новые материалы, средства коммуникации и т. д. И наоборот, и это главное, к этой области необходимо отнести артефакты, влияющие на материальное производство, духовные смыслы, освящающие ту или иную деятельность в материальном производстве.

В конвергенции двух культур большую роль играет аксиологическая концепция культуры, вносящая в общественное сознание представление о жизненных ценностях. Современная аксиология культуры сигнализирует, что нарушена иерархия жизненных ценностей. Общество, где на первое место поставлено получение прибыли отдельной социальной группой и отсюда – стимулирование безудержного потребления у остальной части общества, неминуемо, как писал еще Ф. М. Достоевский в заочной дискуссии с позитивистами, «уткнется» в барьер: «Ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о которой оно наткнется и остановится. Этот забор есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его».

Философия культуры изучает закономерности развития культуры, механизмы ее циклического обновления, механизмы преемственности. Но принципы действия этих механизмов, одним из которых является действие «системы оппозиционных вариантов» [5], требуют еще пристального внимания и научной проработки.

Философия литературы позволяет с учетом новых подходов рассмотреть известный способ литературного творчества – способ отражения или экспликации действительности художественным словом – и применить этот метод к изучению проблемы дихотомии культуры, увидеть в художественном творчестве ту самую *«систему оппозиционных вариантов»*. Цель такого исследования – понять генезис дихотомии, реальные процессы в обществе, вызванные дихотомией, и выявить по возможности некоторые предпосылки для формулирования парадигмы культуры нового века через принципы художественной философии.

Одной из целей исследования является – показать, что искусство художественного слова своими эстетическими возможностями *способствует* выявлению культурных конфликтов, их сглаживанию и разрешению. Таковы культурные конфликты в российском обществе на рубеже веков, которые имеют сущностный характер, ведут к смене вектора развития всей цивилизации. При этом выявляется недостаток в структурном анализе кризисных явлений, в рассмотрении диалектики конфликтов, их стадиальности, эволюции и тенденции к обострению. Кроме того, теория культуры в общем испытывает необходимость в развитом понятийном аппарате и целостном анализе.

Какие же возможности дает художественное слово, его специфика? Во-первых, это наше духовное наследие, всегда напоминающее об истинной иерархии жизненных ценностей, к нему мы вынуждены возвращаться в кризисные для культуры моменты истории. Проблемы дихотомии, оппозиционные течения в культуре можно подкрепить примерами их экспликации в литературных произведениях, а методы отражения увязать с теоретическими подходами философии литературы.

Природа оппозиционных течений выявляется через осмысление понятия «культура», через дуализм в культуре (материальное – духовное), что является ее имманентным свойством, так как на всем протяжении человеческой истории параллельно опредмечиванию в материальной сфере шли поиски смысла рукотворной деятельности за пределами утилитарного ее назначения. И всякое смещение акцентов в сторону превосходства достижений материальной культуры, принижение значения духовной работы или подавление ее тоталитарной властью приводит цивилизацию в тупик.

На примере творчества русских писателей (Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. Н. Радищева, Ф. М. Достоевского) можно представить, как шел процесс альтернативного осмысления цивилизации и культуры – работа души и философская рефлексия, которые расставляли в общественном сознании приоритеты духовного. Такое осмысление позволило постулировать художественное слово как форму философского мышления.

К такому выводу подводят и современные философы:

– М. С. Каган в числе «трех основных форм философского мышления» называет «форму мышления, соответствующую его лирико-публицистическому характеру, ориентированному на поэтические, художественные формы постижения бытия»;

– В. С. Стёпиным отмечено, что философское познание мира «развивается в многообразии философских жанров – от тяготеющих к художественно-поэтическому изложению идей до почти аксиоматических построений, аналогичных научным теориям;

– в книге Д. М. Федяева замечено: «Литературное произведение… несет философскую мысль, выраженную в скрытой, неявной форме» [16];

– в колоссальной по объему (1100 страниц) «Социологии философий» Ральф Коллинз отметил: «Русская литература служила своего рода движителем философских и политических идей… помещенных в литературную форму» [10].

Различаются две формы существования оппозиционных течений в литературе: 1) внутренняя – сосуществование идей, их полифония внутри отдельного произведения и 2) внешняя форма, когда в общем потоке литературы оппонирующие течения существуют между ее отдельными направлениями, отражающими социокультурные конфликты, и между отдельными авторами – адептами того или иного направления.

Оппозиционные течения в литературе отражают основной спектр взглядов на иерархию жизненных ценностей, рассматриваемую в аксиологии культуры. И начала концепции «двух культур» можно найти в художественном слове с точки зрения двух исторически сложившихся дуальностей:

– модусов бытия и обладания и

– модусов свободы.

Дуализм жизненных модусов – *модуса бытия* и *модуса обладания*, прошедший в своем диалектическом взаимодействии путь, равный истории человеческого общества, лежит, по мнению Э. Фромма, в основе выявившейся в начале XX в. дихотомии культуры. Причем установка на тот или иной модус менялась в разные периоды истории и в разных обществах. Для ранних обществ то, что названо «реализацией себя как личности», означало жить в лоне традиции, родовой или теологической. Такой способ существования отвечал бытийному модусу, соответствовал духовной культуре, несмотря на неразвитость общественного сознания ранних социумов.

Современное общество характеризует установка на обладание, накопление, потребление. Бытие потребителей исчерпывается формулой: «я есть то, чем я обладаю и что потребляю». Аксиологическая концепция Фромма доказывает относительность понятий богатства и бедности во взаимодействии двух жизненных модусов, двух ментальностей и, соответственно, двух культур, а приоритет духовности существования он выводит из осознания индивидом и обществом в целом усугубляющегося кризиса культуры.

Социальной природой дихотомии культуры обусловлено появление дуализма свобод – свободы экономической (материальной) и свободы духовной. Проблема свободы вызывает дополнительный смысловой взрыв различных оппозиционных течений в понимании культуры.

Выход из кризиса культуры лежит на пути *сближения двух ее ветвей* – цивилизации как «совокупности достижений материальной культуры» и духовного наполнения этих достижений, в лучшем случае – в устранении дихотомии и в *конвергенции двух сфер* – материальной и духовной. Конвергенция как раз обеспечит жизненным модусам – обладания и бытия и модусу свободы – *соразмерность*, в соответствии с прямым значением слова «модус», с латинского – «мера».

С точки зрения представленных модусов можно исследовать специфику развития российской духовной культуры на примере оппозиционных течений в художественном слове, исследовать преемственность в культурно-историческом процессе, в существовании противостояния «двух культур». В понимании этого процесса раскрываются различные предпосылки, ведущие либо к разрешению культурных конфликтов и к расцвету культуры, либо к усугублению ее кризиса. При этом учитывается, что культурная парадигма Новой истории

постоянно увязывалась с социальными процессами, обусловленными дуализмом в модусе свободы. Наряду с модусами бытия и обладания оппозиционирующие течения в проблеме приоритета свобод – материальной (экономической) или духовной – также определяли дихотомию культуры.

В России начала дихотомии культуры связаны с оформлением освободительной идеи, которое шло в двух направлениях: реформистском и революционном. Соответственно, оппонирование идей, их культурный диалог представлялись в общественном сознании в виде двух течений философской и художественной мысли – консервативном и революционно-демократическом (либеральном).

По результатам социальных потрясений на Западе было замечено, что социально-этические, духовно-нравственные проблемы революциями не решались: насилие одной личности над другой, одной социальной группы над другой каждый раз вновь оформлялось на уровне государственных установлений. Это показывают художественные и критико-публицистические произведения Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, И. В. Киреевского, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, а с другой стороны – В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена.

Значение оппонирования идей в общественном сознании (в искусстве и литературе, как формах его) трудно переоценить: на начальной стадии развития культурных конфликтов оппонирование идей намечало пути выхода из конфликта, минуя опасный для общества кризис, расставляло «вехи», по которым России через двести лет еще предстоит найти свой путь.

Освободительная идея в России прошла свой, подчас трагический путь развития. Накоплен богатый опыт практического воплощения этой идеи, и художественное слово транслирует этот духовный опыт на будущее. Своеобразное, полифоничное и оппозиционированное отражение общественных проблем в искусстве является тем методом художественной философии, который позволяет раскрыть предпосылки развития культуры.

XX в. показал, что культура авангарда и поставангарда не смогла сгладить какие-либо культурные, а в общем случае социальные конфликты. Бездуховность общества потребления только усугубляет экономические противоречия, которые неразрешимы из-за отсутствия духовной компоненты в модусе современной цивилизации, и такое состояние может привести к цивилизационному коллапсу вследствие многих сугубо материальных обстоятельств.

По мнению некоторых современных западных философов, в частности В. Хёсле, онтологически материальные и идеальные факторы культуры оказывают друг на друга обоюдное влияние. Причем, утверждает он, «...с точки зрения методологии кажется очевидным, что духовным факторам нельзя отказать в превосходстве, ибо только таким образом можно обнаружить смысл в истории» [18].

Тем не менее, действительный ход вещей говорит о том, что дихотомия культуры расширяется, хотя элитарное искусство продолжает поддерживать планку ее духовности. Значимой остается прогностическая роль художественного творчества, которое расставляет свои *сигнальные системы* на пути культуры и цивилизации.

На основе значимости в духовной культуре художественного слова можно сформулировать парадигму культуры как *совокупность теоретических и методологических предпосылок,* определяющих исследование культуры XXI в. Согласно М. С. Кагану: «Искусство моделирует, иллюзорно воссоздает целостное человеческое бытие… культура реализует это бытие именно как человеческое во всей полноте исторически выработанных качеств и способностей» [8]. На основании такого посыла, помня, что и Т. Кун в понятии «парадигма» видел некую **модель** философского дискурса, парадигма культуры сводится к следующему:

– прежде всего, это ***аксиологический подход в исследовании культуры,*** расстановка приоритетов в определении ее дальнейшей эволюции;

– второе, ***сближение двух ветвей культуры*** – цивилизации как «совокупности достижений материальной культуры» и духовного наполнения этих достижений; в лучшем слу-

чае – устранение дихотомии и полная ***конвергенция сфер культуры*** – материальной и духовной;

– третье, повышение роли общественного сознания, его различных форм, прежде всего ***художественного слова с его диалектическим методом*** осмысления мира и человека – через отражение оппонирующих течений.

«Возможно ли соединить науку, мораль и гуманизм? – спрашивает Б. Н. Бессонов в книге «Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий». – Возможны ли «зрячий» прогресс, нравственный разум? Возможны. Все больше людей, осознав, что закон современной цивилизации – все больше производить и все больше потреблять – несостоятелен, поворачиваются к вечным, абсолютным духовным ценностям» [4, с. 65–66].

Таким образом, духовность становится вызовом времени, и человечеству остается только принять этот судьбоносный вызов.

Библиографический список

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М., 1986.
2. Артемьева, Т. В. «Область дай уму…» / Т. В. Артемьева // Мысли о душе. – СПб. : Наука, 1996.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худ. литература, 1975.
4. Бессонов, Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже XX и XXI столетий / Б. Н. Бессонов. – М. : Норма, 2006.
5. Доброхотов, А. Л. Избранное / А. Л. Доброхотов. – М. : Территория будущего, 2008.
6. Еремеев, А. Э. И. В. Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820–1830) / А. Э. Еремеев. – Омск, 1996.
7. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное : В 2 т. – Т. 1. Философия культуры. – М., 1996.
8. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб., 1996.
9. Кант, И. Сочинения : В 6 т. / И. Кант. – Т. 5. – М., 1996.
10. Кибальник, С. А. Художественная философия Пушкина / С. А. Кибальник. – Л., 1998.
11. Коллинз, Р. Социология философий / Р. Коллинз. – Новосибирск, 2002.
12. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М. : Языки русской культуры, 1999.
13. Сноу, Ч. П. Две культуры / Ч. П. Сноу. – М., 1973.
14. Соловьёв-Андреевич, Е. А. Опыт философии русской литературы / Е. А. Соловьёв-Андреевич. – СПб., 1905.
15. Тарасов, Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции) / Б. Н. Тарасов. – СПб. : Алетейя, 2001.
16. Трубина, Е. Г. Философия литературы / Е. Г. Трубина // Современный философский словарь. – М., 2004.
17. Федяев, Д. М. Бытийный импрессионизм лирики Александра Блока / Д. М. Федяев. – Омск, 2002.
18. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – М. : Прогресс, 1986.
19. Хёсле, В. Философия и экология / В. Хёсле. – М. : Ками, 1993.
20. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-н/Д, 1996.

© Болтунов В. С., 2010

Автор статьи – **Валерий Сергеевич Болтунов**, соискатель (НОУ ВПО «ОмГА»).

Рецензент – А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор (НОУ ВПО «ОмГА»).

УДК 159.923.2

О. С. Жарова
Пензенская государственная технологическая академия

ЗНАКИ СЕМИОСФЕРЫ ПРИ ОЦЕНКЕ «ПЛОХОГО» И «ХОРОШЕГО» В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САМОСОЗНАНИЯ

Автор рассматривает самосознание как процесс отношения к миру личности. Самосознание включает в себя семиотическую сферу. Знаки этой сферы наиболее ярко выражены в фольклоре. Обосновывается идея разграничения «плохого» и «хорошего» через индивидуальный способ существования человека. Предлагается авторская версия структуры семиосферы.

Ключевые слова: самосознание, семиосфера, знаки семиосферы.

О самосознании. Связующее звено обыденного сознания народа и индивидуального сознания личности есть часть того, что именуется самосознанием. Самосознание способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет особенности интерпретации приобретенного опыта, служит источником ожиданий относительно себя и своего поведения.

Самосознание выделяет человека из объективного мира. Оно позволяет осознать и оценить свое отношение к миру, позиционировать себя как личность, в аспекте соответствия своих духовных потребностей поведению в социуме, сформировать модель поведения, собственных поступков, действий, мыслей и чувств, желаний и интересов.

Вероятно, это психосоциальный феномен осознания человеком себя в качестве субъекта деятельности, в результате которого представления человека о самом себе складываются в мысленный «образ Я».

В ряде семиотических методов компоненты самосознания могут рассматриваться, например, как указывает В. С. Мерлин:

−сознание своей тождественности;

−сознание своего собственного «Я» как активного, деятельного начала;

−осознание своих психических свойств и качеств;

−определенная система социально-нравственных самооценок.

Все эти элементы связаны друг с другом функционально и генетически, но формируются они не одновременно [1]. Самосознание (как задаток) возникает одновременно с сознанием (и прежде всего с общением) как производное от него, но проявляется по мере развития человека как культурно-исторического субъекта.

В психологическом смысле развитие самосознания происходит по следующим этапам. Открытие «Я» происходит в возрасте одного года. К двум-трем годам человек начинает отделять результат своих действий от действий других и четко осознает себя как деятеля. К семи годам формируется способность оценивать себя (самооценка). Подростковый и юношеский возраст – этап активного самопознания, поиска себя, своего стиля. Завершается период формирования социально-нравственных оценок [1].

Важно отметить, что в формировании основных нравственных ориентировок в детском возрасте важную роль играют сказки, мифы, легенды, былины и т. п. Это объясняется тем, что для детского самосознания фольклорно-мифологические образы доступнее и проще в

восприятии и понимании. Так, на примере сказочных персонажей в детстве, человек учится оценивать себя и окружающий его мир.

На формирование самосознания влияют:

– общественное сознание;

– статус индивида в пространстве языческого и фольклорного мышления.

Следует понимать, что в оценке фантастико-фольклорного и аномального соотношение «Я-реальное» и «Я-идеальное» есть своеобразная оценка результатов своей деятельности. Личность требует оценки самой себя вообще и своей позиции по отношению к миру духовному, невидимому.

Тогда функции самосознания могут интерпретироваться:

– как самопознание – получение информации о себе;

– эмоционально-ценностное отношение к себе;

– саморегуляция поведения [1].

Таким образом, самосознание способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет особенности интерпретации приобретенного опыта, служит источником ожиданий относительно себя и своего поведения.

В рамках отдельных этносов, народностей и других общностей можно говорить о национальном самосознании, которое имеет гораздо более сложную структуру, нежели простое самосознание. Оно предполагает осознание человеком не только своих гражданских прав и обязанностей. Важной составляющей национального самосознания является религия и мифология. Для русского этноса это православие и фольклор.

Повышенный интерес к фольклору как к источнику национальной культуры народа связан с особым ростом исторического и национального самосознания народа. Это можно объяснить тем, что общественное сознание стремится обосновать жизнь ценностями более высокого надматериального порядка, а именно такими общечеловеческими понятиями, как «добро» и «зло», «справедливость», «свобода», «честность», «любовь» и т. д.

Фольклорные тексты насыщены символическими образами и знаковой символикой, которые являются частью *семиотического пространства*.

Семиотическая сфера сознания. Как отдельную науку семиотику выделил американский ученый Чарльз Пирс. Семиотика занимается изучением знаков и знаковых систем, анализирует природу, свойства и функции знаков, классифицирует виды знаков, указывает пути их развития [2, с. 7]. М. К. Мамардашвили определяет семиотику как методику обращения со знаками, когда любой объект представлен как знак чего-то существующего, а любая логическая связь этих знаков предстает как логическая система [3, с. 93].

Однако Ю. Шрейдер в своих работах 70-х годов прошлого века предложил считать исходным понятием семиотики не знак, а «знаковую ситуацию», т. е. ситуацию, когда нечто воспринимается кем-то как знак [4, с. 168–175]. Поэтому станет ли какой-то предмет знаком или нет, зависит от выбора конкретным индивидом использования или неиспользования этого предмета в качестве знака. Иными словами, семиотическая ситуация определяет не столько свойства самого воспринимаемого предмета, сколько ментальное состояние воспринимающего лица. А. М. Пятигорский называет этот факт «психологической предпосылкой семиотической теории» [4].

М. К. Мамардашвили говорит о необходимости в различении понятий «знака» и «символа». С позиций семиотики «знак» является «обозначением» некоего предмета. В качестве знаков используются материальные построения (слова) и материально организованные ситуации (коммуникации, изображения коммуницируемого: жесты, пространственные фигуры, знаковые волны и т. д.) [3, с. 85]. Символы же есть обозначения не предметов, не вещественных структур, а сознательных посылок, результатов сознания. Символ является самостоятельной внезнаковой категорией, которая может быть только понята (или псевдопонята), но не познана [3]. Они берут на себя «апологетическую роль», т. е. роль разъяснения, призна-

ния, доведения до принятия нашей культурой, нашим самосознанием того, что уже заранее задано, того, что уже есть [3, с. 142].

Говоря о знаках, мы говорим о *знании*, говоря о символе, мы говорим о *понимании*. Таким образом, за знанием всегда стоит сознание. Можно предположить, что самосознание позволяет интерпретировать знаки в соответствии с индивидуальными психологическими установками.

Ю. М. Лотман определяет семиотическое пространство знаков и символов как *семиосферу*. По его мнению, любой отдельный язык является погруженным в некое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать и развиваться. «Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» [5, с. 251]. Ю. М. Лотман полагает, что вне семиосферы не существует языка, а следовательно, не может быть и коммуникации.

Е. В. Улыбина определяет семиосферу как сложно организованную систему, включающую в себя всю совокупность принадлежащих культуре текстов, обеспечивающую саму возможность осуществления процесса обмена и накопления информации [6, с. 67].

Можно предположить, что семиосфера имеет следующую структуру.

Первым элементом семиосферы является *семиотическое сознание*. Оно включает в себя набор знаков, символов, понятий, которые определяют отношение общества (этноса) к семиотическому тексту, например к фольклору. Семиотическое сознание может быть наукоемким, т. е. сталкиваясь с каким-либо знаком, человек, обладающий определенными знаниями в конкретной области, может понять его (его символичность). Также семиотическое сознание может работать и на обыденном уровне. Обыденное семиотическое сознание позволяет человеку, глубоко не анализируя знак, воспринимать его дуальность, например «добрый – злой», «хороший – плохой».

Второй элемент – *знаково-смысловые отношения*. В фольклоре, через семиосферу выстраиваются определенные отношения с фольклорными персонажами. Эти отношения могут быть позитивными или негативными, дружелюбными или злобными. Например, Славяне задабривали русалок в русальную неделю, оставляя для них на берегу рубахи.

Модель поведения человека в рамках семиотического пространства является **третьим элементом** семиосферы. Каждый человек выстраивает свою модель поведения в соответствии с психологическими потребностями. Важным здесь является мотивационный фактор. В зависимости от того, какой мотив, связанный с деятельностью, присущ человеку – мотив достижения успеха или мотив избегания неудачи, он будет совершать свои действия относительно представляемых фольклорных персонажей.

Как упоминалось выше, под влиянием обыденного знаково-символического сознания в рамках фольклора в самосознании каждого человека формируются эталонные образы «плохого» и «хорошего». Однако любой фольклорный образ может расцениваться как «хорошее в плохом» и «плохое в хорошем».

Такой фольклорный персонаж, как домовой, наделен негативными чертами в семиосфере общественного сознания. Опираясь на обыденные представления, его можно охарактеризовать как «хитрого», «коварного», «мстительного», «проказника», поэтому в целом он выполняет функцию отрицательного героя. Однако его негативное «перекрывается» и позитивным. При хорошем к нему отношении со стороны хозяев домовой может выполнять и роль положительного персонажа, выступать в роли помощника.

Примером «плохого в хорошем» может служить обряд завивания березки во время празднования Ивана Купалы, когда девушки украшали дерево, а потом толпа разрывала его на ветки с целью приобрести для себя кусочек счастья на весь последующий год. Для достижения положительной цели необходимо совершить символически негативный поступок – как бы принести в жертву березу.

Существование значений в индивидуальном сознании в виде образов, знаков, символов и влияние на них эмоциональных и мотивационных факторов можно охарактеризовать как психосемантику.

Для оценки семантической организации индивидуального сознания В. Ф. Петренко предлагает несколько методик в рамках психосемантического подхода к изучению сознания. Один из методов – метод семантического дифференциала, основанный на применении факторного анализа к исследованию значения. В данной методике процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в ограниченное число континуумов для построения семантического пространства, в котором можно оценивать значение объекта [7, с. 90]. В. Ф. Петренко выделяет следующие факторы для построения такого семантического пространства: «Оценка», «Сила», «Активность», «Плотность», «Упорядоченность», «Реальность», «Обычность» и т. д. Факторные структуры чувствительны к кругу шкалируемых понятий, на базе которых они построены. Для построения шкал используются антонимы, для фактора «Сложность» используются шкалы «сложный – простой», «таинственный – обычный», для фактора «Психологическая комфортность» – «безопасный – опасный», «нежный – грубый».

Семиосфера отличается неоднородностью, что также отмечал Ю. М. Лотман. Рассматривая модель семиотической структуры фольклора или постфольклора, можно выявить несводимость знаков и символов текстов к общему знаменателю, к одинаковому толкованию. Данный факт объясняется *индивидуально-психической* содержательностью сознания.

По мнению некоторых психологов, в том числе Е. В. Улыбиной, тексты семиосферы можно разделить на «правильные» и «неправильные».

«Правильные» тексты составляют основную часть официальной культуры либо близки ей по духу. Они определяют наше восприятие социальной действительности. Рассматривая содержание «правильных» текстов, можно сказать, что они направлены на упрочение существующего мира, выражают ценности стабильности и значимости принадлежности к группе [6, с. 78–79].

К «правильным» текстам можно отнести сказки, в которых, как правило, воссоздаются образы идеально положительных и идеально отрицательных героев, в личности которых отражаются абсолютно позитивные (доброта, красота, смелость и др.) или абсолютно негативные ценности (подлость, коварство, ненависть и др.).

Однако сказки могут являться и примером «неправильных» текстов, в которых отражено отступление от общепризнанных норм, отступление от запретов. В таких текстах затрагиваются темы отце- и детоубийств, кровосмесительных браков, зверских жестокостях и т. д.

При анализе постфольклора к «неправильным» текстам также можно отнести блатные песни, фольк-композиции, девичьи альбомы и т. д. В подобных текстах часто работают упомянутые выше положения «хорошее в плохом» и «плохое в хорошем», наблюдается явный диссонанс доброго и злого, несовпадение морали и успеха, силы и добродетели. Герои таких текстов наделены противоречивыми качествами (часто встречаются такие комбинации, как «честный убийца», «слабодушный герой», «несчастная добродетель», «обаятельный мерзавец» и т. д.). Для «неправильных» текстов характерны гибель или самоубийство положительных героев. Тем самым подчеркивается преобладание личностных ценностей над общественными установками.

Однако, на наш взгляд, деление семиотических текстов на «правильные» и «неправильные» является не совсем корректным. Поскольку существование и популярность таких текстов у народа обусловлены самосознанием. Само повествование о «правильном» порядке жизни породило как протест или как жизненную необходимость появление текстов, смысл которых нарушает само понятие о норме. И если такие тексты (в данном случае фольклорные и постфольклорные) пользуются популярностью, динамично развиваются, то они имеют полное право на существование.

Видимо, нельзя также не отметить тот факт, что семиосферу необходимо рассматривать в рамках определенного этноса (в рамках национального самосознания), который опирается на определенные ментальные установки, в том числе относительно понятия «норма». Что «хорошо» в понимании субъектов одного культурного этноса, то может быть «плохо» в понимании другого.

То же можно сказать относительно субъективной семиосферы индивида, которая формируется под влиянием определенных внешних и внутренних факторов, в том числе под влиянием его психических особенностей. Понимание и истолкование различных символических образов обусловлено включением индивидуально-психических механизмов в структуры сознания. При этом индивидуальное самосознание может воспринять образ (знак), но не всегда оценит его по общественным нормам.

Можно сделать вывод, что внутри такого достаточно целостного пространства, как фольклор, трудно вычленить однородность, поскольку различная мера «хорошего» и «плохого» неизбежно будет создавать ситуацию условного соответствия норме, а не взаимнооднозначной семантической переводимости.

Библиографический список

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946.
2. Елина, Е. А. Семиотика рекламы : учеб. пособие / Е. А. Елина. – М. : Дашков и К°, 2009.
3. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке) / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М. : Прогресс-Традиция ; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
4. Журнал «Радуга». – Таллин, 1996.
5. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000.
6. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М. : Смысл, 2001.
7. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 3-е изд. – М. : Эксмо, 2010.

© Жарова О. С., 2010

Автор статьи – **Олеся Сергеевна Жарова**, ассистент кафедры философии ГОУ ВПО «Пензенская государственная технологическая академия», соискатель ученой степени кандидата философских наук. E-mail: Biryuza8@yandex.ru.

Рецензент – И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология и педагогика» ПФ НОУ «Академия МНЭПУ».

РАЗДЕЛ 5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

В. А. Евдокимов
Омская гуманитарная академия

ИНФОТЕЙНМЕНТ В МАСС-МЕДИА: ПАНАЦЕЯ ОТ СКУКИ И ЭРЗАЦ ДИСКУССИИ

В статье анализируются возможности использования в масс-медиа инфотейнмента, объединяющего информацию и развлечение, особенности его влияния на коммуникационные процессы. Автором предложена классификация инфотейнмента. Статья может представлять интерес для исследователей, изучающих роль средств массовой информации в политической коммуникации, процессы взаимного влияния, взаимопроникновения жанров журналистики.

Ключевые слова: масс-медиа, инфотейнмент, коммуникация.

В сфере масс-медиа происходят процессы сближения различных каналов коммуникации, их взаимного влияния, взаимопроникновения содержательных моделей. Вследствие этого известные жанры журналистики приобретают новые качества. Как отмечают исследователи [1], в средствах массовой информации, особенно на телевидении, получил распространение инфотейнмент (от английских слов information и entertainment) − информация, облеченная в обертку развлечения. Познавая этот симбиоз сообщения и шутки, аудитория в одних коммуникативных ситуациях узнает о чем-то новом, интересном или приподнимает завесу над каким-либо острым взаимодействием, а в других − получает суррогат журналистской мысли.

Инфотейнмент не стал новым явлением в масс-медиа. Такие художественно-публицистические жанры, как фельетон и памфлет, распространены в журналистике издавна. Авторы публикаций подвергают осмеянию как отрицательные явления внутренней и внешней политики, так и отдельных лидеров. В условиях развития информационных технологий

сфера использования развлекательных элементов расширилась, они проникли и в группу информационных жанров. Однако четкого разграничения не существует до сих пор: к инфотейнменту причисляют не только информационные, но и некоторые аналитические, художественно-публицистические материалы.

Симбиоз информации и развлечения получил распространение в США в 80-е гг. XX в. Результаты социологических опросов показали, что «жесткая» новость уже не интересует жителей этой страны [2]. Исследователь Т. Паттерсон в течение двух лет изучал особенности новостей, распространяемых масс-медиа в США, и пришел к выводу, что большинство людей предпочитает черпать известия на кабельных телеканалах и в Интернете, тогда как традиционные печатные издания и вещательное телевидение ради сохранения аудитории вынуждены прибегать к «легким» новостям [3]. Снижение популярности информационных программ инициировало поиск новых форм сообщений. Это повлекло изменение подхода к отбору новостей: уменьшилась доля официальных известий, увеличилось количество известий, рассказывающих о событиях социальной и культурной сферы. Изменились и способы информирования: журналисты старались сконцентрировать внимание публики на интересных деталях, ярких подробностях. В группе новостей выделились информационно-развлекательные [4].

Возможное изменение интересов «потребителей» сообщений масс-медиа предсказывали теоретики информационного общества. По их мнению, в условиях новой информационной среды люди гораздо меньше внимания, чем прежде, уделяют социальным явлениям и проблемам, воспринимая их как незначительные элементы глобальной мозаики [5]. Снижение интереса общества к деятельности социальных институтов и организаций гражданского общества отмечал и М. Кастельс. На его взгляд, общество, электорат приобретает черты «публики», формирующей запрос в развлекательной информации [6]. Интересы и потребности людей исследовал и Э. Тоффлер. С его точки зрения информационному обществу свойственны недолговечность ценностей и идеалов, временный характер потребностей, резкое увеличение объема научно-технических сообщений, повышение степени разнообразия жизненных явлений, обилие субкультур. Огромный объем получаемых сведений лишает человека возможности рационально мыслить и принимать оптимальные решения. Следствием этого стало явление, именуемое «эскейпизмом» − бегством от реальности [7].

Потребности публики в сообщениях развлекательного характера успешно удовлетворяются именно инфотейнментом, являющимся порождением постмодернизма. Постмодернистская тенденция в медиатексте приводит к смешению документального и художественного дискурса. Реальные события трансформируются, становятся частью условного контекста, который может стать интереснее самой информации. Одна из особенностей постмодернистского медиатекста состоит в том, что он не столько отражает действительность, сколько моделирует ее [8].

Повлияло ли распространение инфотейнмента на политическую коммуникацию, на соотношение предлагаемых людям альтернативных видов движения информации? В этой сфере выделяются несколько моделей [9]. Модель *вещания* предполагает распространение информации из центра одновременно многим абонентам на периферию. Это происходит, когда слушатели сосредоточены в одной аудитории, а также в теле- или радиопередаче. Характерными чертами данной модели как типичной односторонней коммуникации являются относительно малая возможность личной обратной связи (особенно если речь идет о СМИ) и определение отправителем времени и места коммуникации.

Диалоговая модель сопряжена с распространением информации в коммуникационной сети, когда посредники исключены из нее: общаясь друг с другом, индивиды самостоятельно выбирают время, место и тему информационного обмена (переписка, Интернет и электрон-

ная почта). Особенность диалоговой модели заключается в том, что она предполагает своеобразное «горизонтальное» равенство участников обмена сообщениями в противоположность «вертикальному принципу» «руководство − подчинение», присущему модели вещания. Подобная коммуникация не исключает участия двух или более сторон (например, дискуссия на интернет-сайте).

Консультационная модель учитывает, что индивид, находящийся на периферии коммуникации, ищет необходимые сведения в центральном информационном хранилище (сервер или иной банк данных, работа с книгами в библиотеке). В отличие от модели вещания место и время консультации, а также тема сообщения определяются не центром, а периферийным пользователем, обладающим максимальной свободой.

Регистрационная модель движения информации является противоположной консультационной: центр запрашивает и получает сведения от периферийного источника. Эта модель применима, когда индивиду закрыт доступ к центральному банку данных, а также при автоматической записи телефонных сообщений во всех системах сигнализации и наблюдения. При этом сосредоточение информации нередко происходит помимо желания индивида или без согласования с ним. Хотя эта схема не нова, ее возможности значительно выросли вследствие компьютеризации и расширения телекоммуникационных сетей. Типичным для регистрационной модели является то, что центр имеет больший контроль над определением направления информационного потока, чем находящийся на периферии коммуникационной сети индивид. В глобальном плане наметившаяся тенденция к смене моделей политической коммуникации, переходу от вещания к демократическому диалогу между управляющими и управляемыми предполагает равноправный обмен точными, полными, завершенными и проверяемыми сведениями о политических явлениях и процессах, сопрягаемыми с основными общественными ценностями, фундаментальными правами и свободами личности.

Уместность инфотейнмента очевидна при любом движении информации (телепередача, переписка, общение с помощью электронной почты и т. д.). На первый взгляд, создатели симбиоза сообщения и развлечения преследуют благородную цель: облегчая восприятие сложных, многозначных понятий, явлений, они будто бы содействуют просвещению граждан, вовлечению их во взаимодействия, происходящие в сфере политики. Однако, с другой стороны, инфотейнмент ограничивает возможности перехода от модели вещания к диалоговой. У человека, получившего информацию развлекательного характера, редко возникает потребность осмыслить ее, установить ее причинно-следственные связи с другими сообщениями о событиях и явлениях политической сферы и вступить в дискуссию.

По всей вероятности, это происходит потому, что инфотейнмент широко распространен на телевидении, которое склонно к фрагментарному отражению действительности, поверхностности в освещении событий и явлений политической жизни, обеспечивает быстрый и легкий доступ к развлечениям в различной форме. Гедонистическая функция телевидения восходит к одному из древних философских течений, сторонниками которого удовольствие возводится в культ и провозглашается как главная цель жизни человека. Но люди ищут и выбирают информацию, чтобы удовлетворить не одну потребность в увеселении, а разнообразные интересы. Анализируя мотивы использования масс-медиа «потребителями», исследователи Д. Маккуэйл, Дж. Бламлер и Дж. Браун установили, что люди смотрят телевизор не только для развлечения, но и для удовлетворения потребности в общении, для усиления личной идентичности, получения информации о злободневных событиях [10]. Если развлекательная функция журналистики затушевывает, подавляет другие (например, аналитическую, социального контроля и регуляции деятельности социальных институтов), тем самым наносится ущерб интересам общества, а тяготеющий к увеселению публики субъект журналистики может восприниматься как колосс на глиняных ногах.

Отрицательные последствия распространения инфотейнмента отмечены рядом российских исследователей. Под влиянием его телевизионной разновидности произошла таблоидизация печатных изданий [11]. Создаваемое упрощенное, легкое отображение политики ведет к снижению качества политических дискуссий в обществе [12], объединение информации и развлечения подрывает доверие к теленовостям [13]. И хотя согласно данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2009 г., примерно 8 из 10 молодых россиян в возрасте от 16 до 26 лет черпают информацию из телепрограмм, доверяют телевизионной информации лишь от 40 до 48 процентов респондентов [14].

Несмотря на снижение доверия публики к телевизионным сообщениям, она все же неравнодушна к событиям политической сферы. Если, как отмечено выше, интерес американцев к «жестким» новостям в 80-е годы минувшего века угасал, то в России влечение граждан к политическим новостям устойчиво. Какую бы часть аудитории масс-медиа не затрагивали те явления, о которых размышляют теоретики информационного общества, далеко не всех людей устраивают сообщения-шутки, вытесняющие аналитические обзоры, журналистские размышления о событиях и явлениях действительности, острые споры, дискуссии о жизненно важных проблемах. Согласно данным фонда «Общественное мнение» 48 процентов россиян интересуются международными отношениями, 43 процента людей − политическими новостями. Об интересе к политике заявляют 47 процентов респондентов [15].

На наш взгляд, можно выделить несколько видов инфотейнмента. Во-первых, в политическом соперничестве для обеспечения конкурентных преимуществ широко используется диффамация. Масс-медиа, оказывающие поддержку какой-либо политической организации, стараются скомпрометировать оппонентов, их лидеров. При этом на первый план выдвигается не собственно информация об их прегрешениях, реальных или мнимых, а комментирование, высмеивание высказываний, действий неугодных политиков.

Во-вторых, масс-медиа могут использовать инфотейнмент-синкретизм. Его можно обнаружить в текстах, авторы которых нарушают единство формы и содержания. Содержание охватывает те элементы произведения, которые выявляют постижение сущности явлений и их мыслительно-эмоциональную оценку, отношение журналиста к ним, и является главной стороной текста. В содержании воплощаются мысли и чувства творящего человека и передаются людям, а форма есть способ решения этой задачи. Форма может способствовать развитию предмета, а может сдерживать его, если, например, трагическую по содержанию идею автор пытается выразить в инфотейнменте и саркастическая лексика используется не к месту. Это происходит, как правило, тогда, когда журналисту не хватает знаний, опыта, чтобы осмыслить значимость совершающегося на его глазах, и он любой ценой старается вызвать интерес аудитории к рассматриваемой теме, которая кажется ему легковесной или скучной.

Вместе с тем, форма имеет и самостоятельную ценность: она отражает мастерство журналиста. В лучших образцах инфотейнмента обостряется противоречие между содержанием (острыми, актуальными темами) и упрощенной формой его подачи. Под влиянием углубляющегося содержания, создаваемого талантливым автором, коммерческая оболочка того, что именуется объединением информации и развлечения, разрывается, и форма изложения изменяется. Она обогащается элементами анализа жизненных явлений, художественной публицистики (это можно сказать, например, о телевизионных работах журналиста Л. Парфенова).

Попытки подсмеиваться над кем-либо, шутить в тех ситуациях, когда естественной является серьезная интонация, приводят к ошибкам. Широкий резонанс в России получила публикация в волгоградской газете «Городские вести», иллюстрированная шаржевым изображением основоположников мировых религий [16]. На рисунке − Христос, Моисей, Будда и Мухаммед, которые находятся перед телевизором, на его экране − две группы людей, готовых к драке. Подпись под рисунком гласит: «Мы вас этому не учили». Журналисты могли бы

учесть, что религиями не приветствуется изображение основателей вероучений. Иллюстрируя серьезную публикацию, связанную с проблемами духовно-идеологической сферы, газета выполнила главным образом развлекательную функцию, однако пренебрегла социальной функцией журналистики, выражающейся в информировании общества с целью достижения взаимодействия, поддержания единства, выработки у граждан уважительного, толерантного отношения к религиозным, национальным традициям. Учредитель принял решение о ликвидации печатного издания.

В южнокорейской газете «Корея таймс» в марте и апреле 2010 г. были опубликованы карикатуры о терактах, происшедших в московском метро и унесших жизни нескольких десятков человек. На одном из рисунков был изображен состав, один вагон которого взорван, возле него − утопающие в крови фигурки людей, а над ними возвышается медведь в шапке-ушанке. Эту карикатуру перепечатала индонезийская газета «Джакарта пост». В бельгийском журнале «Нэк» также опубликован рисунок, на котором изображены два поезда метро, проходящие через глазницы человеческой головы. Эти публикации вызвали отрицательную реакцию российского общества. Руководство южнокорейской газеты было вынуждено публично выразить извинения и соболезнования семьям погибших [17].

В-третьих, масс-медиа могут представить вниманию аудитории инфотейнмент-иллюзию. Авторы информационно-развлекательных материалов, рассчитанных чаще всего на вкусы невзыскательной аудитории, из всего обилия событий и явлений отбирают факты, не связанные с актуальными проблемами жизни общества, закономерностями его развития. Открываются неограниченные возможности для манипулирования. Людям внушаются иллюзии, неоправданные ожидания. Это приводит к убеждению в том, что сфера политики проста для понимания, действия политических лидеров и политических партий легко объяснимы. Введенные таким образом в заблуждение, граждане не придают значения анализу событий, который необходим для принятия решений.

В-четвертых, инфотейнмент-эталон привлекателен для многих людей тем, что его распространяют талантливые журналисты, харизматические личности, способные держать аудиторию в напряжении в ходе теле- или радиопередачи. Они так завораживают людей, что им прощают подчас и поспешность в выборе тем дискуссий, и поверхностность отдельных суждений. Эти журналисты, как правило, служат эталоном и для коллег. Характерно, что первой в США информационно-развлекательные программы ввела компания CBS. Репортеры стали выражать свое отношение к событиям, появляться в кадре рядом с интервьюируемыми. Это было новинкой на телевидении и привлекло внимание к ярким личностям.

В целом инфотейнмент в масс-медиа остается противоречивым явлением. С одной стороны, его форма привлекательна, он вызывает интерес граждан к политической информации. Если политики нарушают законы или правила поведения государственных служащих, ведения предвыборной борьбы, цивилизованного отношения к конкурентам, то, безусловно, могут стать героями инфотейнмента. Например, когда публике показывают лидера, жующего собственный галстук, вряд ли он может вызвать сочувствие многих. С другой стороны, познание связано с процессом осмысления, анализа фактов, сообщений, а интересу большинства людей к развлекательной информации свойственна мимолетность, у них, как правило, не возникает устойчивой тяги к изучению причин и последствий различных событий и явлений политической сферы. Соединение информации и шутки чаще всего низводит политические процессы до ничтожной политической игры. Упрощение политических коллизий, дискуссий на общественно важные темы, внушение иллюзорных надежд, нередкое нарушение единства формы и содержания в инфотейнменте не содействуют формированию политической культуры граждан, удерживают их от глубокого осмысления и осознания сущности политических процессов, места людей в политических действиях.

Библиографический список

1. Postman, N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business [Текст] / N. Postman. − N.Y., 1985; Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном пространстве [Текст] / М. С. Вершинин . − СПб., 2001; Политические коммуникации [Текст] / под ред. А. И. Соловьева. − М., 2004.

2. Михайлов, С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки [Текст] / С. А. Михайлов. − СПб., 2004.

3. Patterson, T. E. Doing well and doing good: How soft news and critical journalism are shrinking the news audience and weakening democracy − and what news outlets can do about it [Текст] / T. E. Patterson. − Cambridge, Harvard university, 2000. − P. 3.

4. Голядкин, Н. А. ТВ информация в США [Текст] / Н. А. Голядкин. − М., 1995.

5. McLuhan, M. Understanding media: The Extensions of Man / M. McLuhan. − N. Y., 1967. (Цит. по: Чугунов А. В. Теоретические основания концепции «информационного общества» [Текст] / А. В. Чугунов. − СПб., 2000).

6. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур [Текст] / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. − М., 1990. − С. 494.

7. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. − М., 2004. − С. 391–393.

8. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. − М. ; СПб., 1998.

9. Грачев, М. Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация [Текст] / М. Н. Грачев. − М., 1999. − С. 134–136.

10. McQuail, D. The television audience: A revised perspective / D. McQuail, J. G. Blumler, J. R. Brown // Sociology of mass communications [Текст] / D. McQuail (ed.). − Middlesex, England, 1972.

11. Вартанова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран [Текст] / Е. Л. Вартанова. − М., 2003.

12. Политические коммуникации [Текст] / под ред. А. И. Соловьева. − М., 2004. − С. 44.

13. Голядкин, Н. А. ТВ информация в США [Текст] / Н. А. Голядкин. − М., 1995. − С. 172.

14. Поколение Next − версия 4.0 // www.fom/ru.

15. www.fom.ru.

16. Белоусова, Г. Расистам во власти не место [Текст] / Г. Белоусова // Городские вести. − 2006. − 9 февр.

17. Макарычев, М. Цинизм крепчал [Текст] / М. Макарычев // Российская газета. − 2010. − № 75; Дудина, Г. Карикатуры на теракты добрались до Европы [Текст] / Г. Дудина // Коммерсант. − 2010. − № 62.

© Евдокимов В. А., 2010

Автор статьи – **Владимир Анатольевич Евдокимов**, доктор политических наук, профессор кафедры теории и практики журналистики НОУ ВПО «ОмГА».

Рецензент – О. В. Волох, доктор политических наук, профессор ФГОУ ВПО ОмГПУ.

УДК 398

О. Л. Ермакова
Омский государственный университет им.Ф. М. Достоевского

ТЕМА БОРОДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье на основе анализа текстов различных фольклорных жанров: анекдотов, загадок, заговоров, песен, поговорок, пословиц, поверий, потешек, приговоров, примет, – объединенных в тематические группы, показана символика волос. Особое внимание уделяется вопросам самосознания носителей русской фольклорной традиции.

Ключевые слова: русский фольклор, русские, русый, русеть, Русь, фольклорные жанры, тема волос, лексемы «волосы», «коса», «усы», «борода», символика.

Наука о волосах – трихология – нашла отражение во множестве русских фольклорных жанров: заговорах, загадках, колыбельных, пословицах и поговорках, песнях, частушках, анекдотах. Внешность у русских традиционно принято противопоставлять внутреннему содержанию с приоритетом последнего.

Чрезвычайно значительной деталью внешнего облика, конечно, являются волосы, что, на наш взгляд, отражается в выразительной перекличке самоназвания народа «русь, русские» и наименования наиболее часто встречающегося у представителей этого народа цвета волос – русый. Неслучайно, что в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля глагол «русеть» имеет два значения: «становиться русским, обживаться, принимать русский быт или дух» и «становиться светлобурым, темнеть» [3; с. 115].

Тема волос в фольклоре представлена весьма широко, что понятно, ведь общепризнано, что волосы черпают жизнь и силу из человека, у которого растут, а, кроме того, относятся к числу наименее поддающихся распаду частей человеческого организма.

Большое внимание уделяется волосам в круге русских примет: скажем, нельзя было расчесываться непосредственно на землю; нельзя самому себя подстригать – жизнь укорачивается; нельзя выпавшие или остриженные волосы оставлять где попало, всего правильнее сжечь их; хорошо смочить волосы первым весенним дождем – будут лучше расти; первый седой волосок не надо вырывать – это к счастью; накручивать свои волосы на палец – к головной боли; если у девушки на шее растет много волос – она выйдет замуж в большую семью; при родах следует расплести косу – рожать станет легче; ребенка до года не надо стричь, иначе вырастет бедным; если, причесываясь, оставишь ненароком прядь невплетенной – это предвещает дорогу; если волосы мягкие и тонкие – человек ретив на работу и добр, если волосы жесткие – ленив и сердит; нельзя на людях заплетать или переплетать косы – свататься не придут…

Важно, что в русской магии волосы (как и ногти, пот, слюна и др.) воспринимались как заместитель (двойник) человека. «Нередко отрезанные волосы хранили, а затем клали в гроб, чтобы на том свете дать отчет за каждый волос» [1, с. 359]. Это вполне объясняет странную деталь семейного быта москвичей рубежа XX–XIX вв., приведенную в современном документальном эссе: «Последний раз я была у Грищенковых за неделю до Пасхи. В зале появился красный угол. Вернее, красный уголок. Помимо икон, на тумбочке стоят фотографии умершей мамы Сергея Владимировича, пучок вербы, стакан воды с серебряной ложкой. За иконами положена подкова

и спрятаны коробочки, куда складываются волосы всех членов семьи. Волосы Татьяна Владимировна выбрасывать запрещает категорически» [4, с. 163–164].

Волосы, как и шерсть, символизируют множество, богатство, изобилие и счастье. Русские первое яйцо, снесенное молодой курицей, катали на голове старшего ребенка, приговаривая: «Курочка, курочка, снеси столько яичек, сколько у ребенка волосков!» [1, с. 360.]

Среди заговоров нашлись специфические – на хороший рост волос, произносились ежедневно матерью при причесывании девочки:

Ты расти, расти, коса, до шелкова пояса;
как ты вырастешь, коса, будешь городу краса!

Расти, коса, до пояса, не вырони ни волоса!
Расти, косынька, до пят – все волосыньки в ряд.
Расти, коса, не путайся, дочка, маму слушайся!

Нами отобрано среди тематической группы загадок о человеке относительно небольшое количество единиц, имеющих отгадкой «волос» или «волосы»: Тонок, долог, в траве не видать. Ношу их много лет, а счету им не знаю. Растет, а не цветок; висит, а не фрукт. Похож на нитки, но живой. Один выпадает, а другой вырастает.

Отметим и загадки из других тематических групп с упоминанием слов «волосы», «коса»: Стоит Федосья, растрепаны волосья (сноп). Сидит девица в темнице, а коса на улице (морковь).

Кратки, но весьма емки по содержанию и порою очень выразительны пословицы и поговорки, связанные с волосами:

Брито или стрижено, а все голо. Бритый стриженого голее. Было стрижено, а теперь брито. В драке волос не жалеют. В рай за волосы не тянут. В хорошем житье кудри вьются. Видать сову по полету, а добра молодца по кудрям! Висит на волоске. Волос долог, а язык длинней! Волос-то у него на полторы драки осталось. Волос долог, да ум короток. Волос глуп – везде растет. Волосом сед, а совести нет. Волосом не трону. Волосом-то бел, а душой черен! Волосы дыбом. Волосы имеем – косы плетем, добрый характер – слезы льем. Голова хорошо, а с волосами лучше. Голову сняли, стриги волосы. Голову любит, а волосы дерет. Горе косицы белит. Дай хватить за один волос, а он и за всю голову. Дай черту волос, а он и за всю голову. Девичья коса – на всю Москву краса. Девичья коса до возрасту, молодичья – довеку. Если бы в длинных волосах была сила, то козел стал бы пророком. Жесткий волос сварлив живет. За волоса да под небеса. И волоса на нем не тронул. И не книжен, да хорошо острижен. Как ни заплетай косу, девка, а не миновать расплетать! Коса до пояса, язык до колен. Красуйся, краса, пока вдоль спины коса, под повойник попадет – краса пропадет. Кудри завивай, да про дело не забывай! Кудрявые волосы – кудрявые мысли. Любовь не волос, скоро не вырвешь. Наши дерутся – так волосы в руках остаются. Не время волос белит, а кручина. Не гребень голову чешет, а время. Не родись богатым, а родись кудрявым. Не успеет стриженая девка косы заплести. Ни голосу, ни волосу не верь! От радости кудри вьются, а в печали секутся. Пирует до седых волос, а все наг и бос. Подавайся по рукам – легче будет волосам. Подруги косу плетут на часок, а сваха довеку. Поневоле волос вянет, когда батька за него тянет. Расти, коса, до пят – женихи торопят. Рвать на себе волосы. Русы волосы – сто рублей, смелая голова – тысяча, а всему молодцу и цены нет. Свидетеля за волосы тянут. Снявши голову, по волосам не плачут. Такие чудеса, что дыбом волоса. У нашей Федосьи из глаз растут волосьи. У него и волос-то на одну трепку. У него стыда, что волос на камне. У него семь волос, и все густые. У случая на затылке нет волосов. У тетушки Василисы дыбом

волосы свилися. Хороши были волосы, да отрубили голову. Хочет стать господином, но не хочет потерять ни одного волоска. Честь на волоске висит, а потеряешь, так и канатом не привяжешь.

Интересно, на наш взгляд, изложение такого поверья: «Слишком много волос иногда считают признаком недостатка ума, потому, может быть, что они, как полагали, вытягивают силу из головы, или просто исходя из того несколько пугающего выражения, какое придает лицу торчащий во все стороны и неприбранный куст волос» [6, с. 62].

Сопоставим с таким мнением русские пословицы и поговорки об отсутствии волос: До лысины дожил, а ума не нажил. Избави, Боже, от лыса, коса, рыжа, кривоноса! Колосьев что на плешивой голове волосьев. Лысины не замажешь. Лысый да рябой – народ самый дорогой. Лыс да умен, два угодья в нем. На мерине лысина не порок, на детине плешь не укор. Не беда, что на черепе пусто, было бы под черепом густо. Не бывать плешивому кудрявым. Плешивый – человек фальшивый. Позавидовал плешивый лысому. С черным в лес не ходи, рыжему пальца в рот не клади, лысому не верь, а с курчавым не вяжись! У плешивого голова не чешется. У плешивого все волосы на учете.

Волосы у русских традиционно считались символом и вместилищем жизненной силы, энергии, силы мысли и мужественности. «Волосы на голове символизируют высшие силы и вдохновение, тогда как волосы на теле олицетворяют низшие силы. Обряд пострига – символическое отдание своей жизненной силы в обмен на силу другого рода: в монашеском постриге это сила Божественного промысла, во время ухода в армию это сила оружия. Сбривание волос – волевой акт отдания себя в чье-то – Божественное, учительское или командное – полное распоряжение. Распущенные волосы означают свободу и брачный возраст, связанные волосы – брак и подчинение» [7, с. 530–531].

Борода не просто, как пишет В. И. Даль, «волосы на щеках и подбородке», но это «возрастной и статусный символ мужчины. Символ силы и мужества, верховной власти» [3, с. 532].

В странах западной культуры наличие бороды означает зрелость (см. в балладе Р. Бернса «Вересковый мед»: « Правду сказал я, шотландцы: От сына я ждал беды, Не верил я в стойкость юных, Не бреющих бороды…»).

В странах Востока борода означает необходимый и достаточный признак уважаемой старости («аксакал» в переводе – белая борода).

Правоверные иудеи неукоснительно соблюдали и соблюдают ритуал отращивания бороды, ее допустимо подстригать, но сбрить полностью немыслимо. Особо благоговейное отношение к волосам отражено и в библейской истории о Самсоне и Далиле, и в известном изречении: «Без Божьего повеления ни волоска не упадет ни с чьей головы».

Сакральное значение придавалось этому элементу внешности и у русских, неслучайно протопоп Аввакум называл своего противника Никона выразительным словом «брадобритец», считая такую краткую характеристику убийственно позорной и исчерпывающей. Именно бороды, непочтительно именуемые «мочалками», чуть не топором рубил подданным Петр I, а они причитали: «Режь наши головы, не тронь наши бороды». «Борода – образ и подобие Божие», «Борода дороже головы», – говорили, по свидетельству В. И. Даля, раскольники.

В России считалось: Богатая растительность растет на навозной почве. Добрая борода или волосатая грудь у мужчины – признак мужской, да и просто физической силы, а волосатые руки предсказывают грядущее богатство» [7, с. 62].

Из корпуса русских пословиц и поговорок о внешности выделим те, где упоминается борода: Аль ты бородою оброс, не слышишь? Без рубля бороды не отрастишь (времена Петра I). Благодаря Христа борода не пуста: хоть три волоска, да растопорщась! Борода делу не помеха. Борода – трава, скосить можно. Борода выросла, а ума не вынесла. Борода Минина, а

совесть глиняна. Борода с ворота, а ума и с прикалиток нету. Борода уму не замена. Борода глазам замена: иной плюнул бы в глаза, ин плюнет в бороду. Борода в честь, а усы и у кошки есть. Борода – лишняя тягота. Бородой в люди не выйдешь. Была бы голова, будет и борода. Велики усы, а все бороды не выкроишь. Дом вести не бородой трясти. И по бороде знать, что лопатой звать. Кормил до уса, корми и до бороды. Мудрость в голове, а не в бороде. Мужик бородой оброс, оттого и не слышит. Мужичок с ноготок, борода с локоток. На аршин борода, а ума ни на пядь. Не тряси головой, не быть с бородой. Не постой за волосок, и бороды не станет. Не хватай за бороду: сорвешься – убьешься. Нет бороды, так нечего и скоблить. Ни бороды, ни усов, ни на голове волосов. Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны. Нос крючком, борода клочком. Носи бороду на плече (оглядывайся). По бороде Авраам, а по делам Хам. По волоску и всю бороду выщиплешь. По бороде давно бы ему быть в воде. Принес свою бороду на посмешище городу. Про то ведают большие, у кого бороды пошире. Сам с ноготь, а борода с локоть. Сам свою бороду оплевал. Седина в бороду, бес в ребро. Старичок с кувшин, а борода с аршин. То не беда, что редка борода, был бы ус кольцом! Трясет козел бородой, да за рога тащат. Ты с бородой, да я и сам с усам. У кого борода клином, у кого заступом. Ум бороды не ждет. Ум не в бороде, а в голове. Ус в честь, а борода и у козла есть. Ус молодит, борода старит. Ухватить Бога за бороду. Ходи с бородой на плече.

Известная каждому русскому детская потешка гласит:
Петушок-петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка,
Что ты рано встаешь, голосисто поешь,
Ване спать не даешь?

Среди осеннего цикла русского обрядового фольклора есть «завивание бороды» – то есть оставление на поле небольшой горсти срезанных колосьев, перевязанных лентой. При этом положено было приговаривать: «Дай Бог, чтоб на другое лето был хороший урожай!» [8, с. 375].

Упоминается борода и в лирической необрядовой песне:
Уж ты Порушка-Параня,
Ты за что любишь Ивана?
Я за то люблю Ивана,
Что головушка кудрява,
Что головушка кудрява,
А бородушка кучерява…

Ты, Кондращ, ты, Кондраш,
Широкая борода,
Кудрявая голова,
Не ходи коло саду,
Дороженьки не томи,
Худой славы не клади [5, с. 304].

В русских суевериях и приметах борода занимает вполне достойное место:

«С трудом брить бороду и недочиста значит трудное и неудобоисполнимое дело и предприятие тщетное; вырывать бороду другому знаменует великую печаль и оскудение тому, у кого ее вырывают.

Иметь во сне длинную и густую бороду – добрый знак и предвещает печаль и слезы; рыжая борода – обман и ухищрения; бороду брить или вырывать – потеря достояния, лишение почестей или смерть родных и друзей.

Девице во сне видеть у себя бороду предвещает скорое и выгодное замужество; замужней женщине видеть себя с бородой предзнаменует гибель мужа; беременной женщине этот сон предвещает, что она родит сына.

Бороду стричь ножницами другому значит для видевшего сон убыток и печаль, а тому, кого он стриг, – прибыль и радость; бороду мыть во сне – великое огорчение и несчастие, которое, однако ж, скоро минуется; бороду чесать во сне знаменует окончание всякого рода ссор и распрей; бороду седую видеть – знак великой чести.

Бородою обрасти предзнаменует важную выгоду и успех в предприятии.» [2, с. 352].

Есть и современные анекдоты, включающие в себя лексему «борода» как художественную деталь: Студент спрашивает: «Профессор, а Вы, когда спать ложитесь, бороду под одеяло укладываете или поверх?» Тот задумывается надолго, да так и не отвечает ничего. Но, встретив через неделю того же студента, бросается на него с криком: « Неделю уже заснуть не могу! Под одеяло спрячу бороду – мешает, на одеяло разложу – неудобно! Зачем только ты спросил!!!»

Знакомство с темой бороды в русском фольклоре, по нашему убеждению, пусть на йоту приближает к народным истокам; пользуясь словечком Льва Толстого, учит «полюблять» родной язык и с еще большим пиететом относиться к его прошлому.

Библиографический список

1. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – М. ; СПб. : Диля, 2008.

2. Грушко, Е. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е. Грушко, Ю. Медведев. – Нижний Новгород : Русский купец ; Братья славяне,1995.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – В 4 т. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 4.

4. Пищикова, Е. Пятиэтажная Россия / Е. Пищикова. – М. : Ключ-С, 2009.

5. Русский фольклор в Латвии. – Рига : Лиесма, 1972.

6. Хоул, К. Энциклопедия примет и суеверий / К. Хоул. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1998.

7. Черный кот с пустым ведром. – М. : Центрполиграф, 2007.

8. Энциклопедия русских примет. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.

© Ермакова О. Л., 2010

Автор статьи – **Ольга Львовна Ермакова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры кино-, фото-, видеотворчества ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Рецензент – Н. Л. Шестакова, кандидат филологических наук, доцент кафедры специальной языковой подготовки НОУ ВПО ОмГАУ.

УДК 811.161.1

О. В. Палий
Таганрогский государственный педагогический институт

СРЕДСТВА СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ СИСТЕМЫ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ С ЦЕЛЕВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Анализ сложных синтаксических целых позволяет выделить следующие средства связи их компонентов: фиксированный порядок следования компонентов; наличие активного субъекта в первом и втором компонентах; лексико-грамматическую характеристику, лексический повтор или синонимия модального компонента; употребление лексики с целевым значением; дейктические средства связи; модальную соотнесенность предикатов компонентов; семантическую неполноту первого компонента.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое (ССЦ), средства связи компонентов.

Системная организация и содержательная природа цели определяют особенности средств связи компонентов сложных синтаксических целых (ССЦ).

1. Содержательный характер целевых отношений обусловливает фиксированный порядок следования компонентов системы ССЦ, а именно постпозицию целевого компонента. Первый компонент системы ССЦ, содержащий элемент модальности стремления, вступает в сочетаемость со вторым целевым компонентом, который обеспечивает понимание модальной обусловленности действия. При этом целевой компонент соотносится со всем составом первого компонента в целом, обеспечивая тем самым понимание смысла всего ССЦ. Ср., например: ***Вслед за этим целая толпа помещиков, окружавшая толстого генерала, поспешно приблизилась к Левину. // Помещики, очевидно, искали места переговорить так, чтоб их не слышали*** *(Л. Толстой).* В приведенном ССЦ *приближение толпы помещиков к Левину* обосновано их целью, стремлением *найти безлюдное место для переговоров*. Целевые отношения стимулируются модальным компонентом, в котором семантическая валентность предмета реализуется в целевом компоненте. Ср. еще: ***Если вы про Севастополь еще одно слово, я завтра же пойду к смотрителю. // Так и скажу, что житья мне от вас нет*** *(А. Куприн)*.

2. Следующим средством связи элементов рассматриваемых единиц мы считаем наличие активного субъекта в первом и во втором компонентах ССЦ. Ситуация цели предполагает, что намерение совершить действие должно контролироваться субъектом. Если ситуация неконтролируема, то она предполагает только субъективное *желание*, а для цели важно и необходимо именно *намерение.* Наличие цели или конечной точки как основного ориентира движения вытекает из природы активного субъекта. Е. В. Падучева по этому поводу отмечает, что если конечная точка выражает цель действия целеполагающего субъекта, то тогда он является обязательным участником ситуации; «субъект сознательного действия представляет сложный семантический комплекс, развертывание которого формирует концептуальное поле цели и обслуживает его синтаксические структуры» [1]. Исследователь Н. Д Арутюнова обращает внимание на то, что цель относится «к делам человеческим» и «целенаправленным может быть только сознательное действие человека». В отличие от других действий, не направленных на цель [2]. Аналогичная мысль выражена в Грамматике [3]. Ср. следующий

пример: *Затем повисла темнота за окном. «**Коля! Веди отцовского брата! // Скажи, гости из Москвы приехали**» (Б. Ахмадулина).* Предикат первого компонента ССЦ выражен глаголом движения, способным развивать целевые отношения с предикатом второго компонента, который обусловливает действие субъекта. Повелительное наклонение предикатов первого и второго компонентов ССЦ содержит побуждение к активным действиям собеседника в достижении цели. Или аналогичный пример: ***Я ведь к вам только на минутку зашел. // В женской гимназии в подвале стена треснула, так меня просили прийти поскорее посмотреть** (А. Чехов).*

3. Относительно активного субъекта формируется модальность стремления, указывающая на способы достижения цели. Лексико-грамматическая характеристика предиката в модальном компоненте является третьим средством связи в системе рассматриваемых ССЦ. Поскольку модальный компонент целевых конструкций характеризуются «наличием глагола со значением целенаправленного действия или лексического модального квалификатора в предикате» [4], а также наличием определенной модальной перспективы действий, обозначаемых предикатами первого и второго компонента, то само понятие цели квалифицируется, по мнению Г. Е. Крейдлина, «как конечная точка некоторого действия: к целям *идут, приходят*, к ним *ведут* различные пути, от них часто *отклоняются*, отходят, но к ним постоянно *стремятся*» [5].

Модальность стремления как один из компонентов формирования целевых отношений выступает обязательным условием отнесения сообщения о способах достижения цели в план необходимости, достаточности или желательности. Включение модальных слов в предикатную позицию обязательно в том случае, когда основной глагол не обладает целевой валентностью. Ср. пример: ***Конечно, без нас с тобой могут обойтись в амбаре, но надо же иметь какое-нибудь занятие. // В поте лица будешь есть свой хлеб**, как говорится (А. Чехов).* Желание *в поте лица есть свой хлеб* стимулирует субъекта к действиям (*иметь занятие),* без которых цель не будет достигнута.

Семантической целевой валентностью обладают следующие группы глаголов: глаголы движения, глаголы речи, глаголы волеизъявления, глаголы намеренного восприятия и глаголы поведения.

Например, *Она (Аленка) знает, что Егор выйдет сначала на обрыв, посмотрит вверх и вниз по реке, немного подумает, будто не зная, где приладиться, и **пойдет потом к любимому своему месту – к перевернутой деревянной плоскодонке, у самой воды в березках. // И там он будет петь с ней, но совсем не так петь, как пел гостям**: им он пел немного небрежно, немного играл и далеко не в полный голос… (Ю. Казаков)* В приведенном ССЦ первый компонент содержит предикат с семантической целевой валентностью, выраженный глаголом движения. Модальная обусловленность обозначенных целевым предикатом действий во втором компоненте выражается аналитической формой будущего времени. Реализация целевых отношений между компонентами ССЦ в обозначенных семантико-грамматических условиях способствует организации последовательности предложений в структурно-смысловое единство, выражающее целевую перспективу действий.

4. Лексический повтор или синонимия предикатов первого компонента также является средством связи компонентов ССЦ. Ср., например:

*– **Зачем я еду**? – повторил он (Вронский), глядя ей (Карениной) прямо в глаза. – **Вы знаете, я еду для того, // чтобы быть там, где вы,** – сказал он, **– я не могу иначе** (Л. Толстой).* Данное ССЦ представляет собой вопросно-ответную реплику. Субъект задает вопрос и сам отвечает на него. Лексический повтор употребляется в ССЦ, целевой компонент которого выражается при помощи СПП. Повторяется грамматическая основа *я еду*, связывая первый и второй компоненты системы ССЦ.

Или еще пример: ***Не оборачиваясь, он знал, что Мирра идет следом, припадая на больную ногу. Идет, // чтобы ему не было трудно одному, когда он выполнит то, что обязан выполнить** (Б. Васильев).* Как и в предыдущем ССЦ, целевой компонент выражается

при помощи СПП. В данном случае связь между предложениями осуществляется благодаря повтору целенаправленного предиката *идет,* который также акцентирует внимание на активном действии субъекта.

Синонимия предикатов смежных предложений первого компонента ССЦ служит показателем их лексико-грамматической соотнесенности. Ср., например: ***Искорка, я пошутил. Я же дурака валяю, // чтобы ты улыбалась*** *(Б. Васильев)*. Лексико-грамматическая соотнесенность предложений выражается посредством синонимической лексики: *пошутил – дурака валяю*. В данном случае использование синонимической лексики не только служит показателем связи предложений, но и позволяет выражать эмоциональное отношение субъекта к производимому действию: глагол *пошутил* имеет нейтральное значение, фразеологический оборот *дурака валять* с точки зрения стилевой принадлежности относится к разговорным и имеет оттенок неодобрения, порицания.

5. Следующим средством связи является употребление лексики с целевым значением. И. Р. Гальперин и Л. М. Лосева данные средства связи относят к логическим, так как в них наблюдается пересечение грамматических и текстовых форм связи [6].

К данным средствам связи относятся лексемы с семантикой цели: *с целью, в целях, в расчете, в расчете на, в надежде, в надежде на, с желанием, с намерением, во имя*. Сочетаясь с субъективным инфинитивом во втором компоненте ССЦ, данные лексемы способствуют формированию целевых отношений. Данные средства связи обнаруживаются только в целевом компоненте, так как требуют после себя обязательного выражения целевого содержания. Например: ***Он тотчас же написал моей матери записку и уведомил ее, что я отдал все деньги не Катерине Ивановне, а Софье Семеновне, и при этом в самых подлых выражениях упомянул о... о характере Софьи Семеновны, то есть намекнул на характер отношений моих к Софье Семеновне. // Все это, как вы понимаете, с целью поссорить меня с матерью и сестрой, внушив им, что я расточаю, с неблагородными целями, их последние деньги, которыми они мне помогают*** *(Ф. Достоевский).* Целевое значение создается на базе взаимодействия лексики и синтаксиса обоих компонентов: наличие специфических синтаксических связей между словами конкретных лексических типов привело к оформлению целевого смысла. В результате формируется синтаксическая конструкция со значением цели, структура которой представлена следующими компонентами: глагол активного действия // *с целью* + субъективный инфинитив. Ср. еще: ***Не только женственная, но и сильная, не только чувствующая, но и размышляющая, Лиза уходит в монастырь, никому не принеся счастья своим поступком. Чуждая эгоизма, она уходит в монастырь // не только в порыве отчаяния за свою судьбу, но и в надежде исправить зло на земле*** *(И. Тургенев).*

6. Дейктические средства связи также соединяют компоненты рассматриваемых ССЦ. В их роли выступает прежде всего местоимение *это*, указывающее на содержание стремления активного субъекта в предикате первого компонента. Например: *Тогда и явится знамение сына человеческого на небеси...* ***Но до тех пор надо все-таки знамя беречь и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. // Это, чтобы не умирала великая мысль...*** *(Ф. М. Достоевский).* Дейктическое средство связи *это* соединяет модальный и целевой компоненты в ССЦ.

7. Следующим средством связи выступает модальная соотнесенность предикатов компонентов ССЦ с целевой семантикой, которая проявляется в особом отношении выражаемых действий к действительности. Как отмечалось выше, предикат первого компонента ССЦ характеризуется целенаправленностью. При этом имеется представление целенаправленного действия как реального, такого, которое действительно совершалось, совершается или будет совершаться. Содержание цели во втором компоненте выражается ирреальным наклонением, формами будущего времени или инфинитивом, так как, исходя из понимания цели (к чему стремятся, чего хотят достичь), можно сделать вывод, что она отнесена в план будущего.

«Она ирреальна в том смысле, что на момент речи в реальной действительности ее не существует и не существовало» [7]. Ср., например: ***Сухо козырнув, я отхожу, решив при первой же возможности добиваться ее (военфельдшера) откомандирования. // Пусть пришлют другого фельдшера*** *(В. Богомолов);* ***Конечно, можно и в милицию: пусть Вику хоронят, как бродяжку. Пусть хоронят, а мы пойдем в школу. // Будем учиться, шить себе новые платья и читать стихи о благородстве*** *(Б. Васильев).* В данном ССЦ предикат первого компонента выражен синтетической формой будущего времени глагола движения *пойдем*, а предикат второго компонента – аналитической формой будущего времени *будем учиться, шить и читать*. *Когда я думаю о папе, я могу думать о его мастерской, о театре, о декорациях к новому спектаклю, о рубашке, которую ему надо погладить к премьере.* ***О том, что после премьеры в служебном гардеробе он галантно поможет надеть пальто Наталье Сергеевне – ассистенту режиссера, и поведет ее к нам домой. // Чай пить*** *(Д. Рубина).* В представленном ССЦ сообщается о цели прихода домой. Предикат первого компонента системы ССЦ выражен формой будущего времени глагола движения *поведет*. Информация о реализации действия, обозначенного целевым инфинитивом *пить* отсутствует, потому что на момент речи актуальной является только цель, а не ее реализация.

8. Еще одним средством связи является семантическая неполнота первого компонента системы ССЦ. Неполнота в данном случае контекстуальная и может быть обусловлена необходимым выражением содержания цели в конкретной ситуации. ССЦ данного типа представляет собой двукомпонентное структурно-семантическое единство. Модальный и целевой компоненты оказываются отделенными друг от друга точкой, но при этом сохраняют непрерывный характер связывающих их отношений и развитие смысла всего ССЦ. Модальный компонент вне контекста становится информативно недостаточным и выражает незаконченную мысль. «Стремление достичь чего-либо реализуется в конкретных действиях и понимается в линейной последовательности сочетающихся компонентов» [7].

Увлеченная собственным воображением, я сидела, подперев ладонью щеку, и, рассеянно улыбаясь, ***смотрела*** *на нашего физика. Собственно,* ***смотрела*** *я не на него, а в пространство. С таким же успехом я могла обласкивать своей улыбкой школьную доску или учебные пособия, потому что перед мысленным моим взором продолжали вышагивать* ***колонны стройных девушек****, поголовно довольных своим бюстом.* ***Они маршировали, как солдаты, и было что-то завораживающее в их мерном шаге. Под ними железно цокала булыжная мостовая. Где-то я уже видела такую булыжную мостовую и шпили, вонзающиеся в застекленное мутное небо… Они проступали сквозь дымку все явственней, и все же хотелось рассмотреть их поближе и как бы сверху. // Увидеть картину всю, целиком. Узнать место действия*** *(Д. Рубина).* Желание *Увидеть картину всю, целиком, узнать место действия* определяют модальность стремления субъекта *хотелось рассмотреть поближе.* Модальный компонент ССЦ обладает семантической неполнотой, которая устраняется целевым компонентом.

Таким образом, система средств связи компонентов ССЦ с целевыми отношениями затрагивает разные уровни языка: семантический, лексико-грамматический и собственно грамматический.

Библиографический список

1. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 378 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык цели / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – 22 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 725 с.
4. Киселева, Т. Н. Модальная лексика в конструкциях со значением цели / Т. Н. Киселева // Русский язык в школе. – М. – 1981. – № 1. – С. 100.

5. Крейдлин, Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs. «предназначение» / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 25.

6. Лосева, Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – М., 1980. – С. 9–15 ; Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 74 с.

7. Мирогородская, В. В. Сложное синтаксическое целое как системно-организованная единица текста / В. В. Мирогородская. – Таганрог, 2009. – 144 с.

© Палий О. В., 2010

Автор статьи – **Ольга Владимировна Палий**, аспирант Таганрогского государственного педагогического института.
Рецензент – В. В. Миргородская, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ТГПИ.

РАЗДЕЛ 6
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 51-77

Д. П. Денисов, О. К. Касымова
Омская гуманитарная академия

ПРОЕКТИРОВАНИЕ НЕЙРОННОЙ СЕТИ В ТАБЛИЧНОМ ПРОЦЕССОРЕ MS EXCEL

Разработан алгоритм распознавания чисел с эмуляцией нейронной сети на основе использования стандартных функций табличного процессора MS Excel. Информация может быть полезной для специалиста и слушателя в плане изучения проблем нейронной сети.

Ключевые слова: нейронная сеть, алгоритм распознавания чисел.

Нейронные сети широко используются в распознавании образов, идентификации объектов и прогнозировании экономических процессов.

Под образом понимается структурированное описание изучаемого объекта, процесса или явления, представленное вектором признаков, выражаемых количественно. В результате идентификации объектов осуществляется их классификация, позволяющая выявлять закономерности и выполнять прогнозы [1].

Нейронная сеть проектируется для решения узкоспециализированных задач в различных сферах [3]. Наиболее популярные и доступные приложения, позволяющие создавать нейронную сеть и управлять ее структурой – «Deductor Studio Akademic», «NeuroEmulator», «NeuroView» и др., алгоритм обработки данных установлен разработчиками.

С целью наглядного отражения принципа работы нейронной сети спроектирован алгоритм распознавания знаков с использованием стандартных функций табличного процессора MS Excel. Решение компактно размещается на одной странице электронной книги (рисунок), обозримо без применения скроллинга [2] и позволяет ознакомиться с основными элементами и режимами работы нейронной сети в интерактивном режиме.

Системе предлагается распознать образы знаков десятичной системы (0, 1, 2, …, 9), построенные с помощью горизонтальных, вертикальных и наклонных штрихов (коротких линий):

Обучение

Эталоны

	x_1	x_2	x_3	x_4
0	2	4	0	0
1	0	2	0	1
2	2	1	1	0
3	2	0	1	1
4	1	3	0	0
5	3	2	0	0
6	2	2	0	1
7	1	1	0	1
8	3	4	0	0
9	2	2	1	0

Распознавание (продолжение)

3	**2**	**0**	**1**

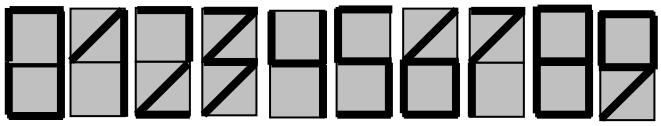
Ошибка в разряде

x_1	x_2	x_3	x_4
1	2	0	1
3	0	0	0
1	1	1	1
1	2	1	0
2	1	0	1
0	0	0	1
1	0	0	0
2	1	0	0
0	2	0	1
1	0	1	1

∑		Порог
		1
4		1
3		1
4		1
4		1
4		1
1	*	1
1	*	1
3		1
3		1
3		1

Распознавание

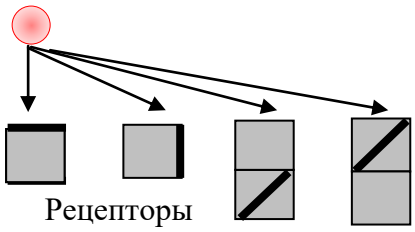
Поток событий



					*	*				

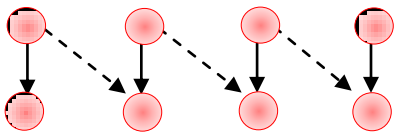
-3201 Элементарное событие

3201 Фильтр



Рецепторы

x_1	x_2	x_3	x_4
3201	**3201**	**3201**	**3201**
0,001	0,000	0,000	0,000
0,000	0,010	0,000	0,000
0,000	0,000	0,100	0,000
0,000	0,000	0,000	1,000
3,201	32,01	320,1	3201
3	**32**	**320**	**3201**



3	**2**	**0**	**1**

Обучение (текст)

Эталоны

л	е	т	о
з	и	м	а

Сравнение

1	1	1	1
0	0	0	0

лето	Событие

Распознавание (текст)

л	ле	лет	лето
л	е	т	о
35	29	42	38

Веса (с учетом инверсии)

1	-10	0	0
		-10	0
0	0	1	-10
0	0	0	1

Внешний вид рабочего листа задания

В частности, так выглядят табло индикаторных устройств, шаблоны почтовых индексов.

Например, образ знака «0» выполнен при помощи двух горизонтальных и четырех вертикальных штрихов.

Для идентификации образов полного набора (10 знаков) потребуется составить таблицу обучения нейронной системы по четырем признакам (видам штрихов), т. е. вектор i-го эталона X_i будет иметь следующие компоненты:

x_{i1} – количество вертикальных штрихов;

x_{i2} – количество горизонтальных штрихов;

x_{i3} – количество наклонных штрихов нижних;

x_{i4} – количество наклонных штрихов верхних.

Таблица эталонов располагается на листе MS Excel в виде матрицы (массив B5:E14).

Рассмотрим, как работает система.

Информация, поступающая с виртуального сканирующего устройства, представляет собой поток действительных чисел (X_i').

Рецептор (ячейка "B18") воспринимает (пропускает) числа по модулю < 10000 или сообщает о превышении допустимой разрядности.

В ячейку "B18" введено выражение:

=ABS(ЕСЛИ(ЦЕЛОЕ(B18)<=10000;ЦЕЛОЕ(B18);"Не более 4-х разрядов"))

Знак и дробная часть числа игнорируются.

«Чувствительность» рецепторов второго уровня определяет матрица "B27:E30". Обработка выполняется последовательно в ячейках "B31:E31"; "B32:E32":

=МУМНОЖ(B26:E26;B27:E30);

=ОКРВНИЗ(C32;1), автозаполнение вправо.

На следующем уровне число (X_i') разносится по j разрядам в отдельные ячейки "B36:E36": из содержимого ячейки вычитается результат соседнего (старшего) разряда, умноженный на (-10):

=МУМНОЖ(B32:E32;G32:J35).

Для наглядности массив повторяется в ячейках "G6:J6", верхняя часть листа: содержимое ячеек соотносится с эталонами; суммарная ошибка (Функция $F_i = \sum(X_{ij}' - X_{ij})$) определяет степень адекватности регистрируемого события каждому из образов:

=ABS(B$37-B6); автозаполнение вправо и вниз.

В качестве индикатора (*) используется логическое выражение:

=ЕСЛИ(L5<=N5;"*";" "), автозаполнение вниз.

На рабочем листе столбец "M5:M14" транспонирован в ячейки "H18:Q18" посредством "ТРАНСП".

Так как нейронные системы наиболее актуальны в решении нечетко формализованных задач, целесообразно задать предельную величину ошибки (порог), за которым событие будет отнесено к нераспознаваемому образу, т. е. не подлежащему классификации.

В нашем примере сигнал "3201", полученный с виртуального сканера, система относит либо к "5-ти", либо к "6-ти": в первом случае образ имеет лишний наклонный штрих, во втором – лишний вертикальный, суммарная ошибка равна "1".

Несмотря на то, что эталоны идентифицированы (соответствуют различным векторам X_i), некоторые ошибки выходят за рамки «осмысления» нейронной системой.

В частности, образ «безошибочно» распознается, как "9", в то время как вероятнее принять его как "6" (с неправильным положением наклонного штриха): алгоритм не учитывает положение горизонтальных и вертикальных штрихов, как и то, что они встречаются чаще наклонных.

«Аналитические» способности нашей системы, несомненно, возрастут, если функция F будет выражаться не в абсолютных величинах, а в частях; распознавание индексов улучшится при увеличении количества «нейронов» в слое. Отметим: при средней скорости восприятия информации, сопоставимой с человеческим зрением (30 кадров/с), система поддержит распознавание соответственно пяти-шестиразрядных индексов в секунду.

Следует учесть, что практически любой расчетный пример в MS Excel может быть эффективно дополнен средствами оптимизации.

Проектируемая система в принципе способна различать с требуемой точностью не только числа, но и текст.

В правой части рабочего листа представлен вариант конвертирования произвольного теста в последовательность чисел. Если в ячейку G25 помещено (импортируется, связывается) текстовое выражение "лето", разложение и перекодировка текста по ячейкам осуществляется командами =ЛЕВСИМВ($G25;1); =ПРАВСИМВ(G27;1); =КОДСИМВ(G28)-200 т. д.

Электронные таблицы интегрируются с базой данных и позволяют классифицировать любую информацию, в т. ч. экономическую – динамику цен, расчетные показатели, номенклатуру изделий, списки контрагентов (размерность массивов табличного процессора ограничивается в основном объемом оперативной памяти).

Настоящий пример наглядно отражает механизм работы нейронной сети (без использования операторов цикла, ветвления), опирается на общепринятые матричные процедуры и может быть рекомендован для освоения обучающимся по экономическим специальностям, маркетингу и менеджменту.

Библиографический список

1. Афонин, В. Л. Интеллектуальные робототехнические системы : курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям в обл. информ. технологий / В. Л. Афонин, В. А. Макушкин. – М. : Интернет-ун-т информ. технологий, 2005.

2. Денисов, Д. П. Рациональная организация расчетно-прикладных заданий в электронных таблицах MS Excel / Д. П. Денисов // Проблемы содержания и качества учебного процесса в высшей школе : сб. науч. ст. / под ред. А. Э. Еремеева, Г. В. Косякова. – Омск : Изд-во ОГИ, 2005. – С. 54–60.

3. Нейронные сети в MS Excel : методич. указания к практич. занят. и лаб. работам / сост. В. Х. Федотов ; Чуваш. ун-т. – Чебоксары, 2004. – 72 с.

© Денисов Д. П., Касымова О. К., 2010

Авторы статьи: **Дмитрий Павлович Денисов**, доцент кафедры ИМиЕНД, кандидат сельскохозяйственных наук (НОУ ВПО «ОмГА»);
Ольга Камалиеновна Касымова, специалист отдела дистанционного обучения (НОУ ВПО «ОмГА»).

Рецензент – Н. И. Ермолина, кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной работы и специальной психологии НОУ ВПО «ОмГА».

УДК 004.946

С. Г. Дюкин
Пермский государственный технический университет

БЛОГОСФЕРА И ИМИДЖ РЕГИОНА: ПЕРМСКИЙ КРАЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «ЖИВОГО ЖУРНАЛА»

Статья посвящена проблеме отражения социальной реальности и формирования имиджа региона. Виртуальная реальность создает новые основания для социальной рефлексии. Конкретный автор, субъект текста, уступает место коллективному разуму.

Ключевые слова: дискурс, Интернет, блогосфера, региональная культура, имидж.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Образ Пермского края в интернет-блогах» (№ 10-03-82301а).

Социальные дискуссии в условиях постиндустриальных реалий обретают новое место. Этим местом становится Интернет. Данное пространство позволяет освободить риторику от условностей, мешающих ей выражать действительную позицию социума по насущным проблемам. Тезаурус, который формируется в сетевом пространстве, максимально адаптируется под обсуждаемую тему. Проблематика и язык начинают предельно коррелировать.

Обращая внимание на обсуждение в таком сегменте сети, как блогосфера, проблематики, связанной с видением региональной культуры и общего состояния региона, можно наблюдать огромный интерес к данной сфере, возникающий на уровне обыденной рефлексии. Подобная ситуация совершенно невообразима для более ранних периодов социокультурного процесса. Речь идет о массовой солидарности в попытке разрешения вопросов, которые, казалось бы, носят элитарный, сугубо специализированный характер. Дело в том, что в актуальной ситуации происходит взаимоассимиляция обыденного, публицистического и научного познания, одним из воплощений чего становится обсуждение в блогах вопроса имиджа территории, выливающееся в конечном счете в формирование последнего.

Обсуждение имиджа Пермского края в интернет-блогах подчинено нескольким магистральным направлениям, продиктованным либо практическими интересами жителей региона, либо конъюнктурными проблемами, имеющим свои источники в местном властно-публицистическом дискурсе. Речь идет о состоянии дорог, архитектурном облике населенных пунктов, криминальной и техногенной безопасности, а также о Пермском культурном проекте. Если активное присутствие трех первых тем никоим образом не противоречит общим тенденциям современной культуры, основанной на потребительских ценностях, то последняя из обозначенных тем явно стоит особняком, указывая на специфическую пермскую ситуацию.

Рассматривая среди прочих блог-сайтов «Живой журнал», объясняем это популярностью данного ресурса, а также его корреляцией с традиционными СМИ (обзор блогов «Живого журнала» на страницах печатных изданий и в телепрограммах) и широким резонансом в реальной сфере. Важным фактором в аспекте освещения в «Живом журнале» образа Пермского края стало открытие собственного блога губернатором региона Олегом Чиркуновым.

Данный ресурс стал мощным центром, из которого инициируется обсуждение обозначенной проблематики [4].

Первый из названных вопросов, касающийся состояния дорог в крае, в приложении к названному региону приобретает второстепенную роль. Вопреки своей практичности проблема дорог списывается со счетов «Живого журнала», оставаясь на откуп специализированным интернет-форумам, имеющим политизированный характер. Имеющиеся упоминания о состоянии дорог, как правило, наполнены критикой в адрес властей и строительных организаций. В силу того, что в блогах присутствует конкретный адресат критики, практически отсутствуют обобщения, перенос негативного содержания на пространство ослабляется. Степень корреляции между критикой в адрес состояния дорог и приписыванием тех или иных функций региону минимальна. Практически отсутствуют прямые выводы о порождении ситуации самой сущностью территории. Имиджебразующая функция обсуждением дорожной тематики выполняется опосредованно. Вписывание низкого качества пермских дорог в общий образ региона носит имплицитный характер.

В противоположность описанной ситуации рефлексия по поводу архитектурного облика центра региона, города Перми, напрямую связывается с сущностью территории, с ее потаенным содержанием, из которого выводится характер идентичности населения региона с его социокультурным смыслом. В самом общем плане облик Перми оценивается негативно. Данная установка воспринимается как незыблемая норма. Альтернативные точки зрения исключаются a priori самим характером дискурса. Показательным в данном случае является неоднократное инициирование главой края обсуждения данной темы, привлекшее внимание нескольких десятков блогеров. Дискуссия выстраивается с помощью аргументов, в основе которых лежат совершенно противоположные жизненные стратегии. Часть блогеров защищает сложившуюся архитектурную ценность города, другие же, напротив, критикуют действительность, в основе которой лежит индустриальная застройка 50–70-х гг. Однако в обоих случаях вывод неизменен: Пермь – город, не имеющий своего лица и не имеющий возможности его обрести. Перми и региону навязывается сущность, негативная в своем экзистенциальном преломлении. Территории присваивается пустота, сформированная определенной архитектурой. В ряде же случаев концепт пустоты присутствует в текстах прямым образом. Негативное содержание региональной сущности тесно связывается с незастроенными кварталами, пустырями, городскими площадями, утратившими свою функцию и не обретшими новую.

Важным аспектом имиджа Пермского края в контексте архитектурного облика является, по мнению блогеров, изъятие устойчивого культурного смысла. Речь идет о сносе исторической застройки и о застройке города высотными зданиями, нивелирующими архитектурное лицо местности. Авторы интернет-дневников достаточно солидарно связывают данный процесс с устранением социокультурного лица территории. Данная ситуацию позволяет социуму усилить логическую цепочку «устранение культурного смысла – власть».

Более прямое соответствие между действиями органов власти и формированием негативного имиджа региона устанавливается в ходе рассуждений о преступности и уровне катастрофичности в крае. Несчастный случай напрямую связывается блогерами с целенаправленными действиями местных властей, присваивающих негативный имидж вверенному им региону. «Это мой город Пермь. Горжусь!» [7] – таким ироничным заключением заканчивает свой пост, посвященный весеннему затоплению улиц, один из интернет-пользователей. Соответствие между такими фактами, как крушение самолета, пожар в клубе «Хромая лошадь», крупное ДТП с участием пассажирского автобуса, и социокультурным обликом Пермского края выстраивается через понятия *обреченности, судьбы, проклятия*. Катастрофы и преступления a priori рассматриваются как неизменные характерные черты социокультурного ядра Пермского края. Важным концептом в данном аспекте становится *неполнота*. По образному выражению одного из блогеров, «можно любить женщину, а можно – почти женщину: резиновую женщину. Можно занять первое место в командном зачете на олимпиаде, а можно –

почти первое, т. е. 11. Почти европейский город может пытаться стать почти культурной почти столицей. Мне кажется, «почти» и есть наша экзистенциальная периферийная характеристика» [4]. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда обыденная символика (катастрофа как воплощение региональной сущности Прикамья) проникает в сферу социальной рефлексии. Это явление вполне объяснимо, так как смысл символов должен быть постоянным для широкой совокупности обстоятельств [2]. Экспансия символов обыденной реальности в отношении блогосферы – вполне нормальное и закономерное явление. В данный дискурс переносятся основания культуры, сложившейся в реальном социуме.

Наиболее объемный сегмент обсуждений, затрагивающих проблему имиджа Пермского края, в «Живом журнале» сосредоточен вокруг Пермского культурного проекта. В данное понятие вписывается новейшее направление региональной политики, целью которого является превращение Перми в одну из культурных столиц России либо даже Европы путем создания насыщенной культурной среды, реализации международных социокультурных проектов, привлечения лучших российских и мировых творческих сил. Данная тема превратилась в «Живом журнале» в широкое поле дискуссий, в рамках которых можно выделить несколько позиций и за каждой закрепить определенное видение образа региона. Первая позиция представлена в блогах основных идеологов проекта, губернатора края Олега Чиркунова и московского галериста, директора пермского Музея современного искусства Марата Гельмана, планамерно выстраивающих стратегию развития культурной жизни в крае для выведения региона из состояния социокультурной стагнации, которая воспринимается ими как статичный, не нуждающийся в доказательствах факт. М. Гельман декларирует: «Город, если все оставить как есть, – тихо угаснет» [5]. Вторая позиция основана на установке невозможности решения проблемы формирования позитивного образа Пермского края посредством культурной политики, хотя данный метод изначально выглядит более чем приемлемым. Сам по себе Пермский культурный проект в данном случае позиционируется авторами текстов как неотъемлемый элемент современного бытия. Однако, по их мнению, в Перми он адаптироваться не сможет, поскольку последняя ассимилирует своей бессмысленностью всякое содержание. Данная мысль в предельно выразительной художественной форме высказана в одном из постов блогера Kozlova: «Это даже не внутренняя Пермь, а какая-то ее околица, изнанка, а может, и вовсе пустая раковина, покинутая сущностью и плавающая в пространстве. Пространство – не лучшее слово, но это первое, что приходит на ум. Абсолютно непонятно, *что* (слово заменено) там делать» [6]. Третья позиция предполагает негативацию обеих составляющих проекта: культурный проект заявляется неприемлемым, а изначальная социокультурная действительность в регионе неподдающейся корректировке.

Данная тема провоцирует наиболее эмоциональные выводы блогеров и наиболее жесткую дискуссию. В поле внимания попадают факты, не связанные с региональной сущностью. Однако в процессе обсуждения образ Пермского края обрастает новыми характеристиками, усиливаются уже обрисованные черты. В аспекте дискуссии по культурной политике рационализируются проблемы, через которые воспринимается регион. В данной ситуации территория – это не только пустота, постоянная незавершенность, пространство экзистенциального провала, но и регион остро стоящих проблем в экономической и социальной сферах, а если более узко, то в сферах тяжелой промышленности и здравоохранения, образования и спорта. Культура в данном случае воспринимается как непозволительная роскошь, отвлекающая от базовых вопросов.

Важным аспектом обсуждения Пермского культурного проекта становится противостояние Перми, в которой воплощается концепт провинции, Москве, отождествляющей центр, точку устремленности «настоящей жизни». Блогер skateschool констатирует: «При каждом упоминании Перми звучат слова «провинция», «местная самобытность». Помимо того, что Москва, предоставившая Перми галериста М. Гельмана и дизайнера А. Лебедева, – это престижный *Другой*, это еще и воплощение вражеской сущности, источник культурной интервенции. В пермской блогосфере Москва приобретает черты символа, призванного за-

полнить смысловой вакуум вокруг негативации имиджа Прикамья. Известно, что в случае отсутствия истины возникает острая потребность в символе. Данную позицию достаточно обстоятельно описал Ж. Деррида [1]. На фоне столицы сущность Пермского края воспринимается еще более неполной и ущербной. Сопротивляясь влиянию московской культуры, пермские блогеры легализуют сложившийся образ Перми как нечто статичное, не поддающееся корректировке и не нуждающееся в ней.

Данный образ, как и любой продукт имиджмейкерства, является мифологемой. А миф, в свою очередь, необходим для обретения статичности и смысла. Как полагает К. Юнг, миф создает необходимое основание [3].

Библиографический список

1. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида. – СПб., 1999. – С. 128.
2. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М., 2002. – С. 83.
3. Юнг, К. Шесть архетипов / К. Юнг. – Киев-М., 1997. – С. 18.
4. htpp://chirkunov.livejournal.ru.
5. htpp://gelman.livejournal.ru.
6. htpp://kozlov.livejournal.ru.
7. htpp://tetraox.livejournal.ru.

© Дюкин С. Г., 2010

Автор статьи – **Сергей Габдульсаматович Дюкин**, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. E-mail: dudas75@mail.ru.

Рецензент – О. А. Смоляк, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

УДК 615.47:616-074

А. И. Клыков, Н. А. Фролова
Смоленская государственная медицинская академия

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЧАСТКА МИКРОЦИРКУЛЯТОРНОГО РУСЛА В 3D-РЕДАКТОРЕ BLENDER 2.49B

Эта работа о возможности моделирования трехмерных биологических объектов с использованием бесплатной открытой программы для создания 3D-объектов Blender. При помощи данной программы был смоделирован кровеносный капилляр. Показаны этапы создания трехмерной модели.

Ключевые слова: трехмерная модель, биологический объект, капилляр.

Одной из наиболее распространенных методик изучения морфологии микроциркуляторного русла является световая микроскопия с применением различных техник гистологической окраски. Однако при просмотре микроскопируемых объектов в проходящем свете информация об объеме, характерная для изучаемых трехмерных объектов, практически теря-

ется. Значительно больше знаний о трехмерной структуре микрообъектов мы можем получить при применении сканирующей электронной микроскопии. Пространственное восприятие человеком будет неполным без возможности рассмотреть изучаемый объект со всех сторон. Это достижимо только при применении методик трехмерного моделирования. Только они помогут представить результаты различных методов исследования биологического явления или структуры в наглядной форме.

Пакетом объемной визуализации является программный продукт Blender. Это не единственный профессиональный продукт для трехмерного моделирования, рендеринга и анимации, но он имеет одно очень серьезное преимущество – доступность. Blender распространяется по лицензии GNU GPL, то есть является бесплатным продуктом с открытым кодом. В то же время стоимость таких продуктов, как 3ds Max от Autodesk, достигает десятки и сотни тысяч рублей в зависимости от версии. Помимо бесплатности, у данного проекта есть и второе большое преимущество – поддержка и дальнейшее совершенствование продукта. Этим занимается организация Blender Foundation, одной из основных целей которой является дать доступ интернет-сообществу к 3D-технологии с Blender в качестве технической основы [3]. За время прогрессирования проекта выпущен ряд версий Blender, последней на данный момент времени является версия 2.49b. Однако недостатком данного программного обеспечивая является сложность обучения работе, трудность проектирования объектов со строго заданными размерами и нестандартность пользовательского интерфейса.

При построении трехмерной модели за основу были взяты микрофотографии различных участков капиллярного русла, сканирующие электронные микрофотографии и схемы строения различных элементов капилляра [1, 2, 4]. Построение модели начато с формирования клеточной стенки капилляра, и основой ее построения явились эндотелиальные клетки (моделировался капилляр III типа). При объемном моделировании клеток эндотелия применялась методика, основанная на построении mesh-объектов. Mesh-объекты – один из основных типов объектов в Blender. Они представляют собой трехмерные каркасные структуры, взаимодействующие с окружающим миром в редакторе. Для создания mesh-объектов использовался метод конвертации в них совокупности NURBS-кривых. Объекты NURBS (неоднородный рациональный B-сплайн) – второй основной тип объектов в Blender. Данные объекты являются аналогами кривых Безье, но с несколько другими алгоритмами деформации. Благодаря гибкости изменения NURBS-кривых первоначальная плоская основа каркаса сложной формы строилась из них. Потом путем применения методики экструдирования плоской форме придавался объем, и далее объект конвертировался в каркасную структуру. Каркасная основа будущего эндотелиоцита в дальнейшем деформировалась согласно типичной форме данного типа клеток методом пропорционального редактирования вершин и граней. Реальные клетки не имеют острых граней, поэтому к mesh-объекту применялся модификатор Smooth (сглаживание). Моделирование ядер клеток велось непосредственной осевой трансформацией UV-сферы (стандартного mesh-объекта Blender) с дальнейшим созданием отверстий (ядерных пор) в стенке сферы. Для придания реалистичности к данному объекту также применялся модификатор Smooth. Ядрышки были смоделированы аналогично из UV-сфер.

Моделирование митохондрий проходило в два этапа. На первом из UV-сферы путем пропорционального деформирования создавалась наружная мембрана митохондрии. На втором этапе путем дупликации – аналогичный объект, который масштабировался с уменьшением и помещался внутри первого – внутренняя мембрана. Далее внутренняя копия деформировалась с применением пропорционального редактирования вершин, в результате чего создавались кристы митохондрии. Пиноцитозные вакуоли также моделировались UV-сферами с последующим масштабированием. Эндоплазматическая сеть создавалась по аналогичной методике, как и каркасная основа эндотелиальной клетки. На первом этапе из NURBS-кривых моделировался общий плоский профиль структуры. После преобразования в mesh-объект и дальнейшего экструдирования формировалась структура нужной формы.

На следующем этапе на различные структуры эндотелиоцитов накладывались текстуры с применением эффектов прозрачности в режиме Z-буфера и зеркалирования. Далее из полученного набора собирались отдельные эндотелиальные клетки, а потом из них – участок капилляра. Клетки крови (эритроциты, лимфоциты, нейтрофильные лейкоциты) были импортированы из ранее созданных файлов и размещены внутри капилляра. Результаты до и после рендеринга модели видны на рис. 1, 2.

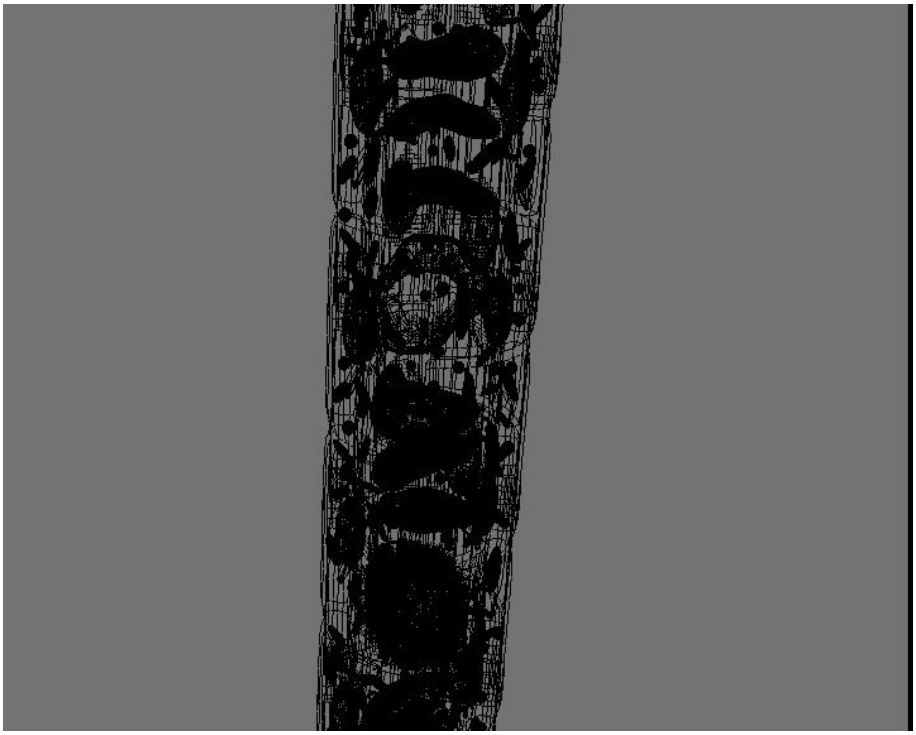


Рис. 1. Готовая модель капилляра до рендеринга

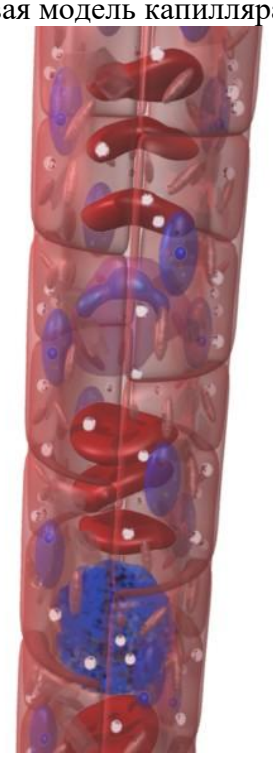


Рис. 2. Тот же участок капилляра после рендеринга

Таким образом, трехмерный редактор Blender 2.49 позволяет моделировать с минимальными ограничениями достаточно сложные трехмерные биологические структуры, в том числе участки микроциркуляторного русла. Эти модели могут применятся как в учебном процессе, так и в научных работах по изучению микрососудистого русла человека. При этом, являясь полностью бесплатным для некоммерческого применения, проект Blender наиболее оптимален для задач по моделированию при ограниченном бюджете, особенно на начальных этапах проекта.

Библиографический список

1. Атлас клеток крови и костного мозга / под ред. проф. Г. И. Козинцева. – М. : Триада-Х, 1998. – 160 с.

2. Кузнецов, С. Л. Атлас по гистологии, цитологии, эмбриологии / С. Л. Кузнецов, Н. Н. Мушкамбаров, В. Л. Горячкина. – М. : Медицинское информационное агентство, 2006. – 374 с.

3. Официальный сайт проекта Blender [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.blender.org/ (дата обращения: 14.03.2010).

4. Dr. Jastrow's electron microscopic atlas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.uni-mainz.de / FB /Medizin/ Anatomie / workshop/EM/EMAtlas.html (дата обращения: 21.04.2010).

© Клыков А. И., Фролова Н. А., 2010

Авторы статьи: **Алексей Игоревич Клыков**, кандидат медицинских наук, старший преподаватель Смоленской государственной медицинской академии (кафедра анатомии человека). E-mail: al_ksej@mail.ru;
Наталья Александровна Фролова, кандидат медицинских наук, старший преподаватель Смоленской государственной медицинской академии (кафедра анатомии человека). E-mail: natalfrol@mail.ru.

Рецензент – В. А. Глотов, доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии человека Смоленской государственной медицинской академии.

РАЗДЕЛ 7
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 165

Д. Р. Басырова
Стерлитамакская госпедакадемия им. З. Биишевой

НАУКА И ИСКУССТВО: ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

На основании анализа науки и искусства как двух самостоятельных способов отражения реальности автором выявлена их неотвратимая связь, единое онтогносеологическое основание, коренящееся в целостности человека и мира.

Ключевые слова: наука, искусство, интеграция.

В. Г. Нернст, химик, лауреат Нобелевской премии, однажды сказал, что гений искусства стоит в табели о рангах выше, чем гений науки. Мы знали бы сегодня законы падения тел без Галилея, законы небесной механики без Кеплера, но симфоний Бетховена не было бы без Бетховена. Можно ли согласиться с этим? Сама по себе наука, в голом виде, в своей оболочке, окаймленная теоретическими системами, не много не мало – одна из форм человеческой деятельности. Если смотреть на нее изнутри, это нечто вроде химической структуры. И если учесть, например, что за каждым научным открытием стоит отдельная личность, и если представить себе динамику человеческого развития, то становится ясно, что с небольшой погрешностью во времени одно и то же важное научное открытие непременно могло бы быть сделано совершенно разными учеными. В чем тут загвоздка?

Дело, наверное, в том, что на пути к какому-либо научному триумфу ученый прежде всего руководствуется теоретической, логической и эмпирической составляющими научного знания. Но если выйти за горизонты классического определения науки и заглянуть в средоточие современной науки, можно увидеть порой необыкновенный синтез оной с искусством. Человек науки должен включить в свой поиск интуитивный и творческий элементы, поскольку задача достраивания необходимого фрагмента в мозаичной картине мира, возлагаемая на ученого, требует обращения последнего в творца, силой творческой мысли связующего разнородные факты в однородный великий синтез.

Все «объективно новое» рано или поздно начинает проигрывать «субъективно новому». Потому как все перспективные ходы к данному проекту содержатся лишь в руках автора, и никто иной не сможет правильно подобрать ключ к незаконченному продукту творчества, даже если оно научное. Сегодняшнее научное творчество изобилует интересными разработками. Взять, к примеру, судьбу скучной, на первый взгляд, ферромагнитной жидкости. Она применялась в машиностроении, в медицине, но японская девушка Сашико Кодама открыла нам глаза на совершенно невероятный тип визуального искусства – феррофлюид-арт. Сейчас эта технология широко используется, а Сашико Кодама теперь – изобретатель нового способа созидания красивой и завораживающей художественной реальности.

Что же на сегодняшний день задает проблеме соотношения науки и искусства особый статус в системе наук? Разумеется, нужно отметить неоспоримый факт соперничества: наука и искусство могут не только влиять друг на друга, но и соперничать в некоторых открытиях, причем в области постижения как природы, так и человеческой души. Но мир науки – это один из множества объектов, которые ищутся, постигаются и персонифицируются искусством. Наука в своем развитии может принести тысячи новых интересных открытий, но она никогда так, как искусство, не «нажмет» на сердце человека, не сможет найти «кнопку», которая «включит» добрые и искренние человеческие эмоции.

Искусство – это грандиозный мир, отдельное произведение – микрокосмос, полноценный и завершенный. В науке же ни одно исследование не является ***выполненным*** в полном смысле этого слова. Научное исследование не завершается, оно свершается, занимая свое место в цепи предшествующих и последующих научных теорий. Результат отдельного научного исследования – звено в цепи. Если науку уподобить грандиозному строению, то отдельные исследования – это кирпичи в его стене. Искусство вечно. Оно веками накапливает культурные и художественные ценности, и из поколения в поколение отдельные произведения будоражат сердца и умы людей. А наука – это длинная дорога развития человечества, и отдельный ученый, вкупе с его открытиями, – всего лишь ее отрезок.

Но есть еще одна область, в которой наука и искусство пересекаются. Это область моральных ценностей и норм человека. Раньше только искусство могло являться хранителем ее, но в наше время наука принимает непосредственное участие в формировании новых норм поведения человека. Современные взгляды на устройство Вселенной и природу самого человека актуализируют проблему ответственности людей за все живое на земле. Искусство тоже приводит к таким заключениям, но в нем речь идет не столько о доказательстве, сколько об эмоциональном показе.

Основополагающим элементом любого продукта творчества, искусства является воображение. Оно выступает как универсальный принцип художественного отражения, который проявляется во всех видах искусства, в том числе таких, предметное содержание которых, по сравнению с литературой, менее определено, – музыке, танце, архитектуре и других. Воображение в этих случаях выступает как специфическая для искусства способность раскрыть «все то, чего не скажешь словом...» (А. Блок) и воплотить богатство мира в красках, звуках и пластике. Присущая изобразительному искусству, музыке и танцу образная ассоциативность, врожденная способность к меткому наблюдению у художника, схватывание такой подробности, детали, через которую высвечивается вся вещь в ее характерности и истинности; возможность запечатлеть на полотне, остановить мгновенье, наделенное полнотой жизни, – эти и другие особенности искусства апеллируют не только к интеллекту, но и ко всем природным способностям восприятия в их сложном синтезе, активно воздействуют на эмоциональную сферу. Воображение может дорисовывать подлинную картину вымыслом с тем, чтобы добиться нужного эффекта, так что в результате вырисовываются образ или система образов, которые, выступая в художественной форме, становятся фактом творчества, искусства. «Человек – это единый мир трех реальностей творческого воображения в их виртуальном взаимодействии», – говорит Борчиков в работе «Творческое воображение виртуальной реальности» [1, с. 74]. И эти три реальности – как три кита творческого бытия человека.

Первая виртуальная реальность – нисходящая; сюда относится воображение, которое трансцендентально определяет и наполняет творческое бытие. Вторая – константная – собственно творческое бытие человека. Творческий путь, или творческое бытие, – это бытие человека, постоянно находящегося в поиске чего-то нового, человека, рефлексирующего над своими открытиями и переживаниями, человека, пытающегося вывести в мир определенные мыслеобразы, внутренние диалоги из лабиринта своего сознания и воплотить их во что-то новое. И третья – восходящая виртуальная реальность – художественный мир. Искусство дает нам бесценную возможность прожить тысячи жизней, и в этом состоит самая потрясающая его особенность. Но искусство – это не только человеческие эмоции.

В настоящее время можно заметить падение авторитета искусства, которое медленно, но верно начинает приобретать вид «елочных украшений». У искусства, много веков имевшего только одного соперника в борьбе за человека – религию, теперь появился новый соперник, незаметно выросший и представший как, по меньшей мере, равный перед изумленным взором художников, привыкших взирать на науку высокомерно и с пренебрежением. Теперь литература и искусство могут выполнить свое высокое назначение только тогда, когда они непредвзято осмыслят, поймут необозримый духовный мир науки, если будут ориентироваться на тот же высокий уровень, который молодежь ищет и так часто находит в науке.

В прошлых столетиях искусство еще могло подбрасывать науке пищу для размышлений, для новых открытий, но сегодня наука ушла слишком далеко, и ветки лабиринтов науки сужаются настолько, что искусству с его высоты совсем не разглядеть той глубины, в которой прокладывает свой путь наука.

Очевидное воздействие научно-технической революции на все сферы человеческой жизнедеятельности никто не может отрицать. В наше время наука и техника по воздействию на человека, его психологию и мироощущение, несколько превосходит традиционные виды художественного творчества. Но по поводу воздействия современной науки и техники на художественное творчество многие годы дискутируется в специальной массовой печати, о чем уже было упомянуто.

Научно-техническая революция, вторгаясь во все области человеческой жизни, несет множество благ и ставит новые непредвиденные сложные проблемы, которые предстоит решать в национальных масштабах и во всемирных. Но приписывать всем всеобщую растерянность, пугать засильем научного рационализма, ведущего к опасности, бездушного логизирования, а может быть и эмоционального оскуднения и т. п. можно только из любви к искусству громких слов [2, с. 47]. Все это понадобилось для того, что бы со всей страстью показать важную роль искусства, призванного компенсировать в нашей мыслительной жизни резко возросшее значение абстракции, сохранить «человеку научному» целостность существа, драгоценное соответствие разума и чувства. Конечно же, эта идея компенсации не возвышает, а принижает искусство, его значение в общественной жизни.

В искусстве, как и в науке, самая животворящая традиция – вечные поиски, эксперименты, тяга к анализу и синтезу. Наука учит по-новому, гораздо тоньше смотреть не только на строение вещества, но и на само искусство. И наконец, самое главное: средства, назначения науки и искусства различны, но связь между ними есть. Как две параллели они координируются друг с другом и устремляются к будущему, как бы дополняя друг друга, помогая совершенствовать метод художественный и научный. По меткому выражению, атомная физика, новая математика, кибернетика, космогония, информатика и Интернет нуждаются в большей смелости, фантазии и мечте. Искусству же нужны знания, глубокая мысль: «если мы считаем Шекспира одним из величайших поэтов, мы тем самым признаем, что мало кто познал мир так, как он его познал, мало кто из высказавших свое внутреннее видение сумел в большей степени возвысить читателя до осознания мира» [3, с. 403].

Станислав Лем в отдаленной грядущей высокой цивилизации тоже предвидит неизбежность возрастания «деиндивидуализирующей роли» технологий и преобладания максимально реалистического типа человека и культуры. Какое же место отводится в этой техно-

логической цивилизации литературе и искусству? Ответ дается явно неутешительный. В умственном эксперименте допускается появление на свет великого множества художественных талантов, равных Шекспиру. Но этот переизбыток гениев искусства обернется для них трагедией. В будущем технологическом обществе даже великие художники станут явлением почти анахроническим, которое можно поощрять и даже уважать, но не без некоторой усмешки.

Вывод получается явно парадоксальный. И дело здесь, оказывается, прежде всего, в количестве денег. «Один Шекспир, – пишет С. Лем, – явление великолепное, десять Шекспиров – к тому же еще и необычное, но там, где живет двадцать тысяч художников с шекспировским талантом, нет больше не единого Шекспира; ибо одно дело – в пределах маленькой группы творцов соревноваться за передачу восприемникам своего индивидуального способа видения мира, и совсем другое – давится у входа в систему информационных каналов, что выглядит столь же смешно, сколько жалко»[4, с. 91].

Такая лавина произведений шекспировского масштаба приведет к тому, что все будущие средства информации не смогут их освоить и донести до массового потребителя. Появление «двадцати тысяч Шекспиров» приведет к обесцениванию художественного творчества. Как мы уже заметили, данные выводы более чем печальны, и чтобы хоть как-то сохранить свою ключевую роль, человечеству надо искать значимую область, в которой его нельзя заменить. Возможно, это – упомянутый выше синтез науки и искусства.

Знающий условный язык искусства и науки может просветить свой разум, понять устройство мира и положение в нем человека. Язык знаков – язык условный, который легко прикасается к миру и к человеку, позволяя уловить их взаимосвязи и закономерности. Только язык символов может наиболее полно раскрыть природу вещей, так как он материальными средствами пытается выразить то, что находится за гранью материи, абстрагируясь от реально видимого, проникая в самую суть.

Исследование проблемы соотношения науки и искусства в теоретико-познавательном аспекте позволяет сделать следующие выводы:

Науку и искусство объединяет, прежде всего, то, что они, являя собой части единой духовной культуры, формируют особое миропонимание; однако специфический язык искусства зачастую оказывается более эффектным. Если же коснуться территории гуманитарных наук, то можно обнаружить, что ни один четко выстроенный социологический анализ не даст человеку такого красноречивого представления о быте того или иного народа, например, как художественная литература, романы, сюжетное действие которых привязано к определенной географии.

Что касается естественных наук, то история знает немало попыток перевести язык гармонии в искусстве на язык математики и физики. Пифагорейцы считали музыку и математику средствами очищения души от греховной связи. В основе музыкальной гармонии лежат открытые пифагорейцами правильные числовые отношения, определяющие музыкальные интервалы. На становление математики существенно повлияли архитектура и скульптура, откуда пришли понятия о пропорциях и симметрии. Наука для художников и мыслителей, живших в эпоху Возрождения, означала путь к истинному искусству, истинной природе. Таково отношение к науке у Леонардо да Винчи, возводившего искусство в ранг особой науки [5].

Мнение о том, что наука может как-то описать, представить творческий процесс или хотя бы его результаты, оказалось весьма живучим. Последний штурм – попытка измерить «алгеброй гармонию» – предпринимался сравнительно недавно, после введения Шенноном количественной меры информации. За дело взялись и математики, и искусствоведы. И действительно, если принять меру количества получаемой информации с определенной неожиданностью, невероятностью, то можно показать, что гениальные произведения искусства обладают огромным информационным содержанием. Но что из этого следует? Лишь то, что находится еще одно подтверждение уникальности, экстатической трансцендентности гениального произведения искусства.

Подлинно великие произведения науки и искусства освящены вдохновением авторов. В науке вдохновение играет не меньшую роль, чем в искусстве. Но что такое «вдохновение» не знает никто, и его ожидания могут быть напрасными. В театральном искусстве известны две линии творческого подхода к созданию образа: линия Щепкина и линия Мочалова. Щепкин считал необходимым детальную отделку роли, каждого штриха, мизансцены, интонации. Подобные крайности можно заметить и в науке. Представление о сухой работе ученого с карандашом в руках, обдумывающего научную проблему, так же наивно, как и внезапное озарение дилетанта. И в основе науки, и в основе искусства лежит «ремесло», или профессионализм. Ученый должен быть способен выполнить будничную, плановую, если хотите, научную работу, как и художник или актер выполняет рутинную, черновую работу. Вдохновение, озарение, освещающие величайшие произведения науки и искусства, могут и не прийти, но если они приходят, то к достойным, чаще всего труженикам.

Что существенно отличает научное произведение, освященное талантом, вдохновением, озарением, от художественного?

Научные произведения, открытия, теории, гипотезы рано или поздно уйдут в историю и будут иметь, так сказать, второстепенное значение лишь как исторический факт, методический опыт. То, что считается в науке современным и передовым, через 20–30 лет устаревает. Науке присуще непрерывное движение вперед, более того, научная работа становится лишь тогда событием, когда она превосходит ранее достигнутый уровень. Совершенное произведение искусства всегда остается вершиной, неповторимым событием.

Отпечаток личности лежит и на научных трудах. Стиль изложения, применяемый математический аппарат, построение материала, приводимые аналогии – все это приметы авторского почерка. В формировании научного стиля несомненное значение имеет искусство, позволяющее возвыситься в научной работе до уровня переживаний.

Таким образом, при всех различиях в методологических подходах и традициях научно-понятийного и образно-художественного способов познания человеком мира, существует *единое онтогносеологическое основание их интеграции*, коренящееся в целостности самого человека и мира. Ведь человек – не только существо рациональное, расшифровывающее бытие вещей в понятийных и категориальных структурах, выносящее себя во имя пресловутой объективности «за скобки» самого мира, фиксируя его как *факт*, но и существо эмоционально-чувствующее, переживающее со-бытийность мира не как принудительно-объективный, внешний факт, но как непосредственно проживаемый *акт*, образно-выразимый, энергийно-наполненный человеческой субъективностью. Возможно, на стыке понятийного и образного видения человеком мира родится целостная картина мироздания, собранная, как мозаика, с помощью различных методологических инструментариев, укорененных в онтологии самого человека.

Библиографический список

1. Борчиков, С. А. Творческое воображение виртуальной реальности / С. А. Борчиков. – М., 1998.

2. Пенкин, М. С. Искусство и наука / М. С. Пенкин. – М. : Современник, 1982.

3. Гете, И. В. Избранные произведения / И. В. Гете. – Мн. : Изд-во БГУ, 1977.

4. Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. – М. : МИР, 1968.

5. Наука и искусство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psiholo.ru/history_science/nauka-i-iskusstvo.html.

© Басырова Д. Р., 2010

Автор статьи – **Дина Рамилевна Басырова**, соискатель ученой степени кандидата философских наук при СГПА им. З. Биишевой (Башкортостан, г. Стерлитамак). E-mail: redrud@mail.ru.

Рецензент – Р. Б. Сабекия, доктор философских наук, профессор СГПА им. З. Биишевой.

УДК 130.2 + 78.072

В. И. Юдина
Орловский государственный университет

ДИАЛОГ КАК МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

Концепция диалога – одна из наиболее плодотворных теорий современного гуманитарного знания. Она активно используется для решения актуальных задач музыковедения. В статье выделяются и анализируются три уровня музыкального диалога – персоналистский (микроуровень), субкультурный (медиауровень), глобальный (макроуровень).

Ключевые слова: диалог, музыковедение, методология.

В современном гуманитарном знании концепция диалога заняла одно из ведущих мест. Отечественное искусствознание активно прибегает к данной теории в решении актуальных проблем музыкальной культуры XX – начала XXI в. Универсальность проявления диалогизма как культурологической парадигмы современной музыки отмечает Н. А. Гаврилова: «Диалог каждой национальной культуры со всем культурным достоянием человечества проходит в условиях драматических событий современной истории и получает художественный отклик в творчестве музыкантов – певцов, инструменталистов, композиторов, дирижеров, исследователей музыкального искусства. И в этом отчетливо проявляется тенденция, затрагивающая все значительные композиторские школы разных континентов и составляющая уникальную специфику данного исторического этапа музыкальной культуры. Искусство XX в. обладает особой концентрацией художественно-исторического времени и пространства, являясь обобщением совокупного опыта предшествующих эпох и разных национальных школ. <…> Диалог прошлого и настоящего, традиции и современности – едва ли не главная тема, которую, так или иначе, осмысливает современный художник в своем творчестве» [6, с. 9].

Концептуальная значимость диалога как методологии музыкознания проявилась уже во второй половине XIX в. в сложившейся ситуации внешнего противостояния двух ведущих теорий интерпретации музыки. Одна, опираясь на культивируемую композиторами-романтиками «эстетику чувства», рассматривала музыку как искусство, отражающее типизированные эмоциональные состояния, фиксация и изменение которых средствами музыкального языка и составляла суть музыковедческого анализа. Другая, утверждая главенствующее значение «эстетики формы» над музыкальным содержанием (Э. Ганслик), рассматривала музыку как изолированную духовную сферу, к которой неприменимы внемузыкальные ассоциации. На самом деле в развернувшейся дилемме двух концепций в исторической перспективе формируется «диалог различных методологических концепций – <…> неизбежная и закономерная форма движения научной мысли об искусстве» [5, с. 115].

Современная трактовка диалога в музыке вышла далеко за пределы жанрово-стилистических параметров, распространившись «вширь и вглубь». С одной стороны, мощная тенденция к диалогу и интеграции была актуализирована фундаментальными преобразованиями в музыкальном макрокосмосе, одним из проявлений которого может служить перспектива сложения общепланетарного «фольклора глобальной деревни», о которой еще в

1960-х гг. писал канадский ученый и публицист М. Маклюэн. В частности, музыка современных массовых жанров (джаз, авторская песня, поп- и рок-музыка) рассматривается как своеобразная сфера реализации диалога и синтеза культур Европы, Америки, Африки (Л. А. Рапацкая, Г. В. Шостак).

С другой стороны, обусловленный интонационной природой музыкального искусства, диалог проявляет себя как особый эмоциональный язык личностного проникновения в музыку, как художественное переплавление эмоций и чувств, знаний и смыслов (В. В. Медушевский, О. В. Бочкарева). Определяя музыкальный диалог как «общение на духовной основе», А. Юсфин разрабатывает его типологию на основе выделения фундаментальных (внутриприродных) оснований, разнообразных форм, индивидуальных особенностей. Именно имманентные качества музыкального диалога обусловливают его универсальный характер, его способность, подобно конфессиональному диалогу, быть «реальным примером возможности любого диалога. Примером и моделью такого диалога, рожденного естественным следствием исторической судьбы народов и цивилизаций с их постоянными взаимопересечениями. И в такой же степени естественными потребностями каждого отдельного человека» [10, с. 285].

Универсальность определяет методологическую значимость музыкального диалога как теоретической базы музыковедческого исследования, что закономерно выдвигает задачу выявления отдельных уровней его реализации. Сосредоточившись исключительно на имманентно музыкальных свойствах, представляется целесообразным выделить *три уровня* музыкального диалога – персоналистский (микроуровень), субкультурный (медиауровень), глобальный (макроуровень).

На *микроуровне* музыкальный диалогизм может проявляться в индивидуальной композиторской манере и даже в отдельном произведении. В отношении последнего продуктивность музыкально-стилевого диалога реализуется на интонационном уровне – в конкретном сочинении или группе сходных по эстетико-стилистическим параметрам произведений.

В этом плане ярким примером могут служить полистилистические опусы А. Г. Шнитке. Полистилистика как метод «работы» с разнообразными музыкальными моделями – стилями – от средневекового протестантского хорала и знаменного распева до современной серийной техники и пуантилизма – изначально предполагает их семантико-культурологическое равенство как неких музыкальных архетипов. В музыкальном хронотопосе Шнитке отбор моделей (сообразно идейному замыслу произведения) и их «присвоение» (работа с ними) каждый раз приводит к рождению некоего неповторимого музыкального феномена. Неотъемлемое качество «феноменологии глобализма» Шнитке (термин А. Демченко) – современное и актуальное звучание, обусловленное диалогом музыкального пространства-времени, когда исходная модель, введенная в контекст сегодняшнего дня, своей модернизацией реализует «живой диалог эпох, а диалог этот служил, прежде всего, задачам максимально рельефного воплощения жизненно важных проблем XX в.» [2, с. 26]. Возможно, не случайно, что название «Диалог» стоит в заглавии произведения, знаменующего в творчестве Шнитке переход от ранних экспериментальных опусов к зрелым сочинениям концептуального характера (имеется в виду написанный в 1965 г. «Диалог» для виолончели и камерного ансамбля).

Творчество всякого художника – это всегда диалог: традиций и новаторства, прошлого и настоящего, различных культурных миров. Сошлемся на характеристику музыки Баха Л. Заксом, объясняющим противоречивость и парадоксальность социально-психологического облика композитора диалогом разных культурных эпох, объединяющих в себе «религиозный оптимизм и барочный трагизм мироощущения, традиционное христианское преклонение перед господом, высокое всепоглощающее стремление к нему и простонародное «бытовое» любопытство, бюргерскую трезвость, ремесленный «хищный глазомер», самозабвенную веру и глубочайшую духовную рефлексию, неведомую официальному религиозному сознанию, кажется, с времен «Исповеди» Августина, искреннее смирение и воистину ренессансное чувство собственного достоинства и внутренней свободы, «общинную» всеобщность и психологическую конкретность, авторскую определенность высказывания,

патетику, эмоциональную экзальтацию молитвы и проповеди и предвещающую рационализм Нового времени всеохватность и тщательность логической аргументации» [4, с. 56].

Активная роль культурного диалога для становления творческой манеры композитора в XX в. может быть проиллюстрирована художественной эволюцией И. Ф. Стравинского, названного А. Казеллой «гигантским маяком XX века». Своеобразно преломленная фольклорная архаика и неопримитив национальных истоков его ранних сочинений, универсализм произведений неоклассического периода, серийный конструктивизм, вобравший урбанистические авангардные мотивы позднего творчества композитора – все это синтезировано в едином духовном пространстве культуры XX в. «Закольцованная» в своих последних сочинениях возвратом к русским народным истокам, музыка Стравинского стала своеобразным «перекрестком» художественных путей своей эпохи, где встретились культуры традиционная и авангардная, отечественные истоки переплелись с множеством европейских и американских влияний.

В истории становления национальных музыкальных культур знаковый характер имела взаимосвязь фольклорных традиций и профессиональных форм композиторского творчества. Это взаимодействие различных *музыкальных субкультур,* результатом которого стал расцвет национальных композиторских школ XIX – первой половины XX в., выявило диалогический характер взаимосвязи двух своеобразных систем музыкального мышления. В этом плане показательна историческая трансформация культурного знака фольклора в композиторском творчестве.

Интерес к фольклору как особой сфере культурного наследия возник в конце XVIII – начале XIX в. в связи с характерной для эстетики романтизма доминантой специфического, особенного в национальной культуре. В профессиональной музыке фольклор становится *этноидентифицирующим* знаком, связанным с воспроизведением коллективного художественного опыта. Яркий пример – известный тезис М. Глинки («Музыку создает народ, а мы, художники, только ее аранжируем»), демонстрирующий его пиетет, уважение перед образом коллективного автора как этнорепрезентанта.

Различные формы взаимодействия фольклора и профессиональной музыки – заимствование, обобщение, трансформация (Г. Головинский) – свидетельствуют не только о степени освоенности народного творчества творчеством профессиональным, но и о диалогичности, «сочетаемости» двух систем музыкального мышления. В XIX в. этнографическая знаковость фольклора определяет господство характерного для этого времени метода «гармонического комментирования фольклора», что проявляется в многочисленных сборниках русских народных песен в композиторской обработке (М. А. Стаховича, М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова и др.).

В начале XX в. происходит смена эстетической установки во взаимодействии традиционной и профессиональной музыкальной культуры. Свойственная XIX в. идеализация фольклора уступает место прагматическому подходу: он уравнивается в правах со всеми прочими факторами композиторского творчества. Поэтому в фольклорном материале актуализируются нетрадиционные (этнические художественно-эстетические) стороны – напевность, мелодизм, интонационное богатство, а диссонантность, резкость, т. е. все то, что соответствует новой культурной ситуации, провозглашающей динамизм урбанизации, стихию техницизма. Так, И. Ф. Стравинский используемую русскую песню подвергает ритмическому обострению, тембро-фонической деформации; при сохранении основных параметров первоисточника (прежде всего интонационности) создается ощущение художественного «перевертыша», когда новый культурный контекст трансформирует начальный инвариант, диктует ему свои условия. Яркий пример – работа с мелодиями народных песен в балете «Петрушка».

Сама техническая сторона прогресса в музыкальной культуре на рубеже XIX–XX вв. имела положительное значение и для композиторского творчества, и для фольклористики. Использование фонографа в музыкально-этнографических экспедициях предоставило широкие возможности документально точной фиксации фольклорного произведения, что стиму-

лировало интерес к древним пластам народного творчества. Новые культурные веяния XX в. имели важные культурологические и художественно-стилевые «последствия» для диалога профессиональной и народной музыки. К первым отнесем проблематичность использования народной мелодии в этнографическом варианте. Размываются традиционные представления о характере музыкального тематизма: функции мелодии выполняет фраза, мотив, которые не обладают в полной мере этноидентифицирующими свойствами. Недаром Б. Барток, характеризуя мелодизм Стравинского «русского» периода, отмечает его склонность к мотивным остинато и видит аналогии им в старой венгерской волыночной музыке и арабских народных танцах [1, с. 96].

Художественно-стилевое обновление фольклора в профессиональной музыке XX в. сказалось и в гипертрофии отдельных компонентов архаического первоисточника (например, ритма у Стравинского), и в объединении с приемами современной композиторской техники (политональностью, полиладовостью, полифункциональностью у композиторов «новой фольклорной волны»).

Таким образом, фольклор продолжает оставаться знаком, но не этноидентифицирующим, а *типологическим* – знаком принадлежности к определенному – архаическому – культурному слою. Примерами может служить неопримитив в рамках авангарда с его обращением не к архаичной музыке, а к архаичному мышлению (ритмическая стихия «Весны священной» Стравинского как выражение коллективной динамики, подавляющей индивидуальность) или неофольклоризм и отчасти «новая фольклорная волна», ориентированная на трансформацию традиционного этнографизма сквозь призму архаики (произведения Э. Денисова, В. Гаврилина, С. Слонимского 1950–1960-х гг.).

Помимо диалога субкультурных слоев в рамках одной национальной музыкальной культуры, в ее историческом развитии не менее важным фактором являются интернациональные культурные взаимосвязи. Известно, что в синтезе византийского гимнотворчества и русской песенной традиции родилось такое яркое явление, как отечественная духовная музыка во всем многообразии ее исторических форм – от знаменного распева и партесного концерта до хоровых полотен П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, Г. В. Свиридова. В рамках сложившихся национальных музыкальных систем такой музыкальный диалог проявляется через связь культурных миров, в том числе дихотомию «Восток – Запад», «Север – Юг».

Глобальный вариант межкультурной коммуникации в истории музыки – *макроуровень музыкального диалога* – являет обращение западных композиторов к Востоку.

Имеющая свою историю развития дихотомия «Восток – Запад» прошла ряд этапов трансформации культурологического значения от утилитарно-прикладного к диалогическому осмыслению. К началу XX в., в связи с развитием сравнительного музыкознания, европейские музыканты активно обращаются к культуре далеких, незнакомых ранее регионов, открывая для западной музыки оркестр гамелан с острова Ява, древнеяпонскую придворную музыку гагаку, негритянские спиричуэлс. Процесс особенно расширился с начала 1970-х гг.: «заранее распродаются билеты на любые концерты, будь то танцы Бали, арабский лютнист, виртуозы северной Индии, турецкие, корейские, японские музыканты. В 1972 г. в Мюнхене во время Олимпиады функционировала выставка «Мировые культуры и новейшее искусство». В 1976 г. целая деревня из Бали жила в Западном Берлине. С 1979-го там был учрежден постоянный фестиваль «Горизонты»… при этом молодые музыканты изучали барабанные ритмы врачевателей Ганы, маленькие металлофоны индонезийского гамелана. На вершине этой экзотической волны мастер игры на ситаре Равви Шанкар выступал вместе с Иегуди Менухиным, предвосхищая явление «единой мировой культуры» [8, с. 37–38].

Эти внешние проявления интереса западной музыки к Востоку, как и в современном западном искусстве в целом, демонстрируют особый характер межкультурного диалога, предполагающего «уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретация его точки зрения партнером; <…> взаимную дополнитель-

ность позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога» [7, с. 152].

Принципиально новая значимость музыкального диалога в XX в. заключается в том, в произведениях различных направлений, видов и жанров, от А. Жоливе до The Beatles, Восток предстает как особый мир культуры, в котором сохранилось первозданное единство человека и природы, утвердилась идея целостности человеческой индивидуальности. Смещение внимания с внешних ориентально-экзотических факторов, проявляющихся в заимствовании внеевропейских элементов музыкального языка (выходящей за пределы традиционно полутоновой темперации, сложнейшей внеклассической метроритмики и сонорных эффектов), как это имело место в отдельных восточных мотивах у Моцарта («Похищение из сераля»), Бизе («Искатели жемчуга»), Пуччини («Чио Чио Сан»), в сторону ментального компонента свидетельствует о *диалогическом* характере взаимодействия культур Востока и Запада в музыке XX в.

Такой подход был обусловлен духовными проблемами, обострившимися в XX в. Е. Завадская отмечает: «Растущее противоречие между техническим прогрессом буржуазной цивилизации и идеалами гуманистической этики, в начале XX в тревожившее немногих, к середине столетия стало очевидным... Часть интеллигенции, стремясь преодолеть традиционный европоцентризм, обратилась к культуре Востока, увидев в нем множество плодотворных идей – последовательный нонконформизм, не допускающий расхождения между словом и делом, утверждение естественного равенства людей, протест против обыденного здравого смысла, нигилизм по отношению к ходячим истинам и общепринятым авторитетам» [3, 7]. Все это стимулировало острый интерес западных художников к различным философско-религиозным системам, утверждающим ценность этического самосовершенствования.

Замысел, идейное содержание большинства музыкальных образцов диалога Востока и Запада связаны с древневосточными первоисточниками, преимущественно Индии и Китая. Так было в «экзотический период» творчества О. Мессиана (вторая половина 1940-х гг.), когда под влиянием трактата Шарнгадевы композитор открыл для себя взаимосвязь музыки с космической и религиозной символикой древнесанскритской культуры. Символико-аллегорическая программа его «Турангалила-симфонии» утверждает поистине универсальный для Запада и Востока характер таких категорий, как любовь, жизнь, смерть. Обращение к древневосточной транскрипции этих категорий углубляет, как это свойственно диалогу, представления европейского музыканта, наполняет эти универсальные определения надвременным, вечным смыслом.

В программе симфонии весьма ощутимо сочетание двух начал – контраста (разрушения – восстановления, жизни – смерти) и единства (гармония этих категорий, понимание любви). Словно два типа мышления дополняют друг друга. Один – дуальный, альтернативный, трактуемый в западной культуре как универсальный принцип бытия. Другой тип мышления – целостный, утверждающий идею единства макро- и микрокосмоса, инь и ян и относительность всех оппозиций – жизни и смерти, добра и зла, движения и покоя.

В музыкальной стилистике XX в. диалог западной и восточной традиций обусловил новый подход к звуку как материальной основе музыки. Древние индийские философы считали, что весь мир имеет звуковую природу. Звук в сознании восточных народов издревле был связан с глубокими философскими представлениями, придающими ему характер силы, творящей мир, создающей и поддерживающей его гармонию. Так, звук-слог «ом» олицетворял в древнеиндийской культуре высшее духовное начало.

В XX в. «эксперименты» со звуком в таких направлениях, как конкретная музыка, алеаторика, ставили целью слияние композиторского творчества со всем слышимым в окружающем пространстве, с единой звуковой «вибрацией мира» (Р. Куницкая). С одной стороны, в этом ощущается связь с древней пифагорейской концепцией «космической музыки». С другой, в древневосточной музыкальной эстетике (трактат «Юэцзы») зафиксировано

космологическое понимание музыки как искусства, построенного по образцу Вселенной на основе единства и взаимопроникновения инь и ян. На этих же постулатах основывается и художественная концепция американского композитора-авангардиста Дж. Кейджа, изложенная в работе «Молчание» (1961), и его творчество. Строя свои музыкальные композиции по принципу древнекитайского трактата «И цзин» («Музыки перемен»), вводя в них конкретные звуки быта («Музыка воды»), признанный представитель алеаторики как бы преодолевает дуализм западного мышления, утверждает главенство целостности как ведущей категории диалогического принципа мышления XX в.

В западной музыке XX в. особым образом актуализировалось импровизационное начало, в том числе и под воздействием восточной музыкальной традиции. На Востоке изначально главенствовал момент такого музицирования, когда процесс сочинения и процесс исполнения были почти слиты, тождественны. И музыкант, и слушатели испытывали большее наслаждение от самого процесса развертывания звуковой материи, нежели от его результата. Именно в игре путем максимальной духовной концентрации и самопогруженности происходит преодоление разделенности человека и мира, устанавливается гармония между ними. Яркие образцы музыкальной медитации, широкого использования выразительных средств восточной музыки дает молодежная субкультура.

Известно, что многие патриархи западного рока серьезно изучали восточную философию и религию (к примеру, музыканты The Beatles, особенно Дж. Харрисон). Созвучность ментальной специфике традиционного Востока отчетливо реализуется в рок-стилистике. «Этнические» направления прогрессивного рока 1960–1970-х гг. (афро-, рага-, латин-рок) отличает опора на оригинальные этнорегиональные особенности музыкального языка, прежде всего метроритмику, а также особый эмоциональный тонус исполнения. Разработка фольклора (в частности, индийского в сочинениях английской группы «Квинтэссенция»), использование национального инструментария (к примеру, у Харрисона это ситар), несомненно, обогатили звуковую палитру западного искусства. В этом же ряду следует упомянуть и специфическую манеру исполнения, ориентированную на свободное волеизъявление музыканта в рамках заданного канона.

Одним из ярких результатов межкультурного диалога в музыке XX в. стал джаз. Рожденный взаимодействием разнообразных музыкальных традиций (американских аборигенов, африканских невольников, европейских переселенцев), он в ходе своего развития демонстрировал удивительную художественную восприимчивость к различным культурным влияниям.

Так, воздействие восточной эстетики на джазовую импровизацию отмечал российский трубач Юрий Парфенов: «<…> В современном джазе существует ярко выраженная тяга к музыке Востока, и здесь я не одинок. Такие выдающиеся музыканты, как Джон Колтрейн, Дон Черри, Эллис Колтрейн, Фэроу Сэндерс, Лео Смит, специально изучали индийскую, балийскую, арабскую, японскую музыку и успешно «скрещивали» ее с новым джазом. Я вижу в этом веление времени: джаз инстинктивно стремится стать всемирной музыкой, реализовать свою собственную природу. Что касается моего творчества, то в нем есть некоторое сходство с восточной медитацией. Мне кажется, что я разглядываю старую стену, на которой облупилась краска, и в хаосе пятен, линий, черточек вдруг обнаруживаются законченные фигуры и лица, порой идеально изображенные. Разве не то же самое происходит и в процессе ансамблевой джазовой импровизации, особенно при исполнении спонтанной музыки, когда в момент наибольшего слияния инструментальных голосов, как бы в озарении, возникает нечто истинное?» [9, с. 298–299].

Для отечественной музыки проблема «Восток – Запад» имеет особый, методологически значимый характер. Возможно, именно русскую культуру в наибольшей степени отличает диалогизм, обусловленный ее изначальной синкретичностью, переплавкой различных культурных традиций. Этому можно найти многочисленное подтверждение как в композиторском творчестве, так и в институциональных формах музыкальной практики – от протовизантийских первоистоков хоровых песнопений, исторически преобразованных западной пар-

тесной традицией, образно-стилистических сопоставлений опер М. И. Глинки до институциональных форм музыкального воспитания, совмещающих традиции индивидуального учительства и коллективного (соборного) исполнительства.

Современная ситуация глобализации и диверсификации культур актуализирует значимость диалога как концепции, ориентированной на равенство и взаимодополнительность культур, признание их уникальности и своеобразия (национального, этнического, регионального). Думается, что универсальность диалога позволяет рассматривать данный подход как продуктивную методологическую основу анализа современных музыкальных процессов.

Библиографический список

1. Головинский, Г. Композитор и фольклор. Из опыта мастеров XIX–XX веков : очерки / Г. Головинский. – М. : Музыка, 1981. – 280 с.

2. Демченко, А. Альфред Шнитке: феноменология глобализма : к 75-летию со дня рождения / А. Демченко // Музыкальная академия. – 2009. – № 4. – С. 21–31.

3. Завадская, Е. Культура Востока в современном западном мире / Е. Завадская. – М. : Наука, 1973. – 168 с.

4. Закс, Л. Музыка в контекстах духовной культуры / Л. Закс // Критика и музыкознание : сб. ст. – В. 3. – Л. : Музыка, 1987. – С. 46–68.

5. Зись, А. Я. На подступах к общей теории искусства / А. Я. Зись. – М. : Изд-во ГИТИС, 1995. – 296 с.

6. История зарубежной музыки. XX век : учеб. пособие / сост. и общ. ред. Н. А. Гавриловой. – М. : Музыка, 2005. – 576 с.

7. Каган, М. С. Мир общения / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1988. – 319 с.

8. Леонтьева, О. Т. «Внеевропейское» в западной музыке 1970–1980-х годов: «Медитативная музыка» – новая ориентация постмодерна / О. Т. Леонтьева // Западное искусство: XX век: Классическое наследие и современность / Российская АН, Российский институт искусствознания Министерства культуры РФ ; отв. ред. Б. И. Зингерман. – М., 1992. – 268 с.

9. Советский джаз. Проблемы. События. Мастера : сб. ст. – М. : Советский композитор, 1987. – 592 с.

10. Юсфин, А. Диалог музыкальных культур как модель духовного собеседования / А. Юсфин // Онтология диалога: философский и художественный опыт. – СПб. : Эйдос, 2002. – С. 271–290.

© Юдина В. И., 2010

Автор статьи – **Вера Ивановна Юдина**, кандидат искусствоведения, доцент Орловского государственного университета. E-mail: udina@orel.ru.

Рецензент – О. В. Гриднин, кандидат педагогических наук, доцент, завкафедрой музыки Орловского государственного университета.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.0

А. Э. Еремеев,
доктор филологических наук, профессор
Омская гуманитарная академия

ИЗУЧЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ФЕНОМЕНА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Рецензия на книгу М. П. Гребневой «Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности» (Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – 182 с.)

Монография М. П. Гребневой посвящена осмыслению феномена флорентийского мифа в русской словесности, начиная с XV и заканчивая XX в., что уже говорит о масштабности предпринятого исследования. В сочинении впервые рассматривается эстетика и поэтика флорентийского мифа на огромном литературном материале. Как констатирует сам автор, к исследованию привлечено 312 текстов 47 авторов, среди которых необходимо выделить в первую очередь В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С Тургенева, И. Ф. Анненского, А. А. Ахматову. Именно на произведениях этих авторов проведена попытка изучения особенностей трансформации флорентийского мифа в художественную структуру, что само по себе представляет определенную новизну и актуальность.

Завершить мир произведения, иначе говоря, создать границы жизни героя и смысла этой жизни возможно только с «внежизненной» позиции, находясь в совершенно ином «плане бытия», – эту функцию и выполняет миф в структуре художественного произведения. Согласно мифу, сакральное время неотделимо от наполняющих его событий. Исходя из этого, сакральное время может быть воссоздано в структуре художественного произведения путем сопряжения в событии во время его свершения, но оно может быть передано в «снятом» виде дистанцирующимся от него повествователем. Изнутри земной человеческой жизни нельзя увидеть ее итоги – ни фактические, ни смысловые, но, благодаря введению в произведение мифологического начала, эти итоги уже наличествуют, так что становится возможным созерцание становящейся жизни как свершившейся.

Главный признак мифа в структуре художественного произведения, как видится из осмыслений М. П. Гребневой, не только наличие универсалий флорентийского мифа и сюжетных мотивов, но и создаваемая художественной структурой возможность превращения всего сиюминутного, эмпирически или исторически реального в мире и человеке, и отражение и воспроизведение вечных прообразов. Современный мир, просвечиваемый этим прошлым опытом, человек и его судьба становятся многомерными, ибо окружающий мир, не теряя внешней узнаваемости, приобретает дополнительную глубину. В современной ситуации, коллизии, характере, сюжете благодаря мифу расшатываются все устойчивые грани, обретая диалектическую противоположность; в итоге за счет рождающегося симфонизма выстраива-

ется новый, скрытый ранее мир, где мотивы заданной темы взаимопроникают друг в друга и подчас меняются местами.

Методологически верными и значимыми замечаниями, на которых базируются историко-литературные осмысления автора, являются мысли, из которых можно сделать заключение о том, что система варьирования архетипических образов и мотивов, а также архаических пластов семантики слова в литературном произведении открывает в точках непрерывно меняющегося эмпирического времени область вневременного настоящего и придает всему современному глубинный и неумирающий смысл, укрупняет масштаб изображения, создает неколебимую нравственную меру.

Как мы видим, из изложенных мыслей М. П. Гребневой, в русской литературе с помощью флорентийского универсального мифа литераторы на протяжении нескольких веков демонстрируют не собственное, замкнутое на себе нравственно-эстетическое сознание, а некий тип философского обобщения, который несет мифологизированный характер и осуществляется путем переключения повествования из одного временного плана в другой, что, в свою очередь, способствует становлению нового типа образа, объединяющего черты литературы и мифа. Основной функцией подобного мифа является создание установки на определенный способ видения мира, формирование особой системы ценностных ориентаций, организующих художественное целое. Данный способ обобщения позволяет подойти к явлениям современности с точки зрения непреходящих человеческих ценностей, прозреть вечный смысл описываемых событий.

Несомненное достоинство книги в историко-литературном плане заключается в том, что автор восполняет определенные пробелы, направляя свое внимание на изучение типологии флорентийского мифа в связи с изучением мифологизируемых форм. К так называемым «ядерным мотивам» универсального мифа о Флоренции исследователь относит сквозные мотивы камня, сада, цветка, цвета. Широко осмысляются «мотивы вторичного уровня», которые порождены особенностями хронотопа русского флорентийского текста. К ним автор относит мотивы прошлого, круга, башни как символа вечности, замкнутости, мотив звезды и т. п., – тем самым выявляются централизующие основы формирования мифопоэтической картины Флоренции в русской литературе.

В центре работы оказывается концептосфера флорентийского мифа как эстетическая категория и как элемент поэтики в творчестве русских писателей. Решение поставленной задачи позволяет исследователю не только всесторонне уяснить роль флорентийского мифа в поэтической системе русской словесности, восполнить мифопоэтическую картину исследуемых историко-литературных эпох в ее целостности, но и по-новому осознать масштаб влияния флорентийского мифа как формы художественного мышления, представить его как составляющую в творческом сознании отечественных литераторов. При этом М. П. Гребнева опирается на историко-литературный и типологический подходы в исследовании мифологии Флоренции, а в изучении конкретных произведений, содержащих трансформированные авторами мифологические структуры, использует структурно-семиотический анализ, герменевтические и этногерменевтические наблюдения. Функционирование флорентийского мифа в структуре художественных текстов русской словесности было изучено с точки зрения исторической поэтики, что, в свою очередь, потребовало осмысления жизни флорентийского мифа в последующих эпохах на основе культурологического анализа.

По мнению автора, флорентийский миф складывается в основном под воздействием романтизма, который господствовал в русской литературе в первой трети XIX в. В этом смысле, заключает М. П. Гребнева, «флорентийский миф – это иная, лучшая реальность, воспроизведенная русскими авторами, которая способствовала поиску новых идеалов, развитию внутренней духовной жизни личности, стремлению выработать новое миросозерцание». Русская культура тем самым становилась на путь самопознания личности и проникновения в сущность природы. В области формирования романтической мифологии это сказалось в освоении новых мифологических сюжетов и форм.

Как показывает исследователь, универсальный миф о Флоренции объединяет в себе как первичный уровень, включающий мотивы камня, сада, цветка и цвета, так и вторичный, содержащий мотивы прошлого, круга, башни, при этом первый мотив оказывается временным по своей сути, а другой является пространственным.

В главе, посвященной анализу «мотива звезды как экспликации мотива прошлого и круга», предполагается, что слово «звезда» в произведениях русских авторов о Флоренции подразумевает Солнце. Ведь Солнце, заключает автор, цитируя словарь русского языка, – это «…звезда, представляющая собой гигантский раскаленный газовый шар, излучающий свет и тепло. Это, если можно так выразиться, круглая звезда и символ вечности, неизменности жизни – то есть в высшей степени». Таким образом, мотив звезды «оказывается заменителем мотивов круга и прошлого во флорентийском универсальном мифе» (с. 205).

Следует отметить, что в аналитическую орбиту включена просветительская традиция изучения национальных культур, исторических периодов развития итальянской и русской литературы.

Наиболее интересным в работе представляется то, что отдельные произведения писателей и поэтов XIX–XX вв., от А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя до А. Ахматовой, О. Мандельштама, рассматриваются в контексте общих тенденций развития русской мифопоэтики под влиянием флорентийского мифа, который вписывается в непосредственную динамику русского историко-литературного процесса. Это позволяет исследователю, с одной стороны, весомее оценить произведения, содержащие мифопоэтическое начало в своей художественной структуре, а с другой – отчетливее уяснить типологические закономерности уникальной флорентийской мифопоэтики.

Глубокое изучение развития мифологии в произведениях русских писателей, содержащих мифопоэтическую парадигму, достигается детальным историко-литературным анализом вкупе с типологическим, что позволило выделить наиболее значимые «персональные мифы» о Ф. Петрарке, Джованни Боккаччо, Ф. Анжелико, Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Джироламо Савонароле.

Обращаясь к фактам усвоения русской эстетической мыслью флорентийского мифа, автору удается определить его новое понимание в русской литературе как высшей формы интуитивно-интеллектуальной деятельности.

С помощью выверенного фактического материала исследователь соединил сравнительно-исторический, типологический, мифопоэтический, структурный анализы, рассмотрел эстетические и поэтические достижения русских писателей в связи с реконструкцией универсального флорентийского мифа в их творчестве. Бесспорно, данная книга ценна для всех, кто интересуется историей русской литературы, поскольку в центре внимания находится репрезентативный корпус текстов травелогов, а также художественных, мемуарных, эпистолярных, дневниковых текстов, представляющих собой проблемный срез всей русской словесности Нового времени в ее исчерпывающе полном жанровом составе.

© Еремеев А. Э., 2010

SUMMARY

A. V. Ershova

EVALUATION OF DEVELOPMENT OF SHARE INVESTMENT FUND IN THE KAZAKHSTAN REPUBLIC

The article is devoted to the estimation of PIF market development which stimulates the growth of financial markets in the country at expense of accumulation and investigation of considerable volume of financial resources. Within the limits of market development of collective investments a competitive struggle between its partners will be increased, according the quality of presented services and approach to given financial instruments will be growing.

Keywords: financial market, share investment fund (SIF), investor.

M. V. Zolotich

VIRTUOSITY OF POLITICS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF DIRECT DEMOCRACY

In the article are explored the problems of realization of the communicative function of politics under act of democratization`s processes taking into account the factor of informative power and society.

Keywords: communication, Internet, democratization, policy virtualization.

L. A. Koroleva, A. A. Korolev, I. N. Garkin

GOVERNMENT-CONFESSION POLITICS REGARDING ISLAM IN USSR. 1940–1980 (according to records of Sredney Povolgye)

In the article we analyze the main trends of the Soviet state religion policy towards Islam on the regional level – in the Centre Volga region in 1940-1980th (atheism activity, open and secret prayer-houses, financial control, etc.).

Keywords: confessional politics, islam, religious cult, atheistic activity.

A. M. Farkov

THEORETICAL ASPECTS OF HARMONIZING OF SOCIAL-POLITICAL SYSTEM

The article deals with topical problems of achieving social harmony, full harmonization of social interactions. The author uses the comparative method of analysis to explain the socio-philosophical problems of modern Russia.

Keywords: accord, harmonization of social relationships, the Chinese way.

Y. V. Shkudunova

PUBLICLY-PUBLIC SPHERE AND POLITICAL SPACE

This article considers as society incorporates public and prowadded, their displays in political space.

Keywords: publicity, a privacy, a policy.

V. P. Beklemeshev

PECULIARITY OF REGIONAL REGULATION OF LABOUR MARKETING AS ELEMENT OF COMPLEX RELATIONS

Fast and unifinishird transformation processes economic crisis, criminal situation caursed and still course the serious problems which need fast and correct solving. Minding all positive aspects of the directions advanced, the authors do not take into consideration the very fast of adaptation of labour market reducing all programs to the maximum degree of induded integration resources, forming object – focused approach to studying the economic effectiveness. The transactions to the innovation model demands forming new environment and the possibility of forming labour market's adaptation mechanism, institutional components etc which are introduced in the article of the author. Using the results of the previous section we estimate the contributions of factors that determine the efficiency in the banking sector. Efficiency in general is defined as the best allocation of resources to obtain a given level of output. There are two main approaches to efficiency in the financial markets. First one is technical (operational) efficiency that measures the cost efficiency of financial intermediation.

Keywords: labor market, human resources, management.

S. A. Bolshedvorova

ROLE OF THE SECOND LEVEL BANKS IN DEVELOPMENTAND INCREASING OF COMPETITION CAPACITY OF A REGION (ON THE EXAMPLE OF NORTH- KAZAKHSTAN REGION)

The article is opened the essence of role estimation of banks of the second level in development and increasing the competitiveness of regional economy. It is described in detail the role of banks of the second level in the development of regional economy, the essence, functions and peculiarities of activity of banks of the second level. The author

investigates the social economical development of North Kazakhstan region, then it is made the analysis of competitiveness of North Kazakhstan region. Is sufficiently literate carried out the analysis of indices influence of banking activity of the Republic of Kazakhstan on the social economical indices of North Kazakhstan region.

Keywords: competitiveness, second level bank, economic development.

T. B. Gakelberg

THEORETICAL ASPECTS OF RATING EVALUATION OF LOAN ENTERPRISES' CREDIT RELIABILITY

The given article present the attempt of the author to open the conception and the essence of rating of credit reliability and also to examine and give the estimation of the main methods of rating definition. The author analyzes the methods using by investors at present and also by foreign investors and gives them the characteristics from the position of admissibility to conditions of domestic economy.

Keywords: solvency, credit rating, rating agency.

O. V. Demidenko

QUESTIONNAIRE SURVEY OF EMPLOYMENT AND TRAINING OF MOVEMENT

According to a questionnaire survey processed information about the movements of the population of Omsk to work (study), revealed their structure, develop models of the formation of a matrix of labor movement, formed the matrix of employment and educational movements that can be used to optimize routes, the city of Omsk.

Keywords: public transport, employment and educational mobility.

O. V. Zaslonkina

ESTIMATION OF THE CONDITION OF PROFESSIONAL CULTURE OF CIVIL SERVANTS IN THE ORYOL REGION

The article deals with the essence, the role and some main features of professional culture of the state civil recruits. The importance of studying the problem is caused not only by the practical necessity of perfection of state civil employees' professional work, but also by its insufficient readiness for the scientific literature. The author believes that the complexity, inconsistency and diversity of social development processes occurring in modern Russia demand radical change of forms and influence methods in all spheres of social life. These changes are sure to increase the requirements to the state civil employees as the destiny of any transformations in a society largely depends on the level of their vocational training, qualifications, and abilities to make rational and effective administrative decisions in the conditions of quickly varying public situation.

Keywords: culture, professional culture, the civil servant, professional work of civil servants, professionalism, management, public service, development and formation of professional culture.

I. M. Kruten

MARKETING RESEARCH IN SPORT SPHERE (ON THE EXAMPLE OF FIGHT CLUBS IN OMSK CITY)

Market research techniques in the field of sports. Have been cousdered recommendations for improving marketing management of «Saturn-Profi».

Keywords: martial arts, marketing research, fight club.

O. N. Mihaylova

ANALYSIS DIVERSION PORTFOLIO ON THE EXAMPLE OF AO "KAZKOMERCEBANK"

At present the problems linking with the formation of investment portfolio of commercial bank acquire more urgency. The term «portfolio» means the set of investments into valuable papers circulating at the financial market. The article is analuzed the diversifitional portfolio of commercial bank at the example of «Kazcomertsbank» Limited Company.

It was used the following methods for achiement the aims of investigation: economical-statistical, method of space selection, factoral analysis, limits, factoral models and balance. The informational base of investigation is formed by the given information of «Kazcomertsbank» Limited Company, periodical publications, scientific materials, normative – legal documents, legislative acts of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: investment portfolio, economic and statistical method, factor model.

A. Mikhalka

METHODOLOGICAL ASPECTS OF RISK ASSESSMENT POSSIBLE ADVERSE EFFECTS OF GMOS ON HUMAN HEALTH AND THEIR EFFECT ON THE STATE'S FOOD SECURITY

The article is devoted to research and risk assessment of possible adverse effects of genetically modified organisms on human health, the spread of genetically modified organisms and their impact on food security.

Keywords: risk, food security, genetically-modified organisms, biosafety.

V. M. Sayko

IMPROVEMENT OF REGULATION AND SUPERVISION OF ACTION OF THE SECOND LEVEL BANKS IN THE KAZAKHSTAN REPUBLIC

The article is devoted to improvement of supervision for banking activity which is based on the firm legislative basis creating conditions for realizing constant control for the state of banking activity which demands constant renovation and improvement. The methodology of banking supervision defines the common tasks before the organs of supervision. According to this fact, the concrete ways of regulation improvement and banking activity supervision are based.

Keywords: banking supervision, regulation of banking activities.

Z. R. Hudayberdiev

ACTUAL MATTERS OF THE LABOUR MARKET OF UZBEKISTAN

In article are given actual matters of the labour market of Uzbekistan, in particular, matters of informal employment, external labour migration and unemployment. Also, the special attention is given on the results reached in 2008 on situation softening on a labour market of Uzbekistan in global financial and economic crisis and the program of measures on overcoming of financial and economic crisis for 2009-2012 from the point of view of labour market functioning.

Keywords: labor market, financial and economic crisis, unemployment.

N. Y. Tsapova

FOREIGN EXPERIENCE OF EMPLOYMENT REGULATION

The article is devoted to study of foreign experience of population employment regulation. A lot of countries in their development made the stages of economy expansion and decline and they made some policy of employment, built the definite models on solving the problems of employment in dependence of situation at every level of country development. Kazakhstan on the base of their experience must also build its own conception of struggle with unemployment, formulate the social economical model of employment in the conditions of world economical crisis in dependence on situation at the labour market and traditions of the country, its mentality.

Keywords: experience employment regulation, employment policy, unemployment.

O. A. Tsapova

FULFILLING OF SUPERVISION BY NATIONAL KAZAKHSTAN REPUBLIC BANK OF PAYMENT MEANS

The article is devoted to the problems of making the supervision for payment systems by the National Bank of the Republic of Kazakhstan, especially the systems of retail payments by cheque with the aim of increasing the effectiveness of their functioning, reliability and safety. It was analyzed the means of the National Bank of the Republic of Kazakhstan directed to the increasing of operational effectiveness, reliability, speed and timeliness of payment operations with simultaneous reduction of risks and also the creation of conditions for usage of different innovation payment instruments.

Keywords: payment system, payment instruments.

Zh. V. Glotova

TECHNOLOGICAL WAY TO FORMING OF COMPETENCE IN CONDITIONS OF TRANSFER TO EDUCATIONAL STANDARDS OF NEW GENERATION

In the declared message the new requirements shown today by the standard of the third generation for designing of the basic educational programs are considered. The author focuses attention to necessities of formation competences at trained on a basis modern educational technologies.

Keywords: competence approach, the standards of new generation, educational programs.

A. A. Golovin, S. P. Zapariy, B. G. Zhakupova, S. I. Salikova

ADULT INVALIDS' SOCIAL REHABILITATION OWING TO DISEASES ORGANS OF SIGHT IN OMSK REGION

Owing to eye diseases number of invalids decreased in 32,4%. Number of pension invalids increased. Requirements of psychological rehabilitation from 1,8% to 45,4% and of technical rehabilitation means increased. According to social unit it is fulfilled recommendations all and partly 75,8–82,7% IPR.

Keywords: psychological rehabilitation, technical rehabilitation, social rehabilitation.

S. B. Dashieva

TOLERANCE AS CULTURAL PHENOMENA

The formation of tolerance is the major factor of education of the person in conditions polyethnics, polyconfessions of culture and society. The tolerance should become a basis of creation humanistic of culture. The world of true, kind and beauty.

Keywords: tolerance, poly-ethnicity, multi-confessional.

J. K. Duganova

HARDINESS OF PEOPLE WITH DIFFERENT PSYCHOLOGICAL SAFETY

It is examined hardiness of people with different psychological safety. It is shown, that there are distinctions in a level of hardiness at people with high and low psychological safety.

Keywords: hardiness, psychological safety, subject, an involvement, the control, acceptance of risk.

N. I. Ermolina

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF SOME HIGH PSYCHOLOGICAL FUNCTIONS OF CHILDREN AT AN EARLY AGE IN MODERN CONDITIONS

Analysis of development of one of the basic highest psychological human functions – speech is given in the article. Its development begins at an early age and has some levels. Effect of unfavourable factors of internal uterine development of a future child influence negatively on forming of speech functions. Timely revealing of speech defection contribute to timely correction and prophylaxis of second speech defects and full-value development of more complicated highest psychological functions.

Keywords: higher mental functions, speech, child development.

N. A. Zhurenko

MODERN HISTORIOGRAPHY THE GREAT PATRIOTIC WAR AND PROBLEMS OF MODERN MASS CONSCIOUSNESS

In article the problem of communication and science interaction, mass-media and mass consciousness is considered. In an information society changes habitual for XIX-XX-th centuries model of formation of knowledge. The author considers that the role of such communication channels as education and a science decreases: possibilities of propagation and Public Relatons extend.

Keywords: mass consciousness, historical memory, mass-media.

E. Y. Mazur

TO ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL WAYS IN RESEARCHING OF IDENTITY

In this article author examines main psychological approaches (psychoanalytical, symbolistical interactionism, behavioral, cognitive), associated with the process of formation of representations of the phenomenon of "identity". Generalization of theoretical notions about the essence and nature of the complex psychological phenomenon shows a great interest of researchers both in line with general psychological and socio-psychological trends.

Keywords: identity, psychological approach.

I. B. Majorkina

IMPACT OF ORIENTATION SPORTING ON PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH RETARDATION

Children with delay in psychical development have problems with attention, memory and intellection. These are the major processes in the structure of the sport orienteering activity. Influence of the sport orienteering activity to psychical development of children at the primary school age is looking in this article.

Keywords: delay in psychical development, sport orienteering activity.

A. V. Ovrutskiy

SOCIOLOGY OF CONSUMPTION: MAIN DIRECTIONS OF RESEARCHES

The article describes the theoretical basis and practical study of sociology of consumption. It is shown that the consumption is determined by various social phenomena: culture, gender, age, social groups. Are considered microsociological and macrosociological levels of the analysis of consumption.

At microsociological – consumption is analyzed as process of formation of identity. At macrosociological – as a principle of the social organization. In the theoretical plan P. Burde's concept is analyzed: consumption is the structured both social process to increase the capacity and changes of volume and structure of capitals. Consumption forms styles of life and styles of consumption which are manifestations of habit.

Absence in the sociological approach of the general theory is noted.

Keywords: consumption, social norm, culture, gender, social groups.

O. A. Polyushkevich

TRANSFORMATION OF SOCIAL UNITY OF THE RUSSIAN SOCIETY: THE ANALYSIS OF SOCIAL REPRESENTATIONS

In article forms of change of social unity of the Russian society with 1984 for 2008 are analyzed. For revealing of transformation of social representations of Russians the author uses the content-analysis and the transsymbolical analysis of the press.

Keywords: social cohesion, content analysis, press.

I. G. Starshova

THE ROLE OF INTELLIGENCIA IN PERESTROIKA PERIOD. A HISTORICAL AND SOCIAL ANALYSIS

The article researches intelligencia as a particular social and professional group which came into existence during the Soviet period. The focal point is the alteration of intelligencia status through the second half of the 1980s. The author analyses transformation of this groups ethic ideals, its role in shaping societal evaluation of the «Soviet past» and determination of public development.

Keywords: intelligencia, perestroika, social ideal, morale.

E. A. Steblyak

PSYCHOSEMIOTIC OF BODY IN COMBINED ACTIVITY BLIND-DEAF CHILD

The mechanism of transformation of anatomic organism into cultural object and its gaining of semiotical qualities is considered in the article. The theory is illustrated with facts of I. A. Sokolyanskii and A.I. Mesheryakov's experiment on upbringing of deaf-blind children. According to the phenomenological analysis of combined activity of deaf-blind child the problems of topology of subject, the guidance of mastering of ideal forms of culture and the of mind are also considered.

Keywords: psychosemiotic of body, deaf-blind child.

E. A. Steblyak, M. V. Gorbatenko

CRISIS OF MODERN PSYCHOLOGY IN EYES OF L. S. VIGOTSKIY

Ways of coming out from crisis of modern psychological science is discussed in the article. The authors take into consideration L. S. Vigotskiy's idea about struggle two tendencies in analysis of modern situation of development of psychology, that let them to imagine psychological methodological dualism in retrospective and perspective. The authors examine advantages and disadvantages as well for critic of position of both methodologies, their combining opportunities, admissible by N. Bor's addition principle.

Keywords: crisis in psychology, psychology dualism, principle of subsidiarity.

I. H. Turakulova, H. B. Abdulaev

FORMING OF BASES OF SPIRIT-IMMUNOLOGICAL UPBRINGING OF FUTURE TEACHERS IN NURSERY SCHOOLS

In this articfe we talk about the preparation of future teachers of school pupils to be responsible for their pupils and to keep them a way from bad affects with the help of.

Keywords: Imogoterapy, mass culture, mentality of the nation.

E. P. Sherbakov

ABOUT PARENTS' LOVE INSTINCT TO THEIR CHILDREN

There are people considering that parents' love can't be the factor of upbringing. They refer this feeling to instincts. In the article different genotypes of people and animals' behaviour are revealed. The author discovers some methodological mistakes in one of the textbooks, proves that parents' love is a factor of upbringing.

Keywords: parental love, education, instinct.

V. S. Boltunov

THE CULTURE DICHOTOMY AS VALUES CONFLICT

In the article it's considered the state of modern culture with its formed life values hierarchy, when material values get priority meaning to the prejudice of spiritual values. It's suggested to consider the convergence process of "two cultures" and the artistic word role as a form of public conscience.

Keywords: dichotomy, axiology, convergence of cultures.

O. S. Zharova

SEMIOSPHERE SIGNS IN VALUE "GOOD" AND "BAD" IN MENTAL SPACE OF SELFCONCIOUSNESS

In this article the author cover the issues of self-consciousness as a relation process to the world of a person. The consciousness includes semiotics sphere. Signs of this sphere are most brightly expressed in folklore. The idea of differ-

entiation of "bad" and "good" via an individual way of existence of a man has been proved. The author's version of structure of semiosphere is offered.

Keywords: selfconciousness, semiosphere, semiosphere signs**.**

V. A. Evdokimov

INFOTAINMENT IN MASS MEDIA:
PANACEA FROM BOREDOM AND ERSATZ

In the article the author analyses opportunities of infotainment using in mass media, that unites information and entertainment, peculiarities its influence on communicative processes. Infotainment classification is offered by the author. The article may be interesting for researchers, learning role of mass media in political communication, processes of mutual influence, mutual penetration of journalistic genres.

Keywords: mass media, infotainment, communication.

O. L. Ermakova

THEME OF BEARD IN RUSSIAN FOLK

In the article on the base of texts of different folk kinds of genre: anecdotes, riddles, spells, songs, sayings, proverbs, superstitions, funny stories, charms, signs, – united in theme groups, hair symbols is shown. Special attention is payed to questions of selfconsciousness of representatives of Russian folk tradition.

Keywords: russian folklore, russian, dark blond, Rus, folk genre, theme hair, lexemes: hair, plait, moustache, beard; symbolism.

O. V. Paly

CONNECTION-MEAN COMPONENTS IN THE SYSTEM OF THE COMPOUND SYNTACTICAL WHOLES WITH SPECIAL PURPOSE RELATIONS

The analysis of the compound syntactical wholes allows to single out the following means of connection of its components: the fixed movement's order of the components; the active subject's presence in the first and the second components; lexico-grammatical characteristic, lexical repetition or the modal component's synonymy; the use of the vocabulary with special purpose meaning; the deictic means of connection; the modal correlation of the components' predicates; the semantic incompleteness of the first component.

Keywords: complex syntactic whole, connection means components.

D. P. Denisov, O. K. Kasymova

DESIGNING NEURAL NETWORK IN THE TABULAR PROCESSOR MS EXCEL

The designed algorithm of the recognition sign with the emulation of neural network on the base of the of use the standard functions tabular processor MS Exceeds. Information can be useful for specialist and listener in decision of the problems neural network.

Keywords: neural network, numbers recognition algorithm.

S. G. Dukin

BLOGSPHERE AND REGION'S IMAGE:
PERM REGION THROUGH PRISM OF "ALIVE JOURNAL"

The article is devoted to the problem of cultural space assessment and formation of the region's image. Virtual reality gives opportunities for social life reflection. The concrete author gave way to the collective mind, which is objective enough.

Keywords: diskurs, Internet, blogesphere, regional culture, cultural space, image.

A. I. Klicov, N. A. Frolova

MODELLING OF SPACE OF MICROCIRCULATION STREAM
IN 3D-EDITOR BLENDER 2.49B

This work is about possibility of three-dimensional biological objects modeling with using Blender free open source 3D content creation suite. With the help of this program blood capillary was modeled. Stages of three-dimensional making model was shown.

Keywords: three-dimensional model, biological object, capillary.

D. R. Basirova

SCIENCE AND ART: THE INTEGRATION BASIS

On the analysis basis of the science and art as two distinct ways of reflecting the reality, the author shows their inevitable communication, the general onto-gnoseological basis rooting in integrity of the person and the world.

Keywords: science, art, integration.

V. I. Yudina

DIALOG AS METHODOLOGY OF MODERN MUSICSCIENCE

The conception of dialogue is one of the most productive theories of the modern humanitarian science. It is used very active for solution of the musical science actuality problems. The three levels of the musical dialogue are examined in this article. There are personal, subcultural and global levels.

Keywords: dialogue, musicology, methodology.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

О рецензировании. Все поступившие в редакцию статьи должны иметь рецензии. Авторам, не имеющим ученой степени доктора наук, необходимо приложить к статье рецензию специалиста с ученой степенью.

О содержании. В аннотации и заключительной части статьи необходимо указать новизну результатов исследования, область их применения, конкретные предприятия, организации, где данные исследования рекомендуется использовать.

Об оформлении. Статью необходимо набрать на компьютере в редакторе не ниже MS Word-2000, распечатать на бумаге формата А4 (210х297 мм). Оригинал должен быть чистым, не согнутым, без ручных правок, страницы пронумерованы. Окончательный вариант статьи должен содержать не более 8 страниц. Наряду с распечатанной представляется электронная версия на лазерном диске либо по электронной почте. Авторский оригинал желательно представить в виде текстового файла с расширением .rtf. При отправке файлов по электронной почте необходимо использовать «присоединенный файл». Файлы большого объема можно сжимать общеизвестными архиваторами (ZIP, RAR). Файл оригинала должен содержать аннотацию, текст, список литературы, рисунки, подписи к рисункам, таблицы. Распечатанный вариант должен полностью совпадать с электронным (!).

Поля. Сверху и снизу – по 2,5; слева и справа – по 2 см.

Заголовок. В верхнем левом углу листа проставляется УДК (берется в библиотеке). Далее по центру жирным шрифтом Times New Roman Cyr размером 12 пт. прописными буквами печатается ***название статьи***, ниже обычным шрифтом (12 пт.) – ***инициалы, фамилия автора***, строкой ниже – ***полное название организации***. Ниже через строку помещается текст ***аннотации*** на русском языке, а также ***ключевые слова***. Еще через строку помещают основной текст статьи.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman Cyr 12 пт. При необходимости можно применять выделение текста курсивом или полужирным шрифтом. Абзацный отступ 1 см. Межстрочный интервал одинарный.

Ссылаясь на литературу используют цифры, заключенные в квадратные скобки: [1]. Ссылки должны быть пронумерованы последовательно.

Если в тексте статьи содержатся таблицы и иллюстрации, то они должны быть пронумерованы («Таблица 1», «Рис. 1» – набирают жирным шрифтом), озаглавлены (таблицы должны иметь заглавие, а иллюстрации – подрисуночные подписи) и помещены в самом конце статьи. В основном тексте *обязательно* должны содержаться ссылки на таблицы и рисунки.

Если в оригинале содержится текст на языке со специфическим алфавитом (старославянским, китайским и т.п.), этот текст включается в статью в виде иллюстрации.

Все виды выравнивания и отступы (в т.ч. абзацные) делаются средствами MS Word, а не вставкой лишних пробелов. Строки в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (Enter).

В статье должен быть использован один вид кавычек – кавычки-«елочки» (« »).

При последовательной нумерации ***примечаний*** используют цифры или «звездочки» (если примечаний не более трех) в виде верхнего индекса и расставляют их при помощи стандартных сносок Word (Вставка/Ссылка/Сноска), а не расстановкой надстрочных значков. Тексты примечаний помещаются внизу соответствующей страницы.

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные формулы могут быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование специальных символов из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math-PS Mathematica BTT). Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0. Смешение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается.

Таблицы оформляют в виде стандартных таблиц MS Word или создают с использованием возможностей MS Excel. Они помещаются на новой странице после списка литературы последовательно, согласно нумерации. Если таблица имеет большой объем, она может быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации размещаются на новой странице после таблиц (или списка литературы) последовательно, согласно нумерации. Если иллюстрация имеет большой формат, она должна быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией. Иллюстрации могут быть сканированными с оригинала или выполнены средствами компьютерной графики. Допускается, а в случае с иллюстрациями большого объема (файла) приветствуется, размещение иллюстраций в отдельном файле электронной версии. Подписи к иллюстрациям могут прилагаться на отдельных страницах. Если авторы по техническим причинам не могут представить электронные версии иллюстраций, в качестве иллюстраций принимаются черно-белые фотографии, рисунки, выполненные на компьютере или черной тушью от руки или распечатанные на лазерном принтере.

Иллюстрации предоставляются в виде стандартных графических файлов форматов GIF или JPEG. При сканировании желательно придерживаться разрешения не ниже 300 dpi.

Библиографический список. Ниже основного текста печатается по центру жирным шрифтом заглавие «Библиографический список» и помещается пронумерованный перечень источников. Библиографическую запись для пристатейных списков, содержащих сведения об использованных или рекомендуемых источниках, составляют по ГОСТ 7.1-2003 (Потемкин, В. К. Социальное партнерство: формирование, оценка, регулирование / В. К. Потемкин, Д. Н. Казаков. – СПб., 2002. – 202 с.). Следование ГОСТу строго обязательно. Необходимыми элементами описания являются: указания места издания (СПб.), года издания (2002), общего количества страниц источника (202 с.) или конкретных страниц цитаты (С. 23).

Описание электронного источника должно производиться согласно указанному ГОСТу (Касатов, Н. С. Проблемы управления рисками [Электронный ресурс] / Н. С. Касатов, А. И. Шустов. – Режим доступа: http://referat.ru/download/ref-10897.zip, свободный.

Библиографические описания тщательно выверяются автором.

Текст на английском языке. После текста публикации на русском языке приводится английский перевод ***заглавия статьи, фамилии автора, названия организации, аннотации, ключевых слов***.

К распечатанному варианту статьи необходимо приложить следующие сведения об авторе: *фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание, должность, место работы, номер телефона*.

Статьи должны быть подписаны всеми авторами. Текст статьи предоставляется в двух экземплярах.

Электронный вариант статьи можно переслать на e-mail: **nou_ogu@mail.ru**

Распечатанные варианты – по адресу*:* 644105, г. Омск, 4-я Челюскинцев, 2а. Редакция журнала «Наука о человеке: гуманитарные исследования».

CONTENTS

PART 1. STATE, POLITICS, GOVERNANCE 4

ERSHOVA A. V. Evaluation of development of share investment fund in the Kazakhstan Republic…… 4

ZOLOTICH M. V. Virtuosity of politics and perspectives of development of direct democracy……... 11

KOROLEVA L. A., KOROLEV A. A., GARKIN I. N. Government-confession politics regarding islam in USSR. 1940–1980 (according to records of Sredney Povolgye)……. 14

FARKOV A. M. Theoretical aspects of harmonizing of social-political system……. 23

SHKUDUNOVA Y. V. Publicly-public sphere and political space…… 28

PART 2. ECONOMICS, CADRES, PERSONNEL 35

BEKLEMESHEV V. P. Peculiarity of regional regulation of labour marketing as element of complex relations.. 35

BOLSHEDVOROVA S. A. Role of the second level banks in development and increasing of competition capacity of a region (on the example of North-Kazakhstan region)…….. 44

GAKELBERG T. B. Theoretical aspects of rating evaluation of loan enterprises' credit reliability…….. 53

DEMIDENKO O. V. Questionnaire survey of employment and training of movement…….. 62

ZASLONKINA O. V. Estimation of the condition of professional culture of civil servants in the oryol region… 67

KRUTEN I. M. Marketing research in sport sphere (on the example of fight clubs in Omsk city)…… 72

MIHAYLOVA O. N. Analysis diversion portfolio on the example of AO "Kazkomercebank"…… 79

MIKHALKA E. P. Methodological aspects of risk assessment possible adverse effects of GMOS on human health and their effect on the state's food security…… 89

SAYKO V. M. Improvement of regulation and supervision of action of the second level banks in the Kazakhstan Republic…… 96

HUDAYBERDIEV Z. R. Actual matters of the labour market of Uzbekistan…… 102

TSAPOVA N. Y. Foreign experience of employment regulation…… 105

TSAPOVA O. A. Fulfilling of supervision by National Kazakhstan Republic bank of payment means…… 112

PART 3. SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGY 121

GLOTOVA ZH. V. Technological way to forming of competence in conditions of transfer to educational standards of new generation…… 121

GOLOVIN A. A., ZAPARIY S. P., ZHAKUPOVA B. G., SALIKOVA S. I. Adult invalids' social rehabilitation owing to diseases organs of sight in Omsk region…… 124

DASHIEVA S. B. Tolerance as cultural phenomena……... 127

DUGANOVA J. K. Hardiness of people with different psychological safety……. 130

ERMOLINA N. I. Peculiarities of development of some high psychological functions of children at an early age in modern conditions……. 134

ZHURENKO N. A. Modern historiography the Great Patriotic war and problems of modern mass consciousness…… 140

MAZUR E. Y. To analysis of psychological ways in researching of identity……. 146

MAJORKINA I. B. Impact of orientation sporting on psychological development of primary school children with retardation…… 152

OVRUTSKIY A. V. Sociology of consumption: main directions of researches……. 160

POLYUSHKEVICH O. A. Transformation of social unity of the russian society: the analysis of social representations…….. 167

STARSHOVA I. G. The role of intelligencia in perestroika period (1987-1991): a historical and social analysis. 173

STEBLYAK E. A Psychosemiotic of body in combined activity blind-deaf child……. 181

STEBLYAK E. A., GORBATENKO M. V. Crisis of modern psychology in eyes of L. S. Vigotskiy……... 187

TURAKULOVA I. H., ABDULAEV H. B. Forming of bases of spirit-immunological upbringing of future teachers in nursery schools…… 192

SHERBAKOV E. P. About parents' love instinct to their children……. 196

PART 4. PHILOSOPHICAL SCIENCES 203

BOLTUNOV V. S. The culture dichotomy as values conflict……. 203

ZHAROVA O. S. Semioshere signs in value "good" and "bad" in mental space of selfconciousness…… 209

PART 5. STUDY OF LITERATURE, JOURNALISM 214

EVDOKIMOV V. A. Infotainment in mass media: panacea from boredom and ersatz……... 214

ERMAKOVA O. L. Theme of beard in russian folk…… 220

PALY O. V. Connection-mean components in the system of the compound syntactical wholes with special pur-

pose relations…… 225

PART 6. INFORMATION TECHNOLOGIES 230
DENISOV D. P., KASYMOVA O. K. Designing neural network in the tabular processor MS EXCEL…… 230
DUKIN S. G. Blogsphere and region's image: Perm region through prism of "Alive journal"…….. 234
KLICOV A. I., FROLOVA N. A. Modelling of space of microcirculation stream in 3D-editor blender 2.49B… 237
PART 7. SCIENTIFIC LIFE 241
BASIROVA D. R. Science and art: the integration basis……. 241
YUDINA V. I. Dialog as methodology of modern musicscience……. 246
REVIEWS 253
YEREMEYEV A. E. Study of the florentine phenomenon: russian literary tradition and modern study approaches
Book review: M. P. Grebneva. "Conceptual florentine myth in russian literature" (Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2009. – 182 p.)…….. 253
SUMMARY……. 256
Requirements to design of scientific articles…… 262